

73(2)52-49
Б903

О.В.Будницкий

**ТЕРРОРИЗМ
В РОССИЙСКОМ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ
ДВИЖЕНИИ:**

идеология, этика, психология
(вторая половина XIX - начало XX в.)

714822

ИНСТИТУТ "ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО"
МЕГАПРОЕКТ
"СТУДЕНЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА"

Книгосховище

БИБЛИОТЕКА
ЗДУ

Москва
РОССПЭН
2000

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-01-16030

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор
Б. С. Итенберг

Будницкий О.В.

Б 90 Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.) — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 399 с.

В монографии впервые в отечественной историографии предпринята попытка выработать концепцию истории терроризма в российском освободительном движении. Терроризм рассматривается как специфическое явление, свойственное российскому революционному движению на протяжении полувека. В работе исследуется генезис террористических идей, рассматриваются взаимовлияние идеологии и практики терроризма, этические и психологические основы различных его направлений, идейная борьба по вопросам применения террористической тактики между различными течениями в российском революционном движении; прослеживается воздействие терроризма на российское общество и власть.

© Институт российской истории РАН,
2000.

© О. В. Будницкий, 2000.

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.

ISBN 5-8243-0118-2

Введение

Терроризм, ставший одним из бедствий человечества в последней трети двадцатого века, а с недавних пор захлестнувший и нашу страну, заставляет еще раз заглянуть в то универсальное зеркало, которым является история. История, как известно, имеет свойство повторяться; в случае с терроризмом она чаще повторяется как трагедия, а не как фарс. Правда, для историка существует опасность модернизировать события прошлого и привести в свой анализ оценки, свойственные времени, в котором он живет и пишет; иными словами, существует опасность отступить от принципа историзма в угоду современной политической конъюнктуре. Сразу заметим, что при некоторой типологической схожести революционного терроризма XIX — начала XX веков с терроризмом наших дней у них, по нашему мнению, больше отличного, нежели общего. И актуальность изучения истории терроризма, как нам представляется, определяется прежде всего научными, нежели политическими причинами.

Дело в том, что терроризм, оказавший столь глубокое воздействие на политическое развитие и, если угодно, психологию русского общества, остается до сих пор практически не исследованным как специфическое явление. Объясняется это преимущественно вненаучными причинами. Тема терроризма была длительное время табу для советских историков. В отечественной литературе можно найти десятки работ, посвященных терроризму на Западе, однако вплоть до последнего времени не существовало ни одной работы, специально посвященной феномену терроризма в России.

Между тем, значение терроризма в истории России трудно переоценить. Его воздействие на развитие страны отлично понимали современники. А.И.Гучков в

речи по поводу убийства П.А.Столыпина, произнесенной им в Третьей Думе, говорил:

«Поколение, к которому я принадлежу, родилось под выстрелы Каракозова; в 70—80-х годах кровавая и грозная волна террора прокатилась по России, унося за собою того монарха, которого мы еще в этом году славословили как Царя-Освободителя. Какую тризну отпраздновал террор над нашей бедной родиной в дни ее несчастья и позора! Это у нас у всех в памяти. Террор тогда затормозил и тормозит с тех пор поступательный ход реформы. Террор дал оружие в руки реакционерам. Террор своим кровавым туманом окутал зарю русской свободы. Террор коснулся и того, кто, как никто иной, содействовал укреплению у нас народного представительства»¹.

Разумеется, речь Гучкова отражала позицию определенной (октябристской) политической группы; с точки зрения, скажем, эсеровских лидеров террор как раз принес «зарю русской свободы». Нас в данном случае интересует то, что вряд ли кто-либо из современников сомневался в роковой роли терроризма в жизни России; терроризм стал повседневностью для сотен тысяч жителей страны; с поразительной регулярностью он возрождался, унося каждый раз все больше человеческих жизней. Задачей историка и является выяснить причины этого феномена, имеющего незначительное число аналогов в мировой истории, а также степень и характер воздействия терроризма на развитие страны.

Прежде чем более точно сформулировать проблематику нашего исследования, следует определиться с терминологией, ибо если в чем и сходятся авторы

¹ Цит. по: В Думе: Запросы об убийстве Столыпина // Будущее (L'Avenir). Paris. № 3 1911. 5 нояб. С. 3. Кстати, Гучков прозорливо указал и на одну из причин, хотя и не самую важную, столь длительного существования терроризма — заинтересованность в «заговорах» части охранников, извлекавших из их разоблачения немалые служебные и материальные выгоды: «Вокруг этой язвы, — говорил Гучков, — съедавшей живой организм народа, копошились черви. Они грелись и кормились около этого гноиника, и нашлись люди, которые сделали себе из нашего недуга источник здоровья, из нашей медленной смерти оправдание своей жизни» // Там же.

многочисленных исследований, посвященных феномену терроризма, так это в том, что дать четкое и исчерпывающее определение терроризма чрезвычайно сложно. «Что считать, а что не считать "террором", — пишут современные российские исследователи, — каждый решает сам, в зависимости от идеологических установок, опираясь на собственную интуицию. Единого определения сущности «террора» пока нет. Его еще предстоит ввести»¹. В литературе термины «террор» и «терроризм» используются для определения явлений разного порядка, схожих друг с другом в одном — применении насилия по отношению к отдельным личностям, общественным группам и даже классам. Историки пишут об «опричном терроре», терроре якобинском, красном и белом терроре эпохи гражданской войны и т.д.; современные публицисты пишут об уголовном терроре; к терроризму относят угоны самолетов и захват заложников и т.п.

В то же время очевидно, что при внешней схожести применения насилия речь идет о явлениях разного порядка. Для историка очевидна разница между убийством императоров Павла I и Александра II. Во втором случае мы имеем дело с террористическим актом, в первом же с чем-то сходным с **тираноубийствами** в Древней Греции. Однако сформулировать отличие этих двух царубийств на теоретическом уровне не так просто.

«Никого не должен сдерживать тот факт, что не существует "общей научной теории" терроризма, — пишет один из крупнейших современных исследователей терроризма У.Лакер. — Общая теория a priori невозможна, потому что у этого феномена чересчур много различных причин и проявлений»². Лакер справедливо отмечает, что терроризм — это очень сложный феномен, по-разному проявляющийся в различных странах в зависимости от их культурных традиций, социальной структуры и многих других факторов,

¹ Одесский М., Фельдман Д. Поэтика террора и новая административная ментальность: Очерки истории формирования. М., 1997. С. 8.

² The Terrorism Reader: A Historical Anthology / Ed. by Walter Laqueur. Temple University Press. Philadelphia, 1983. p. 183.

которые весьма затрудняют попытки дать общее определение **терроризма**¹.

Российские исследователи **В.В.Витюк** и **С.А.Эфи-ров** полагают, что выработать общую дефиницию терроризма вполне возможно, если «соблюсти несколько элементарных логических условий». Во-первых, надо четко различать употребление понятия «терроризм» в прямом и переносном смысле. В данном случае Витюк и Эфиоров имеют в виду жонглирование такими словосочетаниями, как «экономический террор», «информационный террор» и т.п. Во-вторых, необходимо различать терроризм от других «форм и методов вооруженного насилия, террористический характер которых сам по себе не доказан». В-третьих, «определение терроризма должно быть принципиально полным», включая признаки, объединяющие его с другими формами насильственных действий, но главное — те «специфические характеристики, которые отделяют террористическое насилие от нетеррористического». В — четвертых, «надо учитывать, что действия, составляющие специфику именно терроризма, в рамках других форм вооруженного насилия носят частный или вспомогательный характер»². К примеру, добавим от себя немножко исторической конкретики к политологическим построениям Витюка и Эфиорова, выстрел П.Г.Каховского в генерала **М.А.Милорадовича** 14 декабря 1825 года, носил «вспомогательный» характер в рамках вооруженного восстания. Еще более характерны в данном случае планы осуществления цареубийства (**А.И.Якубович**) именно в момент восстания.

Приведа ряд определений терроризма: «Терроризм есть мотивированное насилие с политическими целями» (**Б.Крозье**, Великобритания); «Терроризм — это систематическое запугивание правительств, кругов населения и целых народов путем единичного или многократного применения насилия для достижения

¹ **Laqueur W.** Interpretations of Terrorism — Fact, Fiction and Political Science // Journal of Contemporary History. 1977 January. P. 3. **Лакер** даже высказал мысль, что художественная литература может дать **больше** для понимания феномена терроризма, нежели политология // Ibid. P. 15—16.

Витюк В.В., Эфиоров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. С. 222—223.

политических, идеологических или социально-революционных целей и устремлений» (**Г.Дэникер**, Швейцария); терроризм — это «угроза использования или использование насилия для достижения политической цели посредством страха, принуждения или запугивания» (сборник под ред. **И.Александера** (США) «Терроризм: теория и практика»¹) и сочтя их, с одной стороны отражающими некоторые существенные черты терроризма, а с другой — чересчур широкими и формальными, что позволяет распространить их на другие формы вооруженной борьбы, **Витюк** и **Эфиоров** предлагают свою дефиницию **терроризма**².

«Терроризм, — пишут они, — это политическая тактика, связанная с использованием и выдвиганием на первый план тех форм вооруженной борьбы, которые определяются как террористические акты.» Террористические акты, которые ранее сводились к убийствам «отдельных высокопоставленных лиц», в современных условиях могут носить форму угона самолетов, захвата заложников, поджогов предприятий и офисов и т.д., но объединяет их с терроризмом прежних времен то, что «главной угрозой со стороны террористов остается угроза жизни и безопасности людей». Террористические акты направлены также на нагнетание атмосферы страха в обществе и, разумеется, они должны быть политически мотивированы. Для нагнетания страха террористы могут применять действия, которые не угрожают людям непосредственно — например, поджоги или взрывы магазинов, штаб-квартир политических партий в нерабочее время, издание манифестов и прокламаций угрожающего характера и т.п.³

Нетрудно заметить, что дефиниция, предлагаемая **Витюком** и **Эфиоровым**, также не носит универсального характера и привязана прежде всего к терроризму 1970—1980-х годов на Западе. Достаточно приложить

¹ Terrorism: Theory and Practice. Boulder, 1979. P. 4. Сходную дефиницию предлагают **М.Одесский** и **Д.Фельдман**: «Террор» — способ управления социумом посредством превентивного устрашения» // Одесский М., Фельдман Д. Указ. соч. С. 8.

² Витюк В.В., Эфиоров С.А. Указ. соч. С. 224—225.

³ Там же. С. 225-227.

ее к «дезорганизаторской» деятельности **землевольцев** 1870-х годов, рассматривавших террор прежде всего как орудие самозащиты и мести и становится очевидным, что современная политологическая терминология «не срабатывает» применительно ко многим конкретно-историческим ситуациям.

По-видимому, дать некое всеобщее определение терроризма весьма затруднительно (если вообще возможно), хотя очевидно, что его неотъемлемыми чертами действительно являются угроза жизни и безопасности людей и политическая мотивировка применения насильственных действий. Терроризм, с одной стороны, явление универсальное, по крайней мере для Европы и Северной Америки, начиная со второй половины XIX века, то обостряющееся, то исчезающее на десятилетия, с другой — возникновение и деятельность террористических организаций в разных странах были обусловлены конкретно-историческими причинами и имели весьма различные последствия.

Среди историков и политологов нет единства мнений по этому вопросу. «Как современники и свидетели террористических актов во всех уголках мира, — пишет американский историк Н. Неймарк, — мы можем оценить гипнотизирующее воздействие терроризма на Российское государство. Структура террористических нападений, реакция публики и властей и типология поведения преступников не изменились **сколь-нибудь существенно**»¹. Иного и, на наш взгляд, более близкого к истине мнения, придерживается У. Лакер. «Сопоставлять народовольцев 1870-х... с бандой **Баадера-Майнхоф** было бы напрасной тратой времени, — справедливо пишет он, — однако сравнительное изучение групп «городской **герильи**» в Латинской Америке или сопоставление националистических террористических групп в прошлом и настоящем, таких, как ИРА, баскская ЭТА и, возможно... хорватских усташей, представляло бы определенный **интерес**»².

Таким образом, говоря о терроризме в России следует, по-видимому, опираться не на универсальные

¹ Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism and Political Violence. Vol. 2. № 2. Summer 1990. P. 172.

² Laqueur W. Interpretations... P. 13.

дефиниции, а попытаться выработать (или подобрать) то определение, которое наиболее адекватно отражает российскую (шире — европейскую и североамериканскую) ситуацию второй половины XIX — начала XX веков (мы солидарны с теми историками и политологами, которые относят возникновение терроризма именно к этому времени, о чем речь пойдет ниже).

По-видимому, наиболее исчерпывающее и краткое определение терроризма, отвечающее реалиям интересующего нас периода, было дано американским историком Дж. Хардманом в статье «Терроризм», впервые опубликованной в четырнадцатом томе «Энциклопедии социальных наук» в 1934 году. «Терроризм, — писал Хардман, — это термин, используемый для описания метода или теории, обосновывающей метод, посредством которого организованная группа или партия стремится достичь провозглашенных ею целей преимущественно через систематическое использование насилия. Террористические акты направляются против людей, которые как личности, агенты или представители власти мешают достижению целей такой группы». Хардман добавлял, что «уничтожение собственности и оборудования, опустошение земель может в особых случаях рассматриваться как дополнительная форма террористической деятельности, представляя собой разновидность аграрного или экономического терроризма как дополнение к общей программе политического терроризма»¹.

Существенным и весьма важным для уяснения предмета нашего исследования является положение, сформулированное Хардманом, что «терроризм как метод всегда характеризуется не только тем фактом, что он стремится вывести из равновесия законное правительство или нацию, но также продемонстрировать массам, что законная (традиционная) власть больше не находится в безопасности и без вызова. Публичность террористического акта является кардинальным моментом в стратегии терроризма. Если террор потерпит неудачу в том, чтобы вызвать широкий отклик в кругах за пределами тех, кому он напрямую

¹ Цит. по: Hardman J.B.S. Terrorism: A Summing Up in the 1930s // The Terrorism Reader: A Historical Anthology. Ed. by Walter Laqueur. London, 1979. P. 223.

адресован, это будет означать, что он бесполезен как орудие социального конфликта. Логика террористической деятельности не может быть вполне понята без адекватной оценки показательной природы террористического акта»¹.

Чтобы избежать терминологической путаницы, в литературе принято разделять понятия «террор» (насилие, применяемое государством; насилие со стороны «сильного») и «терроризм» (насилие со стороны оппозиции, со стороны «слабого»). В нашем исследовании речь идет о революционном терроризме и используется, как правило, соответствующий термин. В качестве синонима понятия «терроризм» в литературе используется также словосочетание «индивидуальный террор», хотя последний термин не всегда точно отражает исторические реалии.

Относительно времени возникновения терроризма мнения историков и политологов также довольно заметно расходятся. Иные приравнивают к терроризму любое политическое убийство и таким образом корни терроризма отодвигаются в античные времена (У.Лакер)², если не в еще более ранний период; другие считают терроризм феноменом конца XX века (И.Александр³, В.Чаликова⁴ и др.). Французский историк М.Ферро возводит терроризм к «специфической исламской традиции Хошаин XI—XII вв.»⁵, а Н.Неймарк относит происхождение современного терроризма к эпохе **пост-Наполеоновской Реставрации**⁶.

Нам представляется справедливым мнение историков, относящих возникновение явления, именуемого «терроризмом» к последней трети XIX — началу XX веков (Р.Фредландер⁷, З.Иви-

¹ The Terrorism Reader. P. 229.

² Ibid. P. 1-2.

³ Terrorism: Interdisciplinary Perspectives / Ed. by J.Alexander and S.Maxwell. N.Y., 1977. P. 3-4.

⁴ Чаликова Виктория. Терроризм // 50/ 50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 309.

⁵ Ферро М. Терроризм // Там же. С. 313.

⁶ Naimark N Terrorism and the Fall of Imperial Russia. P. 171.

⁷ Friedlander R. The Origins of International Terrorism // Terrorism: Interdisciplinary Perspectives. P. 34—35.

ански¹ и др.). Кстати, проследить эволюцию понятия «террор» (используемого поначалу для определения и государственного, и оппозиционного терроризма) можно на семантическом уровне. В русских словарях и энциклопедиях дореволюционной эпохи не было толкования понятия «террор». В первом издании словаря Брокгауза и Ефрона были помещены статьи о якобинском терроре эпохи Великой французской революции и о белом терроре роялистов в 1815—1816 годах (т. XXXIII, 1901). Симптоматично, что слово террор производилось от французского la *terreur*. Во втором дополнительном томе этого же словаря, вышедшем в 1907 году, появилась статья (подписанная В.В-вь; по-видимому, В.В.Водовозов) «Террор в России», в которой террор был назван «системой борьбы против правительства, состоявшей в организации убийства отдельных высокопоставленных лиц, а также шпионов и в вооруженной защите против обысков и арестов»; период систематического террора автор относил к 1878—1882 годам; в статье говорилось также о возобновлении террора в начале двадцатого века, упоминался террор партии социалистов-революционеров, а также черносотенный террор².

«Свидетель истории», на глазах которого прошли все стадии революционного терроризма в России и, кстати, один из редакторов словаря Брокгауза и Ефрона, К.К.Арсеньев, в дни большевистского террора в Петрограде, попытался проследить происхождение термина «террор». Заметив, что «в политический обиход» его ввела Великая французская революция, он писал, что «новый смысл выражение *террор* получило, в семидесятих и восьмидесятих годах, у нас, в России, когда оппозиционные течения, жестоко и бессмысленно подавляемые, вызвали ряд политических **убийств**»³.

Таким образом, возникновение революционного терроризма современники событий относили к рубежу

¹ Iviansky Z. Individual Terror: Concept and Typology // Journal of Contemporary History. 1977. January. Vol. 12. № 1. P. 43.

² Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. Дополнит. том. II. СПб., 1907. С. 753.

³ Арсеньев К.К. Из недавнего прошлого // РГАСПИ. Ф 274. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 21.

70—80-х годов девятнадцатого века, справедливо усмотрев в нем явление новое и не имеющее аналогов. Разумеется, политические убийства практиковались в Европе и ранее, в начале и в середине XIX столетия, отдельными лицами (К.Занд, Ф.Орсини и др.) и даже организациями (карбонарии в Италии). Однако говорить о соединении идеологии, организации и действия — причем носящего «публичный» характер — мы можем лишь применительно к последней трети XIX века. В это время террор становится системой действий революционных организаций в нескольких странах, найдя свое классическое воплощение в борьбе «Народной воли» (хотя сами народовольцы не рассматривали свою организацию как исключительно или даже преимущественно террористическую).

Можно с уверенностью сказать, что превращение терроризма в систему было бы невозможно ранее по чисто техническим обстоятельствам. Возникновению терроризма нового типа способствовал технический прогресс — изобретение динамита, а также развитие средств массовой информации и способов передачи информации, в частности, телеграфа. Это многократно увеличило пропагандистский эффект террористических актов.

Совершенно справедливо пишет З.Ивиански, что «политический террор, применяемый в современном мире, является качественно новым феноменом, существенно отличающимся от политических убийств, практиковавшихся в древности и в начале нового времени. Современный террорист не только использует методы, отличающиеся от тех, которые использовал политический убийца (в древности и в новое время. — О.Б.), но он также по другому смотрит на свою роль, общество и на значение своего акта». Столь же справедливо Ивиански усматривает непосредственные корни «индивидуального террора» в конце девятнадцатого столетия¹.

Современный террор, полагает Ивиански, начался с лозунга «пропаганды действием», провозглашенного впервые в декларации итальянской федерации анар-

¹ Iviansky Z. Individual Terror: Concept and Typology. P. 43.

хистов в декабре 1876 года, а затем развитым и обоснованным французским анархистом Полем Бруссом. Конец девятнадцатого века был периодом непрерывного анархистского террора в Европе и США, террористической борьбы в России и борьбы за национальное освобождение, с использованием террора, в Ирландии, Польше, на Балканах и в Индии. Таким образом, налицо три типа терроризма, каждый из которых характеризуется его собственной идеологией и способом действия — ассоциируемый с анархизмом, с социальной революцией и с борьбой за национальное освобождение. «Однако, глядя в широкой исторической перспективе, — пишет Ивиански, — различия перекрываются фундаментальными чертами, которые являются для них общими»¹.

Ивиански связывает возникновение российского революционного терроризма прежде всего с борьбой за социальную революцию; однако позднее, в начале двадцатого века, в Российской империи были представлены и другие типы терроризма — анархистский и национально-освободительный, характерный для Польши, Армении и отчасти Финляндии.

В нашей работе речь идет о терроризме, направленном, в конечном счете, на осуществление социальной революции; мы полагаем, что при всем отличии идеологии, обосновывающей терроризм, и тактики, применяемой террористами — «политиками» и анархистами, их следует рассматривать в рамках общероссийского революционного движения. Другое дело — терроризм на почве национально-освободительной борьбы. По нашему мнению, это терроризм иного типа; у него другие идеологические, политические и психологические корни; его, собственно, трудно отнести к русскому революционному движению. Если проиллюстрировать эту мысль на «персональном» уровне, то наиболее показательными могут служить фигуры гимназических друзей и прославленных террористов Бориса Савинкова и Юзефа Пилсудского. Вряд ли кому-нибудь придет в голову отнести последнего к числу российских революционеров.

¹ Iviansky Z. Op. cit. P. 50, 43.

Таким образом, возникновение терроризма в России не было чем-то уникальным в тогдашней Европе; террористические идеи развивались в работах германских (К.Гейнцен, И.Мост), итальянских, французских революционеров (преимущественно анархистов). Однако, на наш взгляд, генезис террористических идей в российском освободительном движении носил достаточно самобытный характер, а размах, организация и успех террористической борьбы русских революционеров сделали их образцом для террористов во многих уголках земного шара. Так, в Индии в начале века терроризм называли «русским способом». Говоря о влиянии борьбы русских террористов на мировой революционный процесс, мы имеем в виду революционеров «политиков»; в случае с анархистским террором, как будет показано в соответствующей главе, процесс был скорее обратным.

Настоящее исследование выросло из попытки ответить на вопрос, почему терроризм оказался в России столь живучим; почему каждое из последовательных поколений русских революционеров обращалось вновь к этому оружию, причем интенсивность и размах террористической борьбы оказывались с каждым разом все масштабнее. И это несмотря на катастрофические временами последствия террористических актов для революционного движения, как это было после покушения Каракозова или после величайшего достижения террористов, цареубийства 1 марта 1881 года, повлекшего за собой разгром «Народной воли» и потери революционерами «кредита» (в прямом и переносном смысле этого слова) в обществе.

В поисках ответа на сформулированный выше вопрос автор настоящего исследования пришел к убеждению, что ответ на него следует искать не только (точнее, не столько) в социально-политических обстоятельствах, а прежде всего в идеологии и, в значительной степени, психологии, определенной части русских революционеров.

Идеология терроризма и является главным предметом нашего исследования. Кроме того, рассматриваются психологические и этические стороны террористической борьбы, тесно связанные с идеологией. Ибо борьба за политическую свободу и социальную справедливость посредством политических убийств требо-

вала определенного этического обоснования или, если угодно, морального оправдания. Терроризм как политическое действие не может обойтись не только без опоры на идеологическую, но и на этическую систему.

В нашей работе мы стремились показать происхождение и генезис террористических идей в России, от их зарождения в 1860-х годах до оформления в систему в работах идеологов терроризма конца 1870-х годов XIX — начала XX веков; взаимовлияние идеологии и практики терроризма; различные версии террористических идей — от эпохи революционного народничества до работ эсеровских, анархистских, максималистских идеологов начала XX столетия; психологические и этические основы различных видов терроризма; идейную борьбу по вопросам применения террористической тактики среди различных фракций российского революционного движения; воздействие терроризма на российское общество и властные структуры, в связи с чем рассматривается вопрос об эффективности терроризма как средства революционной борьбы.

Автор не ставил своей задачей изучение фактической стороны терроризма в России; она достаточно известна и так или иначе затрагивалась в работах по истории различных партий или групп, применявших в своей деятельности террор. Более того — без наличия значительного числа такого рода исследований взяться за настоящую работу было бы вряд ли возможно. Фактическая сторона террористической борьбы затрагивается лишь в тех случаях, когда она оказывала воздействие на идейную, теоретическую сторону терроризма.

Парадокс историографической ситуации заключается в том, что, с одной стороны, отечественными исследователями опубликованы сотни, если не тысячи, работ, посвященных тем или иным аспектам революционного движения в России, в которых в той или иной степени затрагивалась и проблема революционного терроризма; с другой — история революционного терроризма как самостоятельная исследовательская проблема стала рассматриваться в отечественной историографии совсем недавно, в середине 1990-х годов. В 1994 и 1995 годах в Москве под эгидой общества «Мемориал» состоялись две конференции, посвященные терроризму в истории России. Материалы второй из них — «Индивидуальный политический террор в Рос-

сии. XIX — начало XX в. История. Идеология. Социальная психология», были изданы.

В редакционном предисловии к сборнику справедливо говорится, что «проблема политического террора относится к числу наименее изученных в отечественной историографии»; до настоящего времени «нет ни одной обобщающей работы». «Такое положение вещей сложилось не только из-за трудности самой проблемы, но и, в первую очередь, из-за невозможности для историков в течение нескольких десятилетий сколько-нибудь серьезно и объективно заниматься ее изучением. Архивный материал был почти недоступен, а интерпретации диктовались предписанными сверху жесткими рамками. Причины, по которым именно тема террора находилась с начала (точнее, с середины. — *О.Б.*) 1930-х гг. под особенно неусыпным контролем идеологических советских инстанций, **очевидны**»¹.

Материалы сборника весьма разнообразны; наряду с концептуальными статьями, в которых предпринимаются попытки оценить влияние терроризма на русское общество начала XX века (*И.М.Пушкарева, М.И.Леонов*)², в нем представлены фактографические, хотя и весьма ценные, сообщения, статьи, посвященные отдельным аспектам деятельности террористических организаций, истории провокации, публицистика.

Материалы сборника отчасти отражают еще один аспект историографической ситуации — крайнюю политизированность, поспешную переоценку ценностей, осуществляемую прежде всего публицистами от истории или людьми, мало разбирающимися в предмете. Нет смысла полемизировать с авторами многочисленных статей, не просто «дегероизирующих» революционеров-террористов, но прямо объявляющих их преступными типами, несущими главную ответственность за бедствия, постигшие Россию в XX веке. Разумеется, «переоценка ценностей» необходима, но она,

¹ От редакции // Индивидуальный политический террор в России. XIX - начало XX в. М., 1996. С. 3.

² Леонов *М.И.* Террор и русское общество (Начало XX в.) // Индивидуальный политический террор... С. 33—42; Пушкарева *И.М.* Российское общество начала XX в. и индивидуальный политический террор // Там же. С. 43—51.

по-видимому, не должна сводиться к замене революционных «житий» на жития венценосцев, которые начинают выглядеть столь же безупречными, как ранее «пламенные революционеры».

Чтобы не возвращаться к этой теме, остановлюсь лишь на одной статье такого рода — «Индивидуальный политический террор: что это?» *Ф.М.Лурье*; она достаточно типична для «переоценочной» литературы; в то же время статья принадлежит перу человека, который, не будучи профессиональным историком, издал несколько научных и научно-популярных книг, посвященных истории и библиографии революционного движения второй половины XIX — начала XX века и по крайней мере знает, о чем пишет.

Лурье пишет, что «вчерашние реакционеры сегодня видятся нам полезнее левых радикалов... с позиций сегодняшнего дня... мы обязаны причислить индивидуальный политический террор к уголовно наказуемым деяниям... Одно из основных качеств революционера — стремление к тому, чтобы в его родном отечестве жилось как можно хуже (чем хуже — тем лучше). Тогда есть шансы на успех революции. Поэтому народолюбцы с такой яростью нападали на царя-реформатора Александра II, травили его, как зверя. Общественное мнение превратило *В.И.Засулич* и *С.М.Кравчинского* в героев, у них отыскивалось множество усердных последователей...»¹ и т.п. Внесудебная расправа, учиненная Засулич над петербургским градоначальником, безусловно, подходила под определенную статью уголовного уложения. Проблема начинается с того, что Засулич была оправдана судом, а избранная публика, присутствовавшая в зале суда, встретила решенные присяжных овацией. Они что, тоже хотели, «как хуже»? Очевидно, что подход к объяснению исторических явлений с позиций уголовного кодекса вряд ли поможет что-либо в них понять.

С другой стороны, столь блистательный историк революционного народничества, как *Н.А.Троицкий*, встав на защиту народолюбцев от их «царских, советских и посткоммунистических» критиков, полагает,

¹ Лурье *Ф.М.* Индивидуальный политический террор — что это? // Индивидуальный политический террор... С. 125, 128, 127.

что тот же Александр II к концу 1870-х годов «снискал себе уже новое титуло — Вешатель» и что «за всю историю России от Петра I до Николая II не было столь кровавого самодержца, как Александр II Освободитель». Убийства императора и царских чиновников он именует не иначе, как казнями, а что касается сопутствующих жертв, то историк подчеркивает стремление народовольцев их избежать, для чего они «выбирали для нападений на царя самые малолюдные места». Непонятно только, почему к малолюдным местам отнесены Малая Садовая улица, Каменный мост и Екатерининский канал. Покушение на Екатерининском канале сопровождалось, как известно, жертвами среди прохожих; сам же автор приводит цифры — кроме царя и Гриневицкого были ранены 20 человек, из которых двое скончались; что же касается самого кровавого теракта, осуществленного «Народной волей» — взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года (11 убитых, 56 раненых), то Н.А.Троицкий оправдывает своих героев тем, что «план взрыва в Зимнем дворце все же исходил не от самой "Народной воли", а был предложен ей со стороны (лидером "Северного союза русских рабочих" С.Н.Халтуриным)»¹. Как будто народовольцы не были вольны этот план отвергнуть и как будто партия без колебаний не взяла на себя ответственность за это покушение!

Приведенные полемические образцы свидетельствуют, пожалуй, прежде всего о том, насколько «горячей» остается тема терроризма, а во-вторых, насколько назрела задача комплексного и объективного (если это возможно) изучения истории революционного терроризма в России.

Несмотря на то, что к теме терроризма отечественные историки стали обращаться лишь в сравнительно недавнее время, проблема неоднократно затрагивалась в работах, посвященных истории российского революционного движения. Для нашего исследования особое значение имеют работы по истории революционного народничества; в трудах «блестящей плеяды» советских историков народничества рассматривалась кон-

¹ Троицкий Н.А. «Народная воля» и ее «красный террор» // Там же. С. 17, 19, 20, 23.

кретная история революционных организаций, их идеология и практическая деятельность и т.д. Разумеется, многие работы несли на себе печать времени, а их авторы были поставлены в жесткие идеологические рамки; автор настоящего исследования, отдавая должное предшественникам, смотрит в значительной степени по-иному на проблему революционного терроризма, как и на многие другие аспекты истории революционного движения в России. Несомненно, однако, что без работ перечисленных ниже авторов настоящее исследование было бы просто невозможно.

Среди историков, на работы которых опирался автор, Б.П.Козьмин, Э.С.Виленская, Ш.М.Левин, Б.С.Итенберг, М.Г.Седов, С.С.Волк, Н.М.Пирумова, Е.Л.Рудницкая, В.А.Твардовская, Н.А.Троицкий и др.¹ Для подробного анализа их трудов потребовалось бы, по-видимому, написать самостоятельное исследование. Поэтому ссылки на положения работ предшественников, которые разделяет автор, также как и полемика по тем или иным вопросам, вынесены в основной текст монографии.

Как ни парадоксально, русский революционный терроризм начала века, сыгравший огромную роль в

¹ Приведу далеко не исчерпывающий список работ отечественных историков, в которых в той или иной степени затрагивалась проблема терроризма в русском революционном движении 1860—1880-х годов: Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929; его же. Из истории революционной мысли в России. М., 1961; Виленская Э.С. Революционное подполье в России (60-е гг. XIX в.). М., 1965; ее же. Худяков. М., 1969; Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли: Вторая половина XIX — начало XX в. Л., 1974; Итенберг Б.С. П.Л.Лавров в русском революционном движении. М., 1988; Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966; Волк С.С. «Народная воля». 1879—1882. М.; Л., 1966; Пирумова Н.М. Бакунин. М., 1970; ее же. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972; Рудницкая Е.Л. Русская революционная мысль: Демократическая печать. 1864—1873. М., 1984; ее же. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992; Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969; ее же. Н.А.Морозов в русском освободительном движении. М., 1983; Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. М., 1978; его же. «Народная воля» перед Царским судом. Саратов, 1983 и др.

жизни страны, потрясший современников, впечатляюще отображенный русской литературой («Рассказ о семи повешенных» и «Губернатор» Л. Андреева, «Петербург» Андрея Белого, «Конь Бледный» и «То, чего не было» В. Ропшина-Савинкова и др.), был практически «не замечен» советской историографией.

Но, впрочем, это и неудивительно. Признать крупную роль терроризма в политической жизни страны означало «преувеличить» значение «мелкобуржуазных» партий или, что было еще «хуже», указать на причастность к терроризму большевиков, официально индивидуальный террор отвергавших. Отсюда и соответствующие оценки: «Политические... итоги террора социалистов-революционеров были равны нулю»¹; «В целом эсеровский террор не оказал в 1905—1907 гг. большого влияния на ход революции» (1905—1907 гг.)² И лишь в конце 1980-х — начале 1990-х годов в отечественной литературе стали появляться более взвешенные характеристики: «В целом революционный террор не оказал в 1905—1907 гг. большого влияния на ход событий, хотя и отрицать его значение как фактора дезорганизации власти и активизации масс не следует»³.

В 1990-е годы появляется ряд монографических исследований, статей, защищаются диссертации, посвященные истории политических партий начала века, в которых значительное внимание уделяется проблемам революционного терроризма. Среди них монография об эсерах-максималистах Д. Б. Павлова, исследования о партии эсеров М. И. Леонова, К. Н. Морозова, Р. А. Городницкого, об анархистах — В. В. Кривенького и др.⁴

¹ Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; ср. его же. Рыцари террора. М., 1992. С. 34—35.

² Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984. С. 78.

³ Тюлюкин С. В., Шелохаев В. В. Первая российская революция 1905—1907 гг. // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 65.

⁴ Павлов Д. Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989; Леонов М. И. Эсеры в революции 1905—1907 гг. Самара, 1992; его же. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М., 1997; Морозов К. Н. Б. В. Савинков и Боевая организация партии эсеров (1909—

«Поэтике террора», исследованию «конструкций и терминов, используемых носителями «террористического» менталитета», преимущественно на зарубежном материале, посвящена книга М. П. Одесского и Д. М. Фельдмана. Отражение революционного терроризма в художественной литературе и, с другой стороны, влияние литературы на деятелей революционного подполья, рассматривается в исследовании М. Могильнер¹.

Больше внимания различным аспектам истории революционного терроризма в России уделялось зарубежными историками. Укажу на монографии и статьи А. Улама, Д. Харди, О. Радки, П. Аврича, М. Хилдермейера, Э. Найта, А. Ашера и др.² В связи с всплеском терроризма на Западе в 1970-е годы предпринимались небезуспешные попытки вычленить его исторические корни. У. Лакером в 1979 году был издан сборник материалов «Чтения по терроризму: историческая анто-

1911) // Россия и реформы. М., 1993. Вып. 2; его же. Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. М., 1998; Городницкий Р. А. Егор Созонов: мировоззрение и психология эсера-террориста // Отечественная история. 1995. № 5; его же. Б. В. Савинков и судебно-следственная комиссия по делу Азефа // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 18; его же. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901—1911 гг. М., 1998; Кривенький В. В. Анархисты — «подносчики снарядов» // Полис. 1993. № 2 и др.

¹ Одесский М., Фельдман Д. Указ. соч.; Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микроскоп в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999.

² Ulam A. In the Name of the People: Prophets and Conspirators in Prerevolutionary Russia. N.Y., 1977; Hardy D. Land and Freedom: The Origin of Russian Terrorism, 1876—1879. Westport, Conn., 1987; Radkey O. H. The Agrarian Foes of Bolshevism. N.Y., 1958; Avrich P. The Russian Anarchists. Princeton, 1967; Hildermeier M. Der Sozialrevolutionary Partei Russlands. Cologne, 1978; Knight A. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party // Russian Review. № 38(2). April 1979; Ascher A. The Revolution of 1905. Vol. 1-2. Stanford, 1988—1992, etc. Библиография носит, разумеется, весьма выборочный характер. В библиографическом справочнике по истории терроризма в США и Европе с 1800 по 1959 год, насчитывающем 5892 названия, на долю работ о России приходится 373 позиции — Terrorism in the United States and Europe, 1800—1959: An Annotated Bibliography / Cotp. M. Newton, J. Newton. N.Y. and London, 1988.

логия»¹. «Почетное» место в нем отведено писаниям российских идеологов терроризма; «концепция систематического террора и его использования в революционной стратегии, — пишет Лакер, — впервые появилась между 1869 и 1881 годами в сочинениях русских революционеров»². Нетрудно заметить, что в качестве хронологических рубежей Лакером избраны появление «Катехизиса революционера» С.Г.Нечаева, с одной стороны, и программных документов народовольцев, с другой. По-видимому, точка зрения Лакера недалеко от истины. В 1982 году вышел сборник статей по материалам международной конференции «Социальный протест, насилие и террор в Европе девятнадцатого и двадцатого веков», состоявшейся в 1979 в Бад Хоумбурге (ФРГ). Статья германского историка А. фон Борк³, опубликованная в сборнике, посвящена народовольческому террору; британский историк М.Перри и германский — М.Хилдермейер⁴, рассмотрели различные аспекты эсеровского терроризма.

В то же время проблема революционного терроризма в России как самостоятельная исследовательская задача длительное время не ставилась и надо, по-видимому, признать справедливое замечание М.Мелансона, что никто всерьез этот феномен не изучал, хотя «каждый уверенно о нем рассуждал»⁵.

¹ The Terrorism Reader: A Historical Anthology / Ed. by Walter Laqueur. London, 1979. Из сводных работ по истории терроризма отметим также книги французского историка Р.Гоше «Террористы: от царской России до О.А.С.» (Gausser R. The Terrorists: from Tsarist Russia to the O.A.S. London, 1968) и американского историка Ф.Форда «Политическое убийство: от тираноубийства к терроризму» (Ford F. Political Murder: from Tyrannicide to Terrorism. Cambridge, Mass., 1985).

² The Terrorism Reader. P. 48.

³ Borke A. von Violence and Terror in Russian Revolutionary Populism: the Narodnaya Volya, 1879—83 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-century Europe / Ed. by W.Mommsen and G.Hirschfeld. N.Y., 1982. P. 48—62.

⁴ Perrie M. Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914; Hildermeier M. The Terrorist Strategies of the Socialist-Revolutionary Party in Russia, 1900—14 // Social Protest... P. 63—79, 80—87.

⁵ Geifman A. Thou Shalt Kill/ Revolutionary Terrorism in Russia, 1894—1917. Princeton; New Jersey, 1993 (суперобложка).

Одна из немногих попыток сформулировать общую концепцию истории терроризма в России предпринята в статье американского историка Н.Неймарка «Терроризм и падение императорской России». Неймарк выделяет три стадии терроризма в России — 1861—1866, периода «Великих реформ» и радикализации студенчества, 1877—1881, периода конфронтации между террористами-народниками и правительством и кризис 1904—1907 годов, период открытой схватки между террористами, с одной стороны и полицией и войсками, с другой¹. Эти периоды, по мнению Неймарка, были во многом сходны друг с другом.

Правительственные попытки реформ признавались радикалами недостаточными и служили основанием для возобновления террористических атак. Терроризм был затем использован правительственными чиновниками для сопротивления реформам или их отмены. Таким образом, образовался замкнутый круг. «Не тысячи убийств в последние 50 лет существования императорской России привели к падению империи, — пишет Неймарк, — и не убийства ее наиболее способных лидеров, Александра II и Столыпина, павших жертвами террористических актов. Однако террористы заставили империю изменить курс, изменить ее законы и оставить надежды и планы ее лучших представителей. Государство позволило втянуть себя в сражение с террористами вместо того, чтобы двигаться вперед и предоставить обществу роль в управлении страной. С целью победы над терроризмом государство разрушило и совершенно оставило некоторые из своих образовательных, законодательных и военных программ. Иными словами, самодержавие разрушило свой собственный прогресс, внося тем самым вклад в революционный шторм, в котором оно нашло свой конец... Экстраординарные полицейские и юридические меры, предпринятые имперским правительством против русских террористов, символизировали крах гражданского общества и триумф терроризма»².

¹ Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia. P. 171.

² Naimark N. Op. cit. P. 188—189.

Правильно указывая на противоречие между властью и обществом, приведшее наиболее радикальную его часть на путь революционной борьбы, нередко принимавшей в России террористический характер, Неймарк, на наш взгляд, преувеличил влияние терроризма на развитие (точнее, на отсутствие развития) русского общества. Терроризм, несомненно, был весьма важным, но все-таки не самым важным фактором, влиявшим на жизнь страны. И, кстати, далеко не всегда он сдерживал преобразования. Так, реформы 1905 года были даны, по точному выражению Р.Пайпса, под дулом пистолета. Ранее «диктатура сердца» и конституционные поползновения начались после взрыва, осуществленного народолюбцами в Зимнем дворце. Парадоксальным образом попытки власти сблизиться с обществом предпринимались тогда, когда натиск радикалов усиливался. Кстати, властям никто не мешал довести до конца преобразования в то время, когда террористический натиск ослабевал; но почему-то именно в это время они менее всего были склонны идти на уступки. Вряд ли правомерно считать 1861—1866 годы особой стадией в развитии терроризма. В начале 1860-х годов возникают и активно обсуждаются террористические идеи. Но теракт все-таки был лишь один.

Н.Неймарку принадлежит также ценная монография «Террористы и социал-демократы», в которой рассмотрена история наиболее заметных революционных организаций в царствование Александра III¹.

Как бы хронологически продолжением этой книги и первой монографией, специально посвященной истории терроризма в России стала книга А.Гейфман «Убий! Революционный терроризм в России. 1894—1917»². В книге А.Гейфман, написанной на основе широкого круга источников, в том числе материалов из архива партии социалистов-революционеров (Международный институт социальной истории, Амстердам), архива заграничной охранки и собрания

¹ Naimark N. *Terrorists and Social-Democrats: The Russian Revolutionary Movement Under Alexander III*. Cambridge, Mass. and London, Eng., 1983.

² Geifman A. *Thou Shalt Kill! Revolutionary Terrorism in Russia, 1894—1917*. Princeton University Press: New Jersey, 1993.

Б.И.Николаевского (Гуверовский институт войны, революции и мира, Стэнфордский университет) показан подлинный размах терроризма в Российской империи начала века. По ее расчетам, в 1901—1911 годах жертвами террористических актов стали около 17 тысяч человек (с. 21).

Обоснованными выглядят мысли автора, что массовое насилие было не единственным, а может быть, и не главным фактором первой российской революции. Терроризм играл не меньшую роль. Справедливо наблюдение Гейфман и о том, что террор практиковали все революционные партии. Правда, нам представляется преувеличением утверждение автора, что многолетний террористический прессинг настолько морально подавил государственных служащих, что они фактически без сопротивления капитулировали в марте 1917 года.

Соглашаясь со многими выводами и наблюдениями Гейфман и отдавая должное проделанной ею кропотливой работе (несомненно, ее книга является на данный момент наиболее полным исследованием фактической истории российского терроризма начала века), не могу не высказать и ряд принципиальных возражений относительно ее концепции. Мне представляется, что негативное воздействие на труд Гейфман оказало то, что обычно инкриминировалось советской исторической науке — идеологическая установка. Для нее революционеры — только экстремисты, использующие любые средства в борьбе против легитимной власти. Симпатии Гейфман всецело на стороне этой власти, которую она иногда упрекает задним числом за неприятие своевременно жестких мер. Временами кажется, что автор смотрит на события из окна Департамента полиции. Хотя в конце книги и упоминается о взаимной ответственности сторон за события 1905 г. (с. 252), вся она, по сути, является обвинительным актом — не только против терроризма (с чем можно только согласиться), но и против террористов. А вот с последними дело обстояло гораздо сложнее. Считать их всех злодеями и убийцами по природе не приходится. Поэтому историк, как нам представляется, должен выступать не только с пози-

ций прокурора, но и адвоката, т.е., попытаться если не оправдать, то по меньшей мере понять обе стороны¹.

На наш взгляд, А.Гейфман это не удалось. Отсюда и односторонний подбор (или трактовка) источников. Возможно, впрочем, что опора прежде всего на источники полицейского происхождения сыграла с автором злую шутку. Гейфман полагает, что документы «охранки», несмотря на некоторую тенденциозность, заслуживают доверия (с.10). Но, во-первых, сведения розыскных органов могли быть, и нередко бывали, недостоверными — «источники», освещавшие деятельность революционных организаций даже изнутри, давали картину неполную в силу недостаточной информированности, а то и сознательно, не желая «подставить» себя. Далеко не все охранники могли правильно понять мотивы поведения революционеров. Во-вторых, охранники частенько преследовали цели, далекие от «государственных». Достаточно вспомнить многолетнего руководителя заграничной агентуры Департамента полиции П.И.Рачковского.

Одна из центральных идей Гейфман — то, что в начале XX века господствовал новый тип террористов, скорее предшественников современных экстремистов, нежели преемников российских террористов XIX века. Они не слишком интересовались теорией, нередко действовали исходя из своих собственных побуждений, а не по решению какой-либо партии. Наиболее характерный пример — убийца П.А.Столыпина Д.Г.Богров. Полагаю, что Гейфман нарисовала несколько одностороннюю картину. Терроризм начала XX в. имел как бы два слоя, два этажа: террор партийный, централизованный, организаторы и исполнители которого исходили из определенных идейных и этических установок, и террор массовый, низовой. Террористические идеи, попав на почву нищеты, озлобленности, примитивного мышления, при-

¹ Это достаточно старый спор. Еще такой принципиальный противник терроризма, как К.К.Арсеньев, писал, полемизируя с авторами сборника «Вехи»: «И разве оправдание *террора*, как оно ни несостоятельно само по себе, равносильно оправданию грабежа, воровства, животной разнузданности?» — Арсенев К. Призыв к покаянию // Вестник Европы. 1909. № 3. С. 308.

обрели формы, неожиданные, вероятно, даже для их авторов, что, конечно, не снимает с них ответственности. И не снимает с исследователей задачи изучать идейные основы революционного терроризма. Гейфман уделяет теориям терроризма подчеркнуто незначительное внимание, полагая, во многом справедливо, что между возвышенной риторикой теоретиков и кровавой реальностью российской революции достаточно большая дистанция. Думаю, все же, что она гораздо короче, чем это представлено в книге Гейфман. Вначале все-таки было слово. К примеру, эсеры извели немало бумаги, стремясь показать, как можно соединить терроризм и массовое движение. Материал, приведенный в том числе и в книге Гейфман, убеждает, что извели они ее не зря.

Довольно отчетливо, что мы надеемся доказать в нашем исследовании, прослеживается и связь терроризма 70—80-х годов XIX и начала XX века. Не только в идеологии, но и в практической области¹.

При подготовке монографии использовался широкий круг разнообразных источников — программные документы политических партий и организаций, листовки, публицистика, мемуары, личная переписка. Наряду с опубликованными источниками, были привлечены материалы, отложившиеся в различных архивохранилищах России и США. Среди них материалы из фондов В.Л.Бурцева, А.Л.Теплова, А.В.Тырковой (ГА РФ), Н.А.Рубакина (ОР РГБ). Наибольший интерес для целей настоящего исследования представили материалы из архива Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет, Калифорния, США). В колоссальном собрании знаменитого архивиста и историка Б.И.Николаевского (811 коробок документов!) находятся документы партии социалистов-революционеров, социал-демократов (меньшевиков), материалы по истории анархизма в России, личные бумаги В.М.Чернова, М.А.Натансона, А.Н.Потресова, П.А.Кропоткина и других видных деятелей русского революционного движения. Большой интерес представляют также подготовительные материалы Никола-

¹ Более подробный разбор книги А.Гейфман см. в нашей рецензии, опубликованной в журнале «Отечественная история». 1995. № 5. С. 185-189.

евского к его известной книге «История одного предателя». При подготовке книги он вел переписку со многими участниками «азефовской» истории; особенно любопытна его переписка с В.М.Черновым, в которой эсеровский лидер сообщил Николаевскому немало сведений о закулисной истории эсеровского терроризма. Копии некоторых наиболее значительных, на наш взгляд, документов приводятся в приложении к основному тексту монографии.

Нами использовались также личные собрания известного революционера-народника, впоследствии эсера, **Ф.В.Волховского**, в частности, его переписка с **Б.В.Савинковым**, а также эсера, близкого одно время к деятелям Боевой организации, **М.М.Шнеерова** и бывшего секретаря Учредительного собрания, в эмиграции одного из редакторов парижских «Современных записок» **М.В.Вишняка**, находящиеся в Гуверовском архиве. В фонде Шнеерова находится рукопись его неопубликованных воспоминаний, а также переписка с **В.М.Зензиновым**, в которой затрагиваются некоторые темные стороны азефовской истории.

Нами использовались также документы, находящиеся среди бумаг историка и коллекционера **С.Г.Сватикова**. Часть из них находится в собрании Николаевского, другая — в личном собрании Сватикова в **Бахметьевском** архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

* * *

В конце XIX — начале XX в. выдающимся философом и социологом **Максом Вебером** были разработаны принципы теории социального действия, исходящей из субъективной осмысленности поведения индивида. Принципы, применение которых при изучении российской истории интересующего нас периода, является, на наш взгляд, весьма плодотворным.

Разъясняя смысл «понимающей» социологии (а социология, по Веберу, как и история, изучает поведение индивида или группы индивидов), Вебер писал: «В поведении... людей ("внешнем" и "внутреннем") обнаруживается, как и в любом процессе, связи и регулярность. Только человеческому поведению присущи, во всяком случае полностью, такие связи и регуляр-

ность, которые могут быть *понятно* истолкованы... Специфически важным для понимающей социологии является прежде всего поведение, которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотнесено с *поведением других* людей, во-вторых, *определено* также этим его осмысленным соотношением и, в-третьих, может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, *понятно объяснено*¹.

Полемизируя некогда с Эд.Майером по проблемам теории и методологии истории, Вебер соглашался с ним в одном: «методология всегда является лишь осознанием *средств, оправдавших* себя на *практике*»². Автор настоящего исследования надеется, что средства, использованные им при подготовке работы, позволили, хотя бы отчасти, объяснить смысл «поведения» русских революционеров-террористов и содержания тех идей, которыми это «поведение» определялось.

* * *

Автор выражает искреннюю благодарность за содействие в работе директору архива Гуверовского института д-ру **Е.Даниелсон**, за помощь в подборе иллюстраций — **Г.С.Кану** (Москва) и **Р.Сквайерсу** (Гуверовский архив). Автор признателен также Совету по международным исследованиям и научным обменам (IREX), благодаря гранту которого стала возможной работа в американских архивах, и Российскому гуманитарному научному фонду, чья финансовая поддержка сделала возможным издание этой книги.

¹ Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 495, 497.

² Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Там же. С. 418.

I. Идеология терроризма: 1860—1880-е

1. Истоки: 1860-е

В начале было слово. Слово, а точнее, несколько фраз, были написаны весной 1862 года в камере Тверской полицейской части студентом Московского университета Петром Зайчневским. Будучи арестованным за крамольные мысли, изложенные в перехваченном полицией письме к товарищу, он «на досуге», благо, что условия заключения не отличались строгостью, составил прокламацию «Молодая Россия». В ней впервые в России убийство открыто признавалось нормальным средством достижения социальных и политических изменений. «Мы изучали историю Запада, — писал Зайчневский, — и это изучение не прошло для нас даром; мы будем последовательнее не только великих революционеров 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах»¹.

Был определен и первоочередной объект террора: «Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!» двинемся на Зимний дворец истреблять живущих там. Может случиться, что все дело кончится одним истреблением императорской фамилии, т.е. какой-нибудь сотни, другой людей...»² В другом месте автор «Молодой России», указывая на связь царя с «императорской партией», угнетающей народ, замечал: «Ни он без нее, ни она без него существовать не могут. Падет один — уничтожится и другая»³.

Психологические и логические основы идей «Молодой России», в общем, понятны. Это юношеский максимализм, сохранившийся, впрочем, у автора про-

¹ Цит. по: Утопический социализм в России. М., 1985. С. 331.

² Утопический социализм в России. С. 333—334.

³ Там же. С. 329.

кламации до вполне зрелого возраста и внешняя простота решения вопроса о власти в самодержавном государстве, где власть монарха кажется абсолютной и физическое устранение ее носителя должно привести, на первый взгляд, к разрушению политической системы в целом. Хотел бы подчеркнуть, что для Зайчневского террор — отнюдь не самодовлеющее средство борьбы, это скорее неизбежный фрагмент при захвате власти и, если потребуется, действенное средство для ее удержания. В контексте «Молодой России» фраза о том, что при «падении» царя уничтожится и «императорская партия» кажется оговоркой или «проговоркой». Но «проговоркой» весьма многозначительной. Очень скоро другие люди, настроенные столь же радикально, как якобинец Зайчневский, не без влияния «Молодой России» или вовсе без этого влияния, развивая взгляды о необходимости истребления политических противников или придя к этим взглядам самостоятельно, создадут целую систему идеологического обоснования терроризма и, что самое существенное, перейдут от теории к практике в невиданных еще в мировой истории масштабах.

Соблазн террористической идеи, кроме того, что ее реализация, казалось, вела кратчайшим путем к цели, заключался еще и в ее своеобразной «гуманности». С одной стороны, истребление «сотни, другой» людей, а с другой, если придется издать крик: «В топоры!» — «...тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по городам и селам! Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами!»¹

«Молодая Россия», как это нередко бывало с ультратеррористическими воззваниями, сыграла наруку прежде всего реакционным элементам в правительстве и сторонникам полицейско-репрессивных мер для подавления общественного движения. «Молодую Россию» связали с петербургскими пожарами 1862 года — в поджогах молва обвиняла студентов — и рептильная

¹ Утопический социализм в России. С. 334.

пресса «выжала» из нее максимум возможного. Немалым подспорьем стала она для деятелей III Отделения и иже с ними. А.И.Герцен писал об известном теоретике и практике «шпионства» И.П.Липранди, отставленном было от дел: «Для него "Молодая Россия" — точка опоры, и он поплелся устраивать свою карьеру да поправлять свои дела»¹.

Герцен считал, что «Молодая Россия» «вовсе не русская, это одна из вариаций на тему западного социализма, метафизика французской революции...» В настроениях «Молодой России» он усмотрел влияние романтической литературы: в ней «столько же Шиллера, сколько Бабефа»². В общем, Герцен отнесся к прокламации и ее неизвестным ему авторам снисходительно: «все это страшное дело, поставившее Российскую империю и Невский проспект на край социального катаклизма, разорвавшее последнюю связь между хроническим и острым прогрессом, сводится на юношеский порыв, неосторожный, несдержанный, но который не сделал никакого вреда и не мог сделать. Жаль, что молодые люди выдали эту прокламацию, но винить мы их не станем. Ну что упрекать молодости ее молодость, сама пройдет, как поживут... Горячая кровь... а тут святое нетерпение, две-три неудачи — и страшные слова крови и страшные угрозы срываются с языка. Крови от них ни капли не пролилось, а если прольется, то это будет их кровь — юношей-фанатиков»³.

В другом месте Герцен вновь акцентировал внимание на возрастной природе революционного максимализма: «Кто знаком с возрастом мыслей и выражений, тот в кровавых словах "Юной России" узнает лета произносящих их. Террор революций с своей грозной обстановкой и эшафотами нравится юношам, так, как террор сказок с своими чародеями и чудовищами нравится детям.

¹ Герцен А.И. Молодая и старая Россия // Герцен А.И. Собр. соч. В 30-ти томах. М., 1954-1966. Т. XVI. С. 201; И.П.Липранди — генерал-майор, историк, чирковский соборный поручений при министре внутренних дел, руководивший секретной агентурой по наблюдению за петрашевцами.

² Герцен А.И. Молодая и старая Россия. С. 203, 204.

³ Герцен А.И. Указ. соч. С. 202.

Террор легок и быстр, гораздо легче труда, "гнет не парит, сломит — не тужит", освобождает деспотизмом, убеждает гильотиной. Террор дает волю страстям, очищая их общей пользой и отсутствием личных видов. Оттого-то он и нравится гораздо больше, чем самобуздание в пользу дела»¹.

Мудрый Искандер оказался прав только в одном — кровь «юношей-фанатиков» действительно пролилась. Но «террор сказок» они вполне успешно сделали кровавой былью.

Настроения Зайчневского и его друзей разделяло немало радикалов. В.И.Кельсиев, приезжавший в Россию весной 1862 года, писал впоследствии в своей «Исповеди»: «"Молодую Россию" никто не хвалил, но думавших одинаково с нею было множество; ей только в вину ставили, что она разболтала то, о чем молчать следовало!»²

Несомненно, что идея цареубийства активно обсуждалась в радикальных кружках первой половины 1860-х годов. «Мысль об уничтожении императорской партии и главы ее — Александра II — была уже высказана в ряде революционных прокламаций. Оставалось только привести ее в исполнение», — справедливо отмечал в свое время еще А.А.Шилов³. Конкретные очертания план цареубийства начал принимать в организации Н.А.Ишутина — И.А.Худякова. По-видимому, большинство ее участников не сомневалось в целесообразности такого акта. Разногласия вызывали лишь сроки и условия осуществления покушения.

Если верить достаточно путаным и непоследовательным показаниям Ишутина в следственной комиссии, цареубийство планировалось в том случае, если правительство откажется по требованию революционеров «устроить государство на социалистических началах». Террористический акт должен был осуществить один из членов специальной глубоко законспириро-

¹ Герцен А.И. Журналисты и террористы // Герцен А.И. Собр. соч. В 30-ти томах. Т. XVI. С. 221.

² Цит. по: Козьмин Б.П. П.Г.Зайчневский и «Молодая Россия» // Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 289—290.

³ Шилов А.А. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года. Пг., 1919. С. 10.

ванной группы то ли с устрашающим, то ли с шутливым названием «Ада». Наличие планов о создании «Ада» подтвердил на следствии «ишутинец» Д.А.Юрасов. В случае необходимости, по его словам, царевбийство должно было быть повторено. Он же показал, что члены «Ада» должны были «находиться во всех губерниях и должны знать о настроении крестьян и лиц, которыми крестьяне недовольны, убивать или отравлять таких лиц, а потом печатать прокламации с объяснением; за что убито лицо»¹. Таким образом, уже «ишутинцы» подумывали о «систематическом» терроре; намерение убивать особо ненавистных крестьянам лиц, с последующим разъяснением мотивов терактов весьма напоминает анархистскую «пропаганду действием», нашедшую столь широкое распространение в Западной Европе и США два десятилетия спустя.

Одной из функций «Ада» должен был стать надзор за деятельностью прочих членов организации. Если они отклоняются от правильного, с точки зрения членов «Ада», пути, и не реагируют на предупреждения, отступники наказываются смертью. «Член "Ада" должен был в случае необходимости жертвовать жизнью своею, не задумавшись», — говорил Ишутин. А также «жертвовать жизнью других, тормозящих дело и мешающих своим влиянием»².

Аргументы, выдвигавшиеся И.А.Худяковым в пользу царевбийства, были во многом сходны с идеями «Молодой России». Худяков считал покушение преждевременным, но, в то же время, полагал, что убийство царя «извинительно и необходимо», так как «государя и их фамилии не так легко откажутся от своей власти» и во избежание кровопролития «лучше пожертвовать жизнью нескольких царственных особ»³.

4 апреля 1866 года Д.В.Каракозов, наслушавшись кроваво-инфантильных разговоров в кружке своего двоюродного брата Ишутина, стрелял в Александра II, открыв тем самым эпоху терроризма в России. Обсто-

¹ См.: Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 118—120, 123—124.

² Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. С. 120.

³ Базанов В. И.А.Худяков и покушение Каракозова // Русская литература. 1962. № 4. С. 155; см. также: Виленская Э.С. Худяков. М., 1969. С. 104.

яльства покушения хорошо известны. Нас интересует в данном случае то влияние, которое это неудачное во всех отношениях покушение оказало на русскую революционную мысль и, в частности, на развитие террористической идеи.

Неудача покушения заключалась не только в том, что Каракозов промахнулся. Реакция народа и общества оказалась прямо противоположной той, на которую рассчитывал террорист. А.А.Шилов справедливо писал, что «события показали прежде всего, что выстрел 4 апреля был преждевременным, что идея царизма была еще очень популярна в массах и что Александр II был еще окружен ореолом "царя-освободителя". Покушение вызвало взрыв энтузиазма, патриотизма и верноподданнических чувств, и нельзя сказать, чтобы патриотические манифестации были только проявлением казенного восторга. Со всех концов России неслись выражения сочувствия Александру II и негодования на "злодея", поднявшего руку на "помазанника божьего"»¹.

Реакция вольной печати на выстрел Каракозова проанализирована в монографии Е.Л.Рудницкой «Русская революционная мысль: Демократическая печать. 1864—1873» (М., 1984). Рудницкая отмечает, что на страницах вольной печати в связи с покушением дебатировались два основных вопроса: 1) «Допустим ли террористический метод как средство революционной борьбы вообще?»; 2) Насколько каракозовский выстрел был связан с деятельностью революционного подполья — вытекал ли он из этой деятельности... или же должен рассматриваться как изолированное действие одиночки?»²

Герцен на оба вопроса дал отрицательный ответ. В первом своем отклике на покушение он заявил, что «мы ждали от него бедствий, нас возмущала ответственность, которую брал на себя какой-то фанатик ... Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами»³. Не верил Герцен и в наличие заговора, считая его «сочинением» муравьевской комиссии.

¹ Шилов А.А. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. С. 52.

² Рудницкая Е.Л. Русская революционная мысль: Демократическая печать. 1864—1873. М., 1984. С. 40—41.

³ Герцен А.И. Иркутск и Петербург // Герцен А.И. Собр. соч. В 30-ти томах. Т. XIX. С. 58.

Как и Герцен, известные шестидесятники М.К.Элпидин и Н.Я.Николадзе выступили против террористической тактики. **Николадзе** в брошюре «Правительство и молодое поколение. По поводу выстрела 4 апреля 1866 г.» писал, что «направление и убеждения современного молодого поколения положительно исключают всякую мысль о возможных coups de tete, о всяких покушениях и тому подобных поступках», что «выходки вроде выстрела 4 апреля решительно не входят в программу современного молодого поколения». Это «фальшивое направление», «ненужное, бесполезное», оно вызвано самим правительством, невозможностью «разумной общественной деятельности»¹.

И Николадзе, и опубликовавший основанную во многом на материалах его брошюры статью «Каракозов и Муравьев» Элпидин в то же время признавали, что выстрел Каракозова — не случайность, а следствие настроений, достаточно распространенных в радикальной среде. Николадзе считал покушение результатом «печальной необходимости», к которой «часть молодежи поколения приведена правительством»². В отношении того, что выстрел 4 апреля отнюдь не был «изолированным фактом», Николадзе, по нашему мнению, был ближе к истине, чем Герцен.

Николадзе, считавший себя учеником Н.Г.Чернышевского и призывавший к продолжению просветительски-социалистической пропаганды, два года спустя, в предисловии к женеvскому изданию сочинений своего учителя, отмечал, что действия, подобные террористическому акту Каракозова, находятся в неприимиром противоречии с идейным наследием автора «Что делать?». В то же время Николадзе был вынужден констатировать все большее отклонение «в среде нынешней нашей молодежи от его программы и учения»³.

¹ Николадзе Н.Я. (Никифор Г...). Правительство и молодое поколение. По поводу выстрела 4 апреля 1866 г. Женева, 1866. С. 37—39. — Цит. по: Рудницкая Е.Л. Русская революционная мысль... С. 46.

² Цит. по: Рудницкая Е.Л. Указ. соч. С. 46.

³ См.: Рудницкая Е.Л. Указ. соч. С. 116.

Действительно, отнюдь не все российские революционеры отнесли к покушению Каракозова отрицательно. Так, после публикации статьи «Иркутск и Петербург», содержащей нелестные отзывы о террористе, Герцен получил несколько анонимных ругательных писем в которых его называли «изменником». Эмигрант из «молодых» М.С.Гулевич, по данным III Отделения, в ответ на предложение Н.П.Огарева об объединении под лозунгом «Земли и воли», отказался и заявил: «Что земля и воля, когда корона на голове! Дело в том, чтобы не выставлять Каракозова сумасшедшим, а писать в таком духе, чтобы кровь кипела и рука не дрогнула взвести курок еще раз»¹.

Еще более резкую «отповедь» Герцену дал лидер «молодой эмиграции» А.А.Серно-Соловьевич в брошюре «Наши домашние дела»: «Нет, г[осподин] основатель русского социализма, молодое поколение не простит вам отзыва о Каракозове, — этих строк вы не выскоблите ничем»².

Аналогичная картина наблюдалась и в России. «Выстрел Каракозова, — вспоминала Е.К.Брешковская, — был ударом, удивившим, поразившим одних, смутившим, вогнавшим в раздумье других. Пусть ругают и поносят Каракозова; пусть родные его стыдятся фамилии своей; пусть вся Россия распинаятся в преданности царю и подносит ему адреса и иконы! А он все-таки н а ш, наша плоть, наша кровь, наш брат, наш друг, наш товарищ!»³. «Террористические настроения в среде революционной молодежи конца 60-х годов пользовались значительным распространением. Эта молодежь находилась под сильнейшим впечатлением от события 4 апреля 1866 года, — писал знаток эпохи 60-х годов Б.П.Козьмин. — Выстрел Каракозова, несмотря на реакцию, воцарившуюся в обществе, не мог не действовать возбуждающим образом на тех, кто мечтал о борьбе и о лучшей будущем... Каракозов и его покушение — обычная тема для разговоров в

¹ Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М.К.Лемке. Т. I-XXII. Пг.; Пб.; Л.; М., 1919-1925. Т. XVIII. С. 218.

² Революционное движение 1860-х годов. М., 1932. С. 146.

³ Цит. по: Шилов А.А. Каракозов и покушение апреля 1866г. С. 55-56.

среде революционной молодежи того времени... Выстрел Березовского поддерживал интерес к террору...»¹

Современники оставили немало свидетельств о настроениях крайних радикалов в это время. З.К.Арборе-Ралли вспоминал, как будущий нечаевец Г.П.Енишерлов выдал ему своеобразную расписку следующего содержания: «Когда Ралли понадобится человек, готовый стрелять в государя, он может обратиться ко мне, и я это исполню»². И.Е.Деникер привел высказывание студента-технолога Н.В.Филатова на одной из сходов: «Крестьянам надо втолковать, что положение 19 февраля писал подлец, что его надо убить»³.

Преобладание террористических настроений в крупнейшей, по-видимому, революционной организации конца 1860-х годов — «Сморгонской академии» — отмечают Б.П.Козьмин и Е.Л.Рудницкая, которая пишет, что «идейно-политическая платформа этого объединения была близка тем установкам ишутинецов, которые связывали с царевубийством активизацию народных масс, приближение революционного взрыва»⁴. «Мысль о царевубийстве, — подчеркивал Козьмин, — в 1868-1869 гг. носилась в воздухе»⁵.

Радикальная среда конца 1860-х годов породила в конце концов первую в России последовательно террористическую организацию, а террористические настроения кристаллизовались в своеобразный «Террористический манифест». Я имею в виду, разумеется, «Народную расправу» и «Катехизис революционера», созданные невероятной энергией и извращенно-последовательной мыслью С.Г.Нечаева.

¹ Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929. С. 146—147; участник польского восстания 1863 года А.И.Березовский стрелял в Александра II в Париже 6 июня 1867 г. Был приговорен французским судом к пожизненной каторге.

² Арборе-Ралли З. Сергей Геннадьевич Нечаев (Из моих воспоминаний) // Былое. 1906. № 7. С. 140.

³ Деникер И.Е. Воспоминания // Каторга и ссылка. 1924. № 4 (31). С. 24.

⁴ Рудницкая Е.Л. Русская революционная мысль... С. 144; см. также: Козьмин Б.П. Революционное подполье... С. 126, 143.

⁵ Козьмин Б.П. Революционное подполье... С. 147.

Влияние покушения Каракозова на формирование взглядов Нечаева легко проследить. З.К.Арборе-Ралли вспоминал, что Нечаев «с жадностью» выслушивал его рассказы о «каракозовцах» и просил дать ему для прочтения те номера «Колокола», в которых были напечатаны статьи о каракозовском процессе под общим заглавием «Белый террор»¹. В первом номере «Народной расправы» Нечаев писал: «Начинание нашего святого дела положено утром 4 апреля 1866 года Дмитрием Владимировичем Каракозовым. Дело Каракозова надо рассматривать, как пролог. Постараемся, друзья, чтобы поскорее наступила и сама драма»².

Правда, самого царя Нечаев предполагал оставить жить «до наступления дней мужицкого суда... Пусть же живет наш палач, разоритель и мучитель народа, осмелившийся называться его освободителем, — пусть он живет до той поры, до той минуты, когда разразится гроза народная, когда сам истерзанный им чернорабочий люд, воспрянув от долгого, мучительного сна, торжественно произнесет над ним свой приговор, когда вольный мужик, разорвав цепи рабства, сам непосредственно разможит ему голову вместе с ненавистной короной в дни народной расправы». Царевубийство могло быть вызвано, полагал Нечаев, лишь какой-либо «безумно-нелепой» мерой или фактом, в котором будет заметна личная инициатива императора³.

Терроризм Нечаев считал обязательным атрибутом революционной организации. Он писал: «...Мы потеряли всякую веру в слова; слово для нас имеет значение только, когда за ним чувствуется и непосредственно следует дело. Но далеко не все, что называется делом, есть дело. Например, скромная и чересчур осторожная организация тайных обществ, без всяких внешних, практических проявлений, в наших глазах не более, чем мальчишеская игра, смешная и отвратительная. Фактическими же проявлениями мы называем только ряд действий, разрушающих положительно

¹ Арборе-Ралли З. Сергей Геннадьевич Нечаев. С. 137.

² За сто лет (1800—1896): Сборник по истории политических и общественных движений в России. Сост. Вл.Бурцев. London, 1897. С. 93.

³ За сто лет. С. 94—95.

что-нибудь: лицо, вещь, отношение, мешающие народному освобождению»¹. Далее выяснилось, что и в теории, и на практике эта разрушительная деятельность должна была сводиться к убийствам или устраниению отдельных «лиц».

Призывая вышедшую из народа и вполне прочувствовавшую его боли молодежь обратить все внимание и силы на «уничтожение всех тех ясно бросающихся в глаза препятствий, которые могут особенно помешать восстанию и затруднять его ход», Нечаев перечислил главные из этих препятствий:

«1) Те из лиц, занимающих высшие, правительственные должности и сосредоточивающих власть над военными силами, которые особенно усердно выполняют свои начальнические обязанности.

2) Люди, обладающие большими экономическими силами и средствами и употребляющие эти силы исключительно для себя и своего сословия, или для побоев государству.

3) Люди, рассуждающие и пишущие по найму, т.е. публицисты, подкупленные правительством и литераторы, лестью и доносами надеющиеся добиться до административных подачек».

Характерно, что Нечаев не допускал мысли о том, что публицисты или литераторы, выражающие мнения, отличные от его собственных, могут делать это из идейных, а не исключительно корыстных побуждений. Их он предполагал «заставить молчать тем или другим способом (хотя бы лишением языка)». Подход к различным категориям «препятствий» был дифференцированным. Если «первых» предполагалось «истреблять без всяких рассуждений», то у вторых «надо отбирать их экономические силы и средства и употреблять для дела народного освобождения; а в случае невозможности отобрания, следует уничтожить эти силы и средства»². Таким образом, уже в публицистике Нечаева появляются идеи, впоследствии реализованные в практике экспроприации, а также аграрного и фабричного террора. Вряд ли белостокские анархисты начала двадцатого века читали «Народную расправу». Однако

¹ За сто лет. С. 91.

² Там же. С. 93—94.

действовали они как будто по рецептам бакунинского любимца.

Еще одна попытка «классификации» предполагаемых объектов террора была предпринята Нечаевым в «Катехизисе революционера», в разделе, озаглавленном «Отношение революционера к обществу». «Все это поганое общество, — с безыскусной прямоотой говорилось в "Катехизисе..." — должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория — неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так, чтобы предыдущие нумера убрались прежде последующих». В следующем параграфе разъяснялось, что «при составлении такого списка и для установления вышереченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе».

«Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти... полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергичных деятелей, потрясти его силу»¹.

Ко второй категории были отнесены люди, «которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта». Относительно лиц последующих четырех категорий — «высокопоставленных скотов», на их счастье не отличающихся «особенным умом и энергиею», либералов, конспираторов и революционеров «в празднично-глаголющих кружках и на бумаге», женщин и т.д. — смертоубийство не предусматривалось, их всего-навсего собирались использовать для революционных

¹ «Катехизис революционера» / Публ. А.А.Шилова // Борьба классов. 1924. № 1-2. С. 270.

предприятий, предварительно «сбив с толку» или скомпрометировав¹.

В отличие от лапидарного изложения своих идей в «Катехизисе...», на страницах «Народной расправы» Нечаев дал волю публицистическому темпераменту: «... мы безотлагательно примемся за истребление... тех извергов в блестящих мундирах, обрызганных народной кровью, что считаются столбами (так. — *О.Б.*) государства; тех, которые устраивали и устраивают избиение поднимающегося крестьянского люда; тех административных пиявиц, непрестанно сосущих наболевшую тоскующую грудь народную, которые особенно поусердствовали и будут усердствовать в придумывании мер и средств для выжимания последних жизненных соков из народа, для помрачения зарождающегося народного понимания. И вообще, и прежде всего, тех, которые окажутся наиболее мешающими нашему сближению с народом и нашей подготовительной работе».

Особая участь была уготована сотрудникам III Отделения и «полиции вообще». Они должны были быть казнены «самым мучительным образом и в числе самых первых». Не осталась без внимания и духовная сфера: «Нам надо очистить мысль от гнилых наростов, нам надо искоренить продажность и подлость современной русской науки и литературы, воплощающуюся в огромной массе публицистов, писак и псевдоученых, состоящих на жалованьи III Отделения, или стремящихся заслужить это жалованье. Надо избавиться тем или другим путем от лжеучителей, доносчиков, предателей, грязнящих знамя истины, в которое они драпируются, как ее служители». Здесь же Нечаев замечал, что «чувствуется настоятельная потребность в подробном списке не по алфавитному порядку имен, а по степени мерзостности и вредности, с присовокуплением чина и звания, а также и мест пребывания» и выразил надежду, что «таковой список, составленный знающими людьми, конечно, не замедлит последовать».

Впрочем, не дожидаясь предложений, Нечаев сам назвал некоторых первоочередных кандидатов на

¹ Катехизис революционера.

уничтожение. Наряду с такими правительственными деятелями, как Н.В.Мезенцев и П.А.Валуев, в нем значились публицисты, издатели, историки — М.Н.Катков, А.Д.Градковский, А.А.Краевский, М.П.Погдин и др. Любопытно, что Нечаев включил в свой проскрипционный список не только заведомых консерваторов, но также лиц, пользовавшихся репутацией либералов. В общем, планы Сергея Геннадиевича были обширны. Серия террористических актов должна была послужить началом «истинного движения, с целью приготовления благоприятных условий для близкого, общенародного восстания против государственности и сословности»¹.

Осуществить Нечаеву удалось только один террористический акт — как известно, его жертвой стал не правительственный чиновник или реакционный публицист, а студент, участник нечаевской «Народной расправы» И.И.Иванов, выразивший сомнения в некоторых действиях Нечаева. Убийство Иванова стало классическим «теоретическим» убийством. Он, по мнению Нечаева, представлял опасность для «Народной расправы», подрывая авторитет ее руководителя — и был уничтожен в полном соответствии с шестнадцатым параграфом «Катехизиса...» — «прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для организации»². Дистанция между теорией и практикой оказалась у русских революционеров на удивление короткой.

«Нечаевщина» вызвала аллергию у русских революционеров к терроризму и заговорществу почти на десять лет. Однако она оказалась отнюдь не случайным и преходящим явлением. Вполне справедливо писал Б.П.Козьмин, что «необходимо отказаться от оценки нечаевского дела, как какого-то «во всех отношениях монстра» (выражение Н.К.Михайловского), как случайного эпизода, стоящего изолированно в истории нашего революционного движения, не связанного ни с его прошлым, ни с его будущим. Другими словами, необходимо дать себе отчет в том, что нечае-

¹ За сто лет. С. 95—96.

² См. подробнее: Будницкий О.В. «Теоретическое» убийство // За строкой учебника истории. Ростов-на-Дону, 1995. С. 210—220.

вское дело, с одной стороны, органически связано с революционным движением предшествующих лет, а с другой — предвосхищает в некоторых отношениях ту постановку революционного дела, какую оно получило в следующее десятилетие»¹.

«Мнение Михайловского, — приходит много лет спустя после Козьмина к сходным выводам В.Страда, — интересно как проявление того замешательства, когда стремятся минимизировать предмет скандала и объявляют его случайным и исключительным». Соглашаясь с В.И.Засулич, что характер Нечаева был «исключительным», хотя подобные ему «характеры» появлялись и позднее, итальянский исследователь справедливо замечает, что «было бы ошибочным обращать внимание прежде всего на "характер" Нечаева: если его психологический портрет и важен, то решающим является все же тот тип практической и теоретической деятельности, которому Нечаев положил начало и который вполне может быть повторен и при менее "исключительных" характерах, причем даже с большим успехом в безличных и коллективных формах»².

Нечаевская традиция — физического истребления или терроризации «особенно вредных» лиц, беспрекословного подчинения «низов» революционному начальству, наконец, оправдания любого аморализма, если он служит интересам революции, прослеживается на протяжении всей последующей истории русского революционного движения. Терроризм и заговорщичество стали его неотъемлемой частью, а нравственные основы, заложенные декабристами и Герценом, все больше размывались.

2. Эпоха «Земли и воли» и «Народной воли»

«Нечаевщина» надолго отбила у российских революционеров вкус к террористически-заговорщической деятельности. Крупнейшая народническая организация первой половины 1870-х годов — «чайковцы» —

¹ Козьмин Б.П. С.Г.Нечаев и его противники в 1868—1869 гг. // Революционное движение 1860-х годов / Под ред. Б.И.Горева и Б.П.Козьмина. М., 1932. С. 169—170.

² Страда Витторио. Гуманизм и терроризм в русском революционном движении // Революционный радикализм в России: Век девятнадцатый / Под ред. Е.Л.Рудницкой. М., 1997. С. 519, 520.

сформировалась на принципах, противоположных нечаевским¹. Однако антитеррористический период в российском революционном движении, или, как его определил впоследствии в своей речи на процессе по делу 1 марта 1881 года А.И.Желябов, «розовая, мечтательная юность», оказался непродолжительным.

По нашему мнению, возникновение заговорщически-террористического направления было закономерным для русского революционного движения. Нечаевщина кажется извращением в силу тех жутковато-карикатурных форм, которые приняли практика и теория терроризма и заговорщичества в деятельности конкретных лиц — С.Г.Нечаева и его соратников. Когда за дело взялись люди более порядочные, образованные и опытные, те же, по существу, идеи и сходная во многом практика приобрели внешне более благородный вид. Хотя, как свидетельствует опыт заговорщически-террористической деятельности, начавшись, как правило, при участии лично честных людей и с самыми лучшими целями, она неизбежно заканчивалась чем-то, подобным нечаевщине — дегаевщиной в случае с «Народной волей» или азефовщиной в случае с эсеровской Боевой организацией.

Условия, приводившие к возрождению террористических идей и к возобновлению террористической борьбы, оставались в России неизменными на протяжении четырех десятилетий после начала реформ 1860-х годов — разрыв между властью и обществом, незавершенность реформ, невозможность для образованных слоев реализовать свои политические притязания, жесткая репрессивная политика властей по отношению к радикалам при полном равнодушии и пассивности народа толкала последних на путь терроризма². А затем

¹ См.: Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды). Саратов, 1991.

² Об этом писали историки и публицисты еще в начале XX века. Так, А.Е.Пресняков считал, что правительство после реформ 1860-х годов отказалось от «дальнейшей творческой работы» и тем самым вызвало революционное движение, приведшее к «мартовской трагедии» (Пресняков А. Революционное народничество // Московский еженедельник. 1906. № 27. С. 39—40, 46). Аналогичных взглядов придерживались А.А.Корнилов, П.Б.Струве и др. Подробнее см.: Будницкий О.В. История изучения «Народной воли» в конце XIX — начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

все возраставший взаимный счет покушений и казней приводил все к новым виткам кровавой спирали.

Однако у терроризма был и еще один, не менее важный источник — теоретический. Террористическая идея, возникнув под влиянием определенных общественных условий и чтения радикальной литературы в умах молодых людей, чей революционный темперамент перехлестывал через край и был не всегда в ладах с разумом, развивалась, приобретая все более логический и стройный вид. Она развивалась под влиянием революционной практики, но и сама оказывала на нее все большее воздействие. Немалое число неопитов пришло в террор под влиянием чтения «подпольной» литературы или речей подсудимых на процессах террористов. Недаром правительство прекратило публикацию подробных отчетов о процессах, а впоследствии запретило распространение им же опубликованных материалов¹.

Вернемся, однако, к вопросу о дальнейшем генезисе террористических идей в российском революционном движении.

Ключевым в дальнейшей истории российского терроризма стал 1878 год, политически начавшийся выстрелом Веры Засулич. Если нечаевский терроризм шел от теории и убийство Иванова диктовалось холодным расчетом, то покушение Засулич — следствие чувства оскорбленной справедливости. И — парадоксальным образом — этот абсолютно незаконный акт стал своеобразным средством защиты закона и личности. Это очень точно почувствовали присяжные заседатели, вынесшие по делу Засулич оправдательный вердикт. Дело Засулич высветило еще один мотив перехода радикалов к терроризму — при отсутствии в России гарантий личных прав и, разумеется, демократических свобод, оружие казалось тем людям, которые не могли взглянуть на человеческую историю с точки

¹ См.: Будницкий О.В. История «Народной воли» в идейной борьбе первой российской революции // Революционеры и либералы России. М., 1990; Страда В. Указ. соч. С. 518; С. 275—277; Могильнер М. Мифология «подпольного человека». М., 1999. С. 24—28.

зрения вечности, единственным средством самозащиты и справедливого возмездия.

Р.Пайпс пишет, что оправдание Засулич было «наиболее вопиющим примером подрыва законности либеральными кругами» и возлагает ответственность на «прогрессивное» общественное мнение за срыв «Первой попытки в истории страны поставить дело так, чтобы правительство тягалось со своими подданными на равных», т.е. в суде¹. Полагаю, что Пайпс преувеличил тягу русского правительства к законности хотя с формально-юридической стороны его рассуждения выглядят вполне обоснованными. Самодержавие «по определению» не могло и не хотело рассматривать своих подданных как равных. А ведь «правительство» было ничем иным, как эманацией самодержавия. Преступление Засулич было настолько очевидным, что властям трудно было предположить возможность вынесения присяжными оправдательного приговора. Пайпс совершенно справедливо пишет, что «прокурор старался, как мог, чтобы дело рассматривалось как уголовное, а не политическое»². По-видимому, это было одним из факторов, повлиявших на решение присяжных. Власть явно пыталась водить их за нос, пытаясь выхолостить политическое содержание дела. Реакция присяжных психологически была достаточно предсказуемой³.

Любопытно, что Пайпс ссылается на враждебную реакцию относительно приговора по делу Засулич, Ф.М.Достоевского и Б.Н.Чичерина, сразу понявших опасные последствия такого «извращения правосудия». Однако же реакция Чичерина была гораздо сложнее. Назвав приговор «прискорбным фактом» общественной жизни, он правильно указал на чисто политический характер дела и отсюда логично заключил, что самодержавное правительство не должно было «отдать действия своего представителя на суд присяжным». Что же касается общества, «к которому в лице

¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 387, 388.

² Пайпс Р. Указ. соч. С. 387.

³ Об обстоятельствах дела см. подробнее: Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. М.; Л., 1933; Bergman J. Vera Zasulich: A Biography. Stanford, 1983.

присяжных взывало правительство», то оно «не могло дать ему поддержки, ибо... в своей совести осуждало систему, вызвавшую преступление, и боялось закрепить ее своим приговором»¹.

Хотел бы еще раз подчеркнуть, что у терроризма в России было два «автора» — радикалы, снедаемые революционным нетерпением, и власть, считавшая, что неразумных детей надо не слушать, а призывать к порядку. Даже если некоторых из них придется для этого повесить. Эта взаимная глухота, неспособность к диалогу приводили все к большему озлоблению обеих сторон, к новым виткам насилия. Свою роль сыграла также позиция части российских либералов, сочувствовавших террористам и даже оказывавших им материальную поддержку².

После выстрела Засулич последовал еще ряд террористических актов, самым громким из которых стало убийство землевольцем С.М.Кравчинским 4 августа 1878 года в Петербурге шефа жандармов генерал-

¹ Цит. по: Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. С. 376—378. Статья Чичерина о деле Засулич, датированная 5-м апреля 1878 года не могла быть опубликована по цензурным соображениям и была размножена на гектографе. Современный исследователь справедливо указывает, что «ни одно правительство не потерпит убийств своих представителей, каким бы возмутительным ни было их поведение; с другой стороны, частные лица имеют не меньшее право привлекать внимание — даже если для этого придется прибегнуть к насилию — к нетерпимому нарушению своих человеческих прав». Таким образом, несмотря на то, что выстрел Засулич был актом «политической наивности», он имел некоторое моральное оправдание. (Bergman J. Vera Zasulich, The Shooting of Trepov and the Growth of Political Terrorism in Russia, 1878—1881 // Terrorism: An International Journal. New York. Vol. 4. № 1. P. 46).

² См.: Тихомиров Л. Начала и концы: «Либералы» и террористы. М., 1890; его же. Конституционалисты в эпоху 1881 года. М., 1895. Причины сочувствия «общества» террористам сжато и, на наш взгляд, точно, сформулировал впоследствии видный кадетский деятель Н.А.Гредескул в книжке, направленной как раз против терроризма. Это сочувствие объяснялось тем, что «политический террор представлялся тогда русскому обществу исключительно с двух сторон: во-первых, с той стороны, что он был способом борьбы с абсолютизмом; во-вторых, с той стороны, что он был самопожертвованием в лице тех, кто на него решался...» // Гредескул Н.А. Террор и охрана. СПб., 1912. С. 12.

адъютанта Н.В.Мезенцева. По случайному совпадению это случилось через день после расстрела в Одессе революционера И.М.Ковальского, приговоренного к смертной казни за вооруженное сопротивление при аресте; и хотя Мезенцев был убит в отместку за то, что он убедил императора не смягчать приговоры осужденным по процессу «193-х» и настоял на административной высылке освобожденных из заключения, в глазах общества убийство Мезенцева выглядело как немедленный ответ на казнь революционера, кстати, первую после казни Каракозова.

В программе крупнейшей революционной организации второй половины 1870-х годов — «Земли и воли» — террору отводилась ограниченная роль. Он рассматривался как средство самозащиты и дезорганизации правительственных структур, признавалось целесообразным «систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный порядок»¹. В передовой статье первого номера центрального печатного органа «Земли и воли» — одноименной газеты (точнее, организация стала называться по имени газеты), разъяснялось, что «террористы — это не более как охранительный отряд, назначение которого — оберегать этих работников (пропагандистов. — О.Б.) от предательских ударов врагов»².

Однако «дезорганизаторская» деятельность все больше напоминала политическую борьбу, а террор все меньше казался вспомогательным средством. Расхождения между теорией и практикой, диссонанс в сознании революционеров отчетливо видны в таком документе переходного периода, как прокламация С.М.Кравчинского «Смерть за смерть», написанная им после убийства Мезенцева. Советуя «господам правительствующим» не мешаться в борьбу революционеров с буржуазией и обещая за это также «не мешаться» в их, правительствующих, «домашние дела», Кравчин-

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. М.; Л., 1965. Т. II. С. 33.

² Земля и воля. № 1. 25 октября 1878 // Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов-на-Дону, б/г. Репринтное изд.: Дюссельдорф, 1970. С. 74.

ский в то же время формулирует некоторые политические, по сути, **требования**¹.

Для нашей темы, однако, существеннее здесь не то, насколько **Кравчинским** осознается политический характер его террористического акта, сколько признание им террора едва ли не важнейшим средством достижения целей революционеров — безразлично, экономических или политических:

«До тех пор, пока вы будете упорствовать в сохранении теперешнего дикого бесправия, наш тайный суд, как меч Дамокла, будет вечно висеть над вашими головами, и смерть будет служить ответом на каждую вашу свирепость против нас.

Мы еще недостаточно сильны, чтобы выполнить эту задачу во всей ее широте. Это правда. Но не обольщайтесь.

Не по дням, а по часам растет наше великое движение.

Припомните, давно ли оно вступило на тот путь, по которому идет. С выстрела Веры Засулич прошло всего полгода. Смотрите же, какие размеры оно приняло теперь! А ведь такие движения растут с все возрастающей силой, подобно тому, как лавина падает со все возрастающей скоростью. Подумайте: что же будет через какие-нибудь полгода, год?

Да и много ли нужно, чтобы держать в страхе таких людей как вы, господа правительствующие?

Много ли нужно было, чтобы наполнить **ужасом** такие города, как Харьков и **Киев?**»²

Кстати, Кравчинский, по-видимому, намеревался придать своему теракту максимально символическое значение. По свидетельству Л.А.Тихомирова, он первоначально собирался отрубить Мезенцеву голову, для чего заказал особую саблю, «очень короткую и толстую». Учитывая огромную физическую силу Кравчинского, в его плане не было ничего невероятного. Однако такой способ убийства был признан товарищами Кравчинского непрактичным и он в конце концов

¹ Кравчинский С.М. Смерть за смерть (Убийство Мезенцева). Пг., 1920. С. 19-20.

² Кравчинский С.М. Указ. соч. С. 19.

был вооружен более традиционным, хотя и вполне символическим оружием — **кинжалом**¹.

В той же статье в «Земле и воле», в которой автор, тот же Кравчинский, объявлял террористов лишь «**охранным отрядом**» и подчеркивал, что «обратить все наши силы на борьбу с правительственной властью — значило бы оставить свою прямую, постоянную цель, чтобы погнаться за случайной, временной», несколькими строками выше, с плохо скрытым восторгом, говорилось: «...**На** наших глазах совершается явление поистине необыкновенное, быть может, единственное во всей истории: «горсть» смелых людей объявляет войну насмерть всемогущему правительству, со всеми его неизмеримыми силами; она одерживает над ними одну за другою несколько кровавых побед; во многих местах обуздывает дотоле ничем не обузданный произвол и быстрыми шагами идет к победам, еще более блестящим и решительным»².

На страницах первого номера «Земли и воли» в защиту политических убийств выступил и **Д.А.Клеменц**. Отвечая на статью в «Голосе» по поводу убийства Мезенцева, он писал, обращаясь к ее автору: «Скажем еще два слова по поводу политических убийств, прежде нежели мы расстанемся с вами. Вы с апломбом, достойным лучшего дела, авторитетно утверждаете, что убийства никогда делу свободы не служили. Не только они зачастую служили ему, мой милый, они даже в некоторых случаях неразрывно слились в памяти народа с самим именем свободы. Спросите вашего сотрудника, **Пыпина**, насчет легенды о герое Косова поля, «кинжальщике» Милоше Обреновиче, поразившем турецкого султана, и сходите два раза в оперу, послушайте «**Вильгельма Телля**» Россини и «**Юдифь**» Серова»³.

Процесс перехода части землевольцев от анархизма к политической борьбе, от бунтарства к терроризму рассматривается, наряду с другими проблемами, в монографии В.А.Твардовской «Социалистическая мысль

¹ Незданные записки Л.Тихомирова // Красный архив. 1928. Т. 4(29). С. 153.

² Революционная журналистика семидесятых годов. С. 73.

³ [Клеменц Д.А.]. По поводу подвигов прессы // Революционная журналистика семидесятых годов. С. 97.

в России на рубеже 1870—1880-х годов». Твардовская пишет, что «высшая стадия бакунизма в России — землевольческая — с требованием пропаганды фактами, наглядной агитации вплотную подводи́ла революционеров к политической борьбе». Причем «наиболее яркой формой нового движения был террор». По справедливому замечанию Твардовской, «террор рождался в процессе поисков наиболее результативных и действенных способов той самой агитационно-бунтовской деятельности, о которой особенно настойчиво заговорили после первых неудач землевольческих поселений».

Первые террористы даже не ставят эту цель — истребление, физическое уничтожение объектов своих покушений. Для них сам звук выстрела важнее этих его последствий, ведь главное здесь — привлечь внимание общества, пробудить его активность, **явственно**, ошутимо выразить протест¹.

В книге Твардовской прослеживается развитие идеи политической борьбы путем террора в конце 1870-х годов. Она рассматривает воззрения ряда «переходных» фигур — **М.А.Коленкиной**, **В.Д.Дубровина**, **С.Н.Бобохова**, **Г.Д.Гольденберга**, **И.М.Ковальского**, деятельность и систему взглядов участников кружков **С.Я.Виттенберга** — **И.И.Логовенко** и **В.А.Осинского** — **Д.А.Лизогуба**, разногласия среди землевольцев по поводу покушения **А.К.Соловьева** и пропаганды терроризма в статьях **Н.А.Морозова** в «Листке «Земли и воли»».

Нас в этой ситуации интересует, во-первых, то, что террор, чем бы ни руководствовались лица, его применявшие и приветствовавшие, в 1878 — начале 1879 года становится обычным приемом борьбы русских революционеров, во-вторых, что некоторые из них начинают признавать его **единственно** возможным и эффективным способом борьбы.

Особое значение для развития террористической идеи имели деятельность и взгляды **В.А.Осинского**. Осинский и его товарищи, как известно, первыми назвали себя Исполнительным комитетом и попытались

¹ Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969. С. 16—17.

возвести терроризм в систему. **В.А.Твардовская**, в отличие от **М.Г.Седова** и **С.С.Волка**, не считает деятелей южного **ИК** сознательными политическими революционерами¹. Однако никто из исследователей не подвергает сомнению последовательно террористический характер кружка **В.А.Осинского**. Значительное эмоциональное воздействие на революционеров конца 1870-х годов оказало предсмертное письмо Осинского, в котором он подчеркивал, что «мы не сомневаемся в том, что ваша деятельность теперь будет направлена в одну сторону... Ни за что более, по нашему, партия физически не может **взяться**»². Психологическое воздействие письма усиливалось мученической смертью Осинского и его товарищей **Л.К.Бранднера** и **В.А.Свириденко**.

Наиболее последовательно возведение политических убийств в систему отстаивал в революционной журналистике «переходного» периода **Н.А.Морозов**. В сдвоенном 2—3 номере «Листка «Земли и воли» он опубликовал статью с недвусмысленным названием «Значение политических убийств». Начав с заявлений, вполне укладывающихся в землевольческий «канон», что «политическое убийство — это прежде всего акт мести» и «единственное средство самозащиты при настоящих условиях и один из лучших агитационных приемов», Морозов пошел дальше. По его словам, политическое убийство, «наносит удар в самый центр правительственной организации... со страшной силой заставляет содрогаться всю систему. Как электрическим током, мгновенно разносится этот удар по всему государству и производит неурядицу во всех его функциях».

Указав, что объединение в тайное общество давало «горсти смелых людей возможность бороться с миллионами организованных, но явных врагов», Морозов добавлял, что «когда к этой тайне присоединится политическое убийство, как систематический прием

¹ См.: Седов **М.Г.** Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 78, 80, 82 и др.; Волк **С.С.** «Народная воля». 1879—1882. М.; Л., 1966. С. 71 и др.; Твардовская **В.А.** Социалистическая мысль... С. 21.

² Листок «Земли и воли». № 6. 14 июня 1879 // Революционная журналистика семидесятых годов. С. 282—283.

борьбы — такие люди сделаются действительно страшными для врагов. Последние должны будут каждую минуту дрожать за свою жизнь, не зная, откуда и когда придет к ним месть». Тайна обеспечивает неуязвимость террористов и бессилие могущественной государственной машины: «Неизвестно, откуда явилась карающая рука и, совершив казнь, исчезла туда же, откуда пришла — в никому неведомую область»¹.

Кстати, **С.М.Кравчинский**, автор передовой статьи в первом номере «Земли и воли», в которой содержалась известная формула: «Революции — дело народных масс. Подготавливает их история. Революционеры ничего поправить не в силах», здесь же с явным удовлетворением писал: «Грозно поднимается отовсюду могучая подземная сила. Какое лучшее зеркало для бойца, как не лицо его противника? Смотрите же, как исказилось оно у наших врагов, как мечутся они, обезумевшие, от ужаса, не зная, что предпринять, чем спастись от таинственной, неуловимой, непобедимой силы, против которой бессильны все человеческие средства». И далее, вполне по-морозовски: «Чудовище», жившее до сих пор где-то под землей, занимаясь подкапыванием разных «основ», вдруг от времени до времени начинает высовывать наружу одну из своих лап, чтобы придушить то ту, то другую гадину, которая слишком надоест ему. И при каждом своем появлении на свет, «чудовище» обнаруживает все большую и большую дерзость и беспощадность в исполнении своих кровавых замыслов и все большую ловкость и быстроту в укрывании своих следов»².

Логичнее, впрочем, предположить влияние, во всяком случае стилистическое, Кравчинского на Морозова, нежели наоборот. Сравните: «Неведомая никому» подпольная сила вызывает на свой суд высокопоставленных преступников, постановляет им смертные приговоры — и сильные мира чувствуют, что почва теряется под ними, как они с высоты своего могущества валяются в какую-то мрачную, неведомую пропасть...»³

¹ Листок «Земли и воли». № 2—3. 22 марта 1879 // Революционная журналистика семидесятых годов. С. 282—283.

² Революционная журналистика.... С. 72, 73.

³ Там же. С. 283.

Это уже Морозов. «Политическое убийство, — делал вывод будущий почетный академик, — это самое страшное оружие для наших врагов, оружие, против которого не помогают ни грозные армии, ни легионы шпионов». С его точки зрения, «3—4 удачных политических убийства» заставили правительство прибегать к таким экстраординарным мерам самозащиты, «к каким не принудили его ни годы пропаганды, ни века недовольства во всей России, ни волнения молодежи» и т.д. «Вот почему, — писал Морозов, — мы признаем политическое убийство за одно из главных средств борьбы с деспотизмом». Несколькими строками выше он высказался еще категоричнее: «Политическое убийство — это осуществление революции в **настоящем**»¹.

Несомненно идейное влияние, которое оказала на сторонников терроризма среди русских революционеров философия Е.Дюринга. Точнее, ее интерпретация Н.К.Михайловским, на что обратила внимание В.А.Твардовская². В статье, посвященной разбору «Курса философии» Дюринга, впервые опубликованной в 1878 году в «Отечественных записках», Михайловский писал: «Зло существует и с ним надо бороться, бороться иногда жестокими, даже террористическими средствами. Мудрствовать о происхождении зла — дело совершенно излишнее, а тем паче нет надобности припутывать к этому простому вопросу какую-нибудь мистику... бывают исторические моменты, когда даже благороднейшие люди... прибегают к жестоким средствам и должны вследствие этого в известной мере нравственно деградироваться. Раз обида нанесена, раз насилие совершено, надо видеть во враге врага, причем оказываются дозволительными орудия хитрости и насилия». Правда, здесь же следовала оговорка, что и «в подобных крайних случаях нравственный человек не должен забывать, что он — человек»³. Критерий нравственности при этом оставался вполне субъективным.

¹ Революционная журналистика семидесятых годов. С. 283.

² Твардовская В.А. Социалистическая мысль... С. 29—30.

³ Михайловский Н.К. Утопия Ренана и теория автономии личности Дюринга // Михайловский Н.К. Сочинения. Изд-е Редакции журнала «Русское богатство». СПб., 1897. Т. 3. С. 233.

В статье Михайловского содержалось, по сути, философское оправдание индивидуального террора. Он писал, что «нравственно-ответственными могут быть только личности, а не общественные группы. Единственный носитель сознания, а, следовательно, единственно ответственный индивид не должен прятаться за группу, или вообще прикрываться чужой волей. Отчуждая же свою волю, слепо отдаваясь какому-нибудь авторитету, он превращается в простое орудие, в "обесчеловеченную машину", с которой следует поступать так же, как мы вообще поступаем с наносящими нам вред орудиями — мы их уничтожаем или как-нибудь убираем с дороги»¹. При этом принципы права можно игнорировать, ибо «бывают времена, когда частная месть, которая в первобытные времена имела громадное значение, а среди цивилизации не должна бы иметь никакого, поднимается точно из-под земли, как призрак, напоминающий, что есть сила, более глубоко заложённая, чем произвольные ограничения так называемого права»².

Любопытно — несомненно, не случайное — сходство образных средств, которыми пользуются авторы цитированных выше текстов — Кравчинский, Морозов и Михайловский. Я имею в виду прежде всего навязчивый образ подземелья, из которого приходит неведомый мститель-террорист.

Михайловский разделял в основном взгляды Дюринга; для него Дюринг «несомненный человек науки» и хотя его теория суверенитета личности «стоит на довольно шатком основании, но разработана последовательно и разносторонне, так что под нее можно было бы подвести и другой, более прочный фундамент, не колебля самой постройки... Из этого следует, что русский человек, просто ли многоглаголющий о науке или действительно уважающий науку, должен приложить довольно много стараний и самостоятельных усилий мысли для выработки себе нравственно-политического символа веры»³. Русские люди, к которым обращался Михайловский, а именно русские револю-

¹ Михайловский Н.К. Утопия Ренана... Стлб. 234.

² Михайловский Н.К. Указ. соч. Стлб. 241.

³ Там же. Стлб. 251-252.

ционеры, такой символ веры, не без помощи одного из своих духовных наставников, выработали. В него вошли и месть, которою, по словам Михайловского, «дышит Дюринг», и террор, «который он обещает надругателям над достоинством личности»¹.

В переходе народников от пропаганды к террору в конце 1870-х годов решающую роль, на наш взгляд, сыграли факторы психологического порядка. В этом сходились такие разные люди, как Г.В.Плеханов и Л.А.Тихомиров. Нельзя не согласиться с Плехановым, что в переходе к террору сыграла главную роль не невозможность работы в деревне, а *настроение революционеров*². Его постоянный антагонист объяснил причины этого настроения весьма точно и зло. Террор, этот «единоличный бунт», вытекал, по его мнению «в глубине своего психологического основания, вовсе не из какого-нибудь расчета и не для каких-нибудь целей... Люди чуть не с пеленок, всеми помыслами, всеми страстями, были выработаны для революции. А между тем никакой революции нигде не происходит, не на чем бунтовать, не с кем, никто не хочет. Некоторое время можно было ждать, пропагандировать, агитировать, призывать, но наконец все-таки никто не желает восставать. Что делать? Ждать? Смириться? Но это значило бы сознаться пред собой в ложности своих взглядов, сознаться, что «существующий строй» имеет весьма глубокие корни, а «революция» никаких, или очень мало... Оставалось одно — одиноличный бунт... Оставалось *действовать* в одиночку, с группой товарищей, а стало быть — против *лица же*... В основной подкладке это просто был единственный способ начать революцию, то есть показать *себе*, будто бы она действительно начинается, будто бы собственные толки о ней — не пустые фразы»³.

Ренегатство бывшего главного идеолога «Народной воли» не делает его наблюдения менее верными. Никакого движения в народе вызвать за годы пропаганды

¹ Михайловский Н.К. Указ. соч. Стлб. 251.

² Плеханов Г.В. Предисловие к русскому изданию книги А.Туна «История революционных движений в России» // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1927. Т. XXIV. С. 97.

³ Тихомиров Л. Начала и концы: «Либералы» и террористы. М., 1890. С. 88-91.

не удалось; единственный почти подготовленный бунт был основан на мистификации: революционеры выступили в роли царских эмиссаров («Чигиринское дело»). В.Н.Фигнер вспоминала, что где бы ни селились революционеры-пропагандисты, они везде встречали «крайнюю нужду в земле и тяжесть платежей, и в силу этого в громадном большинстве случаев» находили сочувствие к своей деятельности, однако «нигде, решительно нигде, не было ни малейшего признака активного выступления со стороны крестьян». Жизнь в деревне «не давала никакой надежды, что что-нибудь изменится в этом отношении». «С таким положением дела» Фигнер не могла примириться: «Если за эти два года я ничего не сделала для революции, то этому я должна положить конец. И я решила, что более не возвращусь к крестьянству: я останусь в городе и буду вместе с другими действовать с другого конца: нападая на правительство, будем расшатывать его и добиваться свободы, которая даст возможность широко воздействовать на массы»¹.

Сходное настроение подтолкнуло А.К.Соловьева к покушению на Александра II: «Бесполезно жить в деревне, — говорил он Фигнер. — Мы ничего не будем в состоянии сделать в ней, пока в России не произойдет какое-либо потрясающее событие. Убийство императора будет таким событием: оно всколыхнет всю страну. То недовольство, которое теперь выражается глухим ропотом народа, вспыхнет в местностях, где оно наиболее остро чувствуется, и затем широко разольется повсеместно. Нужен лишь толчок, чтобы все поднялось...»²

Очевидно, что приведенные рассуждения носили совершенно умозрительный характер и свидетельствовали прежде всего о внутреннем состоянии революционеров, плохо коррелируя с реалиями окружающего их мира.

* * *

¹ Фигнер В.Н. «Земля и воля» // Кан Г.С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997. С. 163, 171.

² Там же. С. 162.

Идеология организации, само название которой стало символом терроризма — разумеется, речь идет о «Народной воле» — неоднократно становилась предметом исследования отечественных и зарубежных историков¹. Парадокс заключается в том, что принципиально террор не занимал главного места ни в программных документах, ни — за исключением отдельных периодов — в деятельности партии. И все же в историю «Народная воля» вошла, благодаря серии покушений на императора, завершившихся царевубийством 1 марта 1881 года, прежде всего как террористическая организация. Все последующие террористические организации в России отталкивались от народо-вольческого опыта, принимая его за эталон или пытаясь модернизировать, все последующие идеологи терроризма тщательно изучали народо-вольческие документы, пытаясь уяснить, в чем причина поражения партии — во внешних ли обстоятельствах, или же в самой системе взглядов народо-вольцев.

В «Программе Исполнительного комитета», которая была продуктом коллективного творчества при

¹ Идеологии «Народной воли» посвятила монографию В.А.Твардовская (Социалистическая мысль в России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969); см. также: Волк С.С. Программные документы «Народной воли» // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М; Л., 1963; его же. «Народная воля». 1879—1882. М; Л., 1966; Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966; Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983; Кан Г.С. Указ. соч. и др. Информативный, хотя и несущий на себе отпечаток времени обзор зарубежной литературы см. в книге: Карпачев М.Д. Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы. М., 1979. С. 148—152. Мы не ставим своей задачей анализ идеологии «Черного передела», этого, по словам В.А.Твардовской, идейного противника «Народной воли» и ее союзника в борьбе с самодержавием (Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1983. С. 294). Чернопередельцы сохраняли, как правило, «неприятие террора, продолжали видеть в нем противоречие революционным идеалам» (Там же. С. 303). Однако, как справедливо писал впоследствии один из лидеров «Черного передела» О.В.Аптекман, его деятельность была не чем иным, как прелесмертными судорогами революционного народничества (Аптекман О.В. «Черный передел» // «Черный передел» (Памятники агитационной литературы. Т. 1). М.; Пг., 1923. С. 102).

«первенствующей роли» Л.А.Тихомирова, террору отводилось скромное место в разделе «Д». «Деятельность разрушительная и террористическая» расшифровывалась в подпункте 2) как «состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т.п., имеет своею целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы»¹.

Нетрудно заметить, что, повторяя во многом землевольческую программу, в которой террор рассматривался прежде всего как орудие самозащиты и мести, программа народовольческая рассматривает его, по точному выражению В.А.Твардовской, «как один из эффективных методов подрыва власти, как наступательное оружие»².

Со временем, убедившись, что наибольшие успехи партии, рост ее авторитета в революционной среде и в обществе связаны прежде всего с **террором**³, народовольцы возлагают на него все большие надежды. Уже в «Подготовительной работе партии» (весна 1880 г.) террор рассматривается как важнейший элемент при захвате власти: «Партия должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действий, начать дело и довести его до конца. Искусно выполненная

¹ Цит. по: Фигнер В. Запечатленный труд. М., 1964. Т. I. С. 399.

² Твардовская В.А. Комментарии // Фигнер В. Указ. соч. С. 435.

³ «19-е ноября нас было на секунду поправило. О нас говорили как о чем-то существующем. Но в то же время провалы типографии и прочего] выхватили у нас множество людей и средств. Только 5-е февраля поставило нас окончательно на ноги. Россия признала, что мы есть». (Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» заграничным товарищам // Революционное народничество 70-х годов XIX века. М; Л., 1965. С. 318). Народовольцы совершенно справедливо увязывали рост популярности партии с громкими покушениями — взрывом царского поезда под Москвой 19 ноября 1879 г. и взрывом в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г.

система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10—15 человек — столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действия и в то же время возбудит народные массы: т.е. создаст удобный момент для нападения. Пользуясь этим моментом, заранее собранные боевые силы начинают восстание и пытаются овладеть главнейшими правительственными учреждениями. Такое нападение легко может увенчаться успехом, если партия обеспечит себе возможность двинуть на помощь первым застрельщикам сколько-нибудь значительные массы рабочих и проч»¹.

В декабре 1880 г. центральный орган партии «Народная воля» вынужден опровергать высказывания А.А.Квятковского и С.Г.Ширяева, сделанные ими на процессе «16-ти» (октябрь 1880 г.) по поводу места террора в партийной деятельности. Квятковский говорил, что террор «составляет второстепенную, если не третьестепенную» часть партийной программы и «имеет в виду защиту и охранение» членов партии, а не «достижение целей ее». Политические убийства вызваны «страшным, жестоким отношением правительства к нам — революционерам... исключительными, аномальными, специально только к нам — революционерам — применяемыми законами». В том же духе разъяснял переход народовольцев к террору Ширяев: «Красный террор Исполнительного комитета был лишь ответом на белый террор правительства. Не будь последнего, не было бы и первого. Я глубоко убежден, что товарищи, оставшиеся на свободе, более, чем кто-либо, будут рады прекращению кровопролития, прекращению той ожесточенной борьбы, на которую уходят лучшие силы партии, и которая лишь замедляет приближение момента торжества царства правды, мира и свободы — нашей единственной заветной цели»².

Однако товарищи Квятковского и Ширяева за год, прошедший после их ареста, заметно изменили свои взгляды. «Люди, оторванные от жизни стенами казе-

¹ Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 305—306

² Народовольческая литература // Былое: Журнал, издававшийся за границую под ред. В.Л.Бурцева. Ростов-на-Дону, 1906. Вып. I. С. 135—136.

матов Петропавловской крепости, не имевшие возможности взвесить и оценить всех последствий активной борьбы партии с правительством, могут сводить задачу террора к «самозащите партии и мести за жертвы правительственных репрессалий». Наши товарищи не имели, к несчастью, возможности наблюдать за ростом партии и действием террора на сознание народных масс. Поэтому их нельзя винить за то, что они не пожелали стать пророками и не внесли террора в число средств к достижению задач партии. Это лежит на нашей обязанности, на обязанности всех активных революционеров. Кто же из них станет отрицать, что дезорганизация правительства в крупнейших административных центрах помогла бы начавшемуся восстанию и облегчила бы победу народа?»¹

В другом месте цитированной выше статьи «По поводу процесса 16-ти» о терроре говорилось еще более определенно: «Террор — как один из способов борьбы с государственной организацией, как сильное агитационное средство в руках социалиста-революционера, — оказал уже услугу народному делу. Мысль о возможности и полезности этого рода борьбы проникает все более и более в сознание не только революционеров всех фракций, но — что еще важнее — в сознание городского рабочего населения и крестьянства. Нужно стоять в стороне от жизни, чтобы не замечать этого или утверждать **противное**»².

Отношение «революционеров всех фракций» к терроризму, несомненно, менялось под влиянием народо-вольческих достижений. «Вековой предрассудок может быть разбит только великими событиями», — писал по поводу царевбийства 1 марта 1881 года «Черный передел». Этим актом «нанесен не поправимый удар идее царизма и всей системе социальной и политической, на знамени которой красуется **монархизм**»³. Эволюцию взглядов П.Л.Лаврова на эту проблему проследил Б.С.Итенберг. Лавров первоначально относился к тер-

¹ Народовольческая литература. С. 137.

² Там же. С. 135.

³ Черный передел. 1881. № 4. Сентябрь // «Черный передел» (Памятники агитационной литературы. Т. 1). М.; Пг., 1923. С. 299.

роризму резко отрицательно. В письме к русским революционерам от 1(13) января 1880 г. он дал крайне негативную оценку террористической тактике: «Я считаю эту систему столь опасной для дела социализма и успех на этом пути столь маловероятным, что если бы я имел малейшее влияние на ваши совещания и решения, когда вы вступали на этот путь, если бы я даже знал достоверно, что вы намерены на него вступить, я постарался бы всеми силами отклонить вас от этого. Но теперь уже поздно. Вы вступили на этот путь и он — именно один из тех, с которых сойти трудно, не признав явно слабость партии, не признав себя в глазах посторонних наблюдателей побежденными и не подорвав своего нравственного значения в совершающейся борьбе»¹.

Тот самый Лавров, который в письме Н.А.Морозову в мае 1880 года предупреждал, что терроризм в конечном счете вызовет «общее отвращение» и что если правительство продолжит «серьезную войну против террористов, нет ни малейшего сомнения, что все они погибнут, а императорство останется», после 1 марта 1881 года писал уже нечто иное. Теперь он отмечал, что «все живые силы страны примкнули к этой партии», а Исполнительный комитет «своей энергической деятельностью» «в невероятно короткое время довел дело расшатывания русского императорства весьма далеко»².

В марте 1882 года в предисловии к «Подпольной России» С.М.Кравчинского Лавров писал: «И никто не решится сказать, что победа на стороне правительства, когда именно его меры повели к гибели одного императора, к добровольному самозаклчению другого, к полному расстройству в настоящее время государственного организма **России**»³. Оставаясь противником терроризма в принципе, Лавров, тем не менее, «примкнул» к «Народной воле», став, по словам Б.С.Итенберга, ее «союзником», а по довольно спорному мнению А.А.Сундиевой даже идеологом

¹ Здесь и далее цит. по: Итенберг Б.С. П.Л.Лавров в русском революционном движении. М., 1988. Данный фрагмент цит. по с. 195.

² Итенберг Б.С. П.Л.Лавров... С. 198, 199.

³ Там же. С. 208.

партии¹ (правда, в тот период, когда от нее уже мало что осталось). Итенберг справедливо пишет, что Лавров «отдавал себе отчет в том, что «Народная воля» представляет собой единственную реальную силу революции»². Но поскольку «реальная сила» партии определялась преимущественно ее успехами на поприще терроризма, не означало ли это со стороны Лаврова фактического признания эффективности народо-вольческой тактики?

Заметные изменения произошли во взглядах на террористическую тактику другого крупнейшего идеолога народничества — П.Н.Ткачева. По словам ближайшего соратника Ткачева по «Набату», Г.-М.Турского, Ткачев «вначале (конец 1876 — начало 1877 г. — О.Б.) был против террора и признавал террор только по отношению шпионов. Но позже он должен был или выйти из «Набата», или признать террор, и он признал»³. Правда, в отличие от Турского, вплоть до 1878 года в пользу террора на страницах «Набата» не высказывался. Проповедь терроризма, которая велась Турским, вряд ли кого-нибудь могла вдохновить, поскольку, во-первых, очень уж напоминала нечаевскую, во-вторых, ввиду крикливо-карикатурного стиля автора.

В одной из статей цикла «Революционная пропаганда» Турский писал, вполне в духе «Народной правды»: «Удачный выстрел Каракозова был бы таким революционным фактом, который бы в один миг сделал то, чего нам не достигнуть и во сто лет мирной пропаганды. От нас зависит начать революцию сегодня или отложить ее на десятки лет»⁴. Для Турского терроризм — важнейшее средство пропаганды: «Разбудивши общество, не следует давать ему засыпать, а потому необходимо, чтобы факты революционной пропаганды повторялись как можно чаще, т.е. чтобы как можно чаще были предаваемы казни злодеи

¹ Там же. С. 221. Ср.: Сундиева А.А. П.Л.Лавров и «Народная воля»: Дис... канд. ист. наук. М., 1984. С. 67.

² Итенберг Б.С. Указ. соч. С. 207.

³ Цит. по: Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992. С. 139.

⁴ Цит. по: Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм. С. 141.

да!»¹. В анонимном «Иностранном обозрении», посвященном в основном рассказу о покушениях Геделя, Нобилинга, Монкасси и Пассананте, привлечших внимание европейского общества, говорилось: «Героические, грандиозные фигуры этих атлетов социальной борьбы — одни уже сошли в могилы... другие смело готовы ступить в них с гордыми словами на устах: "мы против тиранов!" Со словами, напоминающими нам, русским, — громовое "долой деспота!" нашего милого, незабвенного, так довременно погибшего Нечаева...»²

В своей пропаганде терроризма Турский, по меткому выражению Е.Л.Рудницкой, «доходил до состояния экстаза». «С восторгом полного счастья» приветствуя нарастание террористического движения в России, он напутствовал: «Нужно только не переставать казнить, нужно только избегать длинных пауз. Разбудивши общество, не следует давать ему засыпать...» Он провозглашал со страниц «Набата» тотальный террор, призывая «каждого честного человека устранять тиранов и мучителей народа». «Кому не представляется случая устранить большого тирана, — призывал Турский, — пусть устранит помельче. Пусть каждый в этом случае действует по возможности»³.

Ткачев занимал поначалу по отношению к террору гораздо более сдержанную позицию. Для него террор был симптомом осознания революционерами «необходимости прямой непосредственно-революционной деятельности». Террор для Ткачева, справедливо пишет Е.Л.Рудницкая, «лишь частное средство», «лишь одно из средств, а совсем не... цель и главная задача революционной деятельности...». Цель для Ткачева — захват власти революционерами, точнее, организацией революционеров, и террор в этой ситуации ценен лишь постольку, поскольку он помогает решению этой главной задачи⁴.

Позволим себе привести обширные выдержки из статей Ткачева, напечатанных в редчайших номерах

¹ Цитата из статьи Турского «Революционная пропаганда» (1878) приводится по: Турский Г. Борьба с царизмом // Набат. 1881. № 4. 15 сентября. С. 1.

² Набат. 1879. № 1 и 2. (Февраль — июнь). С. 12.

³ Рудницкая Е.Л. Указ. соч. С. 145.

⁴ Там же.

«Набата» и позволяющих, на наш взгляд, отнести идеолога русского бланкизма к числу сторонников и одного из самых ярких пропагандистов терроризма. В статье «Что же теперь делать?», опубликованной в «Набате» в декабре 1879 года, Ткачев подчеркивал, что «непосредственная задача революционной партии должна заключаться в скорейшем ниспровержении существующей правительственной власти. Осуществляя эту задачу, революционеры не готовят, а делают революцию. Но для того, чтобы осуществить ее... революционеры должны, сомкнувшись в боевую, централистическую организацию, направить все свои усилия к подорванию правительственного авторитета, к дезорганизации и терроризации правительственной власти». Для того, «чтобы достигнуть этой цели, чтобы действительно терроризировать и дезорганизовать правительство, необходимо наносить ему удары с систематической последовательностью и неуклонным постоянством, так чтобы оно не имело времени ни одуматься, ни прийти в себя, ни бороться с силами... правительство терроризируется и дезорганизуется не столько силою и смелостью наносимых ему ударов, сколько их систематичностью и последовательностью»¹.

Очевидно, что систематичность и последовательность в деле терроризации правительства могла обеспечить опять-таки боевая централистическая организация. Характерно, что, признав полезность терроризма для захвата власти, Ткачев вполне последовательно приходит к мысли о необходимости систематического террора.

После 1 марта 1881 года тон в статьях Ткачева, напечатанных в возобновленном после годового перерыва «Набате» и почти целиком посвященных терроризму, заметно меняется. В статье «Казнь тирана и ее последствия» он прямо ссылается на статью Турского «Революционная пропаганда», солидаризируясь фактически с взглядами последнего на террор. «Мы говорили, — писал Ткачев, — что, убивая, уничтожая, даже просто запугивая агентов государственной власти, т.е. терроризируя эту власть, мы тем самым ее дезоргани-

¹ Набат. 1879. № 3, 4 и 5. (Декабрь) С. 3.

зуем, расщатаем, и что неизбежным последствием этой дезорганизации и этого шатания будет развитие чувства недовольства, брожения во всех слоях общества, глухой, повсеместный протест и наконец открытые, вооруженные восстания, иными словами возникновение условий наиболее благоприятных (как это доказывает история всех революций) для окончательного уничтожения и искоренения шайки самодержавных злодеев, для окончательного торжества Социальной Революции. Факты, вызванные и обусловленные событием 1 марта, с поразительной очевидностью подтверждают и оправдывают все надежды и предположения революционной партии...»¹

Таким образом, идейный вождь русских бланкистов претендовал на то, что развитие революционного движения пошло не только в соответствии с его прогнозами, но и по рецептам «второго пера» «Набата» — Турского. Признаки народного восстания Ткачев усмотрел в еврейских погромах, прокатившихся по югу страны весной 1881 года. Погромы, в лучшем случае, как это выяснено в литературе, были следствием темноты и религиозных предрассудков, равно как и тяжелого материального положения «низов», в худшем (что, впрочем, не находит подтверждения в источниках) — были организованы властями². Но Ткачеву мерещилось «народное восстание против «жидов», которое «есть не что иное как восстание против народных эксплуататоров и палачей; в нем чувствуются все симптомы зарождающейся Социальной Революции...». «Таковы, — с удовлетворением подводил он итог, — в общих чертах, главнейшие и наиболее бросающиеся в глаза, благие (т.е. благие, конечно, для друзей, а не для врагов народа) последствия события 1 марта»³.

¹ Набат. 1881. № 1. 20 июня С. 1.

² Frankel J. Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862-1917. Cambridge, Eng., 1981. P. 49-114; Aronson M. Troubled Waters: The Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia. Pittsburg, 1990.

³ Набат. 1881. № 1. 20 июня. С. 2. Насколько далеки были представления Ткачева от реальности, свидетельствуют, например, такие штрихи: в ходе антисемитской кампании на страницах прессы, предшествовавшей погромам, евреи обвинялись не только в эксплуатации христианского населения, но и в участии в революционном движении; ши-

Далее следовал настоящий гимн терроризму: «Казнь палача, революционный терроризм в самое короткое время сделали то, чего, при других способах и приемах революционной борьбы, мы не могли бы добиться в течение десятков, сотен лет. Дезорганизовав, дискредитировав, в глазах всех честных людей, правительственную власть, он привел к брожению, он революционизировал все общество, снизу и доверху... Более благоприятных [условий] для успешного окончания, для решительного торжества Народной Революции трудно себе и представить. Ее бурное дыхание уже носится в воздухе!.. От нас зависит ускорить ее приближение, и для этого нужно только дружно, не отворачивая в сторону, твердо и смело идти по пути, указанному нам нашими героями-мучениками. Этот путь и только этот путь не замедлит привести нас к желанной цели — к освобождению народа и к отмщению за вбрызганную кровь замученных палачами наших сестер и братьев. Потому теперь, более чем когда-нибудь, необходимо, чтобы все честные люди, все искренние друзья народа организовались и тесно сплотились под кровавыми знаменами революционного терроризма...¹»

Ткачев выдвигал «боевой лозунг»: «Смерть палачам, смерть тиранам, без различия ранга и места, занимаемого ими в той пресловутой машине, которая зовется русским самодержавным государством; смерть всем висельникам (так. — О.Б.; вероятно: «насильникам»), смерть всем эксплуататорам народа!»² В итоге, начав с весьма сдержанного, если не скептического отношения к терроризму, Ткачев пришел к апологии тотального террора, превзойдя не только народовольцев, но и сторонника «террористической революции» Н.А.Морозова, о чем речь пойдет ниже.

В следующей своей «послемартовской» статье в «Набате», «Герои-мученики», посвященной в основ-

роем распространение получил слух о том, что новый царь издал указ, разрешающий бить евреев. (Aronson M. Op. cit. P. 81—82). Все это не очень напоминало симптомы социальной революции.

¹ Набат. 1881. № 1. 20 июня. С. 2.

² Там же.

ном А.И.Желябову и Н.И.Кибальчичу, Ткачев призвал «вместо того, чтобы в патетических фразах воспевать их геройский подвиг», последовать лучше их примеру. «Вместо того, чтобы поражать их палачей громами негодующего красноречия, постараемся лучше поскорей поразить их Кибальчичевскою бомбою!» Жизнь и деятельность «первомартовцев» «для всех искренних революционеров должна служить назидательным уроком, предостережением и примером», — настаивал Ткачев¹.

Кульминации ткачевская проповедь терроризма достигает в статье с характерным названием «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России». Нарисовав поистине апокалиптическую картину экономического и культурного состояния России, наиболее прискорбным Ткачев счел чувство «животного страха» перед властью, в котором пребывает большинство ее населения. Страх лишает верноподданных «образа и подобия человеческого», делает их неспособными «ни к борьбе, ни даже к пассивному протесту». По словам Ткачева, верноподданные «в угоду своего владыки-царя, откармливают его палачей мозгом и кровью своих собственных сыновей, дочерей, сестер и жен», чтобы «спасти свои шкуры, отец предает своего сына, жена — мужа, брат — брата»².

Единственное средство, полагал Ткачев, «достигнуть политического и социального возрождения России состоит в том, чтобы освободить верноподданных от гнетущего их страха перед «властью предержавшею». В свою очередь, достичь этого можно лишь путем ослабления и дезорганизации государственной власти. Решить проблему «возможно лишь одним способом: терроризированием отдельных личностей, воплощающих в себе... правительственную власть. Скорая и справедливая расправа с носителями самодержавной власти и их клеветами... ослабляет эту власть, нагоняет на нее панику, расстраивает ее функции, заставляет ее — в буквальном смысле этого слова — терять голову». В то же время вышеупомянутая «расправа»

¹ Набат. 1881. № 2. 1 июля. С. 1.

² Набат. 1881. № 3. 1 сентября. С. 2.

подрывает авторитет власти и «разрушает ту иллюзию неприкосновенности **самодержавия**, в которую так искренно верит большинство верноподданных»¹.

Таким образом, революционный терроризм «содействует высвобождению верноподданных из-под гнета оболванивающего и оскотинивающего их страха, т.е. содействует их нравственному возрождению, пробуждению в них, забитых страхом, человеческих чувств; возвращению им образа и подобия человеческого... Революционный терроризм является... не только наиболее верным и практическим средством дезорганизовать существующее полицейско-бюрократическое государство, он является **единственным действительным средством нравственно переродить холопа — верноподданного в человека — гражданина**»².

По-видимому, в революционной литературе нет другого текста о терроризме, написанного с таким языческим восторгом. Логика последовательного сторонника революционного насилия приводит к парадоксальному умозаключению о благотворности убийства для возрождения нравственности и пользе тактики устрашения для избавления от страха.

Эволюция русской революционной мысли в направлении признания террористической тактики наиболее эффективной в конкретных условиях России рубежа 1870—1880-х годов (диапазон здесь был достаточно широк — от констатации успехов Исполнительного комитета при теоретическом неодобрении терроризма до признания его единственно возможным способом борьбы) заставляет внимательней рассмотреть аргументы сторонников «террористической революции», высказанные еще до главных народовольческих достижений. Мы имеем в виду Н.А.Морозова и его немногочисленных последователей.

Морозов предложил еще в августе 1879 года свой вариант программы Исполнительного комитета. Большинство членов ИК он был отвергнут в силу чрезмерной роли, которая отводилась в **морозовском** про-

¹ Набат. 1881. № 3. 1 сентября. С. 2-3.

² Там же. С. 3.

екте **террору**¹. Разногласия достигли такой остроты, что несколько месяцев спустя Морозов был фактически «выслан» своими товарищами по партии за границу. Здесь он издал, с некоторыми изменениями и дополнениями, свой вариант программы под названием «Террористическая борьба».

Брошюра Морозова начинается с экскурса в прошлое народных движений в Европе. Первая форма таких движений — крестьянские восстания, однако они стали невозможны с появлением массовых армий и усовершенствованием путей сообщения. Иное дело — городской рабочий люд, которому сопутствовал успех в ряде выступлений. В России, где крестьянское население разрозненно и рассредоточено на огромных просторах, а городской пролетариат малочислен, революция «приняла совершенно своеобразные формы. Лишенная возможности проявиться в деревенском или городском восстании, она выразилась в «террористическом движении» интеллигентной **молодежи**»².

Во втором разделе брошюры Морозов дал очень сжатый очерк истории революционного движения в России в 1870-е годы, показав логику постепенного перехода от пропаганды к террору. Особо он подчеркивал то обстоятельство, что властям, как правило, не удавалось разыскать террористов: «Совершив казнь, они исчезали без следа»³.

Центральным в «Террористической борьбе», по нашему мнению, является третий раздел, в котором Морозов рассматривает перспективы «этой новой формы революционной борьбы». Придя к заключению, что против государственной организации открытая борьба невозможна, он усматривает силу той горсти людей, которую выдвигает из своей среды «интеллигентная русская молодежь» в ее энергии и неуловимости. «Напору всемогущего врага она противопоставляет непроницаемую тайну». Ее способ борьбы не требует привлечения посторонних людей, поэтому тайная полиция оказывается практически **бессильной**⁴.

¹ См.: Твардовская В.А. Н.А.Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С. 96—103.

² Морозов Н. Террористическая борьба. Лондон (на самом деле — Женева), 1880. С. 3—4.

³ Морозов Н.А. Террористическая борьба. С. 5.

⁴ Морозов Н.А. Указ. соч. С. 6—7.

В руках подобной «кучки людей», — писал Морозов, — тайное убийство является самым страшным орудием борьбы. «Вечно направленная в одну точку "злая воля" делается крайне изобретательной и нет возможности предохранить себя от ее **нападения**»... Так говорили русские газеты по поводу одного из покушений на жизнь императора. «И это верно: человеческая изобретательность бесконечна... террористическая борьба... представляет то удобство, что она действует неожиданно и изыскивает способы и пути там, где этого никто не предполагает. Все, чего она требует для себя — это незначительных личных сил и больших материальных средств»¹.

«Террористическая революция» представляет собой, в отличие от революции массовой, «где народ убивает своих собственных детей», самую справедливую форму борьбы. «Она казнит только тех, кто действительно виновен в совершившемся зле». «Не бойтесь царей, не бойтесь деспотических правителей, — говорит она человечеству, — потому что все они бессильны и беспомощны против тайного, внезапного убийства!» Морозов предсказывал, что рекомендуемый им метод борьбы, в силу своего удобства, станет традиционным, равно как и возникновение в России целого ряда «самостоятельных террористических **обществ**»².

Особо Морозов останавливался на таком отличии «современной террористической борьбы» от тираноубийств былых времен, как возможность для террориста избежать неотвратимого ранее возмездия. Теперь «правосудие совершается, но исполнители его могут остаться и живы. Исчезая бесследно, они могут снова бороться с врагом, снова жить и работать для своего дела. Мрачное чувство не примешивается к сознанию восстановленного человеческого достоинства. То была борьба отчаяния, самопожертвования; это — борьба силы с силой, равного с равным; борьба героизма против гнета, знания и науки — против штыков и виселиц»³.

¹ Морозов Н.А. Указ. соч. С. 7.

² Там же. С. 7—8.

³ Там же. С. 8—9.

Целью террористической борьбы Морозов считал завоевание фактической свободы мысли, слова и безопасности личности от насилия — необходимых условий для «широкой проповеди социалистических идей»¹. Как точно отметила В.А.Твардовская, «речь у Морозова идет именно о фактических свободах, а не о законодательно закрепленных. Террор мыслится им как своеобразный регулятор политического режима в стране»². Террор прекращается при ослаблении режима и возобновляется в случае его ужесточения. Следовательно, террористы не должны стремиться захватить власть, писал Морозов П.Б.Аксельроду, «ибо тогда такой же террор будет всемогущим со стороны врагов и против нового революционного правительства»³. Очевидно, что взгляды Морозова на захват власти революционерами отличались от ортодоксально-народовольческих. Не верил он и в то, что большинство предполагаемого Земского собора пойдет за социалистами⁴.

Морозов не сомневался, что «косвенным продуктом террористической борьбы в России до ее окончания будет между прочим и конституция». Однако это не отменяет необходимости террористического «регулятора», ибо «под покровом общественной воли» может «практиковаться такое же бесцеремонное насилие, как в настоящее время в Германии», писал Морозов, очевидно, имея в виду бисмарковские «чрезвычайные законы» против социалистов, проведенные через рейхстаг. Таким образом, «террористическая борьба одинаково возможна как при абсолютном, так и при конституционном насилии, как в России, так и в Германии». Правда, в России, «где самое грубое насилие и деспотизм сделались традиционными в существующей династии, дело террора значительно усложняется и потребует, быть может, целого ряда политических убийств и цареубийств». Морозов выражал уверенность, что победа «террористического движения»

¹ Морозов Н.А. Указ. соч. С. 10.

² Твардовская В.А. Н.А.Морозов в русском освободительном движении. С. 99.

³ Письмо Н.А.Морозова «Павлу» (П.Б.Аксельроду) от 30 июня 1880 г. цит. по: Твардовская В.А. Н.А.Морозов... С. 99.

⁴ См.: Твардовская В.А. Указ. соч. С. 100—101.

будет неизбежна, если будущая террористическая борьба «станет делом не отдельной группы, а **идеи**, которую нельзя уничтожить, подобно **личностям**»¹.

Идеи Морозова выходили за рамки конкретной ситуации России рубежа **1870—1880-х** годов. Он считал, что русские террористы должны «сделать свой способ борьбы популярным, историческим, традиционным... Задача современных русских террористов... обобщить в теории и систематизировать на практике ту форму революционной борьбы, которая ведется уже давно. Политические убийства они должны сделать выражением стройной, последовательной **системы**»².

В заключение своего трактата Морозов сформулировал две «в высшей степени важные и серьезные задачи», которые, по его мнению, предстояло решить русским террористам.

«1) Они должны разъяснить теоретически идею террористической борьбы, которую до сих пор каждый понимал по-своему. Вместе с проповедью социализма необходима широкая проповедь этой борьбы в тех классах населения, в которых благодаря их близости к современной революционной партии по нравам, традициям и привычкам, пропаганда еще возможна и при настоящих неблагоприятных для нее условиях. Только тогда будет обеспечен для террористов приток из населения свежих сил, необходимых для упорной и долговременной борьбы.

2) Террористическая партия должна на практике доказать пригодность тех средств, которые она употребляет для своей цели. Системой последовательного террора, неумолимо карающего правительство за каждое насилие над свободой, она должна добиться окончательной его дезорганизации и ослабления. Она должна сделать его неспособным и бессильным принимать какие бы то ни было меры к подавлению мысли и деятельности, направленной к народному **благу**»³.

Самое занятное в программе Морозова то, что в значительной степени революционное движение в

¹ Морозов Н.А. Террористическая борьба. С. 10—12.

² Там же. С. 12—13.

³ Там же. С. 14.

России пошло по предсказанному им пути. Прежде всего это касается народовольцев, неоднократно открещивавшихся от **морозовской** брошюры. Так, А.И.Желябов говорил в речи на процессе по делу 1-го марта о брошюре Морозова: «к ней, как партия, мы относимся отрицательно... Нас делают ответственными за взгляды Морозова, служащие отголоском прежнего направления, когда действительно некоторые из членов партии, узко смотревшие на вещи, вроде Гольденберга, полагали, что вся наша задача состоит в расчищении пути через частые политические убийства. Для нас, в настоящее время, отдельные террористические факты занимают только одно из мест в ряду других задач, намечаемых ходом русской жизни»¹. При организации в 1883 году склада революционных изданий за границей член Исполнительного комитета М.Н.Ошанина (Полонская) даже потребовала исключить из списков литературы «Террористическую **борьбу**»².

Но на практике... Тот самый Желябов, который отвергал взгляды Морозова, вынужден был констатировать: «Мы **затерроризировались**»³. Своей славой и влиянием «Народная воля» была обязана преимущественно террору. «Террор, — справедливо пишет В.А.Твардовская, — вопреки его программному обоснованию стихийно все определеннее выдвигался как основной способ борьбы. Поглощая все больше сил и средств, он вызывал надежды, исполнение которых молчаливо предполагало ненужность иных форм деятельности»⁴. Совсем по Морозову, который писал, что «всякая историческая борьба, всякое историческое развитие... идут по линии наименьшего сопротивления... Террористическая борьба, которая бьет в наиболее слабую сторону существующего строя, очевидно, будет с каждым годом приобретать все большие права гражданства в жизни»⁵.

¹ К 25-летию 1881—1906 гг. Дело 1 марта 1881 г. Процесс Желябова, Перовской и др.: Правительственный отчет. СПб., 1906. С. 336.

² Твардовская В.А. Н.А.Морозов... С. 117.

³ Русанов Н.С. Идеиные основы «Народной воли» // Былое. 1907. № 9. С. 76.

⁴ Твардовская В.А. Указ. соч. С. 116.

⁵ Морозов Н. Террористическая борьба. С. 13.

М.Н.Ошанина, столь сурово отнесшаяся к брошюре Морозова, свидетельствовала, что вначале по вопросу о терроре среди народовольцев «разногласий почти не было, но чем дальше, тем становилось яснее, что из-за террора страдают все остальные отрасли деятельности. Тогда от времени до времени поднимались голоса, требовавшие уделения больших сил на организацию и пропаганду. В сущности никто не протестовал против справедливости этих требований, и всякий хотел бы, чтобы террор не поглощал столько сил. Но на практике это оказывалось невозможным. На террор шло столько сил потому, что без этого его вовсе не было бы»¹. Почему же народовольцы не отказались именно от террора? Ответ очевиден — они шли по пути, который приносил им наибольший успех, т.е. «по линии наименьшего сопротивления».

Мы не можем согласиться с мнением В.А.Твардовской, что «ни один из предрассудков терроризма, которые отстаивал Морозов в брошюре «Террористическая борьба», не был подтвержден жизнью»². Разумеется, некоторые его предположения, вроде пресловутой «неуловимости», были вполне фантастичны. Однако многие его прогнозы, увы, оказались достаточно реалистичны. Во-первых, идея терроризма получила свое дальнейшее развитие и детализацию. В течение последующих 30 лет она служила не только предметом дискуссий, но и руководством к действию. Во-вторых, террористические акты действительно влияли на политику правительства — в зависимости от обстоятельств, они могли привести к ее ужесточению или, напротив, к либерализации. Достаточно указать на «диктатуру сердца» М.Т.Лорис-Меликова или на «весну», наступившую при министре внутренних дел П.Д.Святополк-Мирском после убийства его предшественника В.К.Плеве. Не думаю, чтобы кто-либо из эсеровских лидеров, обсуждавших вопрос о приостановке или продолжении террора в период Первой Государственной Думы вспоминал о брошюре Морозова. Но логика

¹ К истории партии «Народной воли». «Показания» М.Н.Полонской // Былое. 1907. № 6. С. 5—6.

² Твардовская В.А. Н.А.Морозов... С. 138.

их поведения была созвучна идеям автора «Террористической борьбы» о необходимости терроризма в случае «конституционного насилия». В-третьих, четверть века спустя оправдались надежды Морозова на широкое распространение местных террористических групп — вспомним «летучие боевые отряды» эсеров или «боевые дружины» социал-демократов. В-четвертых, политические деятели, неизбежно ведущие публичный образ жизни, остаются достаточно уязвимыми для террористов, как и сто лет назад. Это в равной степени относится к «деспотам» и лидерам демократической ориентации. Охрана не смогла предотвратить очередного покушения на Александра II, хотя всем было известно, что на него ведется настоящая «охота». В начале века столь же бессильной оказалась охранка перед эсеровскими террористами, методично уничтожавшими министров и губернаторов. «Успехи» современных террористов хорошо известны. В-пятых, трудно оспорить слова Морозова о «бесконечной человеческой изобретательности», дающей террористам преимущество в оружии. «Прогресс» и здесь налицо. От револьверов Каракозова и Соловьева и кинжала Кравчинского к «кибальчичевским бомбам» и динамитным мастерским эсеров и большевиков — таков путь развития террористической практики. Современные террористы уже перешли к использованию пластиковой взрывчатки и даже радиоуправляемых ракет.

Мы не случайно обратились к столь далеким от России 1880-х годов временам и странам. Ведь Морозов мечтал, чтобы террористические идеи укоренились среди революционеров разных национальностей. «Мы знаем, — писал он, — какое сильное влияние оказывают идеи на человечество. В глубокой древности они создали христианство и с крестов и крестов проповедовали миру близкое освобождение. В мрачные затишье средних веков они произвели крестовые походы и много лет влекли народы в сухие и бесплодные равнины Палестины. В последнее столетие они вызвали революционное и социалистическое движения и облили поля Европы и Америки кровью новых борцов за освобождение человечества... Идея террористической борьбы, где небольшая горсть людей является выразительницей борьбы целого народа и торжествует над

миллионами людей **такова**, — что раз выясненная людям и доказанная на практике, не может уже **заглохнуть**»¹.

Идея не заглохла. А брошюру Морозова, почти сто лет спустя после ее публикации, перевели на английский и выпустили двумя различными изданиями, пытаясь понять, где же идейные корни той террористической напасти, которая обрушилась на Запад в 1970-е². Теперь наша очередь.

Среди современников у Морозова нашлось немного откровенных последователей. Это были **О.С.Любатович** и **Г.Г.Романенко**, бывшие в разное время членами Исполнительного комитета. Романенко под псевдонимом **В.Тарновский** выпустил брошюру «Терроризм и рутина», в которой ничего особо оригинального к идеям Морозова не добавил. Готовил он ее в тесном контакте с автором «Террористической **борьбы**»³. Заслуживает внимания, пожалуй, предостережение, высказанное Романенко противникам политического, интеллигентского терроризма.

В том случае, предупреждал Романенко, если террористы не добьются своих целей, «причины, вызвавшие террор политический... разразятся террором экономическим, террором крестьян и рабочих, — убийствами помещиков, **фабрикантов** и мелких чиновников. История, не пропускаемая в дверь, ворвется в окна, и путь ее будет ужасен. Это будет уже не политический террор, направляемый интеллигенцией, а стихийная, необузданная сила, которой не предвидят еще «правящие классы», как не предвидели террора политического, но которая заметна уже для людей, понимающих народную жизнь... Моря крови будут пролиты; но рухнут все-таки три «основы» — произвол, тунеядство и изуверство, — которые на наших глазах, предчувствуя начало конца, вопят, опираясь на виселицы, «отечество в опасности!» и стараются всколыхнуть против тер-

¹ Морозов Н. Указ. соч. С. 13.

² См.: Gross F. Violence in Politics: Terror and Political Assassination in Eastern Europe and Russia. The Hague: Mouton, 1972; The Terrorism Reader: A Historical Anthology / Ed. by Walter Laqueur. London, 1979.

³ **Валк** С. Г.Г.Романенко (Из истории «Народной воли») // Каторга и ссылка. 1928. № 11. С. 42—44; Твардовская **В.А.** Указ. соч. С. 114.

рористов подонки развращенного и невежественного общества!»¹

Таким образом, по революционной логике терроризм опять представлялся едва ли не гуманным способом борьбы, во всяком случае, менее кровавым, чем возможное народное выступление, а противники политических убийств — подонками общества. Кстати, «понимающий народную жизнь» Романенко расценил еврейские погромы 1881 года едва ли не как начало революционного массового движения и выпустил по этому случаю от имени Исполнительного комитета «объявление» к «честному украинскому народу», в котором призывал последний бунтовать против «панского и **жидивского**» царя. Здесь же террорист-гуманист, позабыв недавние опасения относительно «морей крови», писал: «Иначе як силою, та бунтом, ничего з ними не зробемо, люди добри. Лишь кровь змие людске **горе**»².

* * *

Отношение русских революционеров к терроризму в «**послемартовский**» период колебалось в основном в пределах между трактовкой этой проблемы в программе Исполнительного комитета и брошюре Морозова. Единственным серьезным «зигзагом» были идеи, сформулированные в программе «Молодой партии "Народной воли"» (1884 г.). В ней провозглашался аграрный и фабричный террор, направленный против непосредственных эксплуататоров — помещиков и фабрикантов. Такой террор должен быть понятен массам и приведет к сближению их с революционерами, полагали лидер «молодых» **П.Ф.Якубович** и его сторонники³. Очевидно, что эти идеи возникли на почве разочарования в терроре «центральном» — ведь народные массы или не **отреагировали** на него вовсе, или

¹ **Тарновский** В. (Г.Г.Романенко). Терроризм и рутина (По поводу полемики г. Драгоманова с «Голосом»). Лондон (на самом деле — Женева). (1880). С. 23—24.

² Цит. по: Валк С. Указ. соч. С. 52.

³ Программу «Молодой партии «Народной воли» см.: Советские архивы. 1969. № 3. С. 63—66 (публикация О.А.Сайкина).

отреагировали совсем не так, как предполагали революционеры.

Однако этот соблазн был быстро преодолен, главным образом потому, что, по свидетельству близкого к «молодым» В.Л.Бурцева, «вопрос об экономическом терроре не подавал никакой надежды на осуществление»¹. Сыграла свою роль и критика со стороны прибывшего из-за границы собирать «порушенную храмину» «Народной воли» Г.А.Лопатина. Он доказывал «красным петухам»: а) что общество они раздражают; б) не сделают ровно ничего, только **нашумят...**; в) если бы сделали, то восстаноят против себя даже народ; г) что в крепостное время из этого террора ничего не вышло и никогда не может выйти; д) что это есть всегда личный протест... а не система борьбы против общественных форм; е) что подобное дело... не может быть проповедуемо как система войны за новый общественный идеал; ж) советовал им испробовать дело это на практике, а потом уже проповедовать его печатно; з) указывал на историю политического террора, которая шла именно так»².

«Народная воля» после грандиозного лопатинского провала рухнула окончательно. Если под «Народной волей» понимать партию, организационные и идейные основы которой были заложены на Липецком съезде. Попытки возродить ее в середине и второй половине 1880-х годов были неудачны. Однако идея террористической борьбы прочно вошла в сознание русских революционеров. Не собирались от нее отказываться ни «южно-русские» народовольцы (организация Б.Л.Оржика — В.Г.Богораз), ни члены группы П.Я.Шевырева — А.И.Ульянова, метко названной Богоразом «эпилогом» «Народной воли»³.

Программная брошюра «Южно-русской организации» была написана Л.Я.Штернбергом и одобрена на съезде организации в Екатеринославе в 1885 году. Брошюра Штернберга, озаглавленная им «Политический

¹ Бурцев Вл. Из моих воспоминаний // Свободная Россия. 1889. № 1. С. 53.

² Сайкин О.А. Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983. С. 121-122.

³ Тан (В.Г.Богораз). Повести прошлой жизни // Русское богатство. 1907. № 10. Отд. I. С. 158.

террор в России», представляет собой трактат, обосновывающий терроризм как единственную возможную форму борьбы против деспотизма в России. Крестьянское восстание Штернберг считал не только обреченным на провал в силу существования многомиллионной дисциплинированной армии, но и потому, что воспользоваться его плодами для политических целей будет всема затруднительно ввиду его стихийности, «тем более для русской интеллигенции, не заручившейся положительными симпатиями массы». Отсюда следовал еще совсем недавно немыслимый для революционера-народника вывод об исторической целесообразности для русской интеллигенции предотвратить возможное крестьянское выступление¹.

Констатировав недовольство существующим положением вещей со стороны городских слоев — пролетариата, буржуазии (Штернберг даже допускал возможность ее вступления «в ряды баррикадных борцов») и, разумеется, интеллигенции, Штернберг скептически отнесся к перспективе самостоятельного выступления какой-либо из этих групп против деспотизма. Авангардом «сознательной народной революции» может выступить только партия, состоящая из наиболее активной части интеллигенции. Роль передовой партии в период всеобщего недовольства и кризиса, который переживает Россия — «стремиться достигнуть назревших целей с *наивозможно меньшими жертвами и в наивозможно скорейшее время*»².

Одним из главных орудий борьбы партии Штернберг объявил террор. Но буквально несколькими строками ниже он уже провозгласил его единственно возможным способом борьбы.

«Цель *террора*, — писал он, — свержение царизма и привлечение симпатий масс; *средства его* — систематические убийства царя и главнейших явных врагов народа и интеллигенции; изолированность правительства, низводящая его до степени кучки личностей — с одной стороны, — самоотверженная преданность последователей террора — с другой — *гарантирует успех*

¹ [Штернберг Л.Я.). Политический террор в России 1884 // Лавров: Годы эмиграции. Dordrecht; Boston. [1974]. Т. II. с. 574-575.

² Политический террор в России. С. 578.

его, а симпатии общества к свободе *обеспечивают прочность победы...* положение народа и *самосохранение интеллигенции* не допускают ни малейшей отсрочки: борьба неизбежна, другая форма, кроме *поединка* революционеров с представителями деспотизма, невозможна, значит террор *единственная форма борьбы...*¹

Штернберг ставил своей задачей также разобрать возражения «антитеррористов» относительно рекомендуемого им способа борьбы. Он дал исторический обзор проявлений террористической борьбы в зару-

¹ Политический террор в России. С. 579—580. Как и другим революционерам, Штернбергу был свойствен **«катастрофизм»** мышления и явное сгущение красок при характеристике современного положения России. По его мнению, за два года, прошедших после гибели «Народной воли», «страшная гроза реакции пронеслась над бедной страной и, добывая все, еще недобитое предыдущими годами гнета и мрака, она мчитса вперед, не зная никаких пределов своей необузданности... печатать, наука, воспитание юношества и народа, все, все, что способно служить выражением и залогом развития лучших сил общества и личности — все это предано страшному аутодафе, а пепел, вдобавок, отдан под полицейский надзор, дабы мифический феникс света и мысли не посмел воспрянуть из пепла... системой деспотизма истощены до последней крайности платежные и экономические силы страны, финансовые средства народа и государственное хозяйство доведены до степени близкой к банкротству и, в довершение всего, России грозит финансовый кризис... при таком положении дел... лучшая часть русской интеллигенции, оскорбленная в своих священнейших чувствах, лишенная своих первых прав, лишенная, можно сказать, права на жизнь, в отчаянии ожидает, по-видимому, исхода борьбы между жизненными потребностями страны и злой волей деспотизма...» (Там же. С. 572). **Царствование** Александра III, бесспорно, было временем отката назад от периода реформ и ужесточения полицейского режима в стране; однако надо было находиться в очень высоком градусе революционного возбуждения, чтобы усмотреть угрозу самому существованию интеллигенции. При таком мироощущении было вполне естественным схватиться за револьвер. Таким образом, выбор методов борьбы против существовавшего режима определялся не столько объективным анализом положения страны и интересов тех или иных слоев ее населения, сколько темпераментом революционеров. — Столь же далек от хладнокровия был и исторический анализ Штернберга. Его утверждение о том, что правительство после 1-го марта «было в буквальном смысле разбито» (там же, с. 591), свидетельствует скорее о революционном энтузиазме, нежели **объективности** будущего ученого-этнографа.

бежных странах и в России; заметив, что в России террор начался «чисто эмпирически», Штернберг назвал продвижение русских революционеров по этому пути инстинктивным шествием к истине¹. Он подчеркивал, что терроризм не является средством «экономического пересоздания»; цель терроризма в России — свержение деспотизма, а поскольку, в отличие от Запада, вся сила политического гнета в России сосредоточивается в кучке личностей, то «падение этих личностей есть падение их системы». «Свергнуть же этих личностей столь же легко (курсив мой. — *О.Б.*) и необходимо, как, наоборот, трудно организовать массу для открытой борьбы с правительством...²»

Влияние идей Морозова на Штернберга бросается в глаза; некоторые рассуждения последнего являются едва ли не пересказом «Террористической борьбы»; по-видимому, сходство названий не было совпадением. Так, Штернберг указывал, что армия может быть отличным орудием против массового движения, но она «положительно обречена на бессилие против тайного, анонимного врага, врага, который может крыться в каждом гражданине». Жандармы и сыщики могут затруднить пропаганду среди рабочих и интеллигенции, могут сделать ее «почти невозможной», но «самопожертвование той части русской интеллигенции, которая *силой самой жизни призвана к этой* (террористической. — *О.Б.*) *борьбе*, не поддается никаким преследованиям и розыскам; *именно* террористическая деятельность, требующая для каждого отдельного акта содействия ограниченного числа лиц, имеет всегда возможность ускользать от самого сильного и бдительного надзора³. Нетрудно заметить, что Штернберг воспроизводит «теорию неуловимости» Морозова. Заключенный в каменном мешке Шлиссельбурга, Морозов брал реванш у своих оппонентов.

Участники группы **П.Я.Шевырева** — А.И.Ульянова красноречиво назвали себя «Террористической фракцией партии "Народная воля"». Обоснование террористической тактики, которое давалось в программе группы (в изложении **А.И.Ульянова**) представляет, по нашему мнению, своеобразный синтез идей, **сформу-**

¹ Политический террор в России. С. 590—591.

² Там же. С. 584—585.

³ Там же. С. 585—586.

лированных в народовольческих документах («Программа Исполнительного комитета», «Письмо Исполнительного комитета к Александру III») и «Террористической борьбе» Морозова. Террор характеризовался Ульяновым как «столкновение правительства с интеллигенцией, у которой отнимается возможность мирного культурного воздействия на общественную жизнь», т.е. возможность вести социалистическую пропаганду¹.

Формулируя минимальные требования в духе «Письма ИК», Ульянов далее писал, что главное значение террора — это средство «вынуждения у правительства уступок путем систематической его дезорганизации». Не есть ли это та самая фактическая свобода слова и т.д., о которой говорил Морозов? Ведь несколько выше в своих показаниях Ульянов пояснял, что для него и его товарищей политическая борьба есть борьба «за тот минимум свободы, который необходим нам для пропагандистской и просветительной деятельности». Кроме того, «полезные советы» террора Ульянов видел в том, что «он поднимает революционный дух народа; дает непрерывное доказательство возможности борьбы, подрывая обаяние правительственной силы; он действует сильно пропагандистским образом на массы»².

В силу пропагандистского эффекта террора Ульянов считал полезной «не только террористическую борьбу с центральным правительством, но и местные террористические протесты против административного гнета». Он был сторонником децентрализации «террористического дела», полагая, что «сама жизнь будет управлять его ходом и ускорять или замедлять его по мере надобности»³. Возможно, нежелание излишней централизации объяснялось грандиозными провалами, доконавшими старую «Народную волю» и разрушившими иллюзии относительно неувовимости террористов.

После ареста «вторых первоапрельцев» терроризм в России почти на пятнадцать лет стал делом чистой теории или полицейских экспериментов. Однако эта теория разрабатывалась очень активно.

¹ Жизнь как факел / Сост. А.И.Иванский. М., 1966. С. 302.

² Жизнь как факел. С. 300, 303.

³ Там же. С. 303.

II. От «Народной воли» к партии социалистов-революционеров

1. Эпигоны: 1887—1897

Полтора десятилетия «затишья» между двумя мощными волнами терроризма в России в идейном отношении явились, возможно, важнейшими для дальнейшего развития этого способа революционной борьбы. Крах «Народной воли» и неудачи попыток ее возрождения требовали пересмотра ее идейного багажа и тактических приемов. Бурное развитие социал-демократии и критика, которой со стороны адептов нового для России учения подверглось народовольческое «наследство», требовали от «наследников» адекватного ответа. Дискуссии, которые велись на страницах нелегальной — преимущественно эмигрантской — печати, способствовали, прямо или косвенно, утверждению террористических идей в умах и душах немало числа русских революционеров. Некоторые публицисты, отстаивавшие террористическую тактику в 1890-е годы, оказались впоследствии среди основоположников и идеологов крупнейшей революционной партии России, взявшей на вооружение террор. Среди них были Н.С.Русанов, Х.О.Житловский, В.М.Чернов и другие.

Одной из первых «пост-народовольческих» групп стали «социалисты-федералисты», издавшие заграницей четыре номера газеты «Самоуправление». В редакцию входили А.С.Белевский, О.Н.Флоровская-Фигнер, «каракозовец» П.Ф.Николаев, позднее Н.К.Михайловский. Номера первый и второй были напечатаны при содействии В.К.Дебагория-Мокриевича, третий и четвертый — В.Л.Бурцева. В газете сотрудничали П.Л.Лавров, С.М.Степняк-Кравчинский, И.И.Добровольский, М.П.Драгоманов¹.

¹ Подробнее см.: Широкова В.В. Газета «Самоуправление» // Вопросы истории. 1982. № 11. С. 180—184.

В программной статье первого номера газеты была предпринята, по сути, ревизия народовольческого наследства. Ставя своей целью завоевание политической свободы, «социалисты-федералисты» не считали пригодным для достижения ее не только путь народной революции, но и захват власти революционной партией: «Мы не думаем, чтобы своевременно и экономично было затрачивать силы на дворцовую или городскую революцию: такой способ действия, не говоря уже об его трудности, может привести к нежелательным результатам, — мы не хотим менять одну деспотию на другую»¹.

Предпочтительнее «самоуправленцам» казался «путь легальной агитации в печати, земствах и т.д., организация легальных общественных протестов и легального давления на правительство». Однако тут же следовала оговорка, что «едва ли он один поведет к значительному успеху. Поэтому, в числе путей борьбы с абсолютизмом мы считаем нужным включить путь, избранный уже людьми 1-го марта. Мы уверены, что если не отдельный террористический факт, то ряд таких фактов, система их, при некоторой общественной поддержке, заставит монархизм, держащийся только разрозненностью общества и традицией рабства, положить оружие...»

Современникам, наблюдавшим нечто противоположное — разгром террористических групп и усиление реакции, пояснялось: «Нечего и думать, что монархизм сразу положит оружие. Напротив, он употребит сначала все силы, чтобы задавить врага и сохранить свое положение. И только тогда, когда, перепробовавши все средства, он убедится, что враг сильнее его, что на место погибших бойцов встают новые, — только тогда решится он капитулировать. Перед смертью его мы вправе ожидать усиление реакции и гнета. Это тяжелое время надо пережить, оно не должно никого смущать...»²

К вопросу об эффективности рекомендуемого способа борьбы вновь обратился автор напечатанной в том же номере статьи «По поводу 1-го марта

¹ Самоуправление. 1887. № 1. Декабрь. С. 4.

² Там же.

1881 года». В самом деле, пропагандировать терроризм, не объяснив внятно, почему после крупнейшего успеха террористов — царевубийства — не последовало ожидаемых революционной партией благих для дела свободы результатов, было невозможно. Отвечая скептикам, говорившим, что «террористическая борьба русской социально-революционной партии была ошибкой, что жертвы принесены ею напрасно и что партия этой борьбой нанесла громадный вред делу свободного развития родной страны», автор статьи писал: «Забывается здесь то обстоятельство, что борьба часто в первые периоды не дает и не может дать прямых положительных результатов, что она, вызывая реакцию, тем самым создает условия для борьбы в более широких размерах, а потому и приближает день торжества победы»¹.

Условия для борьбы, созданию которых способствовало царевубийство, автор усматривал, во-первых, в том, что оно освободило общество от иллюзий относительно намерений власти. Поначалу «диктатура сердца затуманила умы». Террористический акт 1-го марта «заставил правительство отказаться от... призрачной либеральности, заставил политику его сделаться откровенной до циничности и показал обществу, что вся мудрость этой политики направлена лишь на самосохранение, что до нужд и потребностей общества правительству нет никакого дела». Одной из причин того, что последствия царевубийства не принесли ожидаемых результатов, публицист видел в неподготовленности общества, замороженного либеральными поползновениями правительства и не оказавшего поэтому поддержку революционерам в решающий момент.

Второй положительный результат царевубийства — «известие о казни царя **Н И К А К** не отразилось в народе». Факт, по мнению автора «Самоуправления», тем более знаменательный, что «с личностью покойного царя в народе связывалось воспоминание о полученной воле». Следовательно, «у интеллигенции теперь развязываются руки, она смело теперь может

¹ Самоуправление. 1887. № 1. Декабрь. С. 4.

идти вперед и не бояться, что народ будет против нее»¹.

Избежать разгрома, постигшего Исполнительный комитет, «социалисты-федералисты» намеревались, построив свою партию «на началах единства и неуловимости». Единство мыслилось как одинаковое понимание всеми членами партии ее целей и идеалов, а неуловимость должна была обеспечиваться децентрализацией партии. «Партия слагается из отдельных местных групп, работающих совершенно самостоятельно в зависимости от местных условий. Эта организационная обособленность особенно строго должна быть проведена в жизнь боевых групп... Боевые группы состояются из разбросанных в обществе отдельных террористов. Лишь при надобности совершить какой-либо террористический акт быстро сплотившись, они, как бы с лету, совершают политическое убийство и вновь распыляются и тонут в обществе»².

Отчетливо выраженная террористическая тенденция в программных статьях первого номера «Самоуправления» не позволяет согласиться с мнением **В.Я.Лаверычева**, что «террористический элемент» в программе «социалистов-федералистов» был «существенно приглушен»³.

Террористические намерения «самоуправленцев» подверглись критике со стороны **Г.В.Плеханова**, который рекомендовал им идти не по пути «людей 1-го марта», а по пути «людей 93-го года». И недвусмысленно пояснял: «Против русского деспотизма динамит недурное средство, но гильотина еще лучше»⁴.

Наметившиеся на страницах «Самоуправления» идеи — борьба за политическую свободу при опоре на

¹ Самоуправление. 1887. № 1. Декабрь. С. 5.

² Спиридович **А.И.** Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886—1916. 2-е изд. Пг., 1918. С. 10—11.

³ **Лаверычев В.Я.** Отношение членов группы «Освобождение труда» к буржуазному либерализму // Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М., 1984. С. 174.

⁴ Плеханов **Г.В.** Библиографические заметки из «Социал-демократа» // Плеханов **Г.В.** Соч. М., б/г. Т. IV. С. 274.

либеральное общество, использование в качестве главного инструмента этой борьбы политического террора, отказ не только от надежды на народную революцию, но и от попыток захвата власти революционной партией — нашли развитие в другом заграничном органе конца 1880-х годов, газете «Свободная Россия». Редактировали ее **В.Л.Бурцев** и бывший «бунтарь», к тому времени заметно «поправевший», **В.К.Дебагорий-Мокриевич**. Среди сотрудников были **М.П.Драгоманов**, **И.И.Добровольский**, **Э.А.Серебряков** и др. Нетрудно заметить, что большинство из них было «причастно» к «Самоуправлению».

В передовой статье первого номера газеты, написанной **Бурцевым**, говорилось: «Теперь в России нет и не может быть никаких иных задач, кроме чисто политических. Поэтому необходимо "бить" все время в одну точку... Пора, давно пора бросить нам делиться... на "либералов" и "революционеров"; теперь мы все либералы, теперь мы все революционеры, и никто не имеет права отказываться от долга и чести быть либералом и революционером». В статье констатировалось, что ставка на деревню себя не оправдала, что же касается пролетариата, то «даже успешная пропаганда среди отдельных даровитых рабочих не окупает той массы жертв, которых требует»¹.

Условием союза с либералами авторы «Свободной России» считали временный отказ от социалистических требований. Программа «Свободной России» вызвала единодушное осуждение всей революционной эмиграции, как социал-демократической, так и народолюбивой. Особое возмущение вызывал временный отказ от социализма, который **С.М.Кравчинский** назвал «самоурезыванием и самозапрятыванием»².

В «Свободной России» состоялся литературный дебют **В.Л.Бурцева**, который в течение последующей

¹ Свободная Россия. 1889. № 1. С. 1—2. Передовая статья в «Свободной России» стала первым произведением **Бурцева**, увидевшим свет. О чем он сам сообщил в анкете, заполненной почти 30 лет спустя (ОР РГБ. Ф. 124. Ед. хр. 718. Л. 1).

² См.: **Широкова В.В.** Партия «Народного права». Саратов, 1972. С. 22—24.

четверти века был самым последовательным и шумным пропагандистом терроризма в русской революционной публицистике. В.М.Чернов не без оснований назвал его enfant terrible идеи **терроризма**¹. Специфические взгляды Бурцева на террор сложились еще в России. Он сам вспоминал впоследствии о разногласиях с товарищами, с которыми шел в ссылку в Сибирь в 1887 г. (Бурцев был арестован за участие в народовольческих кружках и после заключения в Петропавловской крепости сослан в Восточную Сибирь, откуда вскоре бежал за границу): «Я выступал как народовец, защищал их террористическую тактику, говорил о борьбе с правительством, чтобы заставить его идти на уступки, но я мало верил и мало занимался вопросами о рабочих или крестьянских восстаниях, как основе борьбы с правительством. Это были те идеи, благодаря которым я скоро и за границей встал в особые отношения с эмиграцией — ее большинством»².

На страницах «Свободной России» Бурцев развивал идеи о том, что «все пункты программы, кроме политического террора, имеют теперь для организации второстепенное значение... Мы будем иметь громадное значение, если наша организация вся, как один человек, посвятит все свои силы, средства и связи для террористических нападений на правительство». Отказываясь на время от социализма, Бурцев, по его же словам, сводил политическую борьбу к простому бомбизму³.

Любопытно, как Бурцев представлял механизм воздействия террора на власть. В ответ на ироничный вопрос одного из «драгомановцев»: «Так царубийство для вас является, очевидно, только средством всеподданнейшего увещания?» — он воскликнул: «Да! да! да! — это для меня именно прежде всего только средство увещания, в том смысле, как в свое время народолюбцы увещали Александра II — и он внял их увещаниям и призвал Лорис-Меликова. Очень жаль, что

¹ Чернов В. Мало загадочная метаморфоза // Воля России (Прага). 1924. № 12-13. С. 118.

² ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 5.

³ Бурцев В. Из моих воспоминаний // Свободная Россия. 1889. № 1. Февраль. С. 30.

ни **революционеры**, ни общество не поняли тогда своей победы и истинного значения политического террора и не сумели посмотреть на него, как на средство увещания и не отказались от его продолжения тогда, когда для увещания прошло время. Я буду рад, если в России не совершится ни одного факта политического террора. Он нам не нужен! Если русское правительство сделает его невозможным, то я более других буду бороться и с политическим террором, и с революционными потрясениями в **стране**»¹.

Конечно, к этим словам Бурцева надо относиться осторожно, ведь он воспроизвел их более тридцати лет спустя и, что может быть более существенно, в эмиграции, где он оказался после Октябрьской революции. Однако фактом является то, что в начале 1906 года Бурцев писал первому «конституционному» премьеру С.Ю.Витте, предлагая выступить против терроризма и «защищать честный легализм», если правительство откажется от белого террора и вступит на путь **реформ**². Ответа он, разумеется, не получил. Так что В.М.Чернов был недалек от истины, когда назвал Бурцева теоретиком «челобитной царю, подкрепленной бомбою и подsunутой через какого-нибудь умного временщика»³. Столь же недалек от истины был видный деятель эсеровской партии и один из ее первых историков С.Н.Слетов, охарактеризовавший сотрудников «Свободной России» как террористов-конституционалистов⁴.

¹ Воля России. 1924. № 12—13. С. 124-125.

² Бурцев Вл. В погоне за провокаторами. М.; Л., 1928: Репринт. изд. М., 1989. С. 49. Это было, кстати, не первое послание Бурцева Витте. Когда тот ехал в 1905 году в Портсмут (США) для ведения переговоров с Японией о заключении мира, то, будучи в Париже, получил от Бурцева письмо, в котором Владимир Львович заявлял, что следует уничтожить самодержавие, и если мир может этому воспрепятствовать, то не нужно его заключать. Витте переслал **бурцевское** послание министру иностранных дел графу В.Н.Ламздорфу, а тот показал Николаю II. (Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 410). Неясно, за кого принимал Бурцев Витте; Витте же считал его одним из «столпов нашей революции» (Там же).

³ Чернов В. Мало загадочная метаморфоза. С. 128.

⁴ Слетов С. К истории возникновения партии социал-революционеров. Пг., 1917. С. 20.

Однако среди сотрудников «Свободной России» единства взглядов на террор не наблюдалось. Если Бурцев был его фанатичным сторонником, то Драгоманов — принципиальным противником. Очень скоро идейные разногласия и недостаток средств привели к «кончине» издания.

Еще одним пропагандистом «бомбизма» в эмигрантской литературе выступил П.Ф.Алисов. Алисов был эмигрантом с более чем двадцатилетним стажем и довольно состоятельным человеком. Он не участвовал в революционных организациях, но в оппозиции к русскому правительству находился еще с 1860-х годов. Алисов был плодовитым публицистом, печатался в «Общем деле» и некоторых других изданиях. В 1870—1880-х годах он издал за свой счет целый ряд антиправительственных брошюр, в которых неизменно ратовал за террор.

В 1893 г. Алисов выпустил брошюру под названием «Террор». Брошюра имела подзаголовок «Письмо к товарищу». Составляя впоследствии библиографию эмигрантской печати, Бурцев отметил, что этим «товарищем» был он¹. По просьбе Бурцева Алисов привел свои «мысли по поводу терроризма, разбросанные в брошюрах», в «стройное целое», так как Бурцев убелит его, что это «будет очень полезно в данный момент»². Брошюра Алисова производит несколько курьезное впечатление, чему немало способствует ее своеобразный стиль. В ней с предельной откровенностью сформулированы доводы сторонников чистого терроризма.

Идеи Алисова сводились к следующему. «Народная воля» потерпела неудачу потому, что тратила чересчур много сил на «устройство тайных типографий, на организацию кружков среди военных и проч.»; всем этим нужно было заниматься «в самом конце, в период полного торжества». Народовольцы занимались сочинением несбыточных программ, думали о «фантастических захватах власти»: все это лишнее — террор несет программу в самом себе, такую же **громоносную**, как взрыв его бомб, всемогущую, «как **разрывательная**

¹ ОР РГБ. Ф. 358. Карт. 375. Ед. хр. 15. Л. 88.

² Алисов П. Террор (Письмо к товарищу). Geneve, [1893]. С. 1.

сила его снарядов». «... взорванный дворец, в прах обращенный колоссальный поезд... царь, разорванный в лохмотья среди бела дня... — в своем роде заповеди, произнесенные на Синае, среди туч, молний, громов... Как были ясны дела революционеров! Как они много говорили за себя, не нуждаясь в сложных программах!»¹

Кроме того, террор оказывал возбуждающее действие — «террор, вооруженный динамитом, радостно поразил не только Россию, но и целый мир. Он вызвал энтузиазм к себе не только среди рабочих социалистов, но и в радикальной буржуазии... Террор совершил чудо: он влил огонь в вялые жилы индифферентных, дряблых, нейтральных... Победы террора — победы святого духа; они строят новую историю, чреватые такими неожиданностями, сопровождаются таким подъемом духа в целой нации, что самый пламенный, зоркий ум не в состоянии будет предсказать грядущее...»

Как и другие «пламенные» пропагандисты терроризма, Алисов уповал на технический прогресс, который в конце XIX века дал в руки революционеров принципиально новое оружие — «бомбы, вспыхивающие при падении». «...от револьверов и кинжалов легко было уберечься, тратя десятки миллионов народных денег на священные охраны. От бомб и мин спасенья нет... бомбы в 3 сант. и 5 сант. в длину» заменяют сотни тысяч людей в борьбе с отжившим политическим строем.

Чтобы быть успешным, террор должен стать систематическим — нужно истребить «несколько коронованных гадин подряд», тогда они «стали бы благонравнее, милее, добрее и задумчивее». Последнее должно было опровергнуть «идиотскую фразу, облюбленную нашими недоумками: "Вы убьете одну гадину, выползет другая"»². Недаром Плеханов в рецензии на одну из брошюр Алисова советовал ему «поубавить крепость своих выражений», а не то его перестанут читать дамы³. Чтобы избежать провалов, полагал крепкий на

¹ Алисов П. Террор. С. 2—3, 5.

² Там же. С. 3, 4, 6, 8.

³ Плеханов Г.В. Библиографические заметки из «Социал-демократа» // Плеханов Г.В. Соч. М., б/г. Т. IV. С. 279. •

слово Алисов, революционерам надо учредить «террористическое бюро» за границей, в России же должны действовать независимые друг от друга поддерживающие с ним связь группы¹.

Идеи, которые с такой непосредственностью излагал Алисов, что называется, носились в воздухе. Особенно это касалось децентрализации террора и, самое главное, его систематичности. Казалось, что народо-вольцы потерпели неудачу вследствие того, что не смогли сделать террор непрерывным. Так рассуждали не только эмигрантские публицисты, но и те кто пытался продолжать борьбу в России.

С.М. Гинсбург, принимавшая активное участие в попытках возродить централизованную революционную организацию и возобновить террор во второй половине 1880-х годов, писала **П.Л. Лаврову** в начале 1888 г. об одной из постнародовольческих групп, пытавшихся восстановить и реформировать «Народную волю»: «Собственно говоря, все изменения Н.В. состоят в том, что... будет большее разделение труда для избежания сильных провалов, т.е. кружки боевые будут знать только свое дело, часть, заведующая культурным делом, ни во что не вмешивается и, для большей прочности, разделяется на террористические группы... Решено террористические факты производить через каждые 6 месяцев, для чего нужны 3—4 человека и 6 тысяч денег. Заведующий печатным делом должен готовить к каждому факту дельное объяснение... Я в ужас прихожу, когда подумаю, на что люди несут столько жизней, столько сил, могущих так много дать нашему времени»².

Гинсбург поясняла, что когда она сама «говорила о полезности террористического факта», то имела в виду общество, которое, как ей казалось, «могло бы воспрянуть духом, увидев, что революция в России не подавлена». Однако, прислушавшись к голосу общества, Гинсбург пришла к выводу, «что не только не один, но и несколько фактов, разделенных хотя бы и 6 месяцами, ничего не скажут обществу, как только то, что

¹ Алисов П. П. Указ. соч. С. 9.

² Лавров П. Л. Воспоминания о Софье Михайловне Гинсбург // Голос минувшего. 1917. № 7—8. С. 235.

несколько лиц, не имеющих за собою никакой силы, выстрелили или подожгли». Террор эффективен тогда, считала Гинсбург, когда его осуществляет сильная революционная организация, имеющая связи с обществом и рабочими и учитывающая в своей деятельности их настроения. Террор, по мнению корреспондентки Лаврова, должен быть центральным: «Я понимаю крупный погром в сфере властвующих, погром, который пошатнул бы самое здание, систему, погром, который вызвал бы борьбу партий, направлений и т.д., но не устранение одного из штифтиков правильно организованной машины»¹.

Под «крупным погромом» Гинсбург, очевидно, подразумевала цареубийство, о чем можно судить по проекту прокламации, написанной ею по поводу предполагаемого покушения на Александра III. В ней говорилось: «Мы будем систематически уничтожать всякого представителя царской власти до тех пор, пока не явится возможность работать для народа законными путями: свободным словом в печати и свободной речью во всероссийском земском собрании. Мы положим оружие только тогда, когда правительство, искренно и навсегда отказавшись от угнетения народа, созовет свободно избранных всей русской землей людей земских и вверит им судьбы государства. Только тогда представители царской власти будут в безопасности»². 14 февраля 1889 года Гинсбург, приехавшая в Россию с целью восстановить «Народную волю», случайно оставила в лавке кошелек, в котором находился проект прокламации. Это привело к ее аресту несколько месяцев спустя. «Опаснейшего врага империи», не сделавшего никаких реальных шагов к осуществлению своих кровожадных планов, приговорили к смертной казни. Александр III заменил Гинсбург смертную казнь вечным заключением в Шлиссельбургской крепости. Через несколько месяцев, раздобыв где-то тупые ножицы, Гинсбург перерезала себе горло.

Систематический террор непременно входил в намерения более-менее заметных революционных групп

¹ Лавров П. Л. Указ. соч. С. 235—236.

² Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров... С. 15-16.

конца 1880 — начала 1890-х годов. В проекте программы кружка народовольческого толка, возникшего в Петербурге в 1888 году (лидеры — **К. Кочаровский**, **Н. Беляев**, **В.** и **Н. Истомины**, **С. Фойницкий**), говорилось: «Из всех систем борьбы с правительством для достижения политической свободы... единственной доступной для нас в настоящее время в размерах, обеспечивающих все шансы на успех, мы считаем систему политического террора. Под системой политического террора мы разумеем ряд нападений на правительство, совершенных непременно тогда и так, когда и как партия найдет это нужным, и сопровождаемых активной поддержкой всякого рода со стороны народа и общества с целью устроить и деморализовать правительство и вынудить его на нужные для нас уступки. Результатом последовательно проведенной системы террора могут явиться два исхода: первый заключается в том, что правительство немедленно сделает некоторые уступки, которые неизбежно обусловят собой и все дальнейшие, ибо каждая уступка увеличивает силы партии и уменьшает силы правительства; вторым исходом может быть усиление реакции, которое при достаточной продолжительности террористических нападений не может не привести ее к абсурду и невозможности ^{итти} дальше, после чего последуют уступки, на этот раз более решительные и, быть может, сопровождаемые катастрофой»¹.

Автор программы, **К. Р. Качоровский**, полагал, что «на народ и интеллигенцию система политического террора может оказать весьма полезное влияние, постоянно обращая их внимание на партию и преследуемые ею задачи, разрушая в их глазах обаяние ^{правительственной} власти, постоянно доказывая ^{полную} возможность борьбы с ней»². Организация, или, точнее, партия, мыслилась как строго централистическая, вершину которой венчал «Главный совет». Избежать предательства, которое в условиях централистических организаций, как правило, приводило к их краху, предполагалось строгими мерами по отношению к ^{по}

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 20.

² Там же.

тенциальным изменникам — «Главный совет» имел право предавать их смертной казни.

Участники кружка опасались спорадического, неподготовленного террора. Поэтому Кочаровский ответил отказом на предложение парижского кружка террористов (**А. Дембский**, **И. Н. Кашинцев**, **Е. Д. Степанов**, **А. Л. Теплов** и др.)¹ о совместной деятельности, переданное через специально прибывшего в Петербург из-за границы **Миллера (А. М. Ландезена-Геккельмана)**. Петербуржцы писали парижанам: «Цель нашей деятельности — прочная постанковка террора, как системы; цель эта достигается созданием крепкой, достаточно многочисленной и приспособленной к условиям времени и места организации. Последнее еще не выполнено; поэтому всякую террористическую попытку мы сейчас считаем вредной и несоответствующей целям систематического террора, который, повторяем, мы считаем единственно целесообразным. Повторяем, против несистематического террора мы протестуем от лица большинства русских террористов. Так как ваша настоящая попытка, как для нас ясно, во всяком случае, явилась бы попыткой несистематического террора, то мы против нее»².

Впрочем, ни систематического, ни какого-либо другого террора ни тем, ни другим организовать не удалось. Добровольный посредник **Миллер-Ландезен-Геккельман** оказался агентом полиции и вскоре парижские террористы оказались во французских тюрьмах, а петербургские — в российских. Кстати, на «чистую воду» Геккельмана вывел уже после революции 1905-1907 гг. **В. Л. Бурцев**, причастный к парижским конспирациям, но случайно избежавший ареста. К моменту разоблачения Геккельман, теперь уже под фамилией Гартинг, занимал высокий пост руководителя заграничной агентуры Департамента полиции³.

¹ См.: Степанов Е. Д. Из заграничных воспоминаний старого народовольца // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 123—144.

² Спиридович А. И. Указ. соч. С. 22—23.

³ Фрейфельд Л. В. Из жизни народовольческих организаций конца 80-х годов // Народовольцы 80-х и 90-х годов. М., 1929. С. 153; Бурцев Вл. В погоне за провокаторами. С. 3-20, 77-78.

Не представляли себе возможности добиться политической свободы без использования террористических методов и участники московского кружка дилеммы которого были М.Егупов, М.Бруснев, П.Кашинский. В составленной ими программе «Временного организационного исполнительного комитета» говорилось: «Мы глубоко убеждены, что при современном отношении общественных сил в России политическая свобода в ближайшем будущем может быть достигнута лишь путем систематического, в форме политического террора, воздействия на центральное правительство со стороны строго централизованной и дисциплинированной революционной партии при дружном содействии всех живых сил страны. Стремясь к созданию боевой социально-революционной организации, мы утверждаем, что таковая может и должна быть создана на почве широкой устной и письменной пропаганды идей социализма в связи с пропагандой идеи политического террора среди демократической интеллигенции всех общественных категорий, среди рабочего пролетариата (так. — О.Б.) и, отчасти, среди сектантов-раскольников»¹.

Нетрудно заметить, что для народовольческих или полународовольческих групп конца 80-х — начала 90-х годов террор представлялся единственно возможным способом борьбы в данный момент. Или даже единственным способом заявить о своем существовании. Однако положение к середине 1890-х годов начинает постепенно меняться. Рост рабочего движения породил у революционеров новые надежды и привел к усилению влияния социал-демократических идей. Неизменные неудачи террористических приготовлений — чаще всего еще на уровне разговоров — заставляли усомниться в целесообразности пути «людей 1-го марта».

Эволюция отношения к террору отчетливо прослеживается в изданиях последней в России серьезной организации, которая стремилась подчеркнуть свою связь с «Народной волей» в самом названии — мы имеем в виду петербургскую «Группу народовольцев». Для первого состава группы, выпустившего в 1892 и 1893 годах два номера «Летучих листков», терроризм

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 28.

остается неизменным атрибутом борьбы русских революционеров, и автор статьи «Накануне» в первом номере «Листка» пишет: «Надо решительно признать, что обращение русских революционеров к самоличной борьбе с правительством, борьбе террористической, отнюдь не было опрометчивым шагом, сделанным спохватом... Деспотизм, оставаясь неизменным, и впредь будет толкать их на прежнюю позицию: как ни тяжело подобное положение для всех, а особенно для самих революционеров, но террор все еще не избыт нами и стоит грозным призраком...»

В то же время в статье подчеркивалось, что «суть народовольчества вовсе не в терроре». Партия вынуждена обращаться к террору «как своего рода суррогату агитации и отчасти пропаганды». Террористические акты — это только «предварительные сообщения», дать политической борьбе дальнейшее развитие, придать ей широту и прочность сможет лишь «выступление на историческую сцену сильной всесловной партии; здесь за живую страстную борьбу революционная интеллигенция впервые положит начало своему тесному союзу с трудящейся массой»¹.

Правда, в заключительной части статьи ее автор, А.А.Федулов, назвав царевбийство 1-го марта 1881 года важнейшим прецедентом в борьбе с правительством, восклицал: «Приуроченная преимущественно к нему революционная борьба в ее высшем напряжении — вечный завет для передовой интеллигенции!»²

Участники группы второго состава (1894—1895 гг.), или так называемые «народовольцы 4-го «Листка», приходят, после определенных колебаний, к отказу от терроризма. Сторонниками терроризма, по-видимому, оставались в группе только Е.А.Прейсс и А.А.Федулов. Прейсс и Федулов, редактировавшие третий номер «Листка», датированный 1 апреля 1895 года, высказались на его страницах в пользу террора. Прейсс, по свидетельству участницы группы П.Ф.Куделли, вставила в статью лидера и ведущего теоретика группы

¹ Куделли П.Ф. Народовольцы на перепутьи: Дело Ляхтинской типографии. Л., 1925. С. 75.

² Там же. С. 77.

А.С.Белевского, относившегося к терроризму отрицательно, целую тираду в защиту **террора**¹.

Прейсс, кстати, предприняла определенные шаги для организации цареубийства. Осенью 1895 года она отправилась в Москву, где вела переговоры с некими Лениным и **Захлыстовым** о подготовке покушения. Они предложили ей два проекта: «построить крупнейшую разрывную ракету большой разрушительной силы и направить ее с дальнего расстояния на царский дворец или же отравить воду в дворцовом водопроводе»². Человеческая изобретательность, действительно, оказалась бесконечной. Эти фантастические проекты, разумеется, и не пытались воплотить в жизнь.

На страницах третьего номера «Листка» «два слова о терроре» высказал в «Открытом письме в редакцию» Федулов. Его отношение к возможным результатам террористической борьбы было достаточно осторожным. «Думается мне, — писал Федулов, — что трезвая мысль, защищая террор, не позовет к себе на помощь розовых иллюзий или наивного самообольщения. Отчего, конечно, не услаждать себя надеждой на неизбежные уступки со стороны правительства, но разве мы не будем ближе к истине, если предположим, что террор способен вызвать обострение реакционной политики? Отчего, конечно, не ценить террор, как средство самообороны, но разве правительство медлило когда с репрессалиями против революционеров-террористов, и разве мало у него ловких слуг на смену выбывшим? Нет, у террора — иные, более крупные, задачи»³.

Ниже Федулов разъяснял, что он понимает под крупными задачами: «Масса, застывшая в сонном прозябании, нуждается не только в том, чтобы перед ней вскрыли и показали в ярких образах революционную идею: там, где мысль никогда не возвышалась до вопросов политической жизни, нужно сперва совершить трудное дело — освободить умы от привычного индифферентизма. Но бледное слово тут бессильно; террор — единственное средство всколыхнуть стоячие бо-

¹ Куделли П.Ф. Указ. соч. С. 19, 100-101.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 128.

лота, кинуть туда такие запросы, о которых никто не слышал в этой мертвой тишине». Любопытно, что автор «Открытого письма» допускал и негативную реакцию массы на террористические акты. Это его не смущало. «Все, что угодно, — писал Федулов, — только не отсутствие интереса на фоне неведения, потому что на этой почве не привьется никакая пропаганда»¹. Итак, все «крупные задачи», которые должен был разрешить террор, сводились к «возбуждению» массы, привлечению ее внимания к политическим вопросам. Вряд ли это могло кого-нибудь из «политиков» вдохновить.

В результате дискуссий, которые велись в группе, было решено отказаться от террора «даже и в теории» и направить издательскую деятельность главным образом на пропаганду и агитацию в рабочей среде. В четвертом номере «Летучего листка», датированном 9-м декабря 1895 года, о терроризме уже не упоминалось вовсе².

Во второй половине 1890-х годов отношение к терроризму участников социально-революционных групп в России становится крайне сдержанным, если не отрицательным. Если террор и признавали, то старались открыто об этом не заявлять. Дело литературной защиты терроризма «пришлось» взять на себя эмигрантам.

Дрейф петербургской «Группы народовольцев» в сторону социал-демократизма, их явный отказ от террористических традиций народовольчества вызвал отклик на страницах «Материалов для истории русского социально-революционного движения», издававшихся парижской «Группой старых народовольцев»³. В двойном шестом-седьмом выпуске «Материалов...», оказавшимся последним, было опубликовано за подписью

¹ Куделли П.Ф. Указ. соч.

² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 39—40; Куделли П.Ф. Указ. соч. С. 20.

³ См. о «Группе...» и ее изданиях: Итенберг Б.С. П.Л.Лавров в русском революционном движении. М., 1988. С. 230—232; Моськина Н.В. Народовольцы 90-х годов XIX века: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1988; Будницкий О.В. Группа старых народовольцев // Отечественная история: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 647.

«Старый народоволец» «Открытое письмо к народовольцам — издателям «Летучего листка». Под псевдонимом скрывался Е.Г.Левит, в прошлом участник южно-русской организации «Народной воли» середины 1880-х годов. Впоследствии он принял участие в создании партии социалистов-революционеров, но уже к 1905 году перешел к **большевику**¹.

В «Открытом письме» Левит дал характеристику «Народной воле», остановившись в особенности на ее тактике. Он считал «Народную волю» безусловно социалистической партией. Однако социализм Левит понимал не как «объективную философскую доктрину», а учение «этическое по преимуществу... социализм — учение революционное и не допускает спокойного созерцания «естественного хода вещей», — он **требует** сознательного вмешательства в этот ход вещей»².

Под «естественным ходом вещей» Левит понимал действие исторической закономерности. Он отрицал, с позиций субъективной социологии, ее объективный характер. Отсюда и неприятие Левитом марксизма, который он по существу отождествлял с **фатализмом**. Пока «на арене оставались **такие** деятели» как **народовольцы**, заявлял он, «не могло быть места для социального учения, подобного современному русскому **марксизму**»³.

Левит всецело одобрял народовольческую тактику, полагая, что современные ему революционеры должны безоговорочно ее воспринять. Он считал, что в России нет «**ни одного**» политически развитого класса, поэтому партия будет «рекрутироваться» во всех классах общества, особенно «среди интеллигентной молодежи». Поскольку революционные силы немногочисленны, партия должна иметь «строго заговорщический **характер**»⁴. С таких же позиций Левит подходил к на-

¹ Рязанов Д. Предисловие редактора // Плеханов Г.В. Соч. М., 6/г. Т. IX. С. 2.

² Старый народоволец [Левит Е.Г.]. Открытое письмо к народовольцам — издателям «Летучего листка» // Материалы для истории русского социально-революционного движения. [Париж]. 1896. № 6-7. С. 483.

³ Левит Е.Г. Открытое письмо... С. 484.

⁴ Левит Е.Г. Указ. соч. С. 488.

родовольческому террору, заявляя, что «**единственная** ошибка террористической борьбы — ее прекращение»¹.

Новый царь был терроризирован «сильно», подчеркивал Левит, но «**недостаточно**», а партия после 1-го марта совершила роковую ошибку — не решилась «на свой страх и риск продолжать борьбу». Народовольцы рассчитывали на поддержку либералов, а не получив, ее растерялись. Несмотря на то, что организация «благодаря разгромам и предательствам» была расшатана, «бороться еще можно было». Когда же революционеры «спохватились, то последовал лопатинский провал, а затем крах последней попытки восстановить «Народную волю» на юге. Гибель южной организации Левит объяснял отсутствием веры и решимости у ее **участников**².

Таким образом, причины неудачи народовольцев сводились к тактическим просчетам партии и к упадку духа и разочарованию, которые овладели большинством оппозиции после 1-го марта. Ведь эпоха террористической борьбы, «**как тогда казалось**», не дала никаких положительных результатов. Но это, писал Левит, «казалось тогда: мы теперь знаем, что борьба не была безрезультатна, результаты были, но ими не сумели воспользоваться. Она дала все, что от нее можно было ожидать и в смысле воздействия на правительство, и как могучее агитационное средство». В подтверждение своих слов Левит указывал на «диктатуру сердца», как на победу революционеров, а говоря об агитационном воздействии террора, пояснял: «... я не хочу сказать, что он революционизировал все наше общество, но он пробуждал к жизни, направлял на борьбу все активные общественные силы». Вывод «старого народовольца» был однозначен: «Мы теперь с уверенностью можем сказать, что продолжись борьба, и победа — в смысле политических завоеваний — была бы **несомненно одержана**»³.

¹ Левит Е.Г. Указ. соч. С. 478.

² Там же. С. 477-478.

³ Там же. С. 477.

Выражал он уверенность и в том, что как бы ни называлась новая революционная партия, ее «положительная программа по существу ничем не будет отличаться от программы «Народной воли», поскольку последняя продиктована самой жизнью... в существенном новая партия будет иметь тот же характер, какой имела и «Народная воля». Одним только новая партия будет отличаться от старой — **жизненным опытом...**»¹

Призыв к возрождению программных и тактических основ народофильства вызвал резкую критику со стороны Г.В.Плеханова. Он посвятил брошюру «Новый поход против русской социал-демократии» разбору «Открытого письма» «Старого народофильца», доказывая несостоятельность его положений. Плеханов, говоря о 1890-х годах, сравнил «Народную волю» с коляской, от которой осталось «разве лишь **одно колесо**. Спора нет, коляска была недурна в свое время, но оставшееся от нее колесо все-таки не экипаж, и в нем нельзя ездить»². Колесо, однако же, доехало не только до Москвы, но и до Казани...

Известный народнический публицист, в прошлом близкий к «Народной воле», а в 1890-х годах — один из лидеров парижской «Группы старых народофильцев», Н.С.Русанов, на страницах «Материалов...» также оценил опыт народофильского террора вполне положительно. В статье «На рубеже двух царствований (Александр III — Николай II)» он писал, вспоминая предыдущую смену монархов, что «под свежим впечатлением трагедии на Екатерининском канале самодержавие было наиболее склонно к уступкам». И если этого не произошло, то виноваты опять-таки либералы, которые после царубийства втайне потирали руки в ожидании реформ, а на «стогнах и торжищах» яростно обличали революционеров и холопствовали перед «прахом «царя-мученика». По наблюдениям Русанова, «в душе либералы рассчитывали на бомбы гораздо более, чем сами народофильцы». В результате пассивности либералов самодержавие, «вытолкнутое на

¹ Левит Е.Г. Указ. соч. С. 487—488.

² Плеханов Г.В. Новый поход против русской социал-демократии // Соч. М., б/г. Т. IX. С. 330.

время динамитными взрывами из отвесной линии, покачалось некоторое время направо и налево и затем пришло в прежнее положение»¹.

Главным трубадуром терроризма в эмигрантской печати выступал В.Л.Бурцев. В 1897 году он издал в Лондоне три номера журнала «Народоволец». Основным автором был сам Бурцев, печатались в журнале также И.Н.Кашинцев, В.П.Жук (Маслов-Стокоз), П.Ф.Алисов. Даже на не отличавшихся умеренностью русских революционеров «Народоволец» произвел несколько шокирующее впечатление.

На сакраментальный для русских революционеров вопрос: «Что делать?» на страницах журнала давался категорический ответ: «возобновить партию «Народной воли», и другого ответа нет»². «Боевую программу предлагалось свести «к одному пункту: царубийству, — а, если бы оказалось нужным, то к целому ряду царубийств и к систематическому политическому террору»³. Возобновление террористической борьбы в России, по мнению Бурцева, являлось «не только наиболее настоятельной потребностью революционного движения, но и его неизбежным условием»⁴.

Бурцев подчеркивал, что он и его соратники выступают за террор «не потому, что он нам нравится, а единственно потому, что, по нашему мнению, в настоящее время нет других средств борьбы с правительством, которые могли бы — без помощи террора — заставить его пойти на уступки». Причем Бурцев был готов удовлетвориться весьма скромными уступками — он собирался выступить против террора, если в России «будет возможна честная, уверенная в себе по-

¹ Тарасов К. (Русанов Н.С.). На рубеже двух царствований (Александр III — Николай II) // Материалы для истории русского социально-революционного движения. (Париж). 1895. № 5. С. 327-328.

² Бурцев Вл. К вопросу — что делать? // Бурцев Вл. Долой царя! (London). (1901). II пагинация. С. 9. Статьи Бурцева из первых трех номеров «Народофильца» цитируются далее по указанному сборнику.

³ Там же. С. 1.

⁴ Бурцев Вл. Правда ли, что террор делают, но о терроре не говорят // Там же. С. 10.

литика, независимая ни от каких **Победоносцевых**, хотя бы такая, какая началась под давлением революционеров при Лорис-Меликове, и будет открыто заявлено, с достаточными гарантиями, о наступлении новой эры для России — эры **свободного развития**...»¹

В каждом номере «Народовольца» встречаются выпады против российских социал-демократов. Как бы в ответ на слова Плеханова из доклада Лондонскому конгрессу II Интернационала: «...В настоящее время все более и более становится ясным, что движение в среде наших рабочих есть единственное истинно-революционное движение в современной **России**»², во втором номере «Народовольца» напечатано: «Пора убедить всем, что революционная деятельность в России не может сводиться к одной пропаганде социализма и организации рабочих... Социал-демократизм нам не ко двору... Признаем же недостаточность социал-демократических программ и пойдемте на выучку к "**Народной воле**"!»³

Учиться у «Народной воли» надо было, по Бурцеву, разумеется, прежде всего терроризму. Он не отрицал, что народовольцы «много занимались социалистической пропагандой среди рабочих, их организацией, устройством стачек, создавали нелегальную литературу, организовывали молодежь и так далее». Но «слава "Народной воли", — резонно писал Бурцев, — ее место в истории обуславливается, конечно, не этим, а ее террористической **борьбой**»⁴. «Отметился» в «Народовольце» и еще один присяжный апологет терроризма — **П.Ф.Алисов**. Он напечатал в журнале «Письмо в редакцию», в котором без обвиняемых заявлял: «Террористическая партия была самой могущественной, самой идеальной и самой практической партией. Она

—¹ Бурцев Вл. Правда ли... С. 18. Несколько строками ниже он высказался еще яснее: «Решение вопроса о том, нужен или не нужен террор в России, зависит не от революционеров, а от Николая и Победоносцевых...» // Бурцев Вл. Долой царя!

² Плеханов Г.В. Соч. Т. IX. С. 367.

³ Рецензия на киевскую рабочую газету «Вперед» из второго номера «Народовольца» **цит.** по: Долой царя! С. 43.

⁴ Бурцев Вл. Правда ли... С. 16.

претворила в себе все лучшее всех партий, и, полная набранных живительных сил, пошла далее и, свершив чудеса героизма, расшатала тысячелетний строй до самого основания... Ужасный промах террористической партии заключается в том, что она после своей победы 1-го марта, на минуту оставила систематический террор, на минуту вложила свой меч в ножны. Приготовь она все заранее и расплюсни Александра III в день похорон Александра II, и в России одно из двух: или вспыхнула бы революция или была бы объявлена широкая **конституция**»¹.

Редактор, несомненно, был согласен с автором письма, ибо, по выражению самого же Бурцева, напечатанного несколькими страницами ниже текста Алисова, «страницы революционных изданий не фонарный столб, на котором можно наклеивать все, что вздумается»².

Ультратеррористическая программа «Народовольца» вызвала негативную реакцию со стороны других заграничных групп народнического и народовольческого толка. Парижская «Группа старых народовольцев» поспешила отмежеваться от **бурцевского** издания. От ее имени П.Л.Лавров заявил, что «никто из известных «Группе» лиц, активно действовавших в рядах «Народной воли» в 1879—1883 гг., в редакции «Народовольца» участия не **принимает**»³. Деятели лондонского «Фонда вольной русской прессы» также отнеслись к программе «Народовольца» **отрицательно**⁴.

Однако, если среди сотрудников «Народовольца» и не было видных деятелей эпохи «великого» Исполни-

¹ Алисов П. Письмо в редакцию // Народоволец. 1897. № 3. С. 116-117.

² Народоволец. 1897. № 3. С. 124.

³ Летучий листок «Фонда вольной русской прессы». 1897. № 39.

⁴ Летучий листок... 1897. № 40. С. 1—2. Полного **единодушия**, впрочем, не было. «Заметка о "Народовольце"» вызвала большое неудовольствие среди здешних молодых народовольцев, — писал Л.Э.Шишко Н.В.Чайковскому из Парижа, — обвиняют Фонд в том, что он отступил от своего правила не вмешиваться в партийные раздоры. В этой заметке есть странная, непонятная фраза: *пропаганду террором делать нельзя*. Что это значит?» (Шишко Л.Э. — Чайковскому Н.В., [1897] // АГИ. Коллекция Б.И.Николаевского. 183-25).

тельного комитета, то товарищи Бурцева были все-таки достаточно известными революционерами. Один из них, **И.Н.Кашинцев**, был осужден по делу киевского «Южно-русского рабочего союза» в 1881 г., после окончания срока каторги в 1886 г. вышел на поселение. Однако в Якутской губернии он долго не задержался и в 1888 г. бежал за границу. В Париже Бурцев и Кашинцев жили на одной квартире. Именно в их квартире была оборудована мастерская по изготовлению бомб, средства на которую через своего агента **Ландезена** выделил Департамент полиции. По делу «парижских бомбистов» Кашинцева приговорили к трем годам тюремного заключения, которые он отбыл в **Анжерской** тюрьме. После освобождения уехал в Лондон, а в 1894 г. переехал в Болгарию, где и прожил около двадцати лет. Кстати, Кашинцев перевел на русский язык знаменитую «Сибирь и ссылку» Джорджа Кеннана. Издал ее в 1890 году в двух частях, называется, Бурцев. Несколько статей Кашинцева впоследствии было опубликовано в эсеровской «Революционной России»¹.

В «Народовольце» Кашинцев под псевдонимом «Сибиряк» опубликовал статью «К вопросу о причинах падения «Народной воли»². В письме к Бурцеву он отчетливо сформулировал политическую «сверхзадачу» своей статьи: «Я пытаюсь указать в ней **И С Т И Н Ы** е причины падения «Нар[одной] воли»..., заключающиеся не в программе «Н[ародной] воли», а скорее в недостаточной верности этой программе со стороны самих народовольцев, а в ряде случаев, крайне неблагоприятных обстоятельствах времени. Цель статьи — устранить наконец в большей или меньшей степени те возражения против «Шародной] в[оли]», которые опираются чуть ли не исключительно на факт ее поражения, и которые на этом факте строят свое **заключе-**

¹ ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 2. Ед. хр. 93. Л. 4. На вопрос анкеты, из которой почерпнута большая часть приведенных сведений, «в каких революционных делах принимал участие?» — Кашинцев скромно ответил: «в разных делишках. В серьезных сражениях не бывал, кажется» // Там же.

² Авторство Кашинцева установлено по его письму Бурцеву от 23 мая 1897 г. // ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 2. Ед. хр. 6 Л. 22-22 об.

ние, что «Н[ародная] в[оля]» была «не ко двору», и что, значит, все попытки воскресить ее — невозможны»¹.

В статье Кашинцев более подробно изложил свою аргументацию. Он писал, что «причины поражения «Народной воли» лежали не в ее программе, а, напротив, в недостаточно полном и систематическом воплощении этой программы в деятельности партии». Народовольцы приостановили террор после 1-го марта, и это позволило правительству собрать силы. Причем они приостановили террор не от недостатка сил или разочарования в этом способе борьбы, а по тактическим соображениям — пошли, по существу, на «компромисс» с обществом, ждали от правительства уступок — и в этом заключалась главная ошибка народовольцев. Гибель партии — случайность, подобная убиению излечимо больного человека молнией. Ее краху способствовали факторы, которые невозможно предусмотреть — дегаевщина и лопатинский провал. В дальнейшем возрождению «Народной воли» мешала марксистская критика, не без оснований утверждал Кашинцев².

Бурцев, подобно своим соратникам, объяснял неудачу «Народной воли» приостановкой террора после 1-го марта и бытовавшими «у некоторых народовольцев» мечтами о захвате власти, поглотившими немало энергии, а в 1881 году погубившими результаты всей прежней деятельности «Народной воли»³.

Характерные размышления — записи «для себя» — сохранились среди бумаг **А.Л.Теплова**, близкого к издателю «Народовольца». Теплов был старым революционером, участвовал еще в «хождении в народ». В период кульминации борьбы «Народной воли» он находился в сибирской ссылке, откуда вернулся в 1883 году. Таким образом, он застал «эпизод» народовольчества, и принял позднее личное участие в группе **С.М.Гинсбург**, носившей преимущественно террористический характер.

¹ ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 2. Ед. хр. 646. Л. 22-22 об.

² Сибиряк (Кашинцев И.Н.). К вопросу о причинах падения «Народной воли» // Народоволец. 1897. № 3. С. 85-93.

³ Бурцев Вл. Правда ли, что террор делают... С. 16.

В своих заметках Теплов писал, что «террор в "Н[ародной] в[оле]" был не одним из пунктов ее программы, а всею ее программой, ее душою, **центральной идеею**; без него "Н[ародная] в[оля]" переставала быть "Шародной] в[олей]", что и случилось на с[амом] деле»¹. По мнению Теплова, «вопросы о захвате власти, о централизации, о национальных стремлениях не играли с у щ е с т в е н[но й] роли в прошлом революционном **движении**»². Досталось, как водится, социал-демократам, мешавшим, как считал старый народник, выбору русскими революционерами правильного пути борьбы. «Плеханов способствует смущению умов», — такая выразительная фраза содержится в его черновых **набросках**³.

Нетрудно заметить, что авторы «Народовольца» по существу фальсифицировали программу и тактику Исполнительного комитета. Их трактовка террора более сходна с проектом программы, предложенным в свое время партии Н.А.Морозовым и отвергнутым ее **большинством**. Не случайно Бурцев впоследствии **перепечатал** «Террористическую борьбу» в одном из **своих сборников**⁴. Правы они были в одном — **воодушевить** в народовольческом наследии мог прежде всего **террор** — ведь именно здесь был достигнут **успех**, плодами которого не сумели правильно **распорядиться**. Поэтому столь настойчивы были призывы **наиболее нетерпеливых** пройти по этому пути еще раз, но теперь-то уж, проанализировав причины неудачи **народовольцев**, распорядиться плодами успеха (**казавшегося несомненным**) как должно.

Издание «Народовольца» печально закончилось для Бурцева. Он был арестован в декабре 1897 года, а уже в феврале 1898-го приговорен британским судом за побуждение к убийству «лица, не состоящего в подданстве ее величества» к полутора годам **каторжных работ**. Этим лицом, на защиту которого встала **британская Фемида**, был Николай II. Единственный в своем роде «литературный» процесс (Бурцев был осужден

¹ ГА РФ. Ф. 1721. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 27.

² Там же. Л. 21.

³ Там же. Л. 28.

⁴ Да здравствует «Народная воля!» Paris, 1907.

за какие-либо конкретные действия, а за статьи в его журнале), стал возможен благодаря тесному **сотрудничеству** шефа заграничной охраны **П.И.Рачковского** и главного инспектора Скотланд-Ярда **У.Мелвилла**, **специалиста** по ирландскому терроризму. Приложили к делу руку и дипломаты, причем на самом высоком уровне — «проблемой Бурцева» лично занимался **премьер-министр** и одновременно глава Форин Оффис **Р.Солсбери**¹.

Осуждение русского революционера-эмигранта в Великобритании вполне можно было считать успехом российской полиции и дипломатии, и Николай II с полным основанием **пометил** на телеграмме русского посла в Лондоне **Е.Е.Сталя**, извещавшей Петербург об исходе суда: «отличный результат». С неменьшим основанием издатель «Free Russia» («Свободной России»), отражавшей, по существу, интересы русской революционной эмиграции, **Дж.Ф.Грин** писал на страницах своей газеты: «**Русский медведь** оказался достаточно умен, чтобы заставить британского льва выполнить за него грязную **работу**...»²

В этой детективной истории любопытен еще один аспект — значение, которое придавалось в Петербурге террористической угрозе. На то, чтобы упрятать Бурцева в тюрьму, было потрачено немало усилий и средств, явно превышающих опасность, которую представляла его террористическая риторика. Впрочем, в этом случае действовал и еще один фактор — интересы охраны, заинтересованной в дополнительном финансировании и посему склонной преувеличивать силы революционеров, а то и просто сочинять несуществующие заговоры. Тогдашний шеф заграничной агентуры Департамента полиции **П.И.Рачковский** был особенно большим мастером этого дела.

¹ См.: Senese D. «Le Vil Melville»: Evidence from the Okhrana File on the Trial // Oxford Slavonic Papers. 1981. Vol. 14. — 153; Будницкий О.В. Англо-русские отношения и дело Бурцева // Научные чтения по всеобщей истории, посвященные памяти академика С.Д.Сказкина. Ростов-на-Дону, 1992. С. 106-109.

² Kimball A. The Harassment of Russian Revolutionary Abroad // Oxford Slavonic Papers. 1973. Vol. 6. P. 64.

2. Предтечи: 1898—1901

В конце 1890-х годов в писаниях сторонников возобновления терроризма все чаще появляются новые нотки. С призывом к возрождению (хотя и со значительными коррективами) народовольчества выступил в конце 1890-х годов **Х.О.Житловский**. За плечами у Житловского была организация народовольческой группы в Витебске (1884), эмиграция (1887) и Бернский университет, в котором он получил степень доктора философии (1892). Он был инициатором создания (1893) и руководителем заграничного «Союза русских социалистов-революционеров». **Житловский** редактировал его печатный орган — «журнальчик» «Русский рабочий» (1894—1897, № 1-11). В журнале сотрудничали **А.Л.Теплов**, бывший участник **виленского** народовольческого кружка **Х.Л.Раппопорт** и он, разумеется, был не без террористических тенденций. В философских работах, публиковавшихся в немецких и русских журналах в 1890-е годы, Житловский критиковал ортодоксальный марксизм с позиций «субъективной социологии» **П.Л.Лаврова** и **Н.К.Михайловского**¹.

В 1898 году Житловский, под псевдонимом **С.Григорович**, выпустил книжку «Социализм и борьба за политическую свободу», полемически заостренную против взглядов **Г.В.Плеханова** и его последователей. Нетрудно заметить, что само название брошюры Житловского является парафразом названия манифеста русского марксизма — «Социализм и политическая борьба» **Плеханова**. **Т.М.Копельзон** (**Гришин**), один из основателей **Бунда**, принимавший активное участие в жизни тогдашней российской революционной эмиграции, задним числом счел Житловского «до **появления** на эсеровской партийной арене **Виктора Чернова**» единственным теоретиком эсерства и его философии.

По воспоминаниям **Копельзона** (следует, разумеется, сделать поправку на социал-демократизм мемуариста, а также на время публикации его текста), «своим

¹ См. подробнее: **Будницкий О.В.** Проблема террора в русской эмигрантской публицистике конца XIX — начала XX века // Россия в XIX — начале XX века. Ростов-на-Дону, 1992; его же. **Житловский Х.О.** // Отечественная история: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 191; История терроризма в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 171—172.

краснобайством и умением подделаться и подойти к аудитории **Житловский** вносил большую смуту в головы заграничной учащейся молодежи. Он, кажется, не пропускал ни одного реферата **Г.В.Плеханова**, чтобы не выступить против него с длиннейшими возражениями и поправками. **Плеханов** называл **Житловского** своим «непременным, постоянным оппонентом». Один лишь **Плеханов** и умел основательно раздвигаться с **Житловским** и рассеивать туман, наводимый последним»¹.

В своей книжке **Житловский** немало места уделил истории «Народной воли» и ее урокам, а также возможной роли народовольческого наследия в русском революционном движении. С его точки зрения, настоящая история революционного движения в России началась с «Народной воли»². «Народная воля», полагал он, партия безусловно социалистическая, выражавшая интересы крестьян и рабочих. Ее социализм — «аграрный и промышленный»³. Что касается тактики, то «из всех планов, намерений и начинаний «Н[ародной] в[оли]» действительно великим и исторически важным остается террор, которому одному партия обязана своей известностью, своим могуществом, своим обаянием»⁴.

Житловский верно подметил противоречие между отношением народовольцев к террору в теории и на практике. Он писал, что «для "Исполнительного комитета", занятого, главным образом, мыслью о захвате власти, террор принципиально не играл самой главной роли в программе», однако «исторически террор охватывал гораздо больший круг влияния, чем тот, который приписывался ему программой "ИК"... Кому какое дело было до тех частных мотивов, которыми руководилась партия в своей террористической деятельности? "Народную волю" прочли тысячи, а про взрывы царских поездов и Зимнего дворца уз-

¹ Группа «Освобождение труда»: Из архивов **Г.В.Плеханова**, **В.И.Засулич** и **Л.Г.Дейча** / Под ред. **Л.Г.Дейча**. М.; Л., 1928. Вып. 6. С. 150—151.

² **Григорович С.** (**Житловский Х.О.**). Социализм и борьба за политическую свободу. Лондон, 1898. С. 39.

³ **Григорович С.** (**Житловский Х.О.**). Указ. соч. С. 49.

⁴ Там же. С. 58.

нала вся страна. И если каждый из страдавших под гнетом царизма по-своему понимал мотивы "Исполнительного комитета", то он не особенно ошибался: террор и был именно борьбой против гнета самодержавия, — гнета, который ощущался и сознавался **многими**¹.

Житловский совершенно справедливо писал, что своей известностью и «обаянием» партия обязана террору. Он перечислил ряд положительных для дела борьбы с деспотизмом последствий, которые, на его взгляд, имел террор. Террор, во-первых, «в самом деле дезорганизуящим образом влиял на русское правительство» и нагнал на него страху. В доказательство Житловский приводил переговоры «Священной дружины» с народовольцами по поводу коронации Александра III и жизнь этого императора, якобы почти полностью проведенную в стенах гатчинского дворца². Террор, «далее, повсюду вызвал убеждение, что положение государства безнадежное». Даже в высших сферах, выходы из которых, дорожащие своей будущностью, «сторонились от более или менее высоких должностей». Террор возбуждающим образом действовал на русское общество и прессу, требования которой делались «все более и более решительными». Террор «приободрял даже русского земца и либерала». Террор влиял на отношение иностранных держав к России.

¹ Григорович С. (Житловский Х.О.). Указ. соч. С. 53—54.

² На переговорах в Париже народовольцев с представителями «Священной дружины» («Добровольной охраны»), самостоятельной организации, созданной рядом лиц, близких ко двору, с целью борьбы против революционного движения и охраны жизни императора, речь шла о гарантиях безопасности царя во время коронации в обмен на некоторые уступки со стороны властей. Переговоры были прерваны после того, как выяснилось, что партия не имеет реальных сил для продолжения террористической борьбы. «Священная дружина» была распущена по настоянию руководства «официальной» полиции. Единственным реальным результатом переговоров стало освобождение из ссылки Н.Г.Чернышевского. Подробнее см.: **Николадзе Н.Я.** Освобождение Н.Г.Чернышевского // *Былое*. 1906. № 9; **Богучарский В.Я.** Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века: Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912; его же. «Земский союз» или «Священная дружина»? // *Русская мысль*. 1912. Кн. 9.

«Упрочение русского деспотизма и его влияние на ход европейских событий — было обратно пропорционально террористической деятельности революционеров. Нет сомнения, что никакая стачка, никакие уличные демонстрации не могут в этом отношении влиять так, как влияла непрерывная террористическая борьба... то, чего не могут сделать стачки, может сделать хорошо организованная террористическая борьба — окончательное разрушение престижа самодержавия». Наконец, террор «не остался без влияния и на самое отсталое население современной Европы, на русский крестьянский народ. Взрыв бомбы развенчивал идею неприкосновенности царской особы, непрерывно возбуждал в народе вопрос об отношении царя к нему, народу, и будил его критическую **мысль**»¹.

Нарисовав столь внушительную (хотя и сильно преувеличенную) картину благотельного воздействия террора на Европу, русское общество и народ, Житловский неожиданно с осуждением заключил: «и результатом этой террористической деятельности было то, что она в конце концов поглотила все остальные функции народовольческой программы, оставляя в тени все, что не имело непосредственного отношения к этой конкретной борьбе за политическую **свободу**»². Народовольческая борьба пошла по линии наибольшего успеха. Народовольцы обманулись «расцветом русского либерализма конца 70-х годов», напрасно рассчитывая, что либеральное общество «по крайней мере, сумеет воспользоваться теми каштанами, которые "Народная воля" таскала для него из огня». Народовольцы забыли, что «мы социалисты, и наше место у рабочих», забыли о том, что в революционной борьбе надо опираться на экономические интересы трудящихся. В этом главная ошибка «Народной **воли**»³.

Однако эти критические нотки ни в коей степени не означали сомнений Житловского в целесообразности **террора**. «...нет сомнения, — писал он, — что не террору партия обязана своим поражением, а **отсутствию террора**, или вернее, отсутствию тех усло-

¹ Григорович С. (Житловский Х.О.). Указ. соч. С. 57—60.

² Там же. С. 60.

³ Там же. С. 62.

вий, которые дали бы возможность сделаться террористической деятельностью непрерывной. Орудие не виновато в том, что его не употребляли в дело, или употребляли, не обставив дело более прочными гарантиями **успеха**¹. Террор «Народной воли» оказался безрезультатным потому, что он «не был политическим террором рабочей партии»².

Житловский категорически заявлял, что боевая тактика народовольцев «остаётся единственно возможной и необходимой... нет никаких других средств непосредственной активной борьбы, кроме тех, которые практиковались "Народной волей"»³. Но успех придет к революционерам в том случае, если террор станет «орудием борьбы целого общественного класса, который не переловишь и не перевешаешь, как переловлен и перевешан был «Исполнительный комитет»⁴.

Нетрудно заметить разницу между воззрениями сторонников «террористической революции» от Морозова до Бурцева, с одной стороны, и Житловского, с другой. Если первые рассчитывали на «неуловимых» террористов-одиночек, то последний возлагал надежды на русский рабочий класс, который должен вырабатывать **боевые организации**, которые подняли бы меч, выпавший из рук побежденной "Народной воли" и вступили бы в непосредственную борьбу с русским правительством»⁵. Если первые уповали на «качество» революционеров-террористов, то последний — на их количество.

Житловский стремился соединить народовольческое наследие с тем новым, что внесла в русскую революционную мысль социал-демократия. «"Народная воля" дала нам могучее орудие борьбы, с помощью которого партия может добиться необходимой для нее политической свободы. Социал-демократы указали на класс промышленных рабочих, как на главную точку приложения интеллигентных социально-революционных сил. Русским социалистам-революци-

¹ Григорович С. (Житловский Х.О.). Указ. соч. С. 54.

² Там же. С. 62.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. С. 118.

онерам остается объединить эти элементы и направить свою деятельность к тому, чтобы этот класс промышленных рабочих на самом деле сделался носителем и исполнителем всей социально-революционной программы»¹.

Несмотря на то, что Житловский признавал заслугу социал-демократов в признании передовой роли рабочего класса, его брошюра проникнута резко антимарксистским духом. По его словам, «марксизм на деле не только не внес никакой новой мысли в постановку целей и задач нашей социально-революционной партии, но, наоборот, отбросил нас далеко назад». Негативная роль марксизма, согласно Житловскому, заключалась в отрицании революционного потенциала крестьянства, неприятии «пути людей 1-го марта» и абсолютизации стачек, как универсального способа **борьбы**².

Практические выводы, к которым Житловский привел проделанный им **«историко-критический обзор»** важнейших фазисов русского революционного движения, сводились к следующему: «1) Мы никогда не должны под каким бы то ни было предлогом оставить или отодвигать на второй план социалистическую деятельность и организацию рабочих масс; 2) Практически вредно и теоретически несостоятельно стремление создать искусственный антагонизм между представителями сельского, фабрично-заводского и интеллигентного труда. Интересы всех трудящихся слоев России должны лечь в основу деятельности социально-революционной партии; 3) Русская социально-революционная партия должна взять на себя инициативу непосредственной активной политической борьбы с самодержавием, причем эта борьба должна вестись в той конкретной форме, практическая целесообразность и историческая необходимость которой доказана была деятельностью партии "Народной воли"...»³

¹ Григорович С. (Житловский Х.О.). Указ. соч. С. 111—112.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 119—120.

Конечно, аналогичные положения вошли впоследствии в программные документы партии эсеров не случайно. Один из лидеров русского неонародничества, впоследствии главный идеолог эсеров В.М.Чернов, вспоминал, что он и его единомышленники в России «очень рано почувствовали, что имеем за границей поддержку в... наших взглядах у **Житловского**. У нас уже при обысках были найдены первые номера издававшегося **Житловским** журнальчика "Русский рабочий". Мы причисляли Житловского к своим, хотя еще мало его знали: на основную нашу тему — об органической связи между социализмом и политической борьбой — он сумел написать и опубликовать, в общем, ценную для нас книжку... в 1898 году»¹. Речь шла, разумеется, о «Социализме и борьбе за политическую свободу».

Выехав в 1899 году за границу, Чернов познакомился с Житловским лично. «**Житловский** предстал передо мной как живой выходец из того мира философской мысли, в двери которого уже в мечтах моих стучался, — вспоминал Чернов, — ... я во многих вопросах мог ждать от него откровений и глядеть на него как на учителя — снизу вверх». По предложению Житловского Чернов перебрался из Цюриха в Берн: «Весь первый год, проведенный мной в Берне в ближайшем общении с Житловским (редкий день мы с ним не виделись), был, так сказать, медовым месяцем нашей дружбы. Не осталось, кажется, ни единого вопроса, о котором у нас не было бы на все лады говорено и **переговорено**»².

Позднее Житловский стал членом «Аграрно-социалистической лиги», вошедшей затем в партию эсеров, и одним из лидеров заграничной эсеровской организации. Его более молодой собеседник и в известном смысле «воспитанник» Чернов среди прочих трудов написал и программные статьи о терроре. Идеи о возобновлении террористической борьбы при опоре на массовое движение, развивавшиеся на страницах эмигрантской печати, не пропали втуне.

¹ Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993. С. 105.

² Чернов В.М. Указ. соч. С. 103.

Житловский, призывая к возрождению народовольчества, в то же время указывал на некоторые ошибки народовольцев, противоречия их программы и практики. Но и эта, довольно умеренная, критика, вызвала протест на страницах неонароднической печати. Особое неприятие вызвало бесспорно справедливое утверждение о вреде терроризма для деятельности среди рабочих. Известный народнический публицист, впоследствии один из лидеров крайне левых в партии эсеров, **Я.Л.Юделевский** (литературные псевдонимы **Я.Делевский**, **А.Галин**, **А.И.Комов**) даже поставил Житловского в этом смысле на одну доску с социал-демократами¹.

Юделевский посвятил «Народной воле» цикл статей в «Накануне» (неонародническая газета, издававшаяся в Лондоне старым народовольцем Э.А.Серебряковым; в ней сотрудничали Н.В.Чайковский, **Е.Е.Лазарев**, **В.М.Чернов**, тот же Житловский и др.) под названием «Легенда и действительность». Под «легендой» автор понимал марксистскую интерпретацию народовольчества, против которой и выступил в своих статьях. Юделевский сетовал на отсутствие преемственности между народовольцами и революционерами 1890-х годов и выделял три причины этого: «понижение интеллектуального уровня молодежи, доминирующее мирозерцание и тенденциозная **критика**»².

В одной из статей он подверг критическому разбору брошюру Ю.О.Мартова «Красное знамя в **России**»³. Большая часть статьи посвящена опровержению утверждения Мартова о том, что агитационная и пропагандистская деятельность народовольцев среди рабочих страдала от полицейских репрессий вследствие террора. Эта проблема не случайно привлекла внимание **Юделевского**. Незадолго до этого он писал, что «мыслящие социал-демократы, вникнув в историю русского революционного движения и отнесшись критически к своему прошлому и настоящему, не могут не придти к заключению, что, не прекращая своей

¹ Галин А. (Юделевский Я.Л.). Легенда и действительность // Накануне (Лондон). 1901. № 26–27. С. 311.

² Там же. № 25. С. 293.

³ Мартов Ю.О. Красное знамя в России: Очерк истории Русского рабочего движения. Женева, 1900.

культурной работы, им следует, в союзе с другими социалистами и революционерами, вступить на путь, завещанный традициями «Народной воли»¹. Оставалось «только» доказать, что этот путь верен.

Аргументация Юделевского сводилась к тому, что, во-первых, правительственные репрессии против революционной интеллигенции и передовых рабочих были не менее суровы после террора, нежели во время террора. Во-вторых, террор привел к более «мягкому» отношению к «политическим преступникам», не замешанным в собственно террористических предприятиях.

Кроме того, неверно отождествлять «Народную волю» с Исполнительным комитетом, в общем-то справедливо замечал Юделевский. Однако «та специфическая форма революционной борьбы, которую практиковала "Народная воля", ограничивала состав участников небольшим сравнительно числом террористов, количественно поглощавшему лишь незначительную часть партии. Вот почему неверно утверждение, что, по мере развития террористической деятельности, ослабевала социалистическая и агитационная работа»².

Юделевский полагал, что террор для царизма несравненно страшнее, чем «все формы культурной, пропагандистской и агитационной деятельности, взятые вместе»³. При этом он не погнушался сослаться на известного организатора провокации Г.П. Судейкина, противопоставлявшего народовольцам чернопередельцев, как истинных социалистов. Следовательно, заключал Юделевский, для жандармов первые были страшнее. Учитывая то, что Юделевский не видел принципиальной разницы между чернопередельцами и социал-демократами⁴, ясно, против кого была направлена его «историческая» критика.

¹ Галин А. (Юделевский Я.Л.). Признаки времени: Письмо в редакцию // Накануне. 1900. № 23. С. 274.

² Галин А. (Юделевский Я.Л.). Легенда и действительность // Накануне. 1901. № 26-27. С. 312.

³ Там же.

⁴ Отождествление тех или иных «умеренных» течений в народничестве с социал-демократией было свойственно не только Юделевскому. Так, Житловский в цитированной выше брошюре уравнивал социал-демократов с лавристами 1870-х годов.

Логические противоречия в рассуждениях Юделевского очевидны. С одной стороны, террор якобы отвлекал власти от деятельности пропагандистов, с другой — репрессии были одинаково сильны и во время террора, и после него.

Юделевский резонно замечал, что Исполнительный комитет — не вся «Народная воля», и что именно он занимался прежде всего террором, а на «периферии» организации пропагандистская работа продолжалась. Но это лучше всего подтверждало высказывания его оппонентов. Там, где терроризм — там не может быть широкой агитационно-пропагандистской деятельности. Если, конечно, не считать терроризм разновидностью такой деятельности. Народовольцы продолжали пропагандистскую работу, но центр партии неизбежно от нее отходил. А ведь центру, где были сосредоточены лучшие силы, удалось добиться наиболее серьезных результатов в «рабочем деле». Но террор свел все это на нет.

Политические выводы Юделевского практически совпадали с позицией «Народовольца»: в России «массовая организация для борьбы с самодержавным режимом невозможна» и выход только один — использовать методы и формы борьбы, выдвинутые «Народной волей»¹.

А вскоре к громкому хору пропагандистов терроризма присоединился и голос самого издателя «Народовольца». По выходе из британской тюрьмы Бурцев начал выпускать первый в отечественной историографии историко-революционный журнал «Былое». Бурцев подчеркивал, что работа по изучению истории революционного движения ведется им «в интересах прежде всего текущей революционной борьбы». По его мнению, даже активные революционеры плохо знают дела предшественников, чем «только и объясняются все крупные ошибки и пробелы в революционном движении последних лет». Между тем, «за последние годы история революционного движения не только не изучалась, но ее старались лишь извращать в ин-

¹ Галин А. (Юделевский Я.Л.). Легенда и действительность. С. 312.

тересах кружковых доктрин, а наиболее дорогое и ценное выбрасывалось за борт»¹.

Наиболее дорогим и ценным для Бурцева по-прежнему оставался терроризм. «Наши предшественники, — писал он, — умели хорошо бороться с правительством, нанесли ему страшные удары и их опыт... мог бы и теперь служить путеводными маяками для действующих революционеров»². О каком опыте шла речь, было ясно по характеру материалов, опубликованных в первых двух номерах журнала, вышедших в 1900 и 1901 годах. Львиная их доля посвящена террору, и не случайно первый номер журнала открывался публикациями о цареубийстве 1 марта 1881 года — отрывком из завещания И.И.Гриневицкого и статьей Бурцева «Памяти Гриневицкого».

Принципиальное значение имело редакционное послесловие к материалу «Казнь Н.Е.Суханова». В нем Бурцев писал: «Современные революционеры должны возможно обстоятельнее познакомиться с тем, как боролись и умирали народовольцы: в истории партии "Народной воли" они найдут драгоценнейшие указания для своей деятельности», а суть этих указаний в том, что Суханов в Кронштадте у "позорного столба", и Михайлов со своими друзьями в Петропавловской и Шлиссельбургской крепости остались верны своей аннибаловой клятве бороться за дело русской свободы с русским деспотизмом, и с своей Голгофы они завещали русским революционерам и свою непримиримую вражду к самодержавию и свои методы борьбы с ним» (разрядка моя. — *О.Б.*)³.

К причинам неудачи «Народной воли», называвшимся в свое время в «Народовольце» и сводившемся к ряду случайностей и субъективных ошибок, Бурцев добавил еще одну — недооценку народовольцами «метательных снарядов». «Если бы Кибальчич и его друзья, — писал он, — были так же сильно убеждены в возможности покончить с царем с помощью метательных снарядов, как они были убеждены в возможности

¹ Былое. 1900. № 1. С. 59-60.

² Там же. С. 60.

³ Былое. 1901. № 2. С. 139.

сделать это с помощью подкопа под Малой Садовой, то, конечно, факт 1-го марта совершился бы гораздо ранее, сопровождался бы целым рядом других аналогичных фактов и, благодаря большим силам и лучшей подготовке, произошел бы при иной обстановке — гораздо более внушительной для русского правительства. Реакция была бы совершенно сбита с ног, а друзья свободы России сразу почувствовали бы прочную почву под своими ногами»¹. Тяга к техническим усовершенствованиям была неистребима у русских радикалов...

Бурцев указывал на «реакцию, царившую в революционных рядах в 1883—97 гг., которая не позволяла выступить на сцену деятелям школы Желябова и Ал. Михайлова»². Нетрудно заметить, что начало «реакции» он связывал с образованием группы «Освобождение труда», а конец... с началом издания «Народовольца». Этот курьезный момент отметил Ю.О.Мартов, напечатанный в марксистской «Заре» рецензию на второй номер «Былого». «Так вот оно, значение исторических дат! — иронически писал он. — От возникновения социал-демократии до возрождения г. Бурцева!» Рецензент «Зари» замечал, что «быть влюбленным в героев, историю которых изучаешь, — дело довольно обычное для историка; но перемешивать воспевание этих героев зазорными выходками по адресу тех, кто в свое время критически отнесся к их деятельности, — для этого уже требуется некоторое отсутствие вкуса»³.

Общественно-политическая ситуация конца XIX — начала XX веков, нарастание рабочего движения, распространение марксизма в радикальных кругах вынудили Бурцева обратиться к истории рабочего движения, в том числе к истории народовольческой деятельности среди рабочих. Он доказывал, что «пропагандисты всех других фракций в 80—90-х гг. ни в каком отношении не расширили революционной деятельности среди городских рабочих в сравнении с тем, как она была поставлена народовольцами в 1880—81 гг., а

¹ Былое. 1900. № 1. С. 10—11.

² Былое. 1901. № 2. С. 139.

³ Л.М. (Мартов Ю.О.) (Рецензия) // Заря. Stuttgart, 1901. Декабрь. № 2-3. С. 343, 345-346. Рец. на: Былое: Историко-революционный сборник. Лондон. № 2.

часть, наоборот, суживали ее несмотря на то, что сводили к ней всю свою революционную деятельность»¹. Народовольческая же пропаганда среди рабочих «велась на широких политических и экономических началах» и главной целью имела помочь им «организоваться для политической и экономической борьбы, за их собственные интересы»².

Однако определенное внимание Бурцева к роли рабочего класса в русском революционном движении вовсе не означало признания решающей (или хотя бы равной) роли массового движения в борьбе за политическую свободу. «Одинокие выстрелы Карповича и Лаговского заставили правительство вздрогнуть более, чем сотни стачек и десятки наиболее удачных манифестаций», — писал он в сборнике «Долой царя!», вышедшем после этих столь же долгожданных, сколь и неожиданных террористических актов³.

В вышеупомянутом сборнике Бурцев переиздал наиболее значительные статьи из «Народовольца», аргументируя их перепечатку тем, что «они верно характеризуют программу партии "Народной воли", какой она была у деятелей 1879—1881 года», а ее программа и на настоящее время остается «наиболее отвечающей на запросы современной революционной борьбы в России»⁴. Бурцев считал, что «условия русской жизни с 1881 года не изменились коренным образом, а поскольку они изменились, то эти изменения делают в данное время более плодотворной и насущной именно народовольческую программу». Отсюда вытекал категорический, как всегда у Бурцева, вывод: «Вне "Народной воли" нет спасения России!»⁵

Кредо издателя «Народовольца» осталось неизменным: «Политический террор имеет такое решающее значение в жизни нашей родины, его влияние так глубоко, всеобъемлюще, что перед ним все другие разногласия террористов должны исчезнуть. Поли-

¹ Былое: Журнал, издававшийся за границей под ред. В.Л.Бурцева. Ростов-на-Дону, 1906. Вып. 1 (1900—1902). С. 6.

² Там же. С. 61.

³ Бурцев Вл. Долой царя! С. 25.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 51.

тический террор — главным образом он — должен быть доминирующим фактором в установлении отношений между группами, признающими одинаково его огромное значение. Все защитники политического террора, несмотря ни на какие разногласия по всем другим вопросам, должны чувствовать себя членами одной семьи — так или иначе слиться в одну лигу политического террора»¹.

Кого только не пытался обратить неутомимый Владимир Львович в свою веру! Даже Г.Е.Зиновьева, который познакомился с ним за границей в 1901 или 1902 г. Будущий большевик тогда еще, разумеется, твердо не определился в своих политических пристрастиях. Зиновьев вспоминал: «Бурцев считал себя тогда старым народовольцем, был энтузиастом террора, личное впечатление — неподкупного фанатика. "Вцепился" в меня. Помню, в Париже повел меня в Национальную библиотеку, помог устроиться читателем. И первое, что он достал мне там для чтения, — материалы о суде над террористами-цареубийцами 1881 г... После приезда моего в Берн (1902 г.), Бурцев бывал у меня много раз, ночевал у меня (спали вдвоем на одной кровати или большом диване), все время грезил террором. Потом, когда я стал определенным большевиком, разошлись...»² Кто мог тогда представить, что пятнадцать лет спустя, в 1917 году, Бурцев, в нашумевшей статье «Или мы, или немцы и те кто с ними», написанной им после июльского выступления большевиков, ответит своему эмигрантскому собеседнику четвертое место в списке самых вредных людей в России, вслед за Лениным, Троцким и Каменевым³.

Бурцеву не удалось сплотить русских революционеров на платформе чистого терроризма. Уж очень схематичной и прямолинейной выглядела его программа⁴. Больше преуспели деятели, открыто принимав-

¹ Бурцев Вл. Долой царя! С. 22.

² Зиновьев Г.Е. Воспоминания // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 189-190.

³ Будницкий О.В. Бурцев Владимир Львович // Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 52.

⁴ См.: Saunders D. Vladimir Burtsev and the Russian Revolutionary Emigration // European Studies Review. 1983. Vol. 13. № 1. p. 39-62.

шие народовольческое «наследство», но стремившиеся «модернизировать» его в духе веяний времени.

В 1901 году парижской «Группой старых народовольцев» был издан первый номер журнала «Вестник русской революции», под редакцией Н.С.Русанова. В программной статье сразу заявлялось, что «мы считаем себя идейными продолжателями «Народной воли». Правда, свою программу продолжатели народовольцев собирались выводить из окружающих условий, прежде всего из развития капитализма «в его разрушающих и созидających формах». Отношение к террору формулировалось следующим образом: «Верные традициям Исполнительного комитета, мы смотрим на террор как на необходимое, хотя и печальное, орудие борьбы с правительством, которое само отказывается от человеческих форм самозащиты. И, как Исполнительный же комитет, мы полагаем, что систематический террор может оказаться целесообразным лишь в руках организованной партии. Не забудем, что террористическая деятельность "Народной воли" отвечала насущной необходимости революционной борьбы, отвечала исторической, до сих пор еще не решенной задаче низвержения самодержавия, отвечала, наконец, настроению всех живых сил общества. Но уж, конечно, не из заграницы мы будем призывать людей к террору (явный намек на буржевские издания. — *О.Б.*) и ограничиваемся простым напоминанием о той точке зрения, на которой стояли двадцать лет назад наши товарищи...»¹

В этом же номере была опубликована заметка М.Р.Гоца (псевд. *А.Левицкий*), в которой на месте заголовка стояли выразительные цифры: «1881—1901». Гоц писал, что «титаническая борьба конца 70-х годов, достигшая кульминационной точки 1-го марта, может до сих пор дать нам полезные указания, которые, в связи с уроками нашего современного революционного опыта, помогут, наконец, русским социалистам выйти на широкую дорогу решительной борьбы с самодержавием во имя интересов трудящегося большинства»². Он предостерегал против сужения про-

¹ Наша программа // Вестник русской революции. 1901. № 1. С. 14.

² Левицкий А. (Гоц М.Р.). 1881-1901 (Заметка) // Там же. С. 119.

граммы и тактики «Народной воли», против абсолютизации какой-либо одной ее стороны — заговорщичества пропаганды и агитации среди рабочих, или террора. Надо вернуться, настаивал Гоц, к широкому пониманию «форм социалистической и политической борьбы», свойственному народовольцам¹. Разумеется, террор занимал почетное место среди этих форм — но лишь в сочетании с другими.

Очевидна идентичность принципиальных статей «Вестника...» с «установочными» статьями в эсеровских изданиях. Это вполне закономерно: писали их нередко те же самые люди. Со второго номера «Вестник...» стал официальным теоретическим органом эсеров, а Михаил Гоц — одним из лидеров партии и, кстати, заграничным представителем Боевой организации.

В отличие от эмигрантов, путь к идейному одобрению террора у революционеров народнического толка, действовавших в России, был более извилистым. Один из основоположников партии эсеров *А.А.Аргунов* вспоминал, что «много споров кипело... вокруг вопроса о народовольческой тактике, в особенности о терроре, и я не помню ни одного из тогдашних народовольцев, который отстаивал бы во всей неприкосновенности догму народовольчества, не допуская никаких поправок»².

На съезде социально-революционных групп в Воронеже в августе 1897 года наибольшие дебаты вызвал вопрос о терроре. Его в принципе признавали все участники съезда, но одни «находили нужным выставить его в программе и начать немедленно проводить в жизнь», большинство же считало это преждевременным и решило о нем пока молчать, так как «о терроре не говорят, но его делают». На съезде в Полтаве в ноябре того же года «южные» социалисты-революционеры утвердили проект программы, в котором о терроре «говорилось глухо», определенно он рекомендовался лишь как средство самозащиты³.

¹ Левицкий А. (Гоц М.Р.). Указ. соч. С. 120-122.

² Аргунов А. Из прошлого партии социалистов-революционеров // Былое. 1907. № 10. С. 98.

³ Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров. С. 71-72.

На съезде «южан» в Киеве в августе 1898 года мнения относительно методов политической борьбы **вновь** разошлись: одни безусловно отрицали террор, другие же, признавая террор, откладывали его применение до образования сильной рабочей партии, «от имени и во имя которой» должна была вестись террористическая борьба. Наконец, как результат съезда «Южной партии социалистов-революционеров», состоявшегося в Харькове летом 1900 года, в ноябре того же года в Киеве был опечатан «Манифест партии социалистов-революционеров», в котором совершенно не упоминалось о терроре. Народнические критики находили в нем много социал-демократической идеологии¹.

Иначе подошли к террористическому «наследству» участники «Северного союза социалистов-революционеров», конституировавшегося в Саратове в 1896 году (затем его «центр» переместился в Москву). В 1898 году «северяне» издали программу под названием «Наши задачи». В нее был включен специальный раздел «Средства революционной борьбы: Деятельность террористическая и массовая революционная борьба». В нем обосновывалась особая роль революционной партии в деле завоевания политической свободы. По мнению составителей программы, в условиях абсолютизма, защищенного «миллионной армией», создание массовой социально-революционной партии невозможно. Следовательно, надо предварительно разрушить существующий политический строй, и это должна взять на себя партия, основанная «на принципе заговора»².

«Одним из сильных средств борьбы для такой партии, диктуемых нашим революционным прошлым и настоящим, — говорилось в программе, — является политический террор, заключающийся в уничтожении наиболее вредных и влиятельных при данных условиях лиц русского самодержавия. Систематический террор, совместно с другими, получаемыми только при терроре огромное значение».

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 76; Гусев КВ. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 30.

² Цит. по: Куклин Г.А. Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862—1902 гг.). Женева, 1903. С. 11.

формами открытой массовой борьбы (фабричные и аграрные бунты, демонстрации и проч.), приведет к дезорганизации ^{она} Террористическая деятельность прекратится лишь с полным достижением политической свободы»¹.

Таким образом, с одной стороны подчеркивалось значение массовой борьбы, с другой — указывалось, что она может принести пользу только при наличии террора, является как бы приложением к нему. Кроме главного назначения террора, как средства дезорганизации правительства, перечислялись его функции как средства агитации и пропаганды, самозащиты и «охранения» организации, традиционно упоминалось о терроре как средстве борьбы, «подрывающем обаяние правительственной власти» и т.д.²

«Наши задачи» без восторга были встречены «южными» социалистами-революционерами. Аргунов писал впоследствии: «От киевского союза мы получили известие, что при обсуждении нашей программы вышли разногласия, причем... большинство было против включения в программу пункта о терроре, чтобы не отпугнуть многих, что этот пункт вообще неуместен в программе, что не надо давать повода трактовать социалистов-революционеров как простых террористов, толкующих о массовой борьбе, о работе в массах и пр[очем] так, только для видимости...»³

«Северный союз социалистов-революционеров» сумел издать два номера газеты «Революционная Россия». «Северянами» был подготовлен и третий номер, но он вышел уже за границей, как орган единой партии социалистов-революционеров. Первый номер был довольно «бледным». «Причина была та, — объяснил впоследствии Аргунов, — что, выступая перед широким кругом читателей, мы, ради нащупывания почвы, разбавили краски, а передовая статья и совсем была обесцвечена»⁴. В обзоре революционных изданий аккурратно говорилось, что, «по-видимому, предсказания о неизбежном повороте революционной мысли в сто-

¹ Куклин Г.А. Указ. соч.

² Там же. С. 11—12.

³ Аргунов. С. 105.

⁴ Там же. С. ПО.

рону принципов эпохи «Народной воли»... начинают понемногу сбываться». При этом указывалось на **программную** брошюру «Свобода», выпущенную «Рабочей партией политического освобождения России» и на ее же первомайскую (1900 г.) **прокламацию**¹. Оба текста проникнуты определенно террористическими тенденциями. А «Свободу» проредактировал не кто иной, как будущий основоположник Боевой организации Г.А.Гершуни.

Между выходом первого и второго номеров «Революционной России» произошло событие, наполнившее умы и души русских революционеров смятением и восторгом. 14 февраля 1901 года бывший студент П.В.Карпович, не связанный тогда с какой-либо революционной организацией², смертельно ранил министра народного просвещения **Н.П.Боголепова**. Вскоре другой «самодельный» террорист, **В.Ф.Лаговской**, выстрелил в окно квартиры **К.П.Победоносцева**.

«К чему теперь наши споры о том, нужен или не нужен террор, если террористические факты **начались** помимо наших решений и наших программ», — говорилось в передовой статье второго номера «**Революционной России**»³. Известный народнический публицист **А.В.Пешехонов**, относившийся к террору в общем отрицательно, напечатал в этом же номере **восторженную** статью «Выстрел Карповича», в которой, в частности, писал: «В личной отваге важнейший залог революционного успеха. Если есть отвага в груди, то ты сумеешь святую мысль, которой владеют **маленькие** кружки, бросить в широкую массу и всколыхнуть **ее** убежденным словом. Если есть отвага в груди, ты **заставишь** обывателя поверить в **твою силу**, а **правительство** затрепетать перед твоею решительностью. Если есть отвага в груди, ты не побоишься не только нага-

¹ Революционная Россия. 1900. № 1. С. 14.

² Любопытно, что Карпович, оказавшийся после **исключения** из университета в Берлине, сблизился там со «старым народовольцем» — Е.Г.Левитом, вокруг которого **организовался** небольшой кружок русских студентов; среди них был, в частности, будущий видный деятель партии **эсеров** **В.М.Зензинов**. В свои планы Карпович посвятил только **Левита** (Якобсон Л. Новые данные о Карповиче // Катюга II ссылка. 1927. № 6. С. 221; Зензинов В. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 78).

³ Революционная Россия. 1901. № 2. С. 2.

но и виселицы. Если есть много отваги в груди, **прямо и смело** к врагу подходи и срази его острым **кинжалом**»¹.

Как и в изданиях «Северного союза...», отчетливо **выраженная** террористическая тенденция прослеживается в программной брошюре «Рабочей партии политического освобождения России». Партия сложилась в Минске в конце 1890-х годов, у ее истоков стояли **стальные** революционеры **С.Ф.Ковалик** и в особенности **народоволец** **Е.Гальперин**, «приложила руку» и **Е.К.Брешковская**. Брошюру «Свобода» написала **Л.М.Родионова-Клячко**. Отношение партии к террору формулировалось в ней следующим образом: «Направляя свои удары на членов правительствующей группы, мы имеем в **виду**: удалить, прежде всего, сподвижников царизма — тех представителей власти, которые непосредственно заинтересованы в поддержании существующего деспотического строя, строя, оправдывающего и требующего их участия в управлении страной, сделать их ответственными за их деятельность, карая все, клонящееся ко вреду родины... Систематически, разумно направляя свои удары, партия устрahит и дезорганизует правительство, у которого народ сумеет вырвать принадлежащие ему права. Партия не прекратит своих действий, пока не добьется конституции, наиболее удобной для основной идеи пролетариата. Поэтому партия не остановится на полпути. Добившись сначала конституции только либерально-буржуазной, она принудит правительство дать рабочую конституцию... Боевая роль партии кончится в тот день, когда в России будет провозглашена полная свобода...»²

Особенностями концепции терроризма, предлагаемой **Родионовой-Клячко**, во-первых, было то, что царских сановников предполагалось истреблять не по их должностям, а, по-видимому, в зависимости от характера деятельности: каралась лишь вредная деятельность. Критерии вредности или полезности таковой **определялись**, разумеется, в самых общих фразах. **Во-вторых**, партия не собиралась прекращать террористической деятельности и в условиях политической сво-

¹ Цит. по: Спиридович А.И. Указ. соч. С. 56.

² Там же. С. 59—60.

боды. Ведь другой формы политической свободы, нежели конституционный строй, русские революционеры-государственники в то время добиваться не собирались. Однако и в условиях, когда народ мог бы выразить свою волю голосованием, члены партии «политического освобождения России» не собирались складывать оружие.

Текст «Свободы» был проредактирован Гершуни. Он, в частности, исключил положение, что террор не касается личности государя¹. Внес Гершуни и некоторые стилистические изменения. В.М.Чернов высказал в свое время мнение, что часто цитировавшаяся фраза из брошюры: «Социал-демократам мы протягиваем свою левую руку, потому что правая держит меч», принадлежит Гершуни². Гершуни была свойственна романтическая приподнятость стиля, он даже написал поэму в прозе «Разрушенный мол», настолько напоминающую по манере произведения Максима Горького «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике», что неизвестные издатели, выпустившие произведение Гершуни в Берлине, приписали его Горькому. Чрезмерно «высокий» стиль, граничащий с пошлостью, мог вызвать улыбку — если бы за ним не скрывалось определенное видение мира и готовность этот мир изменить, если и не при помощи меча, то при помощи револьвера и динамита. И не пожалеть при этом ни чужой, ни своей жизни.

Итак, террористическая идея в России полтора десятилетия неудачных попыток претворить ее в жизнь, и полицейские преследования пропагандистов, и критику со стороны социал-демократов. За это время не изменились принципиально взаимоотношения власти и общества, ни умонастроения значительной части русских революционеров, считавших, что народные массы не смогут выразить волю, если революционеры не расчистят для этого дорогу. Некоторые полагали даже, что для завоевания политической свободы хватит только террористической борьбы. Однако большая часть сторонников террористической тактики, в духе времени, рассматривала ее не как самодостаточную, а как неотъемлемый

¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 65.

² Чернов В.М. Перед бурей. С. 137.

М... дополняющий борьбу массовую, помогающий массовому движению, пробуждающий революционную ивность и дезорганизующий в то же время правитель...

В начале 1901 года раздалась выстрелы террористов-одиночек, показавшие, что недовольство части общества политикой властей, не имеющее легальных каналов для выхода, чревато экстремистскими формами протеста. Подобный исход прогнозировали не только радикалы, но и такие сравнительно уравновешенные наблюдатели, как Н.К.Михайловский и П.Н.Милюков¹. Стихийное возобновление террора воодушевило его последовательных сторонников и заставило заколебаться противников.

В конце 1901 — начале 1902 годов, в результате объединения «южных» и «северных» социалистов-революционеров, к которым тогда же или несколько позднее примкнули «Группа старых народовольцев», «Аграрно-социалистическая лига» и другие заграничные группы, а также «Рабочая партия политического освобождения России», образовалась единая партия социалистов-революционеров. Впервые со времен «Народной воли» возникла всероссийская революционная организация, сумевшая не только объявить террор одним из средств своей борьбы, но и развернуть его в масштабах, далеко превзошедших народовольческие. Террористические теории получили возможность пройти испытание практикой. В свою очередь успехи и неудачи террористической борьбы стимулировали новый виток теоретических дискуссий.

¹ См.: Чернов В.М. Указ. соч. С. 61—62; Милюков, выступая зимой 1900 года на тайном митинге памяти П.Л.Лаврова, «заклучил.., что всякая динамика революционного движения, не приводящего к цели, кончается террором». «Мои слушатели немедленно поставили вопрос, — вспоминал Милюков, — в какой же стадии мы находимся теперь, — и из моего исторического изложения сделали практический вывод. Я не помню содержания довольно многочисленных речей на эту тему и моего заключительного слова; но на аудиторию все это произвело то впечатление, которое потом не раз подчеркивал мне Борис Савинков, бывший тогда студентом и находившийся в числе присутствующих. "Я, собственно ваш ученик > ~ говорил он мне полшутя, полусерьезно — и напомнил мне мой анализ, превратившийся в пророчество..." (Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. I. С. 208).

III. Эсеровский террор

1. Идеиные основы эсеровского терроризма

Удивительно, но факт — эсеры начали террористическую борьбу до «официального» определения ее задач и места в партийной деятельности. Причины этого были психологического порядка — боялись неудачи и посему решили принять партийную ответственность лишь за успешный террористический акт. Поэтому и будущая партийная Боевая организация считалась лишь инициативной группой, которой предстояло доказать свою способность осуществить задуманное.

В третьем номере «Революционной России» (первом общепартийном издании) о терроре говорилось достаточно неопределенно: «...пункт о терроре может и должен, при известной формулировке, войти в общую программу партии... Признавая в принципе неизбежность и целесообразность террористической борьбы, партия оставляет за собой право приступить к ней тогда, когда, при наличии окружающих условий, она признает это возможным»¹.

Возможным партия это нашла уже три месяца спустя. 2 апреля 1902 года член Боевой организации С.В.Балмашев застрелил министра внутренних дел Д.С.Сипягина. После этого в центральном партийном органе появилась статья «Террористический элемент в нашей программе». Статью написал В.М.Чернов при участии главы Боевой организации (БО) Г.А.Гершуни². Кстати, то, что эсеры скрывали свои намерения вплоть до убийства Сипягина, не объявляя о начале террористической кампании, сыграло с ними злую шутку. Социал-демократы, ошеломленные успехом

¹ Неотложная задача // Революционная Россия. 1902. № 3. Январь. С. 7—8.

² Из истории партии с-р. «Показания» В.М.Чернова // Новый журнал. (Нью-Йорк). Кн. 100. С. 303.

эсеров не нашли ничего умнее, чем оспорить партийную принадлежность Балмашева, заявляя, что он был «осто» студентом, выразившим своими выстрелами протест против политики правительства. Вскоре Балмашев был казнен, а партийные «товарищи» продолжали дурно пахнущую дискуссию о том, кому принадлежит свежий труп.

В статье Чернова с удовлетворением констатировалось, что «сколько ни высказывали сомнений, сколько возражений ни выставляли против этого способа борьбы партийные догматики, жизнь каждый раз оказывалась сильнее их теоретических предубеждений. Террористические действия оказывались не то что просто «нужными» и «целесообразными», а **необходимыми, неизбежными**»¹. Террористические акты Чернов считал необходимыми прежде всего как средство защиты, как орудие необходимой самообороны.

Причем из контекста статьи следовало, что террор, в отличие от землевольческих или народовольческих представлений, рассматривается им как средство самозащиты не партии от действий полиции, шпионов и т.п., а как способ самообороны общества от произвола властей. В статье говорилось об избиениях демонстрантов, издевательствах над политическими в тюрьмах, «новом» оружии правительства — массовых порках участников беспорядков, обещании министра внутренних дел залить кровью столицу в ответ на мирные протесты, стрельбе войск по безоружной толпе... Чернов, конечно, сгущал краски, рисуя страну, «где правящая клика поистине купается в слезах и крови своих несчастных жертв, отвечая свирепой жестокостью и наглými издевательствами на малейшие проблески протеста»², однако на просторах Российской империи, пока еще не сплошь залитых кровью и слезами, «имели место» и порки, и издевательства, и расстрелы демонстрантов. Гарантий от произвола чиновников не давали ни образование, ни происхождение,

¹ Статья «Террористический элемент в нашей программе» из № 7 «Революционной России» цит. по: По вопросам программы и тактики: Сборник статей из «Революционной России». Женева. 1903. С. 71.

² Чернов В.М. Террористический элемент... С. 72.

ни известность. В этой ситуации террористы могли рассматривать себя как народных заступников и своеобразных гарантов прав российского обывателя. Важно здесь то, что в таком качестве их была готова рассматривать не только значительная часть населения рабочих предместий, но и немалое число завсегдаев петербургских гостиных.

Другое значение террористических актов — агитационное. Они «будоражат всех, будят самых сонных, самых индифферентных обывателей, ...заставляют людей задумываться над многими вещами, о которых раньше им ничего не приходило в голову — словом, заставляют их политически мыслить хотя бы против их воли. Если обвинительный акт Сипягину в обычное время был бы прочитан тысячами людей, то после террористического факта он будет прочитан десятками тысяч, а стоустая молва распространит его влияние на сотни тысяч, на миллионы»¹. По мнению Чернова, террористический «факт» был способен изменить взгляды тысяч людей на революционеров и смысл их деятельности вернее, чем месяцы пропаганды.

В таком же духе об агитационном значении убийства Сипягина говорилось в анонимной статье «Из партийной деятельности», опубликованной в том же номере «Революционной России», что и «Террористический элемент...»: «Впечатление, произведенное на всю Россию этим событием, было офомно. Тревога в правительственных сферах; возбужденное настроение среди революционно настроенных элементов; толки, разговоры повсеместно; сочувствие, хотя далеко не всегда достаточно сознательное (? — *О.Б.*) в таких широких кругах, что этого не могли ожидать даже самые крайние оптимисты. Словом, была создана необычайно благоприятная атмосфера для самой широкой агитации». Здесь же автор статьи сетовал, что если бы не отсутствие единства среди «различных фракций русских социалистов», удалось бы, «вероятно» (разрядка моя. — *О.Б.*), вызвать широкое движение протеста.

Нетрудно заметить, что эсеровские публицисты, в общем справедливо полагая, что террористические

¹ Чернов В.М. Террористический элемент... С. 78.

акты, в особенности такие фомки, как убийство министра внутренних дел, возбуждают широкий интерес и вызывают сочувствие в оппозиционно настроенных кругах, а также среди тех, кто по каким-либо причинам пострадал от режима, не представляли реально ни масштабов («стоустая молва», влияние на «сотни тысяч, миллионы» — разница на порядок), ни механизма воздействия («сочувствие, хотя далеко не всегда сознательное») террористических «фактов» на публику. Получалось, что покушения в агитационном смысле совершались из общих соображений, для создания «атмосферы».

Очень осторожно в профаммной статье оценивалось дезорганизующее воздействие террора на «правящие круги». Позднее, в показаниях следственной комиссии по делу Азефа, Чернов подчеркивал, что в его статье дезорганизующее значение террора рассматривалось «не столько как цель, но как результат и то лишь при совокупности известных благоприятных для этого условий»¹. Благоприятной он считал ситуацию, когда правительство «окружает огненное кольцо волнений, демонстраций, сопротивлений властям, бунтов — тогда метко направленные удары, неожиданно сваливающие с ног наиболее ревностных и энергичных столпов реакции, безусловно способны внести в ряды правительственных слуг расстройство и смятение»². Далее следовали традиционные рассуждения о том, что террористическая борьба подрывает веру в «правительственное могущество», внушает обывателям еще большее уважение к силе революционеров и т.п.

Некоторый скептицизм в отношении дезорганизующего воздействия терроризма на власть объяснялся, на наш взгляд, как учетом опыта истории — царевбийство 1 марта 1881 года привело, после краткого периода колебаний, к консолидации власти — так и довольно обескураживающими последствиями убийства Сипягина — на освободившееся место был назначен *В.К.Плеве*, который, с точки зрения оппозиции любого толка, был еще хуже. Позднее этот скептицизм на

¹ Из истории партии с.-р. С. 303.

² Чернов В.М. Террористический элемент... С. 78.

страницах эсеровских изданий сменится иными, гораздо более оптимистичными оценками.

В статье Чернова выделяются еще две проблемы, и в дальнейшем находившиеся в центре внимания эсеровских публицистов и идеологов: соотношение терроризма и массового движения и нравственного оправдания политических убийств. И в этой, программной, и в ряде других статей, принадлежавших партийным авторам, неизменно подчеркивалось, что «террор не есть какая-то самодовлеющая система борьбы, которая одною собственной внутренней силой неминуемо должна сломить сопротивление врага и привести его к капитуляции... Террор — лишь один из родов оружия, находящийся в руках одной из частей нашей революционной армии». Террор может быть эффективен лишь во взаимодействии с другими формами борьбы. «Отнюдь не заменить, а лишь дополнить и усилить хотим мы массовую борьбу смелыми ударами боевого авангарда, попадающими в самое сердце вражеского лагеря... мы первые будем протестовать против всякого одностороннего, исключительного терроризма»¹.

Естественно, надо было объяснить, каким образом партия собирается избежать той опасности, которая в свое время подстерегла «Народную волю», чьи лидеры в конце концов «затерроризировались». Избежать этого, по мнению эсеровских идеологов, можно было организационным отделением террористической от всех прочих функций партии. За партийным руководством оставалось лишь координирование террористической борьбы с другими формами революционной деятельности. «Строгое идейное единство и не менее строгое организационное разделение! Партия определяет время и объекты покушений, вся же техническая часть, включая подбор исполнителей, находится полностью в ведении БО. Местные комитеты не должны были втягиваться в боевую деятельность, что позволяло им уделять больше времени организационной и пропагандистской работе.

¹ Чернов В.М. Террористический элемент... С. 79, 80.

² Там же. С. 83.

В статье «Из партийной деятельности», явившейся как бы дополнением к «Террористическому элементу...», говорилось: «Отводя террору не главенствующую и тем более не исключительную, а лишь вспомогательную, хотя и очень важную роль, партия имела в виду в лице боевой организации создать охранительный отряд, под прикрытием которого возможна более успешная общепартийная созидательная работа». При чем БО действует совершенно самостоятельно, «местные комитеты партии никаких непосредственных сношений с нею не имеют»¹.

Автор с удовлетворением цитировал статью из центрального органа германских социал-демократов «Форвертс» (№ 137), посвященную появлению БО, в которой последняя сравнивалась с Исполнительным комитетом «Народной воли». Разницу между ними на страницах социал-демократической газеты видели в том, что во времена ИК «нельзя было серьезно говорить о массовом движении городского и сельского населения» и поэтому «деятельность партии должна была сконцентрироваться на террористической борьбе». Теперь же «массовое движение пролетариата, крестьян и умственных работников стоит на переднем плане в ряду интересов и образует собственно содержание партийной деятельности. Агрессивная же борьба ведется только вследствие этой деятельности». — «В этих словах так метко указана особенность в постановке непосредственной борьбы у партии социалистов-революционеров сравнительно с прошлым, что мы сами не нашли бы лучших выражений», — восклицал эсеровский обозреватель².

В статье цитировалась также листовка, выпущенная «одной группой социалистов-революционеров», а именно та ее часть, где общая постановка вопроса о терроре «целиком совпадает с партийным воззрением»: «Мы зовем к террору не вместо работы в массах, а именно для этой самой работы и одновременно с нею. Мало того, мы глубоко убеждены в целесообразности терроризма в настоящий момент именно потому, что в массах он пробудит сочув-

¹ Из партийной деятельности. С. 23.

² Там же.

ственное эхо... Массовые движения и террор должны действовать слитно»¹.

Однако отнюдь не сочувственное эхо вызвали первые террористические акты БО на страницах «Искры». «Искровцы» доказывали, что терроризм и массовое движение несовместимы, что террористы неизбежно «отрываются» от масс, что теракты, вместо возбуждения активности масс, вызывают «успокоительное» чувство удовлетворенной мести»². Социал-демократическая критика вынуждала эсеровских идеологов вновь и вновь разъяснять свое понимание соотношения терроризма и массовой борьбы.

В статье, специально посвященной соотношению террора и массового движения, опубликованной в «Революционной России» после убийства уфимского губернатора Н.М.Богдановича³, говорилось, что «наша партия... полагает, что террор должен быть, да и не может не быть лишь одним из вспомогательных средств борьбы; что он должен находиться под контролем партийной организации; и, наконец, что террористические акты должны иметь возможно более тесную связь с массовым движением, опираться на нужды этого движения и дополнять его и, в свою очередь, давать толчок проявлениям массовой борьбы, возбуждая революционное настроение в массах»⁴.

Автор статьи, по-видимому, В.М.Чернов, не без раздражения замечал, что на то, чтобы деятельность революционной партии исчерпывалась террористическими актами, «кажется, никто не претендует; когда же говорят, будто социалисты-революционеры занимаются террором вместо того, чтобы работать в народ и готовить массовый натиск на врага, — то мы имеем дело в данном случае не с непониманием, а с очевидной для всех клеветой, не нуждающейся в опровержении»¹.

¹ Из партийной деятельности. С. 24.

² Еще о критиках террористической тактики // По вопросам программы и тактики. С. 139.

³ Богданович, по приказу которого 13 марта 1903 года в Златоусте войска стреляли в забастовавших рабочих. * был убит 6 мая 1903 года членом Боевой организации Е.Дулбевым.

⁴ Чернов В.М. Террор и массовое движение // По вопросам программы и тактики. С. 122.

ведении»¹. В статье была предпринята попытка не только дать ответ на «искровскую» критику терроризма, БО и показать механизм декларируемой связи терроризма с нуждами массового движения.

Причем в полемике с «искровцами» Чернов стремился использовать их же тексты. Отмечая, что «громадное зло» при столкновениях стачечников и демонстрантов с «царскими опричниками» заключается в том, что последние «не встречают должного отпора», он цитировал напечатанную в «Искре» (№ 14) статью «О демонстрациях»²: «А отпор психологически необходим, потому что, если его долго еще не будет, то демонстрации станут утрачивать свое воспитательное влияние на массу и приобретут в ее глазах значение опыта, доказывающего полную невозможность открытого сопротивления власти». Именно психологическая необходимость — «необходимость в интересах массового движения доказать, что революционное движение в России достаточно сильно и решительно для того, чтобы не оставить без ответа и безнаказанными таких вопиющих злодеяний над рабочим народом» — привела к террористическому акту над Богдановичем, виновником златоустовской бойни, «возвращал» социал-демократам их же аргумент Чернов³.

Соглашаясь с критиками терроризма в том, что было бы лучше, если отпор «злодеяниям правительства» дала бы сама масса, Чернов справедливо указывал, что пока это нереально. Но неготовность массы к отпору только усугубляет психологическую необходимость для террористов взять это дело на себя. Масса как бы делегирует им свое право на самозащиту, таким образом террористическая группа «может служить насущнейшим потребностям массового движения, являясь необходимым жизненным условием его нормального развития». Техническая изолированность террористов от «массовиков» означает лишь то, что террористическая организация составляет «один из отрядов общей революционной армии, отличающийся только специальным родом оружия от других

¹ Чернов В.М. Террор и массовое движение.

² Автором статьи «О демонстрациях» был Г.В.Плеханов. Там же. С. 123.

отрядов... Террористический отряд по самой природе вещей так же мало обречен на "оторванность" от массы, как и любая типографская и транспортная группа»¹.

Вполне справедливо возражал Чернов и против утверждений о том, что террористическая борьба развивается в массах пассивность, привычку надеяться на внешнюю силу. Не без яда он цитировал статью Веры Засулич, опубликованную еще в первом номере «Социал-демократа» за 1890 год, когда ни о каких эсерах и подумать было нельзя: «Геройская борьба террористов, — говорит она про эпоху народовольчества — продолжала держать в возбужденном настроении значительное число мирных либеральных обывателей, отозвалась на офицерстве и глубоко волновала студенчество. Я ничуть не сомневаюсь, что за три года террора не раз бывали моменты, в которые петербургская интеллигенция — а она-то и важна — была до такой степени взволнована, что будь передовая часть рабочего класса заранее разбужена социалистической пропагандой, привычки петербургский рабочий к мысли о силе и самостоятельном значении рабочего класса, — одним словом, будь тогда в Петербурге возможно восстание, которое выставило бы на своем знамени требование свободы и созвание народных представителей, петербургское общество отлично выполнило бы свою роль». Т.е., делал логичный вывод Чернов, беда террористов эпохи «Народной воли» заключалась в отсутствии поддержки в массовом рабочем движении, которая, прибавлял он, «теперь уже есть и растет с каждым днем»².

Он обвинял «искровцев» в клевете на русский рабочий класс, который, по их утверждениям, не способен понять смысла террористической борьбы и будет ждать освобождения от Боевой организации, пассивно наблюдая за единоборством террористов и правительства. Напротив, утверждал Чернов, указывая на террористический акт над уфимским губернатором, «Исходя из потребностей массового движения, он будет **понят** борющимся пролетариатом и, отвечая осознанной **им**

¹ Чернов В.М. Террор и массовое движение. С. 124—125.

² Там же. С. 127—128.

психологической необходимостью дать отпор врагу, он поднимет революционную энергию рабочей **массы**»¹.

Слабость «искровской» позиции в полемике с эсерами по вопросу о терроризме заключалась в том, что, призывая, к примеру, демонстрантов оказывать сопротивление полиции, «искровские» публицисты не могли порекомендовать **к а к** конкретно это делать, ограничиваясь общими призывами к организованности. Есть только два способа померяться силами с врагом, говорилось в статье «Еще о критиках **террористической** тактики», напечатанной в «Революционной России» в июне 1903 года и целиком посвященной полемике с «Искрой»: «или организация вооруженного отпора полиции во время самой демонстрации, или карающая рука терроризма после полицейской расправы». Эти способы не исключают друг друга, но мы, к сожалению, до сих пор «могли отвечать на правительственные зверства только вторым способом»².

Эсеровский публицист «скромно» намекал, что идейные оппоненты его партии не смогли сделать и этого. В самом деле, позиция «Искры» выглядела весьма уязвимой, когда, с одной стороны, она призывала давать «хорошую сдачу полицейско-казацкой орде», а, с другой, указывала на несвоевременность вооруженного сопротивления: «К последнему мы могли бы призывать только в том случае, если бы были уверены, что находимся непосредственно "накануне революции", что организованное сражение народа с войсками должно превратиться в народное **восстание**»³. Но поскольку такой уверенности, разумеется, не было, то на страницах центрального органа российской социал-демократии появлялись перлы, вроде ответа Санкт-Петербургского комитета РСДРП на вопрос «младшего брата» из **Батума** о вооруженном сопротивлении: «**Не** рекомендуя и не осуждая вооруженного сопротивления на уличных демонстрациях, **СПБ. Ком[итет]** полагает, что нападение вооруженной полиции на демонстрантов может быть не только сдер-

¹ Чернов В.М. Террор и массовое движение. С. 129.

² Еще о критиках террористической тактики // По вопросам программы и тактики. С. 133, 134.

³ Там же. С. 137.

живаемо, но и парализуемо не только вооружением демонстрантов, но также их организованностью»¹.

Опровергал автор статьи и «искровскую» трактовку убийства Богдановича как акта мести, способного вызвать у пострадавшей стороны — **златоустовских** рабочих — чувство удовлетворения, но никак не способствовавшего их собственной революционной активности. В статье разъяснялось эсеровское понимание «партийного террористического акта»: это «есть просто обдуманый удар, направленный в один из узловых пунктов системы, с целью расстроить, ослабить, отразить ее физическое или психологическое давление на борющуюся рабочую армию; в качестве такового, акт этот совершенно очищается от всякого личного элемента... этот **безличный** характер направленного против Богдановича удара был понят даже нашей пресмыкающейся прессой. Не понимать его может только тот, кто не хочет понимать»².

В заключение автор высказывал уверенность в том, что только «синтез борьбы и открыто-массовой, и конспиративно-партизанской, борьбы и путем стачек, и путем демонстраций, и путем террора» может привести к успеху³.

Нетрудно заметить, что идея о «синтезе» различных форм революционной борьбы была успешно претворена в жизнь в период революции 1905—1907 годов. Причем призывы к партизанской борьбе, а по сути к массовому терроризму раздавались тогда не только со стороны эсеров и анархистов, но и недавних непримиримых критиков террористической тактики — социал-демократов. По-видимому, столь ожесточенные нападки «искровцев» на тактику, официально взятую на вооружение эсерами, объяснялись прежде всего не принципиальным ее неприятием, а партийной конкуренцией. Шла борьба за влияние на достаточно тонкий слой радикалов, борьба за симпатии — и материальную поддержку — «общества». Явное преимущество, завоеванное «эсдеками» во второй половине 1890-х — начале 1900-х годов, стало таять под влиянием первых

¹ Еще о критиках террористической тактики. С. 138.

² Там же. С. 139-140.

³ Там же. С. 142.

успехов Боевой организации. Отсюда и постоянное «выяснение отношений» между двумя фракциями русских социалистов.

Вряд ли эсеровские публицисты всерьез надеялись убедить в своей правоте социал-демократов. Целью многочисленных публикаций в защиту террора была, по-видимому, реабилитация его в глазах революционной и околореволюционной «публики», а также разъяснение цели и значения тех или иных террористических актов для партийных комитетов «на местах». Правда, среди эсеровских идеологов не всегда наблюдалось единство в понимании задач террористической борьбы. И критике партийное понимание террора подвергалось не только «справа», со стороны социал-демократов, но и «слева», со стороны членов партии, чье понимание террора не вполне совпадало с линией «Революционной России», или же близких в то время к партии людей.

Так, известный эсеровский публицист **Я.Л.Юделевский** понимал роль террора в партийной деятельности несколько иначе, чем «официальный» идеолог партии **В.М.Чернов**. В 1903 году **Юделевский** выпустил под псевдонимом **А.И.Комов** брошюру «Вопросы мирозерцания и тактики русских революционеров». Если для Чернова террор — один из методов борьбы в ряду других и его «дезорганизующая» функция не является главной, то для Юделевского террор по своему значению сопоставим со всеми остальными формами партийной деятельности, вместе взятыми. «*Террористическая деятельность с одной стороны, демонстрации, стачки, протесты, петиции и всевозможные волнения, всевозможные манифестации... с другой стороны*» (курсив Юделевского. — **О.Б.**) — ...ставят себе общей целью вселить ужас и смятение в неприятельском лагере, сделать жизнь правительства невыносимой и заставить его уступить. Вот почему террор, вместе с отсутствующими (разрядка моя. — **О.Б.**) ему средствами воздействия на правительство неизбежно выплывают на очередь каждый раз, когда являются революционеры, которые не только на словах, но и на Деле вступают в борьбу с деспотизмом»¹.

¹ Комов А.И. (Юделевский Я.Л.) Вопросы мирозерцания и тактики русских революционеров. Лондон, 1903. С. 48.

Юделевский формулировал задачи русских революционеров таким образом, что первенствующая роль террора для их достижения становилась как бы самоочевидной: «Русские революционеры должны себе поставить целью беспрестанными нападениями, повторяющимися волнениями и никогда не прерывающимися выражениями общественного возбуждения, протеста и неудовольствия парализовать нормальный ход жизни правительства, сделать существование самодержавия невыносимым, чего даже в самом наихудшем случае будет достаточно по крайней мере для того, чтобы принудить его пойти на такие серьезные уступки, которые значительно облегчат нам дальнейшую **борьбу**»¹.

Юделевский подчеркивал, что революционная партия должна стремиться к перевороту осуществимому, причем осуществимому «не в неопределенно далеком будущем». А надежды на всеобщее народное восстание, которое публицист откровенно считал утопией, переносили завоевание политической свободы именно в плоскость неопределенного будущего. Юделевский справедливо указывал, что если бы исход борьбы революционеров и правительства зависел от соотношения «чисел», то он всегда был бы не в пользу революционеров. «В этом отношении революционная партия весьма слаба сравнительно с громадными силами самодержавия, и она останется слаба, несмотря на рост организованности и значения революционной партии в массах. Но кто же не знает, что исход сражения зависит не только от численности сил, но еще в более значительной степени от тактических приемов и военной техники?» Следовательно, террор выходил на первый план.

Юделевский выделял прежде всего наступательную, «агрессивную» функцию террора, отводя агитационной и оборонительной его задачам подчиненное значение. Он опровергал традиционный аргумент критиков терроризма о том, что террор направлен против отдельных личностей, указывая, что террор направлен «против варварского политического строя, воплощаемого в группе лиц и поддерживаемого группой лиц. Строй не

¹ Юделевский Я.Л. Указ. соч. С. 50.

есть нечто мистически-бестелесное, существующее вне людей и помимо людей. И когда сущность политического строя заключается в порабощении целой страны шайкой узурпаторов, опирающихся на насилие и на традиции насилия, то террор, оказывающий разрушительное действие на эту шайку, разрушительно действует также и на самую **систему**»¹.

Досталось эсерам от неугомонного Бурцева. Он сумел выпустить еще один, 4-й, номер «Народовольца», на этот раз в Швейцарии. Если в Англии пропаганда терроризма даже в литературной форме привела его в тюрьму, то в Швейцарии дело ограничилось высылкой из страны. Статью «Социалисты-революционеры и народовольцы» Бурцев посвятил критике эсеровских подходов к терроризму, ставя им в пример «Народную волю» — разумеется, по-своему интерпретируя народовольческую стратегию и тактику.

«Русским революционерам, — поучал Бурцев, — надо усвоить народовольческий взгляд на террор, как на самостоятельное и самодовлеющее средство для борьбы с правительством. В таких деспотических странах, как Россия, террор против реакционных деятелей всегда целесообразен... Поэтому, вся тактика русских террористов в данное время, *при данных политических условиях нашей родины*, заключается в одном желябовском пароле: "**жарь!**", — все остальное приложится к борьбе само собою»².

Бурцев высоко оценивал пропагандистское воздействие индивидуальных терактов, полагая, что если цель выбрана удачно, дополнительных разъяснений для общества не потребуются. Говоря о покушении Балмашева, Бурцев писал, что раз он «удачно спустил курок по Сипягину, пропаганда его дела перешла из рук его ближайших друзей в миллионы рук тех, кто его никогда не знал, но для кого, подобно ему, были близки вопросы **сипягинской** политики. Таким образом, факт так называемого "индивидуального", а не "массового", террора Балмашева оказался связанным

¹ Юделевский Я.Л. Указ. соч. С. 59, 55.

² Бурцев Вл. Социалисты-революционеры и народовольцы // Народоволец. 1903. № 4. С. 17.

бесчисленными нитями с идейной жизнью страны, более тесно связанным, чем десятки самых удачных массовых стачек и демонстраций»¹.

Надо сказать, что в данном случае Бурцев был не-далек от истины. Убийства министров действительно производили всероссийский эффект, а те или иные забастовки и демонстрации могли просто остаться неизвестными для широкой публики. Учитывая нелюбовь русского обывателя к властям, в особенности к властям полицейским, перед которыми обыватель — даже если он не был каким-либо идейным оппозиционером — чувствовал себя совершенно беззащитным, сам факт убийства мог вызывать (и нередко вызывал) не чувство отвращения или негодования, а скорее удовлетворения и злорадства. Это отмечали наблюдатели после убийства Сипягина; не может вызывать сомнения всероссийское торжество, последовавшее за убийством Плеве.

В итоге Бурцев пришел к выводу, что на эсеров можно смотреть, как на «партию с террористическими тенденциями, но о ней нельзя сказать, что она — террористическая партия». В руках Боевой организации террор был «орудием агитации, мести, протеста, но он не был террором в прямом смысле этого слова: он никого серьезно не терроризировал, а в этом и должно заключаться его главное значение... Террор должен *терроризировать* правительство: иначе он не будет террором, а для этого многое в деятельности с[оциалистов]-р[еволюционеров] должно измениться: напр[имер], пора не ограничиваться браунингом и бороться не главным образом с Богдановичами»².

Любопытно, что мысли, сходные с бурцевскими, высказывал «в кулуарах» не кто иной, как Г.А.Гершуни. По воспоминаниям В.М.Чернова, когда Гершуни приехал за границу после неудачи покушения на харьковского губернатора кн. Оболенского, то на вопрос, как это произошло, он «курьезным тоном ответил»: «очень просто, пора и нам сказать, как когда-то народо-довольцам: мало веры в револьверы. Дайте мне хоро-

¹ Бурцев Вл. Указ. соч. С. 18.

² Там же. С. 19.

шие бомбы — и каждый месяц народу будем подавать на разговенье по жареному министру»¹.

Впоследствии Чернов как-то раз снисходительно назвал Бурцева *enfant terrible* идеи терроризма. Однако нельзя не признать, что развитие эсеровского терроризма пошло именно в том направлении, на которое указывал Бурцев. Следующими объектами покушений стали фигуры, значительно более «весомые», нежели провинциальный губернатор — министр внутренних дел В.К.Плеве и великий князь Сергей Александрович, а орудиями убийства — разрывные снаряды.

Убийство Плеве, осуществленное членом БО Е.С.Созоновым 15 июля 1904 года недалеко от Варшавского вокзала в Петербурге, стало кульминацией эсеровского террора и сильнейшим аргументом в пользу эффективности этой тактики. Количественно эсеры совершили в десятки раз больше терактов после убийства Плеве, но ни один из них не произвел такого эффекта и ни один не оказал столь действенного влияния на политику правительства.

Плеве был символом реакции; он был объектом ненависти и революционеров, не забывших, кто сыграл едва ли не главную роль в ликвидации «Народной воли», и либералов, видевших в нем главное препятствие на пути реформ. На него возлагали ответственность за русско-японскую войну. Наконец, кроме сути политики Плеве, раздражение вызывали его грубость и безапелляционность при нечастых встречах (не по их инициативе) с общественными деятелями. Противник, в принципе, насилия, князь Д.И.Шаховской твердил, после встречи с всемогущим временщиком: «Плеве надо убить... Плеве пора убить»².

Борис Савинков, в присущем ему несколько экзальтированном стиле писал о Плеве в статье «Итоги

¹ Чернов В. Первые шаги // Архив Гуверовского института войны, революции и мира (далее — АГИ), Стэнфордский университет, Стэнфорд, Калифорния, США. Собрание Б.И.Николаевского. Коробка 12. Папка 2. Далее при ссылках на материалы Гуверовского архива первая цифра обозначает номер коробки, вторая — папки, в которой находится соответствующий документ. Нумеровать страницы архивных документов в американских архивах не принято.

² Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 166.

террористической борьбы», опубликованной в последнем номере «Революционной России» осенью 1905 г., более года спустя после покушения Созонова: «Никогда ни один временщик не знал такой ненависти. Никогда ни один человек не рождал к себе такого презрения. Никогда самодержавие не имело такого слуги. Страна изнемогала в неволе. Кровью пылали города, и тщето сотнями гибли борцы за свободу. Тяжелая рука Плеве давила все. Как крышка гроба, лежала она на восставшем, уже пробужденном народе. И мрак становился все гуще, и все невыносимее становилось жить»¹.

Убийству Плеве эсеры посвятили специальный номер «Летучего Листка» «Революционной России» и серию публикаций в своем центральном органе; они пожинали плоды успеха БО. В обзоре «Из общественной жизни» в одном из августовских номеров газеты печатались корреспонденции из Саратова, Николаева, Одессы, Архангельска, Москвы сообщавшие о восторженной реакции на известие об убийстве Плеве не только революционной или околореволюционной, но и обывательской среды. Это можно было бы считать преувеличением, если бы не практически единодушные подтверждения господствующего настроения на страницах газет самых разных направлений, а также в мемуарах и дневниках современников².

Эсеры с удовлетворением перепечатывали признания и либералов, в заграничном органе которых —

¹ Савинков Б.В. Итоги террористической борьбы. Цит. по: «Кровь по совести»: Терроризм в России. Документы и биографии. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 1994. С. 145.

² Революционная Россия. 1904. № 51. 25.08. С. 17-18. «Дождался-таки Плеве своего часа!» — с торжеством записал в дневнике в день убийства министра С.Р. Минцлов (История терроризма в России / Сост. О.В. Будницкий. Ростов-на-Дону, 1996. С. 497); Ф.И. Родичев, оказавшийся в это время в поезде Рыбинской железной дороги, вспоминал впоследствии: «во всем поезде толковали об убийстве Плеве... Никто не боялся и никто не огорчался» (Rodichev F. *Vospominaniia i Ocherki o Russkom Liberalizme*. Newtonville, Ma., 1983. P. 23); Плеве ненавидели даже чиновники его министерства, «и многие не скрывали чувства облегчения, избавившись от него» (Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 133).

«Освобождении», в частности, говорилось: «...бомба, и именно она произвела благотворное сотрясение мыслительного аппарата верховных сфер... надо иметь мужество это признать, даже будучи противником терроризма... Я знаю, — писал автор передовицы в 59-м номере "Освобождения", — как нелегко в этом сознаться не то что уж представителям верховной власти, но и всем, кто против террористической тактики воздействия, но что делать с фактами, которые красноречиво говорят за себя?»¹

Еще большее удовольствие, вероятно, доставило им признание со стороны зарубежных социал-демократов. В газете Эд. Бернштейна, после «ряда оговорок самого пошло-филистерского характера», терроризм в России приравнялся к праву необходимой самообороны. В своем органе Парвус без обиняков заявил, что «всякий террористический акт в России действует как избавление и подобно лучу надежды». Правда, он оговорился, что политическая система остается от этого нетронутой, но гибель той или иной личности подымает все же чувство человеческого достоинства у всех униженных и поработанных и очищает до известной степени атмосферу всеобщей вынужденной подчиненности. «Каждый террористический акт всякий раз показывает, что нельзя задушить в народе стремление к свободе...», — писал Парвус. «Спрашивается, — задавался вопросом составитель обзора социалистической прессы, — разве всего этого еще мало, чтобы включить террор в число других средств революционной борьбы с абсолютизмом?»

Особое внимание в обзоре обращалось на слова Парвуса, что «терроризм в России был бы невозможен, не имей он за себя общественное мнение». Составитель обзора подчеркнул «глубокую важность» его слов и их «угрожающее значение» для родственной

¹ Революционная Россия. 1904. № 55. 20.11. С. 2. По наблюдению биографа редактора «Освобождения», Р. Пайпса, для П.Б. Струве, за исключением, позднее, Ленина, не было более ненавистной фигуры в дореволюционной России, чем Плеве. Для Струве он был «злым духом» режима, официальным поборником азиатчины, «защитником и, в то же время, могильщиком самодержавия» (Pipes R. *Struve: Liberal on the Left, 1870-1905*. Cambridge, Mass., 1970. P. 357).

Парвусу по духу, «но глухо запирающейся от новых запросов жизни русской соц.-дем. партии». Сочувственные отклики убийство Плеве нашло также на страницах «Форвертса», «Арbeiter Цайтунг», «Аванти» и других социалистических газет¹.

Подтверждение своей правоты эсеры усматривали и в откликах реакционной прессы на смерть Плеве. С видимым удовлетворением «Революционная Россия» цитировала «Московские ведомости»: «...нельзя достаточно оценить потерю, которую несет дело государственного управления... Да, если враги России хотели нанести ей великий ущерб, они не могли выбрать среди ее граждан лучшей жертвы». Автор обзора статей в «пресмыкающейся прессе» даже ставил в пример Симеонам Столпникам «антитеррористической ортодоксии», т.е., социал-демократам, оценки терроризма, дававшиеся на страницах реакционной печати.

Реакционные круги отлично понимают, полагал обозреватель «Революционной России», что дело режима, системы «иногда бывает неразрывно связано с конкретными носителями системы, наиболее энергичными и талантливыми выразителями основных тенденций режима; что, нанося удары этим лицам, мы наносим ущерб и системе, которая витает не в безвоздушном пространстве над людьми, а живет в людях и действует через людей, причем иные люди являются главными нервными узлами, центрами всей системы. Понимают они и то, что террор не только перемену одного лица другим вызывает, но хватает гораздо дальше, и что глупо террористов представлять себе наивными людьми, борющимися не против системы, а против лиц, и удовлетворяющимися смещением одного лица — другим». Это был явный камешек в огород социал-демократов.

Как бы в укор своим непонятливым оппонентам из социал-демократического сектора революционного движения, эсеровский публицист вновь цитировал «Московские ведомости»: «Террористам вовсе не нужна смерть того или другого губернатора или министра; им только нужно, чтобы правительство

¹ Террористическая тактика перед судом социалистической прессы // Революционная Россия. 1904. № 52. 15.09. С. 7-8.

смутилось перед целым рядом убийств, и чтобы общество заметило это смущение»¹.

Таким образом, если в партийных кругах и были какие-либо сомнения относительно целесообразности террора, то убийство Плеве их окончательно рассеяло. Политика правительства действительно изменилась, на смену реакционеру Плеве пришел склонный искать компромисса с обществом П.Д.Святополк-Мирский. Начавшиеся попытки либерализации режима на фоне военных неудач и внутреннего кризиса вылились в массовое насилие 1905 года, начатое правительством 9 января. Мысль о том, что революция, собственно, началась осенью 1904 года, а толчком к ней послужило убийство Плеве, высказывалась еще в дореволюционной российской публицистике. Автор фундаментального труда о русской революции 1905—1907 годов американский историк А.Ашер, на мой взгляд, вполне справедливо расценивает период со времени убийства Плеве до 9 января как первую фазу революции².

Летом 1905 года в прокламации «Народная революция», изданной ЦК ПСР не без оснований говорилось, что убийство Плеве было после долгого затишья «первое историческое касание раскаленной проволоки революции. Оно знаменовало, что дверь, задержавшая победный ход революционной воли, взорвана усилиями социалистов-революционеров и что туго натянутые нити бессмысленной, продажной, развращенной бюрократии лопнули навсегда, безвозвратно». В прокламации убийство Плеве называлось «вторым приговором» — первый «был вынесен и приведен в исполнение партией «Народной воли», 1-го марта 1881 г.»³

Итак, то, что не сработало в 1881-м, получилось в 1904-м. Путь, указанный народовольцами, не оказался дорогой в тупик. Террористическая тактика доказала свою эффективность при определенных исторических условиях и обстоятельствах. Другая проблема, которая стояла перед идеологами терроризма — нравственное его оправдание.

¹ Пресмыкающаяся пресса о гибели Плеве // Революционная Россия. 1904. № 51. 25.08. С. 14—15.

² Ascher A. The Revolution of 1905. Stanford, Calif., 1988. P. 101.

³ Народная революция // Революционная Россия. 1905. № 69. 15.06. С. 1.

2. Бомба и нравственность

Вопрос о нравственном оправдании политических убийств был поставлен в первой же программной статье Чернова о терроризме в «Революционной России». «Самый характер террористической борьбы, связанный прежде всего с пролитием крови, таков, — писал главный идеолог эсеров, — что все мы рады ухватиться за всякий аргумент, который избавил бы нас от проклятой обязанности менять оружие животворящего слова на смертельное оружие битв. Но мы не всегда вольны в выборе **средств**»¹.

Чернов исходил из неизбежности революционного насилия для изменения существующего строя. В этом случае террористическая борьба потребует меньше жертв, чем массовая революция. «Во время кровавых революций отнимается жизнью еще больше, чем во время террористических актов». Причем «отнимаются жизни» рабочих и крестьян, переодетых в солдатские мундиры. «Неужели жизнь их с нравственной точки зрения менее священна, чем жизнь таких зверей в образе человеческом, как **Сипягины, Клейгельсы** и **Плеве**?»

Нарисовав ужасающую картину положения трудящихся в «стране рабства», которая, при всех преувеличениях и обычной для революционной литературы экзальтации во многом соответствовала действительности, Чернов патетически заявлял: «в этой стране, согласно **нашей** нравственности, мы не только имеем нравственное право — нет, более того, мы нравственно **обязаны** положить на одну чашку весов — все это море человеческого страдания, а на другую — покой, безопасность, самую жизнь его виновников».

Что же понималось под «нашей», т.е. революционной, нравственностью? Абсолютные нравственные ценности, или «нравственность не от мира сего», отрицались: «Не человек для субботы, а суббота для человека». В общем, оправдывался хорошо известный тезис о цели, которая извиняет средства. Как обычно в таких случаях, цель была высокой, а риторика на-

¹ Чернов В.М. Террористический элемент в нашей программе // По вопросам программы и тактики. С. 71.

столько выпендренной, что переходила в полную безвкусицу и пошлость. «Нет, наша нравственность — земная, она есть учение о том, как в нашей нынешней жизни идти к завоеванию лучшего будущего для всего человечества, через школу суровой борьбы и труда, по усеянному терниям тропинкам, по скалистым крутизнам и лесным чащам, где нас подстерегают и дикие звери и ядовитые гады»¹.

Знал бы певец террора, какой «ядовитый гад» возглавит носителя и защитника революционной нравственности — Боевую организацию! Теперь, по прошествии без малого столетия, понятно, что нравственный релятивизм, оправдываемый высокими целями, вещь чрезвычайно опасная; тем более когда речь идет о терроре. Принцип целесообразности, который применяют, решая, убивать или нет, очень быстро приводит к потере всяких принципов и нравственному разложению. Все это в общем было понятно и современникам русских террористов. Непонятно было другое: как иначе противостоять правительственному насилию? Чем ответить на избиение студентов, порку рабочих-демонстрантов, выстрелы в толпу в Батуми и Златоусте, невмешательство властей во время еврейского погрома в Кишиневе?

Поэтому когда Чернов писал, что «значение террористической борьбы как средства самообороны, слишком очевидно и понятно», он мог вполне рассчитывать на сочувствие не только в революционной среде. Значение терактов как ответ на правительственные насилия — что служило их нравственным оправданием — подчеркивают в своих заявлениях и показаниях арестованные террористы. «Террористические акты, — заявляет после покушения на начальника Киевского жандармского управления генерала В.Д.Новицкого эсерка **Фрума Фрумкина**, — являются пока, в бесправной России, единственным средством хоть несколько обуздать выдающихся русских **насильников**»².

Организатор и первый глава БО, тонкий психолог, по мнению как большинства его товарищей по пар-

¹ Чернов В.М. Террористический элемент в нашей программе. С. 72—73.

² Дело **Ф.Фрумкина** // Революционная Россия. 1904. № 39. 1.01. С. 5.

тии, так и противников, Г.А. Гершуни в своей речи на суде подчеркивал, что партия до последней возможности оттягивала вступление на путь террористической борьбы. И только «под давлением нестерпимых правительственных насилий над трудовым народом и интеллигенцией нашла себя вынужденной насилие ответить насилием». Гершуни опять напомнил о «временных правилах» для студентов, избииении демонстрантов нагайками, высылке интеллигентов за письменные протесты против насилий.

«В эпоху значительного общественного подъема, — говорил Гершуни, конечно, рассчитывая, что его речь станет достоянием общественности, — какой застали последние годы, удары реакции могут встретить покорность отчаяния только в отдельных лицах. В целом же неизбежен неумолимый отпор, при котором с фатальной необходимостью "угол отражения оказывается равным углу падения"... Те, которые сталкивались с революционной средой, знают, как быстро под влиянием правительственных репрессий росло в ней сознание необходимости резкого отпора, как люди рвались в открытый бой, и как вопрос о неизбежности террора с очевидной ясностью выдвинулся для **всех...**»¹

В неподписанной статье в «Революционной России» «К вопросу о силе и насилии в революционной борьбе» проводилась мысль о принципиальной разнице между правительственным насилием и силой, которую ему противопоставляют революционеры. Сила, по мнению автора, защищает личность и ее права, насилие — нападает на них. Сила сплошь и рядом является одним из орудий борьбы со злом; насилие же всегда служит злу и поддерживает его.

Столь часто повторяемая фраза о противлении или непротивлении злу насилием, в сущности, по мнению автора, не имеет смысла. Она лишь сбивает с толку намеренно неточной терминологией. Правильно формулированное требование должно звучать так: «**противопоставляй насилию силу**»². Почти теми

¹ Речь Гершуни на суде // Революционная Россия. 1904. № 46. 5.05. С. 5-6.

² К вопросу о силе и насилии в революционной борьбе // Революционная Россия. 1904. № 48. 15.06. С. 1.

теми же словами объяснял свой поступок убийца Плеве Егор Созонов. В записке, переданной на волю и озаглавленной «Что мог бы я сказать в объяснение моего преступления», он, после традиционных заявлений, что партия никогда не позволила бы себе прибегать к оружию террора, если бы к этому не вынуждал ее безграничный произвол самодержавия и его чиновников, резюмировал: «Только на насилие она отвечает силой»¹.

Несколько лет спустя, выступая в Государственной Думе, премьер-министр П.А. Столыпин в ставшей знаменитой речи заявил, что правительство противопоставит революционному насилию — силу. Знал ли он (или его спичрайтер), что точно такую же терминологию, и по тому же поводу, использовали в газете партии, исповедующей террор? Только, разумеется, числили насилие по ведомству правительства...

Другим аргументом, который адепты терроризма использовали для его нравственного оправдания, было нередко неизбежное самопожертвование террориста. Уже в первой листовке Боевой организации, выпущенной по случаю покушения Балмашева, ее автор Гершуни писал, что этот акт докажет, что люди, «готовые жизнью своей пожертвовать за благо народа, сумеют достать врагов этого народа для совершения над ними **правого суда**»².

Германский историк М.Хилдермейер справедливо замечает, что в эсеровских декларациях террористические акты получали дополнительное оправдание при помощи моральных и этических аргументов. «Это демонстрировало примечательный иррационализм и почти псевдо-религиозное преклонение перед «героями-мстителями»... Убийства объяснялись не политическими причинами, а «ненавистью», «духом самопожертвования» и «чувством чести». Использование бомб провозглашалось «святым делом». На террористов распространялась особая аура, ставившая их выше обычных членов партии, как их удачно называет Хил-

¹ Новый процесс боевой организации // Революционная Россия. 1904. № 57. 25.12.

² Боевая организация партии социалистов-революционеров: «По делам вашим воздастся вам» // «Кровь по совести». С. 124.

дермейер, «гражданских членов партии»¹. Ведь террористы должны были быть готовы отдать жизнь за дело революции.

По словам видного партийного публициста, одно время состоявшего в Боевой организации, В.М.Зензинова, «для нас, молодых кантианцев, признававших человека самоцелью и общественное служение обусловливавших самоценностью человеческой личности, вопрос о терроре был самым страшным, трагическим, мучительным. Как оправдать убийство и можно ли вообще его оправдать? Убийство при всех условиях остается убийством. Мы идем на него, потому что правительство не дает нам никакой возможности проводить мирно нашу политическую программу, имеющую целью благо страны и народа. Но разве этим можно его оправдать? Единственное, что может его до некоторой степени, если не оправдать, то субъективно искупить, это принесение при этом в жертву своей собственной жизни. С морально-философской точки зрения акт убийства должен быть одновременно и актом самопожертвования»². Зензинов свидетельствовал, что на него и его поколение глубокое впечатление произвело то, что Балмашев не сделал попытки скрыться после убийства Сипягина, принеся тем самым в жертву и себя самого.

Почти религиозным экстазом проникнуты слова Чернова из уже неоднократно цитировавшейся программной статьи о террористической борьбе, которая «подняла бы высоко престиж революционной партии в глазах окружающих, доказав на деле, что революционный социализм есть единственная нравственная сила, способная наполнять сердца таким беззаветным энтузиазмом, такой жадной подвигам самоотречения, и выдвигать таких истинных великомучеников правды, радостно отдающих жизнь за ее торжество!»³

¹ Hildermeier M. The Terrorist Strategies of the Socialist-Revolutionary Party in Russia, 1900—1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-century Europe. N.Y.—Lnd., 1979. P. 81.

² Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 108.

³ Чернов В.М. Террористический элемент... С. 79.

В одном из номеров «Революционной России» были напечатаны воспоминания Н.К.Михайловского о В.Н.Фигнер, который также писал о террористах как об определенном психологическом типе людей, в основе поведения которых лежала квази-религиозная философия. «Как ни различны они были в отношении ума, дарований, характера, — писал властитель дум народнической интеллигенции, — но все они одинаково были преданы своей идее до полного самоотвержения, и недаром американец Сальтер (?) видит в них истинно религиозных людей без всякой теологической примеси»¹. Так что и в этом отношении эсеры могли числить себя преемниками народовольцев.

Наибольший вклад в нравственное оправдание, а затем, несколько лет спустя, уже не в мемуарно-публицистических, а в художественных произведениях — в развенчание — терроризма, внес, пожалуй, Б.В.Савинков. Его очерки о товарищах по Боевой организации — Егоре Созонове, Иване Каляеве, Доре Бриллиант, Максимилиане Швейцере — настоящие революционные «жития». Трудно понять, насколько нарисованные им образы соответствуют реальным характерам и нравственным ориентирам этих людей, а насколько воплощают собственные чувства Савинкова.

Любопытно, что когда Савинков в 1907 году читал уже написанный, но еще не опубликованный очерк о Каляеве пережившей Шлиссельбург и вернувшейся из небытия Вере Фигнер, та сказала, что это не биография, а прославление террора. Впечатление, близкое к этому, вынес после чтения савинковского произведения литератор, в прошлом ссыльный эпохи «Народной воли», С.Я.Елпатьевский: «Читая эти страницы, — говорил он, — кажется, что вот-вот автор подойдет к личности Каляева. Но нет, он так и не подводит читателя к нему»².

Фигнер и Савинков, по инициативе последнего, вели дискуссии о ценности жизни, об ответственности за убийство и о самопожертвовании, о сходстве и различии в подходе к этим проблемам народовольцев и

¹ Из воспоминаний Н.К.Михайловского. I. Вера Фигнер // Революционная Россия. 1904. № 54. 30.10. С. 10.

² Фигнер В. Запечатленный труд. М., 1933. Т. 3. С. 153.

эсеров. Фигнер эти проблемы казались надуманными. По ее мнению, у народовольца, «определившего себя», не было внутренней борьбы: «Если берешь чужую жизнь — отдавай и свою легко и свободно». «Мы о ценности жизни не рассуждали, никогда не говорили о ней, а шли отдавать ее, или всегда были готовы отдать, как-то просто, без всякой оценки того, что отдаем или готовы отдать».

Далее в ее мемуарной книге следует блистательный по своей простоте и откровенности пассаж, много объясняющей в психологии и логике не только террористов, но и революционеров вообще: «Повышенная чувствительность к тяжести политической и экономической обстановки затушевывала личное, и индивидуальная жизнь была такой несоизмеримо малой величиной в сравнении с жизнью народа, со всеми ее тяготами для него, что как-то не думалось о своем». Остается добавить — о чужом тем более. Т.е., для народовольцев просто не существовало проблемы абсолютной ценности жизни.

Рассуждения Савинкова о тяжелом душевном состоянии человека, решающего на «жестокое дело отнятия человеческой жизни», казались ей надуманными, а слова — фальшивыми. Неизвестно, насколько искренен был Савинков; человек, пославший боевика убить предателя (Н.Ю.Татарова) на глазах у родителей, неоднократно отправлявший своих друзей-под-

лей¹,
«Татаров жил в одной квартире с родителями. Так
могли (курсив мой. — О.Б.) стать свидетелями убийства.
в действительности и случилось», — хладнокровно
своих воспоминаниях Савинков (Савинков Б. Воспоминания.
М., 1990. С. 248). Трудно представить, при
убийствах родители Татарова не стали свидетелями
убийства. Убийце, так же как и нанесшему предварительный
разведывательный визит на квартиру Татарова Савинкову
открывала дверь его старуха-мать. «Случилось»,
нечто еще худшее, чем предполагал Савинков: при теракте
мать Татарова была ранена двумя пулями. Впрочем, с точки
зрения заместителя Азефа исполнитель теракта Савинков
«показал в этом случае высшую преданность партийному
долгу, как при самом убийстве он показал большое хладно-
кровие и отвагу» (Там же). Пикантность ситуации заключа-
лась также в том, что Савинков вызвался организовать
убийство Татарова, чтобы защитить честь Азефа, которого тот
в провокации. «Я считал, — писал Савинков, —
взял

чиненных на верную смерть — не очень похож на внутренне раздвоенного и рефлектирующего интеллигента. Его художественные произведения достаточно холодны и навеяны скорее декадентской литературой, чем внутренними переживаниями¹.

Однако он все же ставит вопрос о ценности жизни не только террориста, но и жертвы и пытается найти этому (неизвестно, насколько искренне), что-то вроде религиозного оправдания. Характерно, что в его разговорах с Фигнер мелькают слова «Голгофа», «моление о чаше». Старая народница с восхитительной простотой объясняет все эти страдания тем, что «за период в 25 лет у революционера поднялся материальный уровень жизни, выросла потребность жизни для себя, выросло сознание ценности своего «я» и явилось требование жизни для себя». Неудивительно, что получив как-то раз письмо от Савинкова с подписью: «Ваш сын», Фигнер не удержалась от восклицания: «Не сын, а подкидыш!» Необходимо добавить, что цитируемые воспоминания были написаны до загадочной гибели Савинкова и финал его запутанной жизни был еще неизвестен мемуаристке².

Пафосом нравственного оправдания терроризма проникнута речь И.П.Каляева, убийцы великого князя Сергея Александровича, на суде. «Не правда ли, — обращался он к судьям, — благочестивые сановники, вы никого не убили и опираетесь не только на штыки и закон, но и на аргументы нравственности... вы готовы признать, что существуют две нравственности. Одна для обыкновенных смертных, которая гласит: "не убий", "не укради", а другая нравственность политическая для правителей, которая им все разрешает. И вы действительно уверены, что вам все дозволено и нет суда над вами...» В речи Каляева отчетливо про-

распространение позорящих слухов о главе боевой организации Азефе задевает честь партии, в особенности честь каждого из членов Боевой организации. Защита этой чести являлась моим партийным долгом» (Там же. С. 189).

¹ Возможно, недалек был от истины А.М.Горький, назвавший автора «Коня Бледного» «палачом, не чуждым лиризма и зараженным карамазовской болезнью» (Архив А.М.Горького. М., 1969. Т. XII. С. 220).

² Фигнер В. Указ. соч. С. 156—157, 160—163.

слеживаются евангельские мотивы. Более того, похоже, он отождествлял себя с Иисусом Христом. Как иначе можно интерпретировать его слова: «Но где же тот Пилат, который, не омыв еще рук своих от крови народной, послал вас сюда строить виселицу»¹.

Мотив самопожертвования, сопровождавший террористические акты, привел американских историков Эми Найт и Анну Гейфман к заключению, что, возможно, многие террористы имели психические отклонения и их участие в террористической борьбе объяснялось тягой к смерти. Не решаясь покончить самоубийством, в том числе и по религиозным мотивам: ведь христианство расценивает самоубийство как грех, они нашли для себя такой нестандартный способ расчитаться с жизнью, да еще громко хлопнув при этом дверью.

Э. Найт, посвятившая специальную статью эсерским женщинам-террористкам, пишет, что «склонность к суициду была частью террористической ментальности, террористический акт был часто актом самоубийства»². А. Гейфман посвятила раздел одной из глав своей монографии этой щекотливой теме³. Эта проблема действительно существует, но до сих пор не подвергалась в отечественной литературе сколь-нибудь серьезному анализу.

Между тем, некие особые отношения со смертью отмечены у многих террористов. Известный философ и публицист Федор Степун, комиссарствовавший в 1917 году и в таком качестве близко общавшийся с Б.В.Савинковым, писал в своих мемуарах, что «оживал Савинков лишь тогда, когда начинал говорить о смерти. Я знаю, какую я говорю ответственную вещь, и тем не менее не могу не высказать уже давно преследующей меня мысли, что вся террористическая деятельность Савинкова и вся его кипучая комиссарская работа на фронте были в своей последней, метафизи-

¹ Речь Каляева // Революционная Россия. 1905. № 66. 5.05. С. 1, 2.

² Knight Amy. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party // Russian Review. 1979. April. Vol. 38. № 2. P. 150.

³ Geifman A. Thou Shalt Kill. Princeton, New Jersey, 1993. P. 167-172.

ческой сущности лишь постановками каких-то лично ему, Савинкову, необходимых опытов смерти. Если Савинков был чем-нибудь до конца захвачен в жизни, то лишь постоянным самопогружением в таинственную бездну смерти»¹.

Анна Гейфман пишет о Евстолии Рогозинниковой, застрелившей начальника Главного тюремного управления А.М.Максимовского, время от времени оглашавшей зал судебного заседания взрывами смеха. А ведь дело шло к виселице — и ею действительно закончилось. Обращает Гейфман внимание и на свидетельство современника о том, что застрелившая генерала Мина Зинаида Конопляникова «шла на смерть, как на праздник». Думаю, что многие свидетельства современников требуют свежего взгляда и непредвзятого анализа. В то же время делать какие-либо выводы о психической неадекватности террористов надо с крайней осторожностью.

Так, Конопляникова оказалась второй женщиной, после Софьи Перовской, казненной за политическое преступление. Поскольку на протяжении четверти века смертная казнь по отношению к женщинам не применялась, идя на теракт, она могла скорее рассчи-

¹ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995. С. 369. Любопытные воспоминания об умонастроении Савинкова в момент решения ЦК приостановить террор по случаю начала работы Государственной Думы оставил Чернов: «Весь взвинченный, приподнятый, иногда немного ходульный, он в своих построениях рисовал самопожертвование, гибель, красивую смерть, а за ней — свободу России. В центре его психики стояла проблема — суметь умереть. А тут вдруг лавиной обрушилась новая проблема — суметь жить. И весь старый, привычный склад чувств и мыслей в нем возмущался. Он требовал во что бы то ни стало какого-то заключительного аккорда: вся б.о., в полном составе, должна совершить какой-то акт: вторгнуться в Зимней дворец, или в какое-нибудь министерство, во время заседания Совета министров, с поясами, наполненными динамитом, и там взорваться на воздух: без такого венчающего всю борьбу величественного финала дело будет незакончено, в конце вместо могучего *crescendo* будет жалкая клякса... В этом всем было много эстетики, но совсем не было серьезной политики», — заключал Чернов. (Чернов В. От «Революционной России» к «Сыну Отечества» // Летопись революции (Берлин; Пг.; М.). 1923. Кн. I. С. 77). Возможно, дело было не только в эстетике...

тывать на снисхождение, нежели на виселицу. Ее поведение во время казни также не поддается однозначной трактовке: что это, отклонение от нормы или точное следование партийной установке «умереть с радостным сознанием, что не напрасно пожертвовали жизнью»?¹

Гейфман приводит цитату из недатированного письма Марии Спиридоновой, находящегося в архиве ПСР в Амстердаме, в котором она пишет, что хотела, чтобы ее убили и что ее смерть была бы прекрасным агитационным актом. В более известном письме, переданном из Тамбовской тюрьмы, где она находилась после убийства Г. Луженовского, на волю и разошедшегося по всей России, она сообщала о своей попытке застрелиться сразу после теракта, о призыве к охране Луженовского расстрелять ее, о стремлении разбить себе голову во время конвоирования из Борисоглебска в Тамбов². Однако свидетельствует, опять-таки, это о склонности к суициду или о попытке избавиться от пыток и издевательств, которые не замедлили последовать?

И все же самоубийства среди террористок были чересчур частым явлением — покончили с собой Рашель Лурье, Софья Хренкова, по непроверенным данным — Лидия Руднева. Несомненно, что многие террористки не отличались устойчивой психикой. Другой вопрос — была ли их психическая нестабильность причиной прихода в террор или следствием жизни в постоянном нервном напряжении, или, в ряде случаев — тюремного заключения. Во всяком случае, уровень психических отклонений и заболеваний был очень высок. Психически заболели и умерли после недолгого заключения Дора Бриллиант и Татьяна Леонтьева. Умело избражали из себя сумасшедших, будучи в заключении еще до совершения терактов, Рогозинникова и Руднева. Врачи им поверили. Было ли дело только в актерских способностях?³

¹ Чернов В.М. Террористический элемент... С. 83.

² Geifman A. Thou Shalt Kill. P. 324; Письмо М.А.Спиридоновой // «Кровь по совести». С. 150, 151, 152.

³ Будницкий О.В. Женщины-террористки: политика, психология, патология // Женщины-террористки в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 17-18.

фрума Фрумкина объясняла свое не очень мотивированное покушение на начальника киевского губернского жандармского управления генерала Новицкого вполне рационально. Однако если принять за достоверные даже часть сообщений независимых источников о том, что она намеревалась убить еще до ареста жандармского полковника Васильева в Минске, затем хотела ехать в Одессу, чтобы совершить покушение на градоначальника, при аресте пыталась ударить ножом жандармского офицера Спиридовича, в Московской пересыльной тюрьме бросилась с маленьким ножом на ее начальника Метуса, прибавить к этому попытку покушения на Московского градоначальника А.А.Рейнбота и, наконец, самоубийственное покушение на очередного тюремного чиновника в Бутырках, то обусловленность ее действий только рациональными причинами кажется нам весьма маловероятной.

Российское государство не нашло другого способа защититься от этой маленькой, худенькой и не очень адекватно себя ведущей женщины, чем передать ее в руки палача. Товарищи же по партии издали, на материале ее биографии, очередное революционное житие¹.

Суицидальные мотивы чувствовались, по-видимому, в поведении немало числа террористов. Партийный кантианец Зензинов не случайно счел необходимым подчеркнуть: «Мы боремся за жизнь, за право на нее для всех людей, Террористический акт есть акт, прямо противоположный самоубийству — это, наоборот, утверждение жизни, высочайшее проявление ее закона». Закон жизни есть борьба, пояснял Зензинов, и недаром лозунгом партии эсеров были слова немецкого философа И.-Г.Фихте «в борьбе обретишь ты право свое»².

Таким образом, право на политическое убийство получало философское обоснование и, исходя из вышеприведенных моральных оценок, можно было утверждать, как это делал Зензинов, что террористы, «бравшиеся за страшное оружие убийства — кинжал, револьвер, динамит — были в русской революции не

¹ Будницкий О.В. Указ. соч. С. 18.

² Зензинов В.М. Пережитое. С. 275.

только чистой воды романтиками и идеалистами, но и людьми наибольшей моральной **чуткости!**¹

Еще одним крайне щекотливым с точки зрения морали моментом было определение «мишеней» для террористов. Ведь, что ни говори, террористический акт был убийством человека, чья личная вина не была установлена никаким судом. Не был определяющим и пост, который занимал тот или иной чиновник, хотя наибольшие шансы отправиться на тот свет по постановлению эсеровского ЦК имел министр внутренних дел, по должности возглавляющий политическую полицию. Были убиты министры внутренних дел **Сипягин** и **Плеве**, готовилось покушение на **П.Н.Дурново**, **раскольники-«максималисты»** взорвали дачу **Столыпина**, осуществив самый кровавый теракт после народо-вольческого взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года.

Место министра внутренних дел было настолько «горячим», что даже либеральный **Святополк-Мирский**, по словам многознающей **А.В.Богданович**, получив известие об отставке в январе 1905 г., пил у себя за завтраком за то, что благополучно, живым уходит с этого поста².

Но все-таки главным критерием было, по-видимому, общественное мнение. «Жертвы 1902—1904 годов были хорошо выбраны как символы государственных репрессий, — справедливо пишет **М.Перри**, — ...убийства **Сипягина** и **Богдановича** принесли определенную поддержку эсерам в **массах**»³. Сложнее стало в период 1905—1907 годов, когда число терактов выросло в десятки раз и когда выбор жертвы уже перестал быть прерогативой политиков из ЦК. Теперь, кого **казнить**, а кого миловать, определяли зачастую местные **партийные** комитеты, «летучие боевые отряды», **боевые** дружины. Террор действительно стал массовым. ЦК не

¹ Зензинов **В.М.** Указ. соч. С. 271.

² Богданович **А.** Три последних самодержца. М., 1990. С. 339-340.

³ **Perrie** M. Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-century Europe. P. 69.

мог контролировать боевую деятельность на местах. Чем же руководствовались террористы?

В период работы над своей известной книгой об эсерах, а собирал он материал для нее едва ли не четверть века, **Оливер Радки** переписывался со многими видными деятелями партии, оказавшимися в эмиграции. Отвечая на вопросы Радки о московской организации ПСР, **Зензинов** остановился и на критерии выбора объектов террористических атак: «Тогда (в 1905 г. — **О.Б.**) в партийной прессе все особенно отличившиеся в массовых расправах с рабочими и крестьянами губернаторы и градоначальники были как бы приговорены партией к **смерти**»¹.

Сходные соображения высказывал **В.М.Чернов** в письме **Б.И.Николаевскому**. Николаевский писал в начале 1930-х годов свою знаменитую книгу об Азефе, которая, впрочем, стала своеобразной историей эсеровского терроризма, а законченные главы посылал Чернову на отзыв, сопровождая их нередко вопросами. Откликаясь на одну из порций текста Николаевского, Чернов писал: «Когда идет у Вас речь об осведомлении, против кого партия готовит акты, — мне кажется, Вы не всегда учитываете, что мишени террористических ударов партии были почти всегда, так сказать, самоочевидны. Весь смысл террора был в том, что он как бы выполнял неписанные, но бесспорные приговоры народной и общественной совести. Когда это было иначе, когда террористические акты являлись сюрпризами — это было ясным показателем, что то были **плохие**, ненужные, неоправданные терр[ористические] акты»².

Однако избежать «плохих» терактов, очевидно, было невозможно. Во второй части своего обширного письма Николаевскому Чернов, в частности, писал, что «героических одиночек» и «героических ударных групп»... становилось все больше и больше. Мы в то время говорили: скоро не останется ни одного местного комитета и очень мало таких местных, еще не до-

Архив Гуверовского института (АГИ). Собрание **Б.И.Николаевского**. 392-5. Ответы **В.М.Зензинова** на вопросы проф. **О.Радки** о московской с.-р. организации.

Там же. 206-6. **В.М.Чернов** — **Б.И.Николаевскому**, 7.10.1931.

росших до звания Комитета групп, которые не будут иметь своей боевой дружины. Мы говорили о прежнем периоде, как об эпохе одиноких отшельников террора, и о новом — как о периоде «обмирщения» террора в рамках партии. Террор индивидуальный перерастал в групповой и обещал перебраться в массовый, граничащий с прямым восстанием»¹.

В разгар событий со страниц центрального органа партии раздаются призывы к массовому террору, причем к «аграрной» и «фабричной» его разновидности, не включенной в программу, отношение становится вполне снисходительным. В одном из «писем старого друга» Е.К.Брешковская замечает, что это на первых порах «едва ли не единственная возможность для крестьян проявить дух протеста, пробуждение человеческого достоинства». Партия социалистов-революционеров «согласует свою тактику с этими лучшими сторонами народной психологии».

Партии нет смысла направлять «более передовые и сознательные народные силы на такие элементы, уничтожение которых, нисколько не ослабив главную крепость — правительство — в то же время вызвало бы бесконечный ряд осложнений, не на пользу, а во вред восстанию». Однако партия, в соответствии с духом и смыслом своей программы, обязана насаждать среди крестьянства политический террор, воспитывающий «не только необходимый дух борьбы и умение защитить себя от сильного и непримиримого противника, но и сознание причинной связи явлений и знание политической стороны государственного строя»².

Некоторая оголтелость старой народницы произвела впечатление даже на такого последовательного сторонника терроризма, как Чернов. Он писал Николаевскому, что «бабушка» «в это время готова была каждому человеку дать револьвер и послать стрелять кого угодно, начиная от рядового помещика и кончая царем, и считала, что ЦК "тормозит" революцию, желая направить ее по какому-то облюбованному

¹ АГИ. Собрание Б.И.Николаевского. 206-6. В.М.Чернов — Б.И.Николаевскому, 7.10.1931.

² Брешковская Е. Письма старого друга. Письмо к Николаевскому // Революционная Россия. 1905. № 69. 15.06. С. 5-6.

руслу, когда нужно самое простое, во все стороны разливающееся половодье»¹.

Однако ЦК отнюдь не «тормозил». Уже в передовице «Боевой момент», являвшейся по сути реакцией на 9 января, после достаточно справедливой констатации, что «гражданская война началась», говорилось, что теперь «самоубийственно оставаться при старой тактике». «Вопрос о средствах борьбы, — заявлялось в статье, — не есть вопрос какого-то отвлеченного принципа или догмы. Это — вопрос практики, вопрос условий времени и места, вопрос технического удобства. Можно наступать сомкнутыми массами с оружием в руках — будем это делать; можно двинуть смелых одиночек для нанесения террористических ударов столпам реакции — будем это делать; можно по всей линии повести массовую партизански-террористическую борьбу — будем это делать!»²

Несколько месяцев спустя центральный орган партии санкционирует применение террористических средств против простых исполнителей указаний начальства. Напомню, что одним из аргументов в пользу террора было то, что он более «избирателен» и карает или «устраняет» действительно идейных защитников существующего строя. Летом 1905 года точка зрения меняется. В передовой статье, озаглавленной «Memento!» провозглашалось, что в разгар гражданской войны партия будет уважать личную безопасность лишь тех людей, которые сохраняют нейтралитет в борьбе правительства и революционеров.

Всякий же, кто нарушает свой нейтралитет в пользу правительства «не может не быть нашим прямым политическим врагом, который сам накликает на себя наши удары. Для него нет извинений и оправданий». Далее следовали угрозы мелким сошкам — «пусть знают все агенты правительственной власти, что их подначальность не избавляет их от ответственности. Они слишком привыкли сыграть на то, что их дело маленькое, что они исполняют только то, что приказано, что они сами здесь не причем и т. п. Именно эта

¹ АГИ. Собр. Б.И.Николаевского. 206-6. В.М.Чернов — Б.И.Николаевскому, 7.10.1931.

² Боевой момент // Революционная Россия. 1905. № 59. 10.02.

мораль снабжает правительство огромным количеством служебных орудий, без которых оно было бы бессильно. Пусть же знают все эти «маленькие», «подначальные» люди, что у них есть лишь одно средство сложить с себя грозную ответственность — совершенно устранившись с арены борьбы между двумя лагерями. Иначе — пусть они пеняют на себя. Пусть знает каждый губернатор, каждый прокурор, военный судья, полицмейстер, офицер, командующий стрелять в народ, каждый рядовой жандарм, агент сыска и даже простой полицейский, арестовывающий революционера, что ему грозит свинцовая пуля, как наше естественное и необходимое средство **самообороны**»¹.

Это были не пустые угрозы. В литературе обычно принято приводить, безотносительно к тому, подчеркивает ли автор эффективность эсеровского терроризма или доказывает его бесперспективность, списки убитых министров, губернаторов, генералов. Однако львиная доля жертв приходится именно на «мелких сошек». **А. Гейфман** в уже упоминавшейся монографии убедительно показала, что большинство погибших в результате террористических актов — мелкие служащие, рядовые полицейские, много жертв было и среди «эксплуататоров», особенно если они отказывались давать деньги на революцию; гибло немало и случайно оказавшихся вблизи намеченных «мишеней» людей. Общее число погибших в результате терактов превысило 17 тыс. человек².

Разумеется, ответственность за это несли не только эсеры, но и другие революционные партии, в особенности анархисты. Террористическая активность «на местах» нередко выходила далеко за рамки того, что хотели бы видеть партийные вожди и идеологи. Однако нельзя не заметить, что именно они выдали **индальгенцию** людям, у которых способность **стрелять** превышала способность мыслить, и освободили их всяких нравственных сдержек. В «Революционной России» отчетливо говорилось, что каждый агент и **помощник** «правительственной шайки» **«стоит вне**

¹ Memento! // Революционная Россия. 1905. № 72. 1.08. С. 1-2.

² Geifman A. Thou Shalt Kill. P. 21, 124-125.

за ко на... И мы, социалисты-революционеры, вынуждены объявить вне закона не только всю ту организованную камарилью, которая фактически правит именем выродившегося недоросля-царя, но и ее агентов и сообщников. Мы вынуждены повести против них систематический террор по всей **линии**, сверху донизу, от крупных воротил до мелких сошек, от официальных представителей власти до неофициальных вербовщиков черных **сотен...**»¹

В цитируемой статье с удовлетворением отмечалось, что то, что «когда-то было тенденцией нашей программы, облекается в плоть и кровь, становится живой действительностью». Автор, вероятно, не заметил, что стандартный оборот — «облекается в плоть и кровь» — в части крови стал не метафорой, а реальностью. «Революционер, — справедливо отмечалось в статье, — не знакомый с техникой боевого дела, становится пережитком. Боевая способность разливается широкою волною. Мы стоим еще в начале этого процесса, а уже враждебный лагерь все больше и больше охватывается огненным кольцом **террора**»². Действительно, терроризм во второй половине 1905, также как в 1906—1907 годах стал явлением массовым и не менее, а если брать чисто количественно, то и более бытовым, чем смертная казнь.

Не удивительно, что выпущенный из бутылки джинн терроризма не захотел в нее возвращаться, когда партийные лидеры попытались вернуть его под контроль ЦК. Призывы и увещания «приостановить» террор по политическим соображениям могли подействовать на руководителей Боевой организации, не очень охотно подчинявшихся партийной дисциплине; что же касается местных боевых дружин и отдельных боевиков, то они нередко действовали по собственному усмотрению, руководствуясь собственными эмоциями или даже совершая террористические акты, поскольку представился случай их осуществить.

Да что говорить о рядовых боевиках! Сам Чернов, блюститель идейной чистоты партии, в начале 1906

¹ Memento! С. 2.

² Там же.

года снабжал средствами из «личного кошелька» («мои литературные заработки того времени это позволяли», — замечал он в письме к Николаевскому) Зинаиду **Коноплянникову**, которая «уже носилась с планом покушения на Мина» и даже вела слежку за его передвижениями «через каких-то ею распропагандированных гвардейцев». Это террористическое предприятие было личной затеей Чернова и Коноплянниковой — как он сам писал, в приеме в БО Азеф и Савинков ей отказали, несмотря на ходатайство Чернова — «она на них произвела недостаточно четкое впечатление». И лишь после отказа у БО она «легализовала партийно свою дальнейшую работу в том же направлении у Областного комитета Северной Области»¹.

На II экстренном съезде эсеров в феврале 1907 года в Таммерфорсе огромное большинство собравшихся было настроено в «максимальной степени усилить террористическую деятельность»². Между тем партийные верхи намеревались приостановить террор по случаю начала работы II Думы или, во всяком случае, взять его под жесткий контроль ЦК. В защиту этого решения пришлось выступать основателю Боевой организации, недавно бежавшему с каторги **Г.А.Гершуни**.

«Страсти по террору» дошли на съезде до того, что один из ораторов высказал мысль, что он вообще не видит надобности в приостановке террора, так как не представляет себе, когда бы террористический акт мог оказаться не полезным. Возмущенный **Гершуни** заявил, что, судя по таким речам, в партии участвуют лица, попавшие в нее по недоразумению, которым на самом деле место среди анархистов. Он был недалек от истины. «Боевая» практика во многом стирала грани между рядовыми анархистами и эсерами.

И «в поразительных по точности и яркости выражениях» (Зензинов) Гершуни изложил партийное понимание террора, в упрек заблудшим и погрязшим анархизме делегатам. Этот террористический «смысл веры», действительно, настолько ярок, что есть

¹ АГИ. Собр. **Б.И.Николаевского**. 206-6. **В.М.Чернов** — **Б.И.Николаевскому**, 7.10.1931.

² Там же. 12-2. **В.М.Зензинов**. Гершуни — глава **Боевой** организации.

привести фрагмент речи Гершуни, где речь идет о терроре, целиком:

«Террористический акт Партии социалистов-революционеров не есть физическое убийство, физическое уничтожение носителя власти. Для нас террор имеет другое значение... Когда общественное негодование, общественная ненависть сосредоточивается вокруг какого-нибудь правительственного агента, все равно, высшего или низшего, когда этот агент становится символом насилия и деспотизма, когда его деяния становятся вредными для общественного блага, **когда в распоряжении нет никаких средств обезвредить его** и когда само его существование является оскорблением для общественной совести, последняя открывает дверь террору — исполнителю приговора, выжженного в сердцах сознательных граждан. И когда раздается взрыв бомбы, из народной груди вырывается вздох облегчения. Тогда всем ясно: совершился суд народный! Не надо никаких объяснений, никаких прокламаций. Страна ждала этого суда, страна знает, за что убит насильник, страна знает, что не убивать его было нельзя, страна знает, что только убийством можно было спасти от него народ. Вот когда убийство, от которого естественно отшатывается человеческая натура, становится великим подвигом, а "убийца" — национальным героем. **Но из этого следует только один вывод: террористический акт допустим не тогда, когда его можно делать, а когда его должно делать**, и что бывают случаи, когда брошенная бомба убивает не только того, в кого она была брошена, но и организацию, от имени которой она брошена»¹.

Нетрудно заметить, что Гершуни пытался вернуть террору его дореволюционное место. Для большинства рядовых членов партии «физическое убийство» потеряло в первую очередь символическое значение. Да и какое символическое значение могло иметь убийство рядового полицейского, даже пользующегося не очень хорошей репутацией в той или иной местности? Для партийной массы убийство стало средством устрашения и устранения противника. И именно к этому со-

¹ АГИ. Собр. **Б.И.Николаевского**. 12-2. **В.М.Зензинов**. См. также: Речь **Г.А.Гершуни**, произнесенная на экстренном съезде партии социалистов-революционеров. Б. м., 1907. С. 13.

всем недавно призывала партийная пресса. Теперь же партийные лидеры хотели «отыграть назад».

Впрочем, не все. В июле 1907 года с письмом в ЦК обратился патриарх народнического движения Н.В.Чайковский. Он предлагал перейти к новым формам борьбы, использовать новое оружие, «которым бы можно было наносить удары не только администрации и ее тайной организации, а самой армии, потому что только такая сила может импонировать массам, может возродить в них веру в силы революции против главной опоры порядка». То, что армия — одетые в солдатские шинели крестьяне и рабочие, уже не вспоминалось. Под новыми формами борьбы Чайковский понимал партизанскую войну, которую будут вести подвижные «банды», укрывающиеся в горах и лесах. Далее он рисовал программу диверсионно-террористической деятельности.

Интересен в проекте Чайковского следующий момент. Если II съезд пытался восстановить партийный контроль за террористическими действиями, что отчетливо заявлено в речи Гершуни, то Чайковский призывал к прямо противоположному. «Понятно **само** собой, — писал он о партизанской борьбе, — **что** такое дело должно быть беспартийным. Мне **один** умный вояка сказал, что солдатом хорошим может быть только тот, кто способен нырять с головой, т.е. рисковать всем без задних мыслей и соображений. Поэтому государственный человек в солдаты не годится и его дело не командовать, а объявлять войну и заключать мир. Ну, одним словом, раз война решена, партии должны отойти в сторону и только удерживать за собой общий контроль над началом и концом военных действий, а командовать должны солдаты, но не государственные **умы**»¹.

Если «в низах» преимущественно «ныряли с головой», то в ЦК пытались все-таки быть «государственными умами» и соотносить террористическую актив-

¹ АГИ. Собр. Б.И.Николаевского. 183-9. Письмо Н.В.Чайковского от 2 июля 1907, очевидно, в ЦК ПСР. Машинопись, копия. Опубликовано нами под названием «О переходе к партизанской войне» // История терроризма в России / Сост. О.В.Будницкий. Ростов-на-Дону, 1996. С. 231—241.

ность с политической ситуацией в стране. В максимально доступной форме это сформулировал все тот же партийный златоуст Гершуни: «при хорошей Думе и плохая бомба лишняя и скверная вещь; при плохой Думе хорошая бомба — вещь неизбежная». Поскольку «острота борьбы зависит исключительно от правительства, намерений которого мы в настоящую минуту не знаем, так как в каждый момент при сложности создавшегося положения, может потребоваться в зависимости от правительственной политики изменение боевой тактики в сторону ли ее усиления или временной приостановки, эта тактика должна быть поставлена в условия, удобные для быстрого регулирования»¹.

Вышедший из Шлиссельбурга Н.А.Морозов мог бы с удовлетворением прочесть эти слова — они ведь точно соответствовали смыслу и духу его «Террористической борьбы», в которой терроризм рассматривался как способ воздействия на правительственную политику, своеобразный ее регулятор, направляющий правительство на путь истинный.

Возвращаясь к вопросу о терроризме и его нравственном оправдании, заметим, что в программной речи Гершуни также повторяется общий для эсеровских идеологов тезис, согласно которому мишень для террористов указывает общественное мнение. Террорист «казнит» свою жертву по приговору «народного суда», т.е., опять-таки, в соответствии с мнениями и слухами. То, что народное мнение может быть ошибочным, а слухи — ложными, народолюбцев не очень заботило. Любопытный эпизод рассказывает в своих воспоминаниях Зензинов. 8 декабря 1905 года он и его товарищи по московской организации ПСР услышали выстрелы, доносящиеся со стороны загородного сада «Аквариум», где митинг был окружен войсками и полицией. В ответ на расстрел митинга было решено взорвать Охранное отделение, что и осуществили под руководством Зензинова в тот же вечер. Слухи о расстреле митинга впоследствии не подтвердились². Зензинова это, очевидно, не очень взволновало — взрыв Охранного отделения с точки зрения революционера в любом случае был делом богоугодным. Но ведь если ошибка

¹ Речь Г.А.Гершуни... С. 14.

² Зензинов В.М. Пережитое. С. 230—236.

могла, произойти даже в таком случае, что же говорить о других, менее очевидных?

Произвол был возведен революционерами в норму задолго до захвата одной из революционных фракций власти. Надо было очень далеко уйти от банальных представлений о нравственности, чтобы провозглашать убийство — великим подвигом, а убийцу — какими бы мотивами он ни руководствовался — национальным героем. Однако своеобразие российской ситуации состояло в том, что убийц-террористов считали героями не только их товарищи-революционеры, но и достаточно широкие слои общества. Общеизвестной героиней считалась Мария Спиридонова. А ведь все имели возможность читать ее разошедшееся в десятках тысячах экземпляров письмо, в котором она рассказывала не только об издевательствах над нею, но и о том, как она хладнокровно, меняя позицию, расстреливала мечущегося по платформе **Луженовского**, всадив в него в конечном счете пять пуль. Всего, с удовлетворением писала она, нанесено пять ран: «две в живот, две в грудь и одна в руку»¹.

Нравственный тупик заключался в том, что революционное насилие казалось единственной силой, способной противостоять произволу властей. В открытом письме **Ж.Жоресу**, осудившему террористическую тактику русских революционеров, ветеран-народник **Д.Э.Шишко** указывал на бессудные расстрелы рабочих-железнодорожников Семеновским полком под командованием генерала Мина, истязания крестьян в Тамбовской, Саратовской, Полтавской губерниях, закончившиеся убийствами тех, кого общественное мнение считало за них ответственными.

«Террористические акты в такой же мере **вопрос** политической необходимости, как и дело непосредственного чувства. Не все люди, на глазах которых совершаются безнаказанно убийства и истязания, способны выносить эти ужасы», — писал **Шишко** знаменитому европейцу, вряд ли реально представлявшему себе российскую действительность².

¹ Письмо **М.А.Спиридоновой** // «Кровь по совести». С. 150.

² **Шишко Д.Э.** Письмо **Ж.Жоресу** // «Кровь по совести». С. 155.

Довольно далекий по своим политическим симпатиям и философским взглядам от **Шишко** известный либеральный юрист и публицист **К.К.Арсеньев** высказывал сходные мысли: «Можно отрицать целесообразность политических убийств, крайне редко приносящих действительную пользу вдохновляющему их делу, но нельзя не видеть в них последнего, отчаянного, иногда неизбежного ответа на длительное и неумолимое злоупотребление превосходящей силой... Нарушаемое властью священное право на жизнь нарушается и ее противниками; виселице отвечает револьвер или бомба...»¹

Ни власть, ни ее противники не нашли выхода из этого политического и нравственного тупика; впрочем, они его не очень-то и искали, уповая на уничтожение противостоящей стороны. Спираль насилия продолжала раскручиваться; победителей в этой схватке не оказалось.

3. Деградация террора

На годы революции 1905—1907 гг. приходится пик эсеровского террора. По подсчетам **Д.Б.Павлова** с января 1905 по конец 1907 г. эсерами было осуществлено 233 теракта (до 3 июня 1907 г., принятой в литературе дате окончания революции — 220 покушений)²; сами эсеры, опубликовавшие статистику террористических актов в 1911 г., располагали данными о 216 покушениях, совершенных в период с 1902 по 1911 г.³ **М.И.Леонов**, используя более детализированные эсеровские данные, приводит следующие расчеты: на 1905 г. приходится 54 теракта, 1906 — 78, 1907 — 68 (из них 38 — до 3 июня). После 1907 г. эсеровский террор фактически сходит на нет: в

¹ Цит. по: **Гусев К.В.** Рыцари террора. М., 1992. С. 35.

² **Павлов Д.Б.** Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905—1907 гг. // Не-пролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 149.

³ **Ивич М.** Статистика террористических актов, совершенных партией социалистов-революционеров // Памятная книжка социалиста-революционера. Париж, 1911. Вып. 1.

1908 г. было совершено три покушения, 1909 — два, 1910 — одно и в 1911 г. два¹.

Ни одно из них не имело общенационального значения.

М.И.Леонов подсчитал, что на годы революции приходится 78,2% всех терактов, совершенных эсерами. Причем Боевой организацией было совершено лишь 5% от общего числа покушений (11, из них 5 в годы **революции**)².

Терроризм был одним из важнейших компонентов революции; сбылись пожелания эсеровских теоретиков о соединении терроризма с массовым движением. Однако именно это соединение положило начало деградации террора и если успешные теракты кануна и начала революции подняли авторитет партии на невиданную высоту, то вскоре выяснилось, что джинн терроризма отказывается слушаться своих «хозяев», да к тому же производит на общество все более отталкивающее впечатление. Высшие успехи эсеровского терроризма одновременно знаменовали начало его разложения.

Собственно, первые тревожные признаки появились еще в 1904 г., когда в партии появилась группа «аграрных террористов» (лидеры — М.И.Соколов, **Е.И.Лозинский**), оформившаяся впоследствии, в 1906 г., совместно с так называемой «московской оппозицией» (**В.В.Мазурин** и др.) в «Союз социалистов-революционеров-максималистов», провозгласивший террор своим основным средством **борьбы**³. Этими эсеровскими раскольниками были совершены самые кровавые и отвратительные террористические акты в годы революции, в том числе взрыв дачи **П.А.Столы-**

¹ Леонов **М.И.** Эсеры в революции 1905—1907 гг. Самара, 1992. С. 23; его же. Террор и русское общество (Начало XX в.) // Индивидуальный политический террор в России: XIX - начало XX в. М., 1996. С. 35.

² Леонов **М.И.** Эсеры в революции 1905—1907 гг. С. 23—24. На то, что теракты, осуществленные БО, составляют относительно небольшую часть в общем «балансе» эсеровского террора, обратила внимание еще **И.И.Ракитникова** (Ич. Ритина) — Террор в «Заключении Судебно-следственной комиссии по делу Азефа» // Знамя труда. 1912. Февраль. № 40. С. 13.

³ См. подробнее: Павлов **Д.Б.** Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989.

пина 12 августа 1906¹, а также самые крупные экспроприации — ограбление Московского общества взаимного кредита, когда партийную кассу за 15 минут пополнили 875 тыс. руб. и захват казначейских сумм (около 400 тыс. руб.) в Фонарном переулке в Петербурге. Причем последний «экс» стал и одним из самых **кровавых**².

В программном отношении расхождения заключались в том, что «раскольники» не признавали программы-минимум, настаивая на осуществимости немедленной социализации земли, фабрик и заводов. В тактическом плане максималисты отдавали приоритет терроризму, считая его универсальным средством борьбы против самодержавия, эксплуататоров, а также лучшим методом агитации, способным в конце концов побудить массы к восстанию. Экспроприации максималисты рассматривали как особую форму классовой борьбы, средство «конфискации частных капиталов» и преодоления «фетиша собственности».

В 1906—1907 годах максималистами было совершено около 50 террористических актов. Отношение к человеческой жизни, не говоря уже о собственности, у максималистов было сходно с крайними анархистскими группами. Замечателен комментарий лидера максималистов **М.И.Соколова** («Медведя») по поводу многочисленных жертв среди «посторонних» при взрыве дачи Столыпина: «...Эти "человеческие жизни"? Свора охранников, их следовало перестрелять каждого в отдельности... дело не в устранении [Столыпина], а в устрашении, они должны знать, что на них идет сила. Важен размах... Каменную глыбу взрывают динамитом, а не расстреливают из **револьверов**»³. Эсеры

¹ При взрыве дачи Столыпина пострадало около 100 человек. По неполным данным было убито на месте 27, ранено 33, из них двое умерло в ту же ночь (Энгельгардт **М.М.** Взрыв на Аптекарском острове. Цит. по: История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / Сост. **О.В.Будницкий**. Ростов-на-Дону, 1996. С. 243). Впервые исследование **Энгельгардта** было напечатано в журнале «Каторга и ссылка». 1925. № 7.

² См. подробнее: Энгельгардт **М.М.** Указ. соч. С. 278—281.

³ Григорович **Е.Ю.** Зарницы: Наброски из революционного движения 1905-1907 гг. Л., 1925. С. 61. Цит. по: Павлов **Д.Б.** Указ. соч. С. 184—185.

выпустили специальное заявление о своей непричастности к взрыву на **Аптекарьском** острове и о моральном и политическом **осуждении** такого рода покушений. Заявление было во всяком случае необычным для революционной партии; **Б.И. Николаевский** высказал предположение, что оно было принято под давлением Азефа, испугавшегося возможной реакции своих работодателей из Департамента **полиции**¹. Нам представляется, что дело было все-таки не столько в Азефе, сколько в беспрецедентности и жестокости покушения; оно, несомненно, способствовало дискредитации революционеров, применявших террористические методы борьбы. «Отблеск» его ложился и на эсеров. В глазах обывателя (ставшего к тому же теперь избирателем) особой разницы между террористами различных толков не было. Партия, пытавшаяся регулировать применение террора, приостанавливать или «запустить» его в зависимости от политической ситуации, не могла не думать о своей репутации. Не ставя своей задачей подробный анализ максималистского терроризма (это было сделано сравнительно недавно в монографии **Д.Б. Павлова**²), отмечу, что его тактические установки и практика, несомненно, отталкивали общество и, с другой стороны, дискредитировали в его гла-

¹ Николаевский Б. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. М., 1991. С. 196—198. Пожалуй, единственным аналогом подобного заявления русских революционеров было письмо народовольцев американскому народу по поводу убийства анархистом Ш. Гито президента США **Д. Гарфилда**. Но там все-таки речь шла о «чужом» террористе. Интересно, что большевики оценили покушение на Столыпина совсем иначе. В первом номере «Пролетария» **В.И. Ленин** писал о вспышке терроризма в августе 1906 г.: «...покушение на Столыпина, убийство Мина, все это возбуждало всеобщий интерес к вопросу о «партизанских выступлениях»... В общем и целом мы считаем обострение партизанской борьбы в России после роспуска Думы плюсом. Истребительная и беспощадная партизанская борьба с **насильниками** правительства представляется нам своевременной и целесообразной». (Ленин **В.И.** Полн. собр. соч. Т. 13. С. 365, 366). Приведенная цитата отчетливо демонстрирует, что в устах Ленина термин «партизанская борьба» был не более чем эвфемизмом.

² Кроме монографии Павлова, см. также: **Geifman A.** Thou Shalt Kill. P. 72—75, 81—83; История терроризма в России. С. 249—308.

глазах и других, более «умеренных» и политизированных, если так можно выразиться, «традиционных», террористов.

Роспуск Второй Думы вновь узаконил, с точки зрения эсеровских лидеров, принявших решение приостановить применение террора на время ее деятельности, возобновление террора и даже расширение его объектов. В программной статье центрального партийного органа, вышедшего вскоре после роспуска Думы, выражалась уверенность, что Дума, избранная по новому закону, «со всей силой показного негодования осудит «революционные убийства», смешав их, для большей убедительности, с грабежами и разбоями, сделав вид, что для нее, в ее институтской невинности, неясно различие между Золотой Ручкой и Марией Спиридоновой, Ванькой Каином и Егором **Созоновым**». В статье справедливо отмечалось, что отказ Первой и Второй Дум осудить революционный терроризм послужил одной из причин «сотворения» более послушной Думы¹.

Преимущество создавшегося положения автор статьи видел в том, что иллюзии рассеялись и руки у партии теперь развязаны. В полном противоречии с политическими реалиями в статье предсказывалось, что теперь «каждый удар, который нам удастся нанести врагу, народом будет понят. Ни один из этих ударов не покажется неуместным, преждевременным или способным помешать чему-то хорошему». О каком ударе прежде всего идет речь, разъяснялось тут же. Самодержец, по мнению автора, утратил престиж в глазах народа, превратился в атамана черной сотни. Теперь «кумир царской власти начинает представляться тем, что он есть: в боге Аписе разглядывают самого простого, вульгарного, приходящего в слепую ярость от красного цвета быка...»

И далее, вполне в **бурцевском** духе, автор угрожающе замечал, что власти «слишком давно не ощущали Действия «спасительного **страха**»... А все то, что там наверху поселяет тревогу и страх, здесь, внизу не может не производить бодрящего, поднимающего впечатления». Правда, словно спохватившись, автор доба-

¹ Что же теперь? // Знамя труда. 1907. 1 июля. № 1. С. 9.

вил ритуальную фразу о том, что «террор для партии социалистов-революционеров всегда был и останется средством борьбы, органически связанным с массовым движением»¹.

Эсеры совершенно неадекватно оценили текущий момент, не уловили перемен в настроении и общества и народа. Террор, давно «вышедший из берегов», пугавший не только значительную часть либерального общества, но и крестьянства², городских обывателей, по-прежнему казался им универсальным оружием. Третий Совет партии принял решение о бойкоте Думы и усилении боевой тактики, которое «должно иметь своей целью внесение расстройств и деморализации в ряды врагов и расковывание революционной энергии масс. Ввиду необходимости систематизировать и направить на более крупные задачи местную террористическую борьбу Совет находит необходимым особенное сосредоточение специальных боевых сил Партии в пределах областей и проявление их по возможности одновременно, по общему для многих людей плану»³.

В статье «К переживаемому моменту» после констатации, что правительство «твердою стопою вступило на путь политики покойного В.К.Плеве», говорилось, что «жизнь указывает нам настоятельно и определенно на те самые средства борьбы, которые уже однажды были испробованы и оказались действительными против этой политики. Систематический центральный политический террор — террор, подразумеваю-

¹ Что же теперь?

² Как установил М.И.Леонов, во II-ю Думу прошло при поддержке эсеров 52 депутата, на предварительных совещаниях намеревавшихся войти в думскую фракцию партии. Однако в итоге группу покинули 14 человек, почти все крестьяне. Вероятно, одним из основных мотивов отхода крестьянских депутатов от партийной фракции было настороженное отношение к террористической тактике. Один из крестьянских лидеров, член партии социалистов-революционеров Г.И.Кабаков записался тем не менее в трудовую группу, поскольку, как он объяснил в беседе с В.Г.Тан-Богоразом, «наши крестьяне боятся этого слова: с.-р., — думают, — где эсеры, там непременно с первого слова бомбы, динамит». (Леонов М.И. Указ. соч. С. 40—41).

³ Резолюции о тактике современного момента и о бойкоте Государственной Думы 3-го собрания Совета Партии // Знамя труда. 1907. 12 июля. № 2. С. 19.

щий и атаку против самого «центра центров» — вот что в настоящий исторический момент более, нежели что-либо другое, могло бы ускорить течение событий»¹.

Правда, после столь уверенного и угрожающего заявления автор статьи выражал досаду на недостаток «нерва войны» — денег и сетовал на недостаток поддержки делом, т.е., деньгами, террора, равно полезного, «в сущности, всем революционным и оппозиционным партиям»². В другой статье, опубликованной в «Знамени труда» после казни семи членов Северного летучего боевого отряда, «Новые казни террористов и наша легальная пресса» также звучали упреки по адресу «интеллигентной» улицы», политического обывателя. Обыватели рукоплескали героям террора в период их успехов, но отвернулись от террористов, когда счастье перестало им сопутствовать. Вслед приговоренным к смерти летит теперь «шум неодобрения, упреков и прямой хулы»³.

Огорчала эсерских публицистов и ситуация с местным террором, который «слишком измельчал». «Много говорят о демократизации террора; но не является ли это слово, — задавался вопросом автор статьи «К переживаемому моменту», — не скажу **всего** ли, но в значительной мере хорошим словесным прикрытием слабости нашей организации боевого дела?»⁴.

«Измельчание» террора, вырождение его кое-где в бандитизм являлось одной из важнейших причин падения его популярности и прекращения денежных поступлений в кассу БО. Вырождения «местного» терроризма не могли не замечать сами эсеры. В том же «Знамени труда» под псевдонимом С.Борисов было напечатано «Письмо с Северного Кавказа», озаглавленное «Революция и революционное хулиганство».

В письме рассказывалось о действиях на Северном Кавказе «революционных банд», именовавших себя анархистами-коммунистами, анархистами-индивидуалистами, интернациональным летучим боевым отря-

¹ К переживаемому моменту // Знамя труда. 1907. Декабрь. № 8. С. 4.

² Там же.

³ Новые казни террористов и наша легальная пресса // Знамя труда. 1908. Февраль—март. № 10—11. С. 6.

⁴ К переживаемому моменту. С. 4.

дом армавирского комитета и просто «комитетом-бюро». Эти банды занимались в основном вымогательством и грабежами под революционными лозунгами. Добытые деньги в основном прокучивались. «С глубокой грустью» Борисов констатировал, что заметная часть этих «хулиганов» — бывшие эсеры и социал-демократы. Эти «бывшие люди» и являлись главным образом руководителями всех предприятий. В «революционные банды» входили безработные, авантюристы, попадались и «члены действующих революционных партий».

Для поддержания своего революционного реноме «анархисты-коммунисты» убили в Армавире урядника Буцкого и атамана отдела Кравченко. Любопытна оценка этих терактов автором письма, «идейным» революционером: «И то, и другое дело безусловно полезное, но что главным образом побудило сделать это «анархистов-коммунистов», так это поразительная легкость исполнения»¹.

Разумеется, партия эсеров не несла ответственности за действия бандитов, прикрывающихся революционными лозунгами, тем более, что они называли себя чаще анархистами. Но, во-первых, среди них, что симптоматично, оказывались бывшие члены партии, не обремененные теоретическим багажом и нравственными ограничителями; впрочем, не от своих ли эсеровских наставников они слышали об экспроприации собственности эксплуататоров и о терроре против исполнителей воли господствующего класса — всех этих «мелких сошек» — урядников и городских? Во-вторых, в глазах обывателя, в том числе более-менее интеллигентного, не было особой разницы между всеми этими «комитетами-бюро». Убийство всесильного и далекого петербургского министра могло вызывать восхищение и злорадство; ограбление соседней лавки или убийство городского, испокон веку стоявшего на ближайшем углу, ничего, кроме страха и отвращения, не внушало.

Партийные публицисты не могли этого не понимать. Но, увы, эти «распыленные» акты «единичных выступлений» оказывались едва ли не единственным

¹ Борисов С. Революция и революционное хулиганство (Письмо с Северного Кавказа) // Знамя труда. 1908. Январь. № 9. С. 11-12.

зримым проявлением активности масс. И в очередной статье центрального партийного органа, после оговорок, что среди этих единичных выступлений акты «заслуживающие высокого имени «политического терроризма» являются меньшинством» и что «стихийный терроризм бессилен на крупные дела и фатально направляется по линии наименьшего сопротивления, вырождаясь в экспроприаторство и на этой скользкой почве смешиваясь с чистокровным и беспринципным хулиганством», все эти «бесчисленные акты убийств, экспроприации, деревенских поджогов, проявлений личной и групповой ненависти» признавались ничем иным, как свидетельством невозможности для массы не бороться с оружием в руках, невозможности для нее нормальной жизни¹.

Эсеры недооценили те реальные изменения, которые произошли в жизни страны после революции. При всей ограниченности вынужденных (в том числе и под давлением террористов) реформ Россия была уже во многом другой страной; общество, получив хотя и довольно ограниченные, но вполне реальные возможности участия в политической жизни страны, стремилось использовать и сохранить то, что было завоевано. Кадетский лозунг «бережения Думы» означал отказ от поддержки левого экстремизма; опасность слева для новых политических институтов страны теперь была не меньше, чем справа. Либеральное общество и часть либеральной бюрократии делали ставку на эволюцию. Они стремились найти средний путь между реакцией и революцией.

Эсеры в существование этого среднего пути не верили. «Среднего пути нет, — утверждалось в одной из статей "Знамени труда", — в России немислимо превращение самодержавия в конституционную монархию, как было в Австрии или Пруссии... Русское правительство будет уничтожать, пока его не уничтожат. От русского самодержавия возможен переход либо к республике, либо к дагомейскому режиму»². Истории было угодно поставить эксперимент уничтожения рус-

¹ Новые казни террористов и наша легальная пресса // Знамя труда. 1908. Февраль—март. № 10—11. С. 6.

² М.А. Летопись войны // Знамя труда. 1907. 12 июля. № 2. С. 6.

ского правительства революционным путем; переход к республике был совершен; оказалось, что это лишь ступень к «дагомейскому режиму».

Эсеры, как и другие профессиональные революционеры, оказались по существу в положении маргиналов. Численность партии резко сократилась; средств не хватало; массового движения ни в рабочем классе, ни среди крестьянства не наблюдалось. Реально опять можно было говорить лишь о терроре; и то лишь говорить — ни одного сколько-нибудь значимого террористического акта партии осуществить после 1907 г. не удалось.

Полемизируя с «Революционной мыслью», газетой, отравившей воззрения крайне левых в партии социалистов-революционеров¹, считавших единственным

¹ Газета «Революционная мысль» издавалась в 1908—1909 гг. в Париже Я.Л.Юделевским и В.К.Агафоновым. Всего вышло 6 номеров. Авторы «РМ» считали, что первоначально следует завоевать политическую свободу, а уже затем решать социальные вопросы. Отрицательно оценивали идею всенародного вооруженного восстания. Считали террор единственным средством политического освобождения России. Партия должна строиться по принципу автономии и федерации; столь же децентрализован должен быть террор и наряду с Боевой организацией террористическую борьбу должны вести местные боевые отряды. Таким образом, десятилетний опыт революционной борьбы никак не повлиял на взгляды одного из наиболее последовательных проповедников терроризма, Я.Л.Юделевского. Эсеры-традиционалисты характеризовали взгляды «РМ» как «террористический кадетизм»; В.И.Ленин остроумно «переименовал» газету в «Революционное недомыслие». Приведу характерный для стиля «РМ» фрагмент статьи Агафонова (Сиверского) «Memento mori!»: «В руках русских революционеров судьбы России... Только героические акты, только предсмертная песнь борцов за бессмертные идеалы может поднять передовые отряды масс и вдохновить их на бой. Эти грозные мстители — прообраз грядущего нового человека. Для них «я хочу» сливается с «я творю». Проявление «я» — есть творчество новой ценности. И в этом творчестве «я» сливается с миром. Во имя утверждения такой ценности герой жертвует своей жизнью» (Революционная мысль. 1909. Июль. № 5. С. 3. И далее в том же духе). См. также: Ерофеев Н. «Революционная мысль» // Политические партии России: Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 504; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. М., 1998. С. 507-527.

средством политического освобождения России террор, партийный «официоз» писал, что это мнение «нам кажется преувеличением». Шансы революции могут изменить в благоприятную сторону и осложнения в международных отношениях¹, к взрыву может привести и прогрессирующее обеднение масс. «И что именно сыграет определяющую роль в неизбежном возрождении революционного движения, предсказать в настоящее время невозможно».

Однако все эти факторы лежат вне сферы воздействия партии. Лишь один фактор, способный изменить политическое положение в России в благоприятную для революции сторону, находится до известной степени во власти партии: «Это центральный террор. И составляя план своей деятельности, распределяя свои силы и средства между различными ее отраслями, партия не может не выдвигать на одно из первых мест организацию центрального террора»². Таким образом, критикуя «Революционную мысль», «Знамя труда» фактически признавало, что ничего нового оно также предложить не может; центральный террор вновь ставился в порядок дня, несмотря на постоянные неудачи террористов и явное отсутствие моральной и, следовательно, материальной поддержки со стороны общества. Эсеровская тактическая мысль шла по кругу; партийные идеологи оказались не в состоянии оценить произошедшие в стране перемены.

Характерно, что до разоблачения Азефа даже лидер правого крыла партии Н.Д.Авксентьев, выступая с докладом от меньшинства на 1-й общепартийной конференции в Лондоне (август 1908 г.) предлагал отказаться от тактики боевой подготовки масс и «частичных боевых выступлений» и сосредоточиться на двух направлениях: пропагандистско-организационной работе и... центральном терроре. Святая святых трогать все еще не решались. Самым животрепещущим, по воспоминаниям В.Н.Фигнер, на конференции был во-

¹ Это предположение оказалось поистине пророческим; именно «осложнение в международных отношениях», а именно Первая мировая война, сыграло роль катализатора, если не главной причины, революции.

² Еще о современном моменте и о тактике партии // Знамя труда. 1908. Ноябрь. № 13. С. 12.

прос о нападении на «центр центров», то есть, о **цареубийстве**¹.

Однако в конце этого же года партию ждал сокрушительный удар; глава Боевой организации, руководивший подготовкой двух самых громких ее террористических актов, Е.Ф.Азеф, был разоблачен как платный агент **полиции**². Разоблачение Азефа довело до дискредитации терроризма в глазах общества, начало которому положило вырождение его «на местах» в убойство «мелких сошек» и экспроприаторство. Серьезные сомнения в универсальности этого способа борьбы возникли и в партии.

Однако ЦК горой стал на защиту террора. После азефовской катастрофы в передовой статье «Знамени труда» (номер был полностью посвящен «делу Азефа») те, кто говорил о невозможности продолжения террористической деятельности были названы крайними пессимистами. «Нельзя говорить... о моральной скомпрометированности террора», — утверждал автор (повидимому, В.М.Чернов). С точки зрения ЦК «могут быть скомпрометированы некоторые лица, непосред-

¹ Фигнер В. Запечатленный труд. М., 1933. Т. 3. С. 241.

² Среди многочисленной литературы, посвященной «великому провокатору», на наш взгляд, лучшим и наиболее адекватно трактующим личность и революционно-политическую карьеру Азефа исследованием остается книга **Б.И. Николаевского** «История одного предателя» (1-е изд. Берлин, 1932); недавно **А.Гейфман** попыталась пересмотреть взгляд на Азефа как на провокатора и доказать, что он был честным агентом полиции (Гейфман А. Три легенды вокруг «дела Азефа» // Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991. С. 330—361. Приложение). Аргументы Гейфман были, на наш взгляд, убедительно **опровергнуты С.В.Тютюкиным** — см. его обзор «Вокруг современных дискуссий об Азефе» // Отечественная история. 1992. № 5. С. 179—183. Любопытно, что Гейфман, подвергнув критике концепцию Николаевского, пишет, что тот собирался пересмотреть свою работу, осознав ее серьезные недостатки и опираясь на новые свидетельства (Гейфман А. Указ. соч. С. 332—334). Нам не удалось обнаружить в архиве Николаевского, находящемся в Губеровском Институте, среди бумаг, относящихся к его работе над «азефовским» сюжетом, ничего, что бы свидетельствовало о намерении Николаевского серьезно пересмотреть свои взгляды на роль и личность Азефа.

ственно работавшие с Азефом... необходимо, быть может (разрядка моя. — **О.Б.**), партийное расследование постановки террористической организации и борьбы. Но террор, как таковой, как метод, но террористические акты прошлого, но **герои-товарищи**, выполнившие эти акты, остаются морально неприкосновенными. Необходимость актов диктовалась не соображениями Азефа, или тех, кто стоял за ним, а политическим положением страны, объекты террористической борьбы указывались не Азефом, а партией в связи с их политической ролью в данный момент... Террор не с Азефом возник, не Азефом начат, не Азефом вдохновлен и не Азефу и его клике разрушить и морально скомпрометировать его»¹.

Характерно, что в этом же номере была опубликована статья Б.В.Савинкова «Террор и дело Азефа», лейтмотивом которой было то, что террор жив, несмотря на вновь открывшиеся обстоятельства. Но ведь Савинков-то и был первым из тех «некоторых» лиц, которые были скомпрометированы многолетним сотрудничеством с Азефом. Редакция не почувствовала бестактности публикации статьи в защиту террора, написанной заместителем Азефа, до последнего отстаивавшим его невиновность в провокации.

Ниже публиковалось письмо в редакцию **П.М.Рутенберга** о роли Азефа в решении об убийстве **Г.А.Гапона**. Как выяснялось теперь, один провокатор отправил на смерть другого (или, если не провокатора, то запутавшегося в своих отношениях с охранкой человека) при поддержке ЦК. К тому же ЦК еще и отказался своевременно вступить за честь непосредственного организатора убийства Гапона, **Рутенберга**, объявив это его личным делом. Последовавшая публикация в буревском «Былом» записок Рутенберга об убийстве Гапона не добавила популярности ни ЦК, ни **терроризму**².

¹ 15 февраля 1909 г. // Знамя труда. 1909. Февраль. № 15. С. 1.

² См.: Письмо тов. Рутенберга // Знамя труда. 1909. Февраль. № 15. С. 19—20; его же. Дело Гапона // Былое. (Париж). 1909. № 11—12. С. 29—115. Подробнее об этой мрачной истории см. в моей публикации: «Убийство Гапона (Новые материалы)» // История терроризма в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 430—456.

Наиболее бескомпромиссно в защиту террора высказались «Известия» областного заграничного комитета партии: «Нет политических аргументов, которые обесценили бы испытанный метод борьбы П.С.-Р., нет сил, которые заставили бы ее свернуть террористическое знамя. Провокация Азева не вырвет из рук П.С.-Р. это острое оружие»¹.

Разумеется, азефовский скандал не поколебал отношение к террору Парижской группы социалистов-революционеров, поскольку иных способов борьбы они фактически не признавали. В резолюции, принятой Группой в связи с разоблачением Азефа и в пику «врагам революции» — «культурникам, филистерам, индифферентистам и ренегатам», а также противникам ПСР в социалистическом лагере, т.е., социал-демократам, говорилось, что «агрессивная тактика социалистов-революционеров, завещанная и неразрывно связанная с деятельностью героической партии «Народной воли», боровшейся 30 лет тому назад, не прекратится до тех пор, покамест в России и в русском государственном строе не будут незыблемо утверждены истинные основы демократии и политической свободы, этой необходимой предпосылки успешной борьбы за социалистический идеал»².

Вопрос о терроре был вынесен на рассмотрение V Совета партии, состоявшегося в мае 1909 г. Террористическая тактика подверглась критике со стороны ряда делегатов. Делегат, скрывавшийся под псевдонимом Северский, рассмотрел проблему с разных сторон, в том числе с психологической. Ссылаясь на авторитет знаменитого психиатра В.М.Бехтерева, он указал на эффект привыкания к сильным ощущениям, психологического переутомления. «Полная подавленность и переутомление в области, в которой психика человека была наиболее чутка, — говорил Северский, — полная нечувствительность к убийствам и к смерти, полное отсутствие страха перед смертью, как своей собственной, так и перед смертью других — вот

¹ Дальний В. Террор и дело Азева // Известия областного заграничного комитета. 1909. Февраль. № 9. С. 12.

² Парижская группа социалистов-революционеров: Резолюция Группы от 6-го февраля 1909 г. // АГИ. Собр. Б.И.Николаевского. 633-32.

что констатирует Бехтерев, и я говорю, что это может каждый из нас констатировать по отношению к массе людей, проживших длительную полосу смертей, экспроприации и террора»¹. Запугать, таким образом, агентов правительства (в это число включались и высшие чиновники — министры и т.п.) не удастся, произошло «привыкание» к опасности. Вероятно, слова об отсутствии страха перед собственной смертью были некоторым полемическим преувеличением, однако эффект «привыкания» к ежедневным газетным сообщениям о тех или иных покушениях и идейных грабежах, сопровождавшихся насилием и убийствами, несомненно в обществе, не исключая и его высшие слои, был налицо.

Говоря о дезорганизаторской функции террора, Северский задавался вопросом о цели этой дезорганизации правительственных сил. В отсутствие в стране сколь-нибудь заметного революционного движения она теряла смысл. «Если вы стоите исключительно на той точке зрения, что наша террористическая кампания должна быть связана с предполагаемым за нею массовым движением, — напоминал он основы эсеровской программы, — то в этом смысле вы должны признать, что мы теперь террористической кампании вести не можем»².

С большой речью в защиту террора выступил В.М.Чернов (Ю.Гарденин). Значительная ее часть была посвящена опровержению аргументов Северско-

¹ Вопрос о терроре на V Совете Партии: май 1909 года // Социалист-революционер. 1911. № 2. С. 6. Любопытно, что сходные «научные» аргументы использовал за несколько лет до этого социал-демократический критик эсеровского терроризма, используя их, правда, для развенчания агитационного значения террора, судить о котором надо «на точном основании психологических законов»: «Возьмем веберовский закон отставания ощущения от раздражения; этот закон говорит, что интенсивность ощущения растет медленнее вызывающего его раздражения и чем дальше, тем все медленнее... Ясно, что террористические акты при своем повторении должны все больше терять в своем "эксцитирующем" действии, пока их "эксцитативность" не дойдет до нуля...» (Позиция социалистов-революционеров в вопросе о терроре (Реферат, читанный в Париже в начале января 1903 г.) // К вопросу о терроризме. Лондон, Тип. Бунда, 1903. С. 20).

² Вопрос о терроре... С. 4, 5.

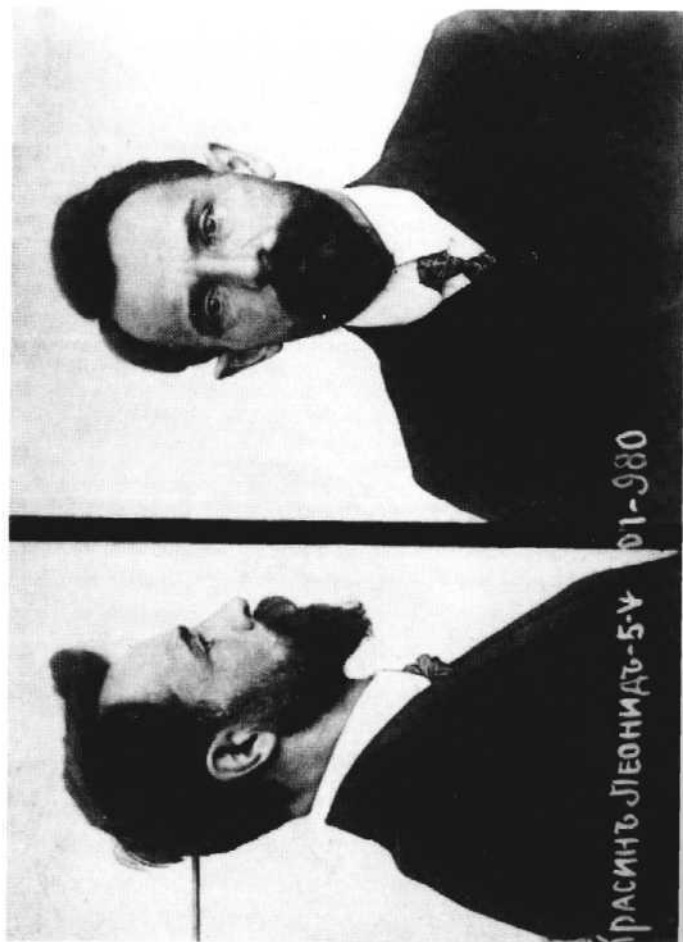
го. Говоря о соотношении терроризма и массового движения, Чернов ссылаясь как на теорию, так и на опыт партии. Соединение терроризма и массового движения не должно носить «механического» характера. Начиная террористическую кампанию «во времена Сипягина» партия верила в наличие потенциального недовольства. Ее задачей было способствовать переходу «потенциальной» революционной энергии в «кинетическую» (надо заметить, что и оппоненты и защитники террора очень любили использовать естественнонаучную терминологию для подкрепления своих взглядов). Террор подал пример борьбы, способствовал «высвобождению» революционной энергии масс. С этой верой в пробуждение масс «партия вступила на террористический путь, и в настоящее время мы вправе сказать, что эта вера, это убеждение — оправдались»¹.

Не согласился Чернов и с аргументом об «усталости» общества, его привыкании к насилию. Здесь он вновь сослался на исторический пример: накануне созыва Второй Думы в стране также «кровь лилась рекой». И вот в течение одного декабря месяца эсерами было произведено четыре террористических акта — убийства военного прокурора Павлова, петербургского градоначальника Лауница, графа Игнатьева и руководителя одной из местных карательных экспедиций Литвинова. Эти покушения оказали огромное воздействие на сознание масс. «Петербургжцы тогда говорили, — аргументировал свою точку зрения Чернов, — что нашу избирательную агитацию в рабочей среде провели не столько они, сколько эти террористические акты». Приведенные им соображения Чернов считал объективным доказательством того, что террористические акты должны быть полезны при кажущейся апатии в народе и обществе.

Заручившись «объективными» доказательствами и историческими примерами, Чернов, будто не замечая противоречия, тут же заявлял, что «использование» террора есть очень растяжимое понятие. Его можно использовать и в момент подъема массового движения для нанесения «окончательных» ударов правительству,

¹ Указ. соч. С. 8—9.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

и для ослабления своих врагов, ободрения друзей, для подъема престижа собственной силы, подрыва престижа силы правительства и т.д. в тот период, когда подъема массового движения налицо еще нет. Таким образом, Чернов собрал едва ли не все аргументы сторонников терроризма, независимо от того, к какой партии или течению они принадлежали.

Вносить какие-либо коррективы в тактику партии Чернов по существу не считал нужным: «как в эпоху зарождения нашей партии мы могли выступить с нашей террористической кампанией, не дожидаясь того времени, когда мы будем сильны, а уверенные в том, что при помощи террора мы скорее станем сильными, так вправе мы поступить и сейчас, в настоящее время»¹.

С критикой ортодоксально-эсеровского понимания терроризма и применимости его в современных условиях выступили также делегаты, скрывавшиеся под псевдонимами Борисов, Воронов и Береславцев.

«Борисов» (Б.Г.Билит, в прошлом участник народофильского кружка «парижских бомбистов», а затем заведующий эсеровскими мастерскими по производству взрывчатых веществ во Франции и Швейцарии) полагал, что террор был скомпрометирован не делом Азефа, а самим же террором, принявшим массовый характер. Покушений было столько, сколько, по мнению оратора, никогда в мире не было и, возможно, никогда уже и не будет. «Борисов», также как «Северский» обращал внимание на психологическую сторону дела: «нужно говорить о романтизме в революции, его было много и он обуславливал этот анархический разгул последних двух лет. Люди шли на смерть из-за 50 коп.², они шли на смерть, думая, что борются за

¹ Указ. соч. С. 16.

² Оратор не сильно сгушал краски: вот типичная картинка «боевой» деятельности в провинции. В Казани, после покушения на губернатора Кобеко осенью 1907 г., пошли аресты: «Организация с.-р. пострадала особенно сильно, — вспоминал очевидец событий, — т.к. на ее голову свалились большие несчастья, как например взрыв бомбы в Суконной слободе. Здесь было погребено 3 человека... Через неделю с небольшим другой нечаянный взрыв на ул. Жуковского тоже на конспиративной квартире с.-рев.... Наконец, эсеры (помню, тут был т. Краснов) отправились экспроприировать

экономическое освобождение человечества». «Гролом теперь никого не удивишь», — пришел к безрадостному с точки зрения «возбуждающего» значения террора выводу «Борисов»¹.

«Воронов» (Б.Н.Лебедев) проводил аналогию между «фабрично-заводским» террором, отвергнутым партией, и террором против представителей власти. Фабрично-заводской террор был отвергнут потому, что нельзя бороться с классом террористическими методами. Но ведь нельзя бороться и против представителей власти, как представителей класса. Для этого у партии не хватит сил².

«Береславцев» (И.А.Рубанович), обращаясь к истории эсеровского террора «времен Плеве», указывал, что тогда террористическая тактика оправдывалась аргументами юридическими и моральными. Во-первых, террор служил средством законной защиты против произвола власти, во-вторых, это было орудие мести и правосудия. Но это было в те времена, полагал оратор, когда народ еще не выступил на арену политической борьбы и его интересы защищали отдельные героимстители. Теперь же идет борьба классов; неуместно говорить о справедливости в классовой борьбе, здесь один закон: «Горе побежденным!» Террор индивидуальный теряет свое значение; сейчас в России торжествуют победу реакционные классы; ужасы, происходящие в стране, есть логическое следствие победы реакции. У временно побежденного народа в этих условиях «есть одна затаенная мысль: накопить силу,

казну университета. Там казначей университета (кажется, Соловьев)... стрелял в вошедших экспроприаторов и ранил одного... Эта же группа экспроприаторов пошла через несколько дней на другой "экс" в сумасшедший дом, что за городом. Экспроприировали что-то около 22 р. 12 к. (по словам т. Краснова, с которым мне приходилось видеться в тюрьме) и были схвачены почти все» (Аросев А. Из прошлого революции. Г. Казань, 1907—1909 г. // Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 261—262). Приведенные в воспоминаниях эпизоды не были ни случайными, ни нетипичными; нечто подобное творилось по всей стране. См.: Geifman A Thou Shalt Kill. P. 75—81.

¹ Вопрос о терроре. С. 17.

² Там же. С. 20.

чтобы одолеть реакцию и, кто знает, м.б., отплатить ей теми же жестокостями, но не индивидуальными, а массовыми»¹.

Так что эсеры в отношении к массовому террору мало чем отличались от большевиков или некоторых категорий анархистов. «Береславцев» же высказал критические замечания о «кавалергардской», унтер-офицерской психологии террористов, которая вырабатывается у них вследствие отрыва от общепартийной работы и чрезмерной «специализации».

Главную тяжесть в защите террористической тактики вновь пришлось взять на себя Чернову. В большой речи он ответил оппонентам и выдвинул новые аргументы в поддержку политического терроризма. Чернов достаточно убедительно показал, что разговор в выступлениях Борисова, Береславцева и Воронова пошел не о приостановке террора, а о его полном прекращении.

Пункт за пунктом он пытался опровергнуть аргументы критиков.

Во-первых, он заявил, что партия не собирается использовать террор в качестве средства устрашения и не намерена, подобно «Революционной мысли», «допугать правительство до реформ». Он вновь повторил известные положения о связи терроризма с массовой борьбой; противопоставлять «отдельный террористический факт» всей картине борьбы было, с его точки зрения, некорректно. Террористическая борьба «вносила свои штрихи во всю картину, ...интимно переплеталась со всем ее содержанием, всему придавала свой оттенок и на себе отразила смысл всего происходящего». Она отвечала определенным потребностям массового движения, прежде всего, временной дезорганизации правительственных сил.

Во-вторых, партия никогда не собиралась применять тактику индивидуального террора против целого класса; в отличие от террора фабричного и аграрного политический терроризм направлен на разрушение «боевого и защитного механизма» господствующих классов. Разъясняя смысл этого положения, Чернов довольно неуклюже говорил: «тот факт, что известное

¹ Вопрос о терроре... С. 21—22.

лицо при существующем режиме оказывается эксплуататором, не есть еще моральное основание для покушения на его жизнь, поскольку это лицо нейтрально в борьбе двух боевых и защитных механизмов, постольку и мы уважаем его нейтралитет; и лишь постольку оно вмешивается в эту борьбу активно и постольку этим своим вмешательством оно нам вредит, постольку целесообразно с нашей стороны и это лицо, и это учреждение намечать, как центр наших ударов».

В-третьих, рассматривая проблему терроризма с точки зрения этики, Чернов напомнил, что партия считает террор «печальным оружием». Это средство «тягостное», но вынужденное и ставить в вину террористам пролитие крови можно не больше, чем участникам вооруженных восстаний, баррикадных боев и т.д. Психологическая опасность привыкания к насилию, крови, существует не только в деле террора, но и в других отраслях партийной деятельности, связанной с боевой работой. «Специализация» здесь неизбежна и, защищая террористов от упреков в «кавалергардской психологии», а руководителей БО в «антрепренерстве» в деле террора, Чернов заметил: «Острой бритвой можно порезаться, но это не значит, что нужно скоблить себя тупой бритвой».

Ничего нового в защиту террора Чернов, в общем-то, не сказал. Не было оригинальным и средство, которое главный идеолог партии предложил для повышения эффективности террористической борьбы — использовать достижения технического прогресса. Рассценивая террор как разновидность войны, он указал на новые способы ее ведения в современных условиях, в том числе под водой; вполне справедливым было предположение об использовании недавно народившейся авиации в военных целях. Для специфических целей террористов особое значение имел прогресс в изготовлении взрывчатых веществ, а также возможность производить взрывы на расстоянии. «Террор будет террором в действительном смысле этого слова только тогда, когда он будет революционным применением наивысшего для данного момента технического знания, — полагал Чернов, — либо мы должны по-

ставить своей задачей поднять террор на необходимую высоту, либо не из-за чего и огород городить»¹.

«Технические» рассуждения Чернова были безупречны. И предыдущий, и последующий опыт применения террористической тактики продемонстрировал, что только в случае учета террористами достижений, современной технологии они могли использовать тактику устрашения и дестабилизации ситуации в той или иной стране; радиоуправляемые взрывные устройства, пластиковая взрывчатка, отравляющие вещества, даже радиоуправляемые ракеты вошли в арсенал современных террористов. Однако проблема заключалась не в этом. Терроризм, в конечном счете, должен был оказывать определенное воздействие на власть и на общество; если теракты вызвали отвращение или просто не более чем равнодушное любопытство, значит, их политическое значение было равно нулю, сколь бы совершенными ни были технологии уничтожения, применявшиеся террористами. Попытки преодолеть кризис террористической тактики при помощи технических усовершенствований были столь же продуктивны, как лечение рака посредством гипноза.

Определяющей в подходе к террористической тактике была оценка политической ситуации. Эсеровский же ЦК оценивал ее совершенно неадекватно. Если считать, что революция закончена, то террористические акты для данного момента запоздали, справедливо замечал Чернов. Но дело как раз и заключалось в том, что он и его товарищи по ЦК исходили из того, что революция не кончена. Отсюда, развивал свою мысль Чернов, «мы логически влечемся к выводу, что агрессивной тактикой, в связи с теми условиями, которые существуют и продолжают действовать в России, мы можем вызвать непосредственно, в связи с этими условиями, период нового общественного подъема и нового революционного кризиса»².

Таким образом, при отсутствии массового движения, при том, что партия приняла решение бойкотировать выборы в Думу у нее, собственно, не оставалось выбора. Террористическая тактика, однажды уже

¹ Вопрос о терроре... С. 34—35, 44—45.

² Там же. С. 40.

принесшая ей успех, казалась партийным лидерам по-прежнему весьма эффективным способом борьбы, несмотря на изменившиеся условия и **азефовскую** катастрофу. Они так и не поняли, что нельзя дважды войти в одну и ту же воду.

При голосовании за приостановку террора высказалось четыре делегата, против — двенадцать, при троих воздержавшихся. Из представленных на Совете партийных организаций за приостановку террора голосовала одна, против — шесть, воздержались трое. Протоколы следующего заседания Совета уже не публиковались, так как на нем решались конкретные вопросы, связанные с реализацией принятого курса на дальнейшее применение террористической тактики. Любопытно, что на этом заседании были отменены ограничения, наложенные II Съездом партии на боевую деятельность областных организаций. Впрочем, все эти споры и устрашающие решения остались по большей части фактом истории революционной теории и психологии. Практического значения, как показала жизнь, они почти не **имели**¹.

Любопытно, что в ходе дискуссии на Совете, носившей достаточно теоретический и отвлеченный характер, были высказаны взаимоисключающие предположения, которые истории было угодно проверить «экспериментально». «**Северский**», выступая уже после второй речи **Чернова-Гарденина**, подверг его аргументацию критике с «методологической» точки зрения, Чернов ссылаясь на теракты 1902—1905 гг., сыгравшие свою роль в деле «возбуждения» революции, а также на четыре покушения накануне Второй Думы, превратившие полосу «уныния». Но ведь «не мне же учить тов. Гарденина, — иронизировал «**Северский**», — что история пишется только один раз. Современные естествоиспытатели говорят, что "природа бывает только раз", что же и говорить про историю?»

В столь же ироничной манере «**Северский**» говорил, что подкопаться под иные аргументы Чернова

¹ О тщетных попытках возродить Боевую организацию в 1909—1911 гг. см.: **Городницкий Р.А.** Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901—1911 гг. М., 1998. С. 184—234; **Морозов К.Н.** Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. С. 396—442.

нельзя. Например, Чернов говорит: «ведь вы же не можете доказать, что акт в отношении Столыпина не вызовет движения, не можете потому, что не знаете из опыта аналогичного случая. А я вот утверждаю, что движение будет, — да еще какое! То же и в отношении цареубийства!» — «Действительно, что скажешь против того, когда опыта в аналогичных условиях не было! Я вот думаю, что даже из цареубийства сейчас ничего, кроме скверного анекдота, не вышло бы, а тов. Гарденин от убийства Столыпина ожидает всего, чего хотите. Но если тов. Гарденину позволено надеяться, то и мне позволено сомневаться. Мы оба здесь одинаково неуязвимы, ибо тов. **Гарденин** тоже не имеет еще опыта в аналогичных условиях **моих**, «от ума» идущих, сомнений опровергнуть не **может**!»¹.

Через два года после этой дискуссии «опыт» был произведен. 1 сентября 1911 г. **Д.Г.Богров**, революционер, находившийся в связи с охранкой или же охранник, причастный к революционному движению, смертельно ранил в Киевском оперном театре председателя Совета министров П.А.Столыпина. Из этого, точно в соответствии с предсказаниями «Северского», получился для революционеров «скверный анекдот». Конечно, покушение Богрова носило особый характер; он не выступал от лица какой-либо партии (симптоматично, что за год до осуществления покушения он предлагал эсерам произвести его от имени их партии). Тем не менее, показательно, что никакой реакции в народе это покушение не вызвало.

Общество же отнеслось к нему с недоумением, граничащим с отвращением. П.Б.Струве, посвятивший этому событию специальную, опубликованную по «горячим следам» статью, писал, что «широкие общественные круги... с поразительной, болезненной апатией

¹ Вопрос о терроре... С. 48—49. Кстати, сам «Северский» не был принципиальным противником террора. Он лишь считал необходимым объявить «антракт», чтобы, собравшись с силами, **осуществить** на практике «чудные сказки **тов.Гарденина**». «Северский» заявил, что он отказывается от террора — «несдержанного рефлекса, от террора мечтательного, романтического. Довольно размахивать руками. Террор — несдержанный рефлекс пусть умрет. Террор расчетливый, холодно-расчетливый, начинающий органические д в и ж е н и я и тесно связанный с ними, террор сосредоточенно-вдумчивый да живет!» (Там же. С. 50—51).

отнесли к известию о киевском событии. Но при всей апатичности широкого общества и при всем глубоко несочувственном отношении его преобладающего либерально настроенного большинства к политике правительства и его главы, впечатление от выстрела 1 сентября было все-таки совершенно недвусмысленное. Его можно охарактеризовать как непреодолимое естественное отвращение». Струве совершенно справедливо писал, что «киевское событие свидетельствует лишь о вырождении террора и ни о чем более»¹.

Убийство Столыпина осудили и кадетская «Речь» и либеральное «Русское слово», назвавшее покушение «безумием». Октябристский «Голос Москвы» был недалек от истины, заявив, что «выстрел в Киеве — последний выстрел революции, ибо он осужден всей Россией». Конечно, не все осуждали убийство Столыпина, но было совершенно очевидно, что никакого «возбуждающего» революционного действия теракт не произвел. ЦК партии социалистов-революционеров опубликовал заявление о непричастности к убийству Столыпина. На страницах «Знамени труда», с одной стороны, разумеется, не выразили никакой печали по поводу смерти премьер-министра, сравнив его репрессивный режим с временами Ивана Грозного. С другой стороны, эсеры осудили средства, которые использовал Богров для осуществления покушения (если считать его революционером) — связь с охранкой и т.п. Отсюда, по мнению эсеровского публициста, теракт потерял свое моральное оправдание, ибо оно заключается в том числе в «безупречности тех средств и путей, которыми осуществляется террористический акт»².

Анонимный автор статьи как будто не заметил, что он уподобился унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекала. Ведь наиболее славные теракты Боевой организации — убийства Плеве и великого князя Сергея Александровича были осуществлены под руководством провокатора, наверняка использовавшего свое знание полицейских приемов изнутри. «Знамя труда» обрушило град упреков на либеральную прессу, едино-

¹ Струве П.Б. Преступление и жертва. Т. Преступление — впервые опубликовано в журнале «Русская мысль». 1911. Кн. X. Цит. по: История терроризма в России. С. 514.

² Террор и дело Богрова // Знамя труда. Октябрь 1908. № 38. С. 6.

душно осудившую не только теракт Богрова, но и использование террористических методов вообще. На страницах газеты либералам напоминали об их восторгах, по поводу убийства Плеве, о том, что напор «друзей слева» выдвинул в свое время кадетов на «политическую авансцену». Эсеры-ортодоксы по-прежнему не видели разницы между Плеве и Столыпиным, между Россией 1904 и 1911 года. Что же касается убийства Столыпина, то оно действительно стало последним в стране «громким» террористическим актом. Оно было по-своему символично; покушение Богрова свидетельствовало о вырождении террора; оно же знаменовало крах «охранительной» политики правительства. Столыпин, убеждавший Думу в том, что заведомый провокатор Азеф — честный агент правительства, пал от руки другого агента. Впрочем, где кончается революционер и начинается провокатор, различать становилось все труднее.

Новый удар по престижу террора вообще и партии эсеров в частности был нанесен «делом Петрова», приключившимся через год после азефовской катастрофы и почти за два года до покушения Богрова. Эсер А.А.Петров-Воскресенский, будучи арестованным, дал откровенные показания и согласился сотрудничать с полицией. Затем покаялся перед революционерами и стал вести двойную игру. Под столом его конспиративной квартиры в Петербурге, содержавшейся на средства охранки, была смонтирована «адская машина». Когда к Петрову «в гости» пришел начальник Петербургского охранного отделения полковник С.Г.Карпов, «хозяин» вышел якобы для того, чтобы поставить самовар, и соединил электрические провода... Взрывом мины Карпов был убит; Петров арестован и вскоре повешен¹.

¹ Недавно К.Н.Морозовым было высказано предположение, что Петров готовился некоторыми чинами охранки на «роль» Богрова, историк выдвинул ряд остроумных, но, на наш взгляд, недостаточно подкрепленных источниками версий «дела Петрова» // Индивидуальный политический террор в России: XIX — начало XX века. М., 1996. С. 76—86; его же. Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. С. 443—483).

Дело Петрова вызвало некоторую оторопь даже в привыкшем ко всему русском обществе. Эсеры затеяли дискуссию по проблемам партийной этики, а социал-демократы всласть надо всем этим покуражились. Приведу большой отрывок из статьи Л.Д.Троцкого «Терроризм, провокация и революция», опубликованной в его газете «Правда» 1(14) января 1910 г. Статья интересна как по существу, так и по тону; терроризм становился не только **страшен**, но и смешон: «... Начальник охранного отделения расположился выпить чайку на квартире у террориста. Доверенный шпик снял с ноги сапог и мирно раздувал самовар. Оба чувствовали себя, надо думать, превосходно, ибо сапог шпика и конспиративный самовар и квартира террориста, — все было куплено и обставлено за счет неистощимого государственного бюджета. И все закончилось бы ко всеобщему удовольствию, если бы под полковником, в сиденье кресла, не оказалось заделанной бомба. Правда, бомба совсем особенная, построенная на государственной счет, — так что даже г.Милюков несомненно вотировал на нее средства, когда подавал в Думе свой голос за бюджет. Тем не менее, когда хозяин-террорист нажал кнопку, государственная бомба разорвалась точь-в-точь так же, как если бы она была на средства "боевой организации" — и прекратила не только **карповское** чаепитие, но и **карповскую** карьеру.

Так как жандармские полковники не во всех конспиративных квартирах вешают на стенку мундир и надевают туфли, то приходилось с самого начала предположить, что прежде чем охранник нашел нужным напиться чаю у террориста, террорист приходил пить чай к охраннику. Так оно и оказалось. Только по утверждению правительства охранник был, что называется, душа нараспашку, террорист же распивал с ним чай не от чистого сердца, а выполняя приговор некоторой организации, которая считала, что сильно поодвинет вперед дело освобождения масс, если подложит охранному полковнику под седалищную мякоть два фунта гремучего студня. Это же истолкование петербургскому взрыву дают парижские центры социалистов-революционеров. Возможно, что и так. Но с **точки** зрения политической это, в конце концов, совершенно все равно. Для нас, для простецов, для непосвященных, для массы, — а в ней ведь вся суть — тут

ясно и отчетливо выступает один факт: бомба бесследно утратила политическую физиономию. Теперь после каждого динамитного взрыва обеим сторонам приходится спрашивать друг друга: "Где ваши? Где наши?" Где кончается самоотвержение, где начинается жирно смазанная **провокация?**..»¹

На V Совете партии весь состав ЦК, признавший свою политическую и моральную ответственность за азефовщину, ушел в отставку (**А.А.Аргунов**, Н.Д.Авксентьев, М.А.Натансон, **Н.И.Ракитников** и В.М.Чернов). Тогда же была образована судебная следственная комиссия по делу Азефа. В комиссию вошли А.Н.Бах, **С.М.Блеклов (Сенжарский)**, С.А.Иванов (Берг), **В.В.Лункевич (Араратский)**. Председателем комиссии был избран старый народоволец Бах. По-видимому, это было не случайным. Бах, еще в 1900—1901 гг. принимавший участие в «объединительных» попытках, приведших к образованию партии социалистов-революционеров, в партию формально вступил лишь в 1905 г., поскольку был не согласен с тактикой индивидуального террора, ею применявшейся. С началом революции, когда началось массовое движение, он счел возможным пренебречь своими антитеррористическими **настроениями**².

¹ Троцкий Л. Соч. М.; Л., 1926. Т. IV. С. 362-363.

² Вот что о своем отношении к терроризму писал сам Бах: «Когда возникли разговоры о **конституировании** единой партии с.-р., и были устроены совещания по этому поводу, я в некоторых из них тоже принимал участие. Вначале камнем преткновения был именно вопрос о терроре, так как значительная часть присутствовавших к нему относилась без энтузиазма, если не отрицательно. Но потом в умах произошел резкий поворот, и в сторонниках террора оказались, к моему великому огорчению, такие люди, как Л.Э.Шишко и С.Н.Слетов, которых, по моему крайнему разумению, ничто к этому не предназначало. Что касается меня, то, не быв сторонником террора во времена "Народной воли", я не мог стать им после того, как опыт применения его дал, по моему глубокому убеждению, вполне доказательные результаты. Я смертельно опасался, что партия с.-р. повторит опыт "Народной воли", и что опять тощие коровы поедят жирных. И в общем, несмотря на блестящую партийную эпопею эпохи 1905—1907 гг., мои опасения, к несчастью, оправдались». (Бах А. Памяти С.Н.Слетова // Памяти Степана Николаевича Слетова. Париж, 1916. С. 22).

Возглавляемая Бахом комиссия провела достаточно дотошное следствие; свою задачу комиссия понимала широко; ее интересовали не только конкретные обстоятельства провокации Азефа, но и то, как это в принципе стало возможно, почему террор и его руководители заняли столь исключительное положение в партии. Кстати, протоколы показаний, которые давали комиссии видные деятели партии эсеров, составляют бесценный материал для ее истории. Комиссия «сняла показания» с В.М.Чернова¹, А.А.Аргунова, Н.Д.Авксентьева, С.Н.Слетова, Н.И.Ракитникова, Б.В.Савинкова, Н.С.Тютчева, В.М.Зензинова, Б.Н.Моисеенко и др. Были опрошены едва ли не все члены ЦК и другие руководители партии, члены Боевой организации, включая заместителя Азефа — Савинкова, предоставившего в распоряжение комиссии рукопись **своих**, ставших впоследствии знаменитыми, воспоминаний. В дополнение к «Воспоминаниям» Савинков дал подробные показания.

В 1911 г. «Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа» было опубликовано. Оно представляло из себя брошюру объемом свыше 100 страниц. Это был исторический анализ, начинавшийся со времени образования партии и весьма нелицеприятный для ее прежнего руководства. Комиссия пришла к выводу, что для руководителей партии вопрос о терроре был решен в положительном смысле с самого начала ее существования и проблема заключалась лишь в том, как ввести его в программу, поскольку партийные массы не смотрели на террор столь однозначно. Что же касается «центральных элементов партии», то «террористическое настроение проходит красной нитью» через всю их историю, «вплоть до самого последнего времени»².

Комиссия выяснила, что финансирование Боевой организации шло зачастую за счет сокращения расходов на другие отрасли партийной работы; «преувели-

¹ Показания В.М.Чернова были опубликованы под названием «Из истории партии С.-Р. Показания В.М.Чернова по делу Азефа в следственной комиссии партии с.-р.» // Новый журнал. (Нью-Йорк). 1970. № 100, 101.

² Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа. Б.М., 1911. С. 11-12.

ченно-террористическое» настроение партийного руководства создало благоприятную почву для азефовщины. Удачная, с точки зрения ее создателей, конструкция взаимоотношений ЦК и БО, когда последняя была связана с партией по существу лишь «личной унией» ее руководителя, комиссии представлялась совершенно ненормальной и способствовавшей тому, что БО стала орудием в руках Азефа. С другой стороны, комиссия обращала внимание на атмосферу поклонения и безграничного доверия, сложившуюся «вокруг лиц, удачно практиковавших террор», прежде всего вокруг Азефа. Особое положение террористов в партии привело к складыванию у них «кавалергардской» психологии, к их отрыву от общепартийной работы¹.

Выводы и рекомендации комиссии свелись к трем основным моментам:

«1) Что партия с.-р., как социалистическая по существу, может отводить в своей деятельности террору лишь строго определенное место и не должна допускать развития террора за счет других отраслей партийной деятельности;

2) Что, сообразно с этим, боевое дело, как и всякая другая отрасль партийной деятельности, должно быть поставлено в строго партийные рамки; существование надпартийных и даже внепартийных боевых организаций, пользующихся партийными силами и средствами, не подлежащих действительному контролю центральных органов партии, абсолютно недопустимо;

3) Что, в интересах партийной этики, необходимо избегать продолжительной специализации партийных работников на боевом деле, что создает в них известного рода профессиональные навыки, идущие вразрез с социалистическими идеалами партии; такого рода уменьшение специализации, может быть, до некоторой степени ослабит производительность боевого дела, но, несомненно, благоприятно отразится на общей экономике партии»².

Несмотря на оговорки, что комиссия исходит из положения о том, что в большинстве своем партия

¹ Заключение... С. 13-14, 20-22, 37-38.

² Указ. соч. С. 95.

стоит за террор и что потому террор «ввиду современных политических условий в России, ею применяться **будет**»¹, это было фактически надгробное слово эсеровскому терроризму. Точнее, террористической легенде, над созданием которой столь много потрудились эсеровские литераторы, в особенности Борис Савинков. А без «легенды» террор терял в значительной степени свой романтизм, привлекательность. «Заключение...» ликвидировало последнюю надежду на чудо; не удивительно, что оно вызвало взрыв возмущения в партийной среде.

Р.А.Городницкий, посвятивший специальную статью анализу показаний Б.В.Савинкова и его взаимоотношениям со следственной комиссией, высказал предположение, что за кулисами следственной комиссии стоял М.А.Натансон, стремившийся занять руководящее положение в партии. Он вступил в партию в ноябре 1905 г. и менее, чем другие члены ЦК, был связан с Азефом. Поэтому компрометация других лидеров партии выдвигала его на первый план. К тому же он, по мнению Городницкого, **испытывал** давнее недоверие к эсеровским методам боевой работы. Направление и стиль работы комиссии были предопределены позицией Баха и тесно связанными с ним по народовольческому прошлому Ивановым и **Блекловым**; в работе комиссии царил дух корпоративности и обвинительный, по отношению к Боевой организации и вообще постановке террористической борьбы в партии, уклон. **Городницкий** обращает также внимание на то, что **Блеклов** был в партии человеком новым, вступившим в нее только в 1909 г., ни с кем в ней, кроме Баха, тесно не связанным и потому «особо рьяно» выполнявший его **указания**².

С нашей точки зрения, исследователь некритически воспринял версию, высказывавшуюся в письмах Савинкова и П.В.Карповича, а также оказался под известным влиянием показаний «первого пера» эсеров-

¹ Заключение... С. 95.

² Городницкий Р.А. Б.В.Савинков и Судебно-следственная комиссия по делу Азефа // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1995. С. 199-203.

ского **терроризма**¹. В результате причина и следствие поменялись местами; Городницкий соглашается с Карповичем, что «Заключение...» Судебно-следственной комиссии — «это удар для террора почище Азефа». С точки зрения исследователя, такую роль «Заключения...» определили «активное стремление отвлеченного моралиста Баха покончить с БО в целом, как со структурой» и «нетерпеливое желание «генерала от революции» Натансона единолично обосноваться наверху партийной иерархии, оттерев всех возможных конкурентов». В результате «после окончания работы Судебно-следственной комиссии партия эсеров с молчаливого одобрения ее руководства перестает практиковать **центральный террор**»².

На самом деле в прекращении «практики» центрального террора главную роль сыграли не происки Баха или Натансона, а, как уже говорилось выше, разочарование и усталость общества от насилия, деморализация партии и, в этих условиях, постоянные неудачи попыток восстановить БО и предпринять нечто на **практике**³. Разумеется, ничего странного не было и в том, что в **Судебно-следственную** комиссию включили старых революционеров с незапятнанной репутацией, не связанных с БО и прежним составом ЦК; их выводы об обособленности БО от общепартийной деятельности, об особой, «цеховой» психологии террористов, о приоритете террора по сравнению с другими видами партийной работы трудно было оспорить.

¹ На исследователя, похоже, оказал влияние даже несколько приподнятый стиль савинковской прозы. Вот как Городницкий пишет о показаниях Савинкова: «В них голос Савинкова звучит как гимн умирающему террору, как лебединая песня боевого движения, как оправдание перед судом истории и немногих уцелевших, и навсегда умолкнувших бунтовщиков. Показания Савинкова — последний в истории эсеровского террора «панегирик» участникам безнадежной борьбы, слепцам и фанатикам — словом, всем тем, кто, по признанию Ивана Каляева, хотел свести свой идеал с неба своей души на землю» (Городницкий Р.А. Указ. соч. С. 242).

² Там же.

³ См.: Б.В.Савинков и Боевая организация ПСР в 1909—1911 / Публ. К.Н.Морозова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 18. С. 243-314.

Но чем точнее были наблюдения комиссии, тем болезненнее они воспринимались заинтересованными лицами. Кстати, среди тех, кто резко негативно отреагировал на «Заключение...» был и Натансон, которому Карпович приписывал «постановку» деятельности комиссии. В марте 1911 г., когда «Заключение...» было в основном готово, с ним ознакомили бывших членов ЦК с тем, чтобы они внесли фактические поправки. В отличие от Чернова и некоторых других, Натансон отказался сделать это. Он писал в комиссию 1 апреля 1911 года: «Уважаемые товарищи! Ввиду того, что ваш доклад является обвинительным актом и в то же время судебным приговором, а между тем вы не только лишили нас права защиты, но даже отказались выслушать по существу, — я нахожу совершенно бесполезным делать мелкие фактические поправки (поправки по существу исключаются, ведь, вами)»¹.

По тону это письмо Натансона ничем не отличается, скажем, от возмущенных высказываний и писем того же Савинкова по поводу «Заключения...». Год спустя после публикации «Заключения...», когда страсти, казалось, могли бы и улегаться, он писал ветерану революционного народничества Ф.В.Волховскому о том, что БО и он лично были оскорблены «Заключением...» Судебно-следственной комиссии. Поскольку ЦК партии официально не опроверг выводы комиссии, то он фактически устраняется от дел. «Не скрою, — писал Савинков, — что если бы ЦК официально пригласил меня на работу, я бы отказался по приведенной выше причине: моральная связь порвана, — БО оскорблена, а ЦК промолчал, т.е. санкционировал оскорбление»².

Старый народник испытывал сходные чувства: «Заключение» С.С.Комиссии «я считал с самого прочтения его во всех отношениях несостоятельным и вредным. Комиссия, кроме порученной ей Партией определенной и конкретной задачи — расследовать проис-

¹ АГИ. Собр. Б.И.Николаевского. 12-9. Письмо М.А.Натансона в Судебно-следственную комиссию, 1 апреля 1911. Автограф.

² АГИ. Коллекция Ф.В.Волховского. Кор. 4. Б.В.Савинков — Ф.В.Волховскому, 27/IV.1912. Автограф. На ту же тему письмо Савинкова Волховскому от 12 апреля 1912 г.

хождение азефской измены и провокации с ее последствиями, присвоила себе функцию суждения о смысле, практике и происхождении террора вообще — чего ей никто не поручал и высказалась по этому пункту против одного из основных положений нашей тактики и философии»¹.

Систематической критике подверглось «Заключение...», а заодно и, возможно, еще в большей степени, эсеровский ЦК со стороны лидера Парижской группы социалистов-революционеров и редактора «Революционной мысли» Я.Л.Юделевского. Он подверг «Заключение...» разбору в брошюре «Суд над азефщиною», которая по объему превышала само «Заключение...». Юделевский, последовательный и непримиримый сторонник терроризма, считал ССК орудием ЦК. Ее задача, по мнению Юделевского, заключалась в том, чтобы переложить ответственность за случившиеся с ЦК на БО и связать азефовщину с психологией террористов. В неудаче террористической борьбы был виноват прежде всего ЦК, считал Юделевский, который обесценил террор «нерешительностью его теоретического обоснования и колебаниями в его практическом осуществлении». Террор был обессилен его «фактическим неделанием»; ЦК допустил физическую гибель террористов, поручив его руководство провокатору, опозорил его, допустив «ассоциирование с ним провокации». Теперь ССК пытается еще и «наложить клеймо азефовщины на самую душу террористов»².

¹ Б.В.Савинков и Боевая организация ПСР. Ф.В.Волховский — Б.В.Савинкову, б/д [апрель 1912].

² Липин А. (Я.Л.Юделевский). Суд над азефщиною. Paris, 1911. С. 64—65. Кстати, выводы, которые по горячим следам разоблачения Азефа были сделаны Парижской группой, находившейся гораздо «левее» ЦК, в значительной степени сходны со многими мыслями, сформулированными позднее в «Заключении...»: «Существование провокатора в центральных учреждениях партии, в течение стольких лет, несмотря на самые энергичные и настойчивые указания на это, шедшие из самых разнообразных источников, — не может быть явлением случайным. Причины этого кроются во всем строе организации партии, в тех нравах, в той партийной психике, которая господствовала в ней с самого их основания и с которыми наша группа не переставала бороться». (Извещение Парижской группы партии социалистов-революционеров. Листок № 1. О провокаторе Азефе.

Однако главным «открытием» Судебно-сле!@BCKS, по мнению Юделевского, было то, что в азефовщине была виновата сама террористическая борьба; т.е. задачей комиссии являлась не только дискредитация БО и ее членов, но самой террористической тактики. Идеи партийных теор;ndlt пропаганды, массового движения и террора, который должен занять свое, строго определенное место в партийной деятельности, способствовали лишь распылению сил. Нельзя рассчитать правильного соотношения указанных элементов, также как нельзя противопоставлять террор социализму: «социализм так же мало может противопоставляться террору либо росту его в интенсивности и объеме, как всякая задача может противопоставляться методу ее решения».

«Социалист, — писал Юделевский, — только в определенных общественных условиях становится террористом. Но раз он им становится, он необходимо должен действовать так, чтобы средство могло вести и действительно вело его к цели... террор надо делать как следует, или вовсе его не делать... нельзя террор делать вполювину». Результатом же «гомеопатического применения» террористической тактики может быть то, что многочисленные жертвы окажутся напрасными и все придется начинать сначала, в гораздо менее благоприятной обстановке.

Причины недооценки партией террора Юделевский усматривал в эклектичности ее идеологии, соединявшей народничество и марксизм, «со всеми пережитками идеализации масс и исторического процесса». Назвав подобные теории невежественной схоластикой, он напомнил о роли организованного революционного меньшинства, сознававшегося народовольцами, и преданного забвению их последователями, чересчур оглядывавшихся на вошедших в моду социал-демократов; настолько, что временами трудно стало различать между ними **разницу**¹.

Париж, 1909. С. 2). Правда, мнения о нравах, организации и партийной психике оказались у ССК и Парижской группы в конечном счете диаметрально противоположными.

¹ Юделевский Я.Л. Суд на азефовщину. С. 67—73.

Юделевский предупреждал об опасности отказа не только от терроризма, но и от революционной идеологии и тактики вообще. Впрочем, для него единственной реальной революционной тактикой оставался терроризм. «Валаамовы ослицы» антитерроризма хотят стать «такою же партией, как иные прочие», предупреждал он. — «Некоторые из них хотят заменить террор участием в 4-й Думе. Идет, грядет **воинствующий культурник**». Итак, для крайних левых в партии эсеров отказ от терроризма означал превращение революционеров в культурников, подобно тому, как это случилось после разгрома «Народной воли» в 1880-е годы¹.

Другой известный партийный публицист, входивший одно время в эсеровский ЦК, Е.Е.Колосов, также высказывал опасения относительно возможного увлечения партии «парламентаризмом» за счет терроризма: «Судя по той легкости, — писал он в том же 1911 году, — с которой ныне у нас даже нашими официальными руководителями "ликвидируются" даже такие органические части нашей тактики, как, например, террористическая борьба, вне которой не может быть партии социалистов-революционеров, и, напротив, судя по той готовности, с которой эти стороны нашей деятельности заменяются "парламентаризмом" в лице IV Думы., — судя по всему этому, партии социалистов-революционеров предстоят в ближайшем будущем горькие дни тяжелых испытаний»².

Колосов открыто декларировал, что выступает «в защиту старых позиций» (подзаголовок его статьи об отношении к Думе) и находил необходимым «перенести террористическую борьбу в низы общественной жизни». Т.е., сделать как раз то, в чем многие деятели партии видели причину дискредитации террора. «Это не потому, — разъяснял Колосов, — что я желал бы оставить верхи неприкосновенными. Это потому, что и террористическую борьбу нам нужно начинать в известном смысле сначала. Нам нужно снова пройти тот путь, который мы прошли раньше, от нас требует

¹ Юделевский Я.Л. Указ. соч. С. 81—82.

² Колосов Е.Е. Как нам относиться к Государственной Думе (Из области партийной этики). Париж, 1911. С. 30.

этого и общее состояние страны, и положение партийных сил»¹.

Однако нельзя было дважды войти в одну и ту же воду. Это все-таки поняла часть эсеровских лидеров. «Правые», получившие по названию единственного ими выпущенного номера журнала «Почин» наименование «починовцев»² (В.И. Ленин писал их «эсеровскими меньшевиками»), пересмотрели ортодоксальное отношение к террору. В редакционной статье первого номера журнала говорилось: «Новые формы жизни порождают новые методы деятельности. Они же делают ненужными многие из старых. Одним из таких методов необходимо признать политический террор. Историческое значение политического террора не может быть оспариваемо. Возобновленный в канун революции, он будил политическое сознание. Террористические удары сливались с возрастающим гулом надвигающегося народного движения. Во время открытого столкновения он развивался и шел вместе с массовым напором. Так было. И так может быть снова в момент взрыва. Но не так обстоит дело теперь. Террор не

¹ Колосов Е.Е. Указ. соч. С. 4. «Партийные силы», однако, думали во многом иначе, нежели их вожди. «...делать нечего — жизнь ушла вперед, — писал в «Известиях заграничного комитета партии социалистов-революционеров» (1911, № 13) начинающий в то время литератор М.А. Осоргин. — Не ушла — ускакала, умчалась на шнельцуге, упорхнула на биплане. А наша великолепная колымага стоит на месте в гордом величии деревянных колес с гербом "[Партия] с[оциалистов]-р[еволюционеров]" и с горбом насохшей на нем грязи азефовского происхождения... Мы застыли на вчерашнем, а вчерашнее умерло сегодня на рассвете». Осоргин не хотел даже вступать в спор о том, что делать: «начинать ли сначала, или — сызнова, или остаться при прежнем, гордо держа "Знамя труда" над польсевшей головой», полагая, что прежде чем спорить о тактике, надо уяснить для себя основные вопросы жизни (статья М.А. Осоргина «Личное мнение» цит. по: De visu. 1994. № 3/4(15). С. 5—7).

² В редакцию журнала «Почин», единственный номер которого вышел в июне 1912 г. в Париже, входили Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков-Фондаминский, Б. Воронов (Б.Н. Лебедев) и С.Н. Слетов (Ст. Нечетный). «Починовцы» объявили себя чисто литературной группой, ведущей пропаганду своих идей в рамках партии; идейная «широта» ПСР это, в принципе, допускала. Подробнее см.: Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров. С. 587—599.

может теперь играть своей прежней политически-воспитывающей роли, ибо та сознательность, которую могла дать примитивная пропаганда путем террора, уже имеется и не отсутствие сознательности обуславливает современную реакцию. Террор теряет и свое возбуждающее значение, ибо революционное движение в стране далеко еще не достигло той степени напряженности, когда единичные революционные акты могут способствовать переходу накопившейся революционной энергии масс в действенное состояние»¹.

Несмотря на то, что «Почин» признавал террор целесообразным только для «настоящего времени», но отнюдь не отказывался от него принципиально, взгляды «починовцев» по вопросу о терроризме, также как и их «ликвидаторские» идеи об участии в IV Думе подверглись критике на страницах «Знамени труда»² и не были приняты большинством партии.

В партии, по крайней мере на страницах эмигрантской периодики по-прежнему преобладали иные взгляды на террор. «Знамя труда» в начале 1912 г. с удовлетворением отмечало, что в социал-демократическом «Форвертсе» в статье «Возрождение политического террора в России» (так германские социал-демократы оценили убийство Столыпина, знаменовавшее не возрождение, а закат терроризма) ничего специально не говорится против террора. Далее следовала очередная апология актов центрального террора, которые «как никак... наиболее громки, наиболее волнуют и потрясают всех. Они слышны повсюду и если они намечены и проведены удачно, если они понятны массам и действительно отвечают оскорбленной совести и попоранному достоинству трудового народа, то их влияние, при самой неблагоприятной (для революции) политической конъюнктуре, не может не быть огромно и благотельно. Быть может, оно не проявится в немедленных действиях. Но нравственная атмосфера станет здоровее, нормальнее (курсив мой. — О.Б.)»³.

¹ От редакции // Почин. 1912. № 1. Цит. по отдельному оттиску, хранящемуся в коллекции Б.И. Николаевского в Архиве Гуверовского Института. Кор. 629. Папка 11.

² См.: Знамя труда. 1912. Сентябрь. № 45. С. 1—6.

³ Еще о терроре // Знамя труда. 1912. Январь. № 39. С. 7.

Что касается практики, то «боевизм» практически полностью сошел на нет. Любопытно, что, по воспоминаниям **А.Н.Баха** один из бывших членов ЦК, кстати, конфликтовавший с Азефом, **С.Н.Слетов**, заявил председателю ССК, что считает «**Заключение...**» совершенно неправильным. В руководящих сферах партии не господствовало террористическое настроение; анти-террористические выводы, которые, несмотря на все оговорки, вытекают из «**Заключения...**» Комиссии «будут иметь для партии чрезвычайно вредные последствия». Для предотвращения этих негативных последствий **Слетов** поехал в Россию.

«Ехал он с той мыслью, — вспоминал **Бах**, — что в партии есть боевые силы, которые не мирятся с создавшимся положением и горят желанием смыть пятно, наложенное азефщиною на БО и на Партию. А в действительности он встретил по отношению к террору частью полное равнодушие, частью нехорошее предубеждение. «Получалось такое впечатление, — говорил **Слетов**, — если бы партии удалось свалить самого царя, партийные люди прежде всего заподозрили бы тут провокацию»¹. Вернувшись из России, **Слетов** пересмотрел свои взгляды на террор, по крайней мере на возможность и целесообразность его применения в тогдашних условиях; он стал одним из основателей «Почина».

Много лет спустя **С.П.Постников**, в **1912—1914** годах секретарь редакции легального эсеровского журнала «Заветы», а в период эмиграции — сотрудник Русского заграничного исторического архива в Праге, писал в подготовленной им, но так и не увидевшей свет статье об эсерах в годы Первой мировой войны: «...просматривая протоколы Заграничной Делегации за **1913** и **1914** гг., можно убедиться, что и **заграничники** в это время не особенно форсировали работу русских групп и относились очень осторожно ко всяким нелегальным начинаниям. К этому же времени был совершенно изжит такой циничный для партии с.-р. метод борьбы, как политический **террор**»².

¹ Бах А. Памяти **С.Н.Слетова** // Памяти **Степана Николаевича Слетова**. Париж, 1916. С. 26, 29—30.

² **Постников С.П.** В годы мировой войны (корректурa неопубликованной статьи) // АГИ. Собр. **Б.И.Николаевского**. 11-8.

«Изжит», однако, он был совсем не потому, что эсеровские вожди осознали его циничность; не применяли его в силу внешних условий, а не внутренней убежденности. В официальном партийном органе в **1914** году, когда не существовало никаких организационных партийных боевых групп, в статье, предвещающей публикацию сводной таблицы террористических актов, осуществленных эсерами, говорилось: «Во весь период русской революции террор идет впереди, как показатель накопления народом революционной энергии, готовой прорваться наружу... террор не есть средство, кем-нибудь выдуманное, кем-нибудь созданное для своих целей. Террористические нападения — это авангардные стычки народной армии, это ее боевой клич: прочь с дороги, революция идет!.. Террор перестал практиковаться в России не по причинам провокации, а по более глубоким причинам, лежащим в психологии народных масс. И как только пройдет переживаемый момент застоя и народного молчания и наступит период подъема революционной волны, террор явится опять, как один из методов борьбы, снова займет свое место в авангарде **революции**»¹.

Большинство эсеровских лидеров отказывалось понять, что терроризм умер; после дела **Азефа** невозможно было возродить ореол вокруг героев террора: они казались или неумы или подозрительны. Любопытно, что много лет спустя один из достаточно активных деятелей партии, близко соприкасавшийся с руководителями БО, **М.М.Шнееров**, выражал уверенность, что лидеры партии знали о связях **Азефа** с охранкой, но закрывали на это глаза, так как это было выгодно для успехов **террора**². Последовавшие за разоблачением

¹ **Ивич М.** Статистика террористических актов // Памятная книжка социалиста-революционера. (Париж), 1914. Вып. II. С. 6.

² **Шнееров**, который, что весьма существенно, жил несколько в отрыве от основного «массива» русской эмиграции, в Калифорнии (Беркли) и не был знаком с многочисленными публикациями по поводу дела **Азефа**, появившимися в **1920—1930-е** годы, что исключало различные «литературные» реминисценции, писал **В.М.Зензинову**, обосновавшемуся в послевоенные годы в Нью-Йорке: «Как бы мы ни относились к **Савинкову**... никто из нас не может и не будет отрицать, что он был очень умным человеком. • Его

Азефа скандалы, такие, как дело Петрова, публикация записок **Рутенберга** об обстоятельствах убийства Гапона, ницшеанская проза **Савинкова**¹, воспринятая читающей публикой как подлинная исповедь **террориста**²,

сталкивание и близость с Азефом были на 100 процентов... САВИНКОВ АЗЕФА ЗНАЛ. Он не мог его не знать. У них было слишком много одинаково беспринципных черт. Если Савинков НЕ ЗНАЛ, что Азеф — провокатор, он, по-моему, безусловно подозревал, что Азеф "тер свои плечи" (rubbed shoulders) с охранниками... и подозревая и считая себя умнее, этим хотел пользоваться, — свои подозрения, разумеется, скрывая...» (Шнееров М.М. — Зензинову В.М., 29 мая 1953 // АГИ. Собр. Б.И. Николаевского. 12-18).

¹ А.М.Горький писал А.В.Амфитеатрову вскоре после начала публикации в эсеровских «Заветах» романа В.Ропшина-Савинкова «То, чего не было», что он «даст очень солидный материал гасителям духа и тем, кто любит плясать на могилах» (Горький — Амфитеатрову. Между 20 и 27 мая 1912 // Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка (Литературное наследство. Т. 95). М., 1988. С. 394). В ответном письме Амфитеатров сравнивал Ропшина с авторами антинигилистических романов 1860—1870-х годов Н.С.Лесковым, В.В.Крестовским и В.П.Клюшниковым (Амфитеатров — Горькому. 28.V.1912 // Там же. С. 396). Подробнее о полемике вокруг произведений Савинкова см.: Келли А. Самоцензура и русская интеллигенция // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 57—61; Могильнер М. Мифология «подпольного человека». М., 1999. С. 102—120, 133—152.

² Впрочем, отождествляла Савинкова с героями его произведений не только «публика». Возможно, наиболее отчетливо сформулировал отношение к Ропшину и его созданиям части товарищей по партии уже цитировавшийся М.М.Шнееров: «"Жорж", — писал он о главном герое "Коня Бледного", — не выдуманный характер. Это — циник, нарцисс, самовлюбленный эгоцентрист с железной волей, верующий только в себя — это г. Савинков». — Письмо Зензинову от 29 мая 1953 г. Шнееров утверждал, что в отличие от Зензинова, порвавшего с Савинковым в 1911 г., он не хотел с ним иметь дела уже в 1906-м. Шнееров считал, что «самовлюбленный негодяй и революционный авантюрист (Савинков) — покрывал другого негодяя — предателя (Азеф). Форма и степень их психопатологии была разная. Оба они были садистами и Революция и предательство служили их личным демоническим целям. Морально они считали себя сверхчеловеками, которым позволено то, что не позволено простым смертным». «Они были прототипами Берии и Маленкова», — добавил в запале Шнееров. (Шнееров М.М. —

в глазах общества. Бурные дискуссии о терроре в эмигрантской печати вызывали интерес лишь нескольких десятков неудачливых революционеров. Лишившись моральной и материальной поддержки общества, терроризм был обречен на исчезновение.

Терроризм умер; но осталось преклонение перед насилием, идея о том, что на пути в царство справедливости придется переступить через некоторое количество трупов. Осталась привычка к насилию, остались «кадры», успешно претворявшие в жизнь идеи о массовом терроре или партизанской войне. Когда несколько лет спустя им выпал еще один шанс изменить мир, они его не упустили.

Зензинову В.М. [июль 1953] // АГИ. Собр. Б.И.Николаевского. 12-18. На страницах «Революционной мысли» после публикации «Коня Бледного» героя савинковской повести сравнивали с Азефом: «К русскому терроризму прикоснулись и пресмыкающийся Азеф и гарцующий "Конь бледный". Удар копытом может быть иногда опаснее змеиного жала. Азеф — шпион, он **вождедец** по натуре и по профессии. Жорж — террорист. И у террориста оказалась почти та же психика, что и у **вождедца** — шпиона!.. Если среди русских террористов действительно находятся Жоржи, то погиб террор и погибла русская революция». (Сиверский (В.К.Агафонов). Memento mori! // Революционная мысль. 1909. Июль. № 5. С. 3).

IV. Анархизм и терроризм

1. Происхождение анархистского терроризма

Анархистские взгляды были широко распространены среди русских революционеров-народников еще в 70-е годы XIX века. **Бакунистские** идеи были одними из самых влиятельных (если не самыми влиятельными) среди народников. Однако как самостоятельное общественно-политическое движение анархизм в России оформился в начале XX в¹. В России первые анархистские группы были созданы в 1903 году, а в 1907 г., на который приходится пик активности анархистского движения, деятельность анархистских групп была отмечена в 3/4 губерний и областей России. Анархистские группы были сравнительно немногочисленны — «активистов» насчитывалось приблизительно 5—7 тыс. чел.² Однако шума они наделали много. По мнению американского историка Анны Гейфман, большая часть среди 17 тыс. жертв террористических актов начала века находится «на совести» анархистов, несмотря на то, что по численности они не шли ни в какое сравнение с эсерами и социал-демократами. Правда, надо учитывать и тот факт, что различные криминальные и полукриминальные элементы нередко оправдывали свои деяния, используя анархистскую фразеологию³.

Известный исследователь терроризма У.Лакер пишет, что анархисты не внесли никакого теоретичес-

¹ Сводку мнений по вопросу о времени зарождения анархизма в России см. в кн.: Колин В.В. Анархизм в России. Калинин, 1969. С. 51—54.

² См. подробнее: Анархисты // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 62—86; Кривенький В. Анархисты // Политические партии России: Конеч XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 32—35.

³ Geifman A. Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894—1917. Princeton, 1993. P. 124—125.

кого вклада в дело вооруженной борьбы в России; его точку зрения разделяет **А.Гейфман**¹. Если имеется в виду, что русские анархисты заимствовали многие террористические идеи, так же как и некоторые практические способы их осуществления у своих западных единомышленников, то спорить не приходится. В этом смысле они не были «пионерами» терроризма, подобно народовольцам. Однако, с нашей точки зрения, отрицать идеологическую подготовку анархистского террора в России неправомерно; как и во всех других случаях, действию предшествовало слово и анархистским терактам, какими бы нелепыми ни казались некоторые из них, предшествовало определенное теоретическое обоснование. Разумеется, большинство исполнителей терактов имело о теории достаточно отдаленное представление; но «первотолчком» и в данном случае была идея, мысль.

Анархистский террор представляет собой самостоятельную разновидность этого способа борьбы, основывается на других принципах, нежели терроризм политический. В основе его лежит идея «пропаганды действием»; такой знаток теории и истории терроризма, как **З.Ивиански** даже считает, что современный терроризм начался с лозунга «пропаганды действием»², впервые провозглашенного делегацией итальянской федерации анархистского Интернационала 3 декабря 1876 г.³ 5 августа 1877 г. свою интерпретацию лозунга «пропаганда действием» опубликовал французский инженер, один из видных идеологов анархизма Поль

¹ Laqueur W. Terrorism. Boston—Toronto, 1977. P. 42; Geifman A. Op. cit. P. 125.

² Нидерландский историк **А.Шмид** справедливо полагает, что появление идеи «пропаганды действием» стало возможным в связи с технологической революцией в средствах коммуникации, начавшейся в 1870-е годы (**Schmid A.P.** Terrorism and the Media: The Ethics of Publicity // Terrorism and Political Violence (October 1989). Vol. 1. № 4. P. 539-565). По остроумному замечанию **У.Лакера**, которое приводит **Шмид**, «средства массовой информации — лучшие друзья террористов» (Ibid. P. 539).

³ Iviansky Z. Individual Terror: Concept and Typology // Journal of Contemporary History. 1977. Vol. 12. № 1. January. P. 45.

Бруссе¹. Исходя из того, что печатная пропаганда недоступна большинству рабочих и крестьян по той причине, что они просто неграмотны, Бруссе полагал, что боевой акт привлечет их внимание, заставит их мыслить. Если даже сам по себе он закончится неудачей, то идея, ради которой он совершен, проникнет в массы, будет жить в глазах и лицах людей, которые кричали от восторга во время его **осуществления**².

Лично Бруссе был противником политических убийств, однако в идее «пропаганды действием», как справедливо замечают В.В.Витюк и С.А.Эфилов, «содержалась возможность перехода к террористической практике». Несколько лет грозные заявления анархистов оставались не более чем декларациями. В июле 1881 года на конгрессе анархистов в Лондоне было решено перейти от теории к практике. В 1880-е начинается, а в 1890-е годы достигает своего пика террористическая кампания, проводившаяся анархистами разных стран; наиболее кровавой и драматичной она оказалась во **Франции**³. Дела и слова французских анархистов послужили во многом примером их российским собратьям.

Французские анархистские газеты призывали уничтожать сельских жандармов, мэров, иных государственных служащих, а также собственников и саму собственность, в каком бы виде она ни находилась. Газета «Революционное действие» призывала смело прини-

¹ Статья Бруссе «Пропаганда действием» была подготовлена при поддержке П.А.Кропоткина и впервые опубликована на французском языке в «Бюллетене Юрской федерации», издававшемся в Берне (Швейцария) (Fleming M. Propaganda by the Deed: Terrorism and Anarchist Theory in Late Nineteenth-Century Europe // Terrorism: An International Journal. (N.Y.). 1980. Vol. 4. № 1. P. 4-5). См. о Бруссе подробнее: Stafford D. From Anarchism to Reformism: A Study of the Political Activities of Paul Brousse, 1870—90. London, 1971.

² См.: Iviansky Z. Op. cit. P. 45. См. также: Витюк В.В., Эфилов С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. С. 39—40.

³ Приводимые далее сведения по истории анархистского терроризма во Франции и других европейских странах почерпнуты нами в указанном выше исследовании В.В.Витюка и С.А.Эфилова, с. 42, 50—53.

маться за дело, используя огонь, кинжал, яд, «чтобы каждый удар, нанесенный в социальное тело буржуазии, проделал в нем глубокую рану». В 1892 г. анархист **Равашоль** произвел подряд три взрыва, два в домах крупных судейских чиновников, причастных к осуждению анархистов, и один — в воинской казарме. 10 декабря 1893 г. анархист Огюст Вайян бросил бомбу в палате депутатов французского парламента в **Бурбонском** дворце. Жертв не было.

Однако Вайян был казнен в январе 1896 г., а неделю спустя анархист Эмиль Анри бросил бомбу в кафе «Терминус», причем при взрыве 20 человек было ранено и один убит. Десять лет спустя подобные акции были осуществлены российскими анархистами в Одессе и Варшаве. В чем заключался смысл теракта, осуществленного Анри? Среди пострадавших, по его мнению, «невинных не было». В кафе собрались буржуа или по крайней мере те, кто позволил себе развлекаться за счет угнетенных. После теракта Анри французские анархисты еще несколько месяцев производили аналогичные покушения. В мае того же года Эмиль Анри был гильотинирован. Его речь на суде стала своеобразным анархистским «канонам». Она была переведена на русский язык и издана женеvской группой анархистов в 1898 г.¹

По наблюдению П.Аврича, многие речи русских анархистов перед судом были парафразом знаменитой речи Анри². Это относится, в частности, к речи на суде Моисея Меца, одного из участников теракта в кафе Либмана в Одессе в декабре 1905 г. Мец говорил: «Мы, анархисты-коммунисты, — признаем устную и печатную агитацию и пропаганду нашего мировоззрения среди угнетенной массы, и систематический, неустанный, единичный и массовый террор против частной собственности, частных собственников, власти и представителей власти. Каждый эксплуататор достоин смерти; каждая капля его крови, вся его жизнь, богатства, сотканы из силы, пота и крови тысяч порабо-

¹ Речь Эмиля Анри перед судом. Женева, 1898; перепечатано в: Вольная воля. 1903. № 2.

² Avrigh P. The Russian Terrorists. Princeton, New Jersey, 1967. P. 68.

щенных, насильно обираемых. Каждый представитель достоин смерти!»¹

Кстати, в отместку за утверждение смертных приговоров **Вайяну** и **Анри** президент Франции **С.Карно** был убит анархистом **Казерио**. Громкие террористические акты были осуществлены также испанскими, итальянскими, американскими анархистами. Среди них были убийства премьер-министра Испании **Кановаса** (1897), австрийской императрицы **Елизаветы** (1899), короля Италии **Умберто** (1900), президентов США **Гарфилда** (1881) и **Мак-Кинли** (1901). Неоднозначную реакцию даже в самой анархистской среде вызвал взрыв бомбы в театре **Лисео** в **Барселоне** в 1893 г., в результате которого погибло 20 и было ранено 50 человек. Бомбу бросил анархист, ранее подвергавшийся пыткам.

Таким образом, российские анархисты оказались в известном смысле «наследниками» опыта западноевропейских и американских террористов анархистского толка. Как справедливо пишет **В.В.Кривенький**, «возрождение российского анархического движения произошло за границей, в условиях эмиграции». Анархистские группы возникли в Швейцарии, Франции, Германии, Болгарии, США. Из них наибольшее значение имели «Группа русских анархистов-коммунистов за границей» (Женева, 1900-1901), лидером которой был **М.Э.Дайнов** и возникшая там же в 1903 г. другая группа анархистов-коммунистов, взявшая себе название «Хлеб и воля» (лидер — **Г.И.Гогелия**) и выпускавшая одноименный печатный орган². Многие лидеры возникших в России анархистских групп бывали за границей, знакомились с литературой и деятельностью западноевропейских анархистов. Правда, в начале XX века анархистский терроризм в Европе практически сошел на нет. Так что «каналы» влияния международного анархизма на российский достаточно очевидны.

Огромное влияние на российских анархистов оказал один из его основоположников, «классик» мирово-

¹ Буревестник (Париж). 1907. № 5. С. 13.

² Кривенький В. Анархисты // Политические партии России. С. 32.

го анархизма **П.А.Кропоткин**. Причем его влияние было не только опосредованным, через многочисленные печатные работы, но и личным — несмотря на немолодой возраст, он активно включился в практическую деятельность, принимал участие в различных съездах и конференциях, вел обширную переписку. Один из историков в начале века, говоря об «отцах-основателях» российского анархизма, остроумно заметил, что «**Бакунин** создал фанатический, а **Кропоткин** лирический анархизм. Спустя тридцать лет они еще царствуют над партией. Террористы придерживаются бакунистской традиции, теоретики следуют по большей части за **Кропоткиным**»¹.

Замечу, что **Бакунин**, кроме периода краткого, но бурного «романа» с **Нечаевым**, террористическими идеями не грешил. Он относился к терроризму «как методу революционной борьбы... настороженно», — резонно замечают современные исследователи анархизма². «Политическая резня никогда не убивала партий, — писал **Бакунин** по поводу терроризма, — в особенности она оказывалась бессильной против привилегированных классов... Чтобы совершить радикальную революцию, нужно поэтому повести нападение на положение и на вещи, разрушить собственность и государство, а тогда не придется уничтожать людей и обрекать себя на неминуемую и неизбежную реакцию, без которой никогда не обходилось и не обойдется во всяком обществе массовое убийство людей»³.

По поводу покушения **Каракозова**, осужденного **Герценом** на страницах «**Колокола**», **Бакунин** писал своему старому другу: «... ни за что в мире я не бросил бы в **Каракозова** **камня**... Ни в каком случае мы здесь не имеем право судить его, ничего не зная о нем, ни о причинах, побудивших его к известному поступку. Я так же, как и ты, не ожидаю ни малейшей пользы от

¹ Галеви Д. Анархизм и социализм. М., 1906. С. 12.

² Исаев А.К., Олейников Д.И. Бакунизм нуждается в более серьезном изучении // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 121.

³ Текст **М.А.Бакунина** «Программа и цели революционной организации интернациональных братьев» цит. по указ. выше статье **А.К.Исаева** и **Д.И.Олейникова**, с. 121.

цареубийства в России, готов даже согласиться, что оно положительно вредно, возбуждая в пользу царя временную реакцию, но не удивляюсь отнюдь, что не все разделяют это мнение, и что под тягостью настоящего, невыносимого, говорят, положения, нашелся человек менее философски развитой, но зато и более энергичный, чем мы, который подумал, что гордиев узел можно разрезать одним ударом. Несмотря на теоретический промах его, мы не можем отказать ему в своем уважении и должны признать его "нашим" перед гнусной толпой лакействующих **царепоклонников**¹.

Таким образом, теоретически Бакунин был скорее противником индивидуального террора, хотя осудить террориста категорически отказывался. Для него это было невозможно с точки зрения революционной этики. Впрочем, несмотря на критику Бакуниным индивидуального террора, выводы из его учения, предполагавшего для начала разрушение старого мира, можно было делать весьма далеко **идущие**².

Что же касается Кропоткина, его отношение к терроризму, ставшему едва ли не главным средством достижения своих целей для считавших себя его последователями, по меньшей мере, неочевидно.

¹ Письма М.А.Бакунина к А.И.Герцену и Н.П.Огареву. СПб., 1906. С. 291. См. также: Пирумова Н.М. Бакунин. М., 1970. С. 255-256.

² Н.М.Пирумова, доказывая, что система идей Бакунина противоположна террористическим воззрениям Нечаева, в то же время считает, что старый революционер несет моральную ответственность за появление на свет таких произведений Нечаева, как «Катехизис революционера» и «Начало революции», проповедовавших, среди прочего, терроризм (Пирумова Н.М. Указ. соч. С. 296—302). В.Страда полагает, что Бакунин несет не только моральную ответственность за «Катехизис...»: «Никто из ученых, — пишет он, — даже те, кто хочет оправдать Бакунина и считать Нечаева "монстром", не приводят решающих доказательств в пользу того, что автором "Катехизиса" является один лишь Нечаев... В ожидании неоспоримых доказательств физической непричастности Бакунина к сочинению "Катехизиса" можно **утверждать**, что в духовном смысле он, безусловно, тоже **был** его отцом» (Страда В. Гуманизм и терроризм в русском революционном движении // Революционный радикализм в России: Век девятнадцатый. М., 1997. С. 539).

2. П.А.Кропоткин и проблема революционного терроризма

Определить отношение Кропоткина к терроризму непросто. С одной стороны, М.И.Гольдсмит справедливо писала, что «он был всегда крайне чувствителен ко всему, что походило на безответственный призыв к опасному делу: право призывать к революционным актам он признавал только за тем, кто сам совершает их; поэтому в революционной литературе нет ни одной его статьи о **терроре**»¹. С другой — известный исследователь терроризма У.Лакер столь же справедливо зачислил Кропоткина в основатели одного из течений современного терроризма. «Другим главным центром террористической мысли, — пишет Лакер, — был ранний анархизм. Роль, которую могут сыграть несколько отчаянных людей, не удовлетворяющихся словами, убедительно показана в «Бунтовском духе» князя П.Кропоткина, впервые опубликованном в «**Le Revolte**» (Женева, 1880)².

Кропоткин никогда в принципе не отрицал террор. Однако его отношение к целесообразности этой тактики и ее эффективности было довольно осторожным. «Покуда революционная партия говорит: долой самодержавие и объявляет войну одному самодержавию, она хотя и расшатывает самодержавие, но не расшатывает ни одну из тех основ, на которых зиждется правление привилегированных классов. Борьба должна быть направлена главным образом на экономические, а не на политические формы», — писал Кропоткин «Молодой партии «Народной воли»³.

Таким образом, Кропоткин считал борьбу народовольцев обреченной на неудачу. Ведь даже в случае их успеха в борьбе за изменение политического **устройст-**

¹ Корн М. (М.И.Гольдсмит). П.А.Кропоткин и русское революционное движение // Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине смерти П.А.Кропоткина. Чикаго, 1931. С. 185.

² The Terrorism Reader: A Historical Anthology. London, 1979. P. 48. У.Лакер перепечатал «Бунтовской дух» в своей антологии рядом с произведениями С.Г.Нечаева, НА.Морозова, Г.Г.Романенко и др.

³ ГА РФ. Ф. 1129. Оп. 1. Ед. хр. 46. Цит. по: Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972. С. 104.

ва общества, он был бы сведен на нет, ибо при сохранении экономических основ существующего строя положение народных масс осталось бы прежним. Однако Кропоткин «не становился против этого движения, а, наоборот, поддерживал его, стараясь дополнить агитацией в народе»¹.

В своей газете «*Le Revolte*» Кропоткин приветствовал первые террористические акты, принявшие вскоре у народовольцев характер систематической борьбы, разъясняя в то же время недостаточность только политической борьбы. «Мы вполне разделяем идеи наших друзей из партии "Народной воли" о необходимости смести русское тираническое правительство, — писал он по поводу выхода первого номера "Народной воли". — Но мы не согласны только с тем, что ниспровергнуть самодержавие можно без народных масс. Если народные массы в России остаются спокойны, если крестьяне не восстают против помещиков, что может сделать горсть революционеров? Никакая серьезная политическая революция невозможна, если она в то же время не имеет характера социально-экономической революции»².

Поэтому Кропоткина интересует не столько непосредственное влияние терактов на политику правительства, сколько их воздействие на народные массы. Он подчеркивает, что террор расшатывает в народе веру в неприкосновенность царей как «помазанников божьих». После выстрела **А.К.Соловьева** Кропоткин писал, что он «несомненно, отзовется сильным эхом в миллионах крестьянских изб, где нужда и нищета убили всякую надежду на лучшее. Этот выстрел разбудит спящих и заставит лишний раз подумать о том, за что борются революционеры. Не проходят даром и бесчеловечные преследования революционеров правительством — они возбуждают внимание и интерес к революции широких масс»³.

¹ ГА РФ. Ф. 1129. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 104. Письмо П.А.Кропоткина М.И.Гольдсмит. Цит. по: Пирумова Н.М. Указ. соч. С. 104.

² *Le Revolte*. 1879. № 20. Цит. по: Лебедев Н.К. П.А.Кропоткин и народовольцы // 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 121—122.

³ *Le process de Solovieff (La vie d'un Socialiste russe)*. Geneve, 1879. P. 24. Цит. по: Лебедев Н.К. П.А.Кропоткин и народовольцы. С. 123.

Аналогичные мысли высказывал Кропоткин в статье по поводу царевубийства 1 марта 1881 года: «...Конечно, нечего надеяться, что Александр III изменит политику своего отца... Значение события 1 марта важно не с этой точки зрения. Событие на Екатерининском канале имеет для нас большое значение прежде всего потому, что это событие нанесло смертельный удар самодержавию. Prestиж «помазанника Божия» потускнел перед простой жестянкой с нитроглицерином. Теперь цари будут знать, что нельзя безнаказанно попираť народные права. С другой стороны, сами угнетаемые научатся теперь защищаться... Как бы то ни было, первый удар, и удар сокрушительный, нанесен русскому самодержавию. Разрушение царизма началось, и никто не сможет сказать, когда и где это разрушение остановится...»¹

Двадцать лет спустя Кропоткин оставался на тех же позициях. Вспоминая о положении дел в России в конце 1870-х годов, он писал, что «когда под влиянием выстрела Засулич, вооруженного сопротивления якобинцев в Одессе и виселиц небольшая кучка молодежи решила пойти на террор, теоретически отдавая должное внимание деревенским восстаниям, на деле они думали только об одном — терроре политическом для устранения царя. Я же считал, что революционная агитация должна вестись главным образом среди крестьян для приготовления крестьянского восстания. Не то чтобы я не понимал, что борьба с царем необходима, что она выработает революционный дух. Но, по моему, она должна была быть частью агитации, ведущейся в стране, и отнюдь не всеми, и еще менее того — исключительным делом революционной партии.

Лично я не мог себя убедить, чтобы даже удачное убийство царя могло дать серьезные прямые результаты, хотя бы только в смысле политической свободы. Косвенные результаты — подрыв идеи самодержавия, развитие боевого духа, — я знал, будут несомненно. Но для того, чтобы всей душой отдаться террористической борьбе против царя, нужно верить в величие

¹ *Le Revolte*. 1881. № 2. Цит. по.: Лебедев Н.К. Указ. соч. С. 12.

прямых результатов, которые можно добыть этим путем. Этому-то я и не мог верить до тех пор, пока террористическая борьба против самодержавия и его сатрапов не шла бы рука об руку с вооруженной борьбой против ближайших врагов крестьянина и рабочего и не велась бы с целью взбунтовать народ. Но хотя о такого рода агитации и говорилось в программах, особенно "Земли и воли", но на деле никто не хотел заниматься ею, а Исполнительный комитет и его сторонники прямо-таки считали такую агитацию вредной. Они мечтали двинуть либералов на смелые поступки, которые вырвали бы у царя конституцию, а всякое народное движение, сопровождающееся неизбежно актами захвата земли, убийствами, поджогами и т.п., по их мнению, только напугало бы либералов и оттолкнуло бы их от революционной партии.

...Я глубоко убежден, — заключал Кропоткин, — что в настоящую минуту (лето 1899 г. — *О.Б.*) для России необходимо крестьянское восстание как единственный исход для теперешнего положения»¹.

Однако впоследствии, возможно, под влиянием успехов эсеровского террора, Кропоткин несколько изменил свои взгляды относительно прямых последствий удачных терактов. Говоря об убийстве С.М.Кравчинским начальника Третьего отделения Н.В.Мезенцева, Кропоткин подчеркивал, что нападение на шефа жандармов не было «просто товарищескою мстью», подобно выстрелу Веры Засулич. Покушением Кравчинского «объявлялась война одной из главных опор государственной политики в России, — всемогущей тайной государственной полиции, стоявшей выше всех законных властей и бесконтрольно державшей в своих руках судьбы интеллигенции в России... удавшееся покушение на шефа жандармов имело, в свое время,

¹ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966. С. 348—349. Четверть века спустя после образования «Народной воли» Кропоткин писал своим молодым товарищам: «Когда создали Исполнительный комитет, я не мог к **нему** пристать по многим причинам. Но мешать им мы не **имели** права, и я считал нашею святою обязанностью стоять за **них** и нести ответственность за их действия. И тогда я был **прав**» (Письмо П.А.Кропоткина «хлебовольцам», 10 мая 1904) // АГИ. Собр. Б.И.Николаевского. 81-9. В собрании Николаевского находятся машинописные копии писем Кропоткина.

такое же решительное влияние на ход событий в России в революционном направлении — какое имело недавнее нападение на министра внутренних дел Плеве. Оно подрезало на несколько лет силу государственной полиции и подсекло, на время, опиравшийся на него государственный **строй**»¹.

Роль революционного меньшинства Кропоткин видел прежде всего в возбуждении революционной активности масс, подталкивании народа к восстанию. Об этом — зажигательные строки «Бунтовского духа»: «Когда в какой-нибудь стране общее положение становится революционным, но дух протеста еще недостаточно развит в массах, чтобы проявиться в шумных уличных демонстрациях, бунтах или восстаниях — тогда именно делом удается меньшинству пробудить чувство личного почина и смелость, без которых невозможна никакая революция. Люди чувствующие, люди, которые не удовлетворяются словами, а стремятся осуществить свои мысли в жизни, неподкупные характером, для которых дело нераздельно связано с мыслью, для которых тюрьма, изгнание, смерть — лучше, чем жизнь, несогласная с убеждениями, люди отважные, которые знают, что для успеха необходимо умение решиться, — являются застрельщиками. Они начинают сражение задолго до того времени, когда возбуждение в массах станет настолько сильным, чтобы они открыто подняли знамя восстания и пошли с оружием в руках на завоевание своих прав.

...Выступления, привлекающие всеобщее внимание, открывают идее доступ в умы и вербуют ей новых приверженцев. Один такой акт делает иногда в один день больше пропаганды, чем тысячи брошюр.

Важнее всего то, что он будит бунтовской дух, пробуждает в людях смелость... Скоро начинает обнаруживаться, что существующий государственный «порядок» не так силен, как думали раньше. Какого-нибудь смелого акта оказывается достаточно, чтобы весь правительственный механизм расстроился: чтобы великан пошатнулся...»²

¹ Кропоткин П.А. Воспоминания о С.М.Степняке-Кравчинском // Степняк-Кравчинский С.М. Собр. соч. СПб., 1907. Ч. 1. С. XVIII.

² Кропоткин П.А. Бунтовской дух // Кропоткин П.А. Речи бунтовщика. Пг.; М., 1921. С. 275—277.

Несомненно, что в число таких «актов» Кропоткин включал и акты террористические. Опираясь на примеры из истории Великой Французской революции, он указывал, что «крестьянское восстание было подготовлено, с одной стороны, ...общим угнетением и обеднением крестьян, а с другой стороны **агитациею**, которую вели среди народа люди, вышедшие из самого народа и нападавшие на его непосредственных врагов: на помещика, на богатого попа, на хлеботорговца, скупавшего хлеб по деревням у голодных мужиков, на сытого купца, хуторянина... И не раз и не два случалось, что около помещичьего замка находили чей-нибудь труп, пронзенный кинжалом, у которого к рукоятке была привязана надпись: "От **Жаков!**". В другом месте Кропоткин отмечает в качестве фактов, отражавших недовольство масс и оказавших в то же время агитационное воздействие на парижан, убийства Фулона и Бертье («скупщики хлеба и **грабители**»)¹.

Он, по сути, призывает к аграрному и фабричному террору, отвергнутому народолюбцами, и рассматривает террор как пропаганду действием, которая должна быть понятна массам.

В начале 1890-х годов, после ряда кровавых (и нередко не мотивированных) террористических актов (Беркман, Равашоль и др.), произведенных анархистами в США, Франции, Испании и вызвавших возмущение в обществе, Кропоткин выступил в защиту террористов. С.Яновский вспоминал, что когда он, после актов Равашоля выступил публично с осуждением этой «плохой и опасной» тактики, Кропоткин «с жаром **сказал-де**, кто чувствует себя старыми и трусливыми, сделают лучше, если отойдут совсем и предоставят борющейся и идущей вперед молодежи идти своим собственным революционным путем. В общем он был против того, чтобы такие террористические акты **предавались** анафеме. По его мнению, ни один террористический акт не был делом отдельного лица; что позади всякого действия, вероятно, должна быть целая группа людей и что поэтому мы никогда не можем сказать, что эти люди, стоящие в центре битвы, не знают, что они делают». Правда, по словам того же

¹ Там же. С. 290-292, 286.

мемуариста, позднее Кропоткин говорил ему, что «пропаганда действием не может быть принята, как анархическая **тактика...**»¹.

Последнему свидетельству вполне можно верить. Определенные изменения во взглядах Кропоткина на террористическую тактику отмечают, независимо друг от друга, мемуаристы, встречавшиеся с ним несколько лет спустя. **А.Таруга**, участник съезда анархистов в Лондоне в декабре 1904 года, вспоминал, что его рассказ о терроре, принявшем в России «разливной» и «местами уродливый характер», вызвал негодование Кропоткина, которое было «столь велико, что словами трудно дать о нем верное представление. Отмеченные... уродства были для него логическим и неизбежным последствием нашей тактики. В подтверждение этого **П.А.** приводил нам факты из разных периодов террористической деятельности в России. Цитировал имена, рассказывал кошмарные факты из практики, имевшие место во Франции, в эпоху Равашоля, в Испании и в Италии... **П.А.** решительно и страстно требовал самого вдумчивого, осторожного и внимательного отношения к террористическим методам борьбы. Он горячо призывал учесть опыт терроризма, строго взвешивать каждый шаг и считаться с возможными последствиями террора как для самих товарищей, так и для всего **движения**»².

В таком же духе Кропоткин высказывался и год спустя, на совещании российских анархистов в Париже. «В то время в России, — писал участник совещания **Ив. Книжник**, — особенно в Белостоке, анархисты совершали экспроприации и занимались "безмотивным" террором, и это давало повод многим грабителям пользоваться вывеской анархизма... для своих корыстных целей. **П.А.** доказывал, что эта тактика не правильна. Он не отрицал террора, но требовал, чтобы его применяли лишь в исключительных случаях, когда он может давать большой стимул для революционного движения масс. Экспроприации **П.А.** совершенно от-

¹ Яновский С. Кропоткин, каким я его знал // Интернациональный сборник... С. 219.

² **Таруга А.** П.А.Кропоткин // Сборник статей, посвященных памяти П.А.Кропоткина. Пг.; М., 1922. С. 165—166.

рицал, т.к. считал, что они дискредитируют революцию, главная сила которой в нравственном **обаянии**»¹.

Очевидно, что требование осторожности в применении сильных средств противоречило ранним взглядам Кропоткина на террор как проявление стихийного протеста масс или отдельных личностей. Ведь нельзя дозировать стихийные явления!

Кроме уже процитированных работ Кропоткина, обращают на себя внимание резолюции анархистского съезда, состоявшегося в декабре 1904 г. По воспоминаниям **М.И.Гольдсмит**, резолюция публиковалась только в том случае, если «на ней сошлись все»². Следовательно, Кропоткин разделял соображения о том, что «личные акты» «не могут быть результатом постановления организаций, а потому вопрос о том, следует ли прибегать в каждом данном случае к тем или другим террористическим актам, может быть решаем только местными людьми, в зависимости от местных и наличных в данный момент **условий**»³.

Столь же противоречивое впечатление производит резолюция «Об актах личного и коллективного протеста», принятая на съезде анархистов-коммунистов в Лондоне в октябре 1906 г. и проредактированная Кропоткиным⁴. В резолюции говорилось, что в анархистской литературе «неоднократно указывалось на неизбежность тех актов индивидуального или коллективного протеста против опор современного общественного строя, которые носят название террора. В неревolutionное время они служат часто признаком общест-

¹ Книжник Ив. Воспоминания о П.А.Кропоткине и об одной эмигрантской группе // Красная летопись. 1922. № 4. С. 33.

² Корн М. (М.И.Гольдсмит). П.А.Кропоткин и русское революционное движение // Интернациональный сборник... С. 187.

³ Корн М. (М.И.Гольдсмит). Указ. соч. С. 187.

⁴ Кропоткин придавал большое значение резолюциям съездов в Лондоне осенью 1906 года «как программе, вокруг которой можно объединить анархические силы; по большей части он и составлял первоначальный текст их, но с таким вниманием относился к каждой поправке... что получалась действительно коллективная работа» // Корн М. (М.И.Гольдсмит). Указ. соч. С. 189.

венного возбуждения и поднимают дух независимости в массе. Они подают пример личного геройства на служении общественному делу и тем самым будят равнодушное большинство; вместе с тем они подрывают веру в могущество политических и экономических угнетателей. В революционную же эпоху они становятся общим явлением... В такое время не нужно даже быть принципиальным революционером, чтобы сочувствовать такого рода актам. Но, признавая это общее положение, необходимо помнить, что значение каждого террористического акта измеряется его результатами и производимым им впечатлением».

Мерилом того, «какого рода акты содействуют революции, и какие могут оказаться напрасной тратой жизни и сил», является прежде всего то, что террористический акт должен быть «понятен всякому без длинных объяснений и сложной мотивировки... если же для понимания данного акта человеку из массы, не революционеру, приходится проделать целую головоломную работу, то влияние его сводится на нуль, или даже оказывается отрицательным; акт протеста превращается тогда в глазах массы в непонятное убийство».

«Деление террора на политический и экономический, на центральный или "разлитой", — говорилось в резолюции, — мы находим совершенно искусственным. Мы боремся одинаково с экономическим и политическим гнетом, с гнетом центрального правительства, как и с гнетом местной власти»¹.

В том же номере Листка «Хлеба и воли», в котором напечатана резолюция о терроре, можно найти и своеобразную иллюстрацию к ней в «Очерке анархистского движения в Екатеринославе». Незвестный корреспондент сообщал, что «прошлым летом был убит начальник тяги Екатерининской железной дороги Федоров, сыгравший позорную реакционную роль во время декабрьской забастовки и позднее... Об убийстве начальника тяги была выпущена **прокламация**..., в которой объяснялось, что убит он был за то, что уволил многих рабочих за декабрьскую забастовку и еще за 2 дня до смерти говорил рабочим, что если они

¹ Листок «Хлеба и воли». 1906. 30 окт. № 1. С. 7.

будут бастовать, то "мясо их будет валяться на улицах".

Позднее был тяжело ранен выстрелом директор завода Эзау, когда он проезжал в коляске по многолюдной Озерной улице. После первого выстрела жена его, ехавшая с ним, бросилась к нему и закрыла его собою. Стрелявший, чтобы не попасть в нее, прекратил стрельбу. Директор завода Эзау выдал многих активных рабочих, трудившихся под его началом, стрелявший скрылся.

После покушения на жизнь директора завода Эзау социал-демократы распространили слух, что рабочие против этого покушения, потому что этот директор — либерал; но рабочие на большом митинге единогласно выразили свою солидарность с этим актом.

...На днях убит неизвестно кем провокатор "Шурка"¹.

Похоже, что Кропоткин и его ученики именно такой «разлитой» террор считали понятным массам. Вопрос о соразмерности деяния (увольнение с работы) и наказания (убийство) не обсуждался. Впрочем, проблема ответственности идеологов и организаторов анархистского движения за террористические акты и их последствия легко снималась благодаря следующим рассуждениям: «Есть в вопросе о терроре другая сторона — организационная. Мы считаем, что террористический акт есть дело решимости отдельной личности или кружка помогающих ей товарищей; поэтому централизованный террор, в котором действующая личность играет роль исполнителя чужих решений, противен нашим понятиям. Как мы не считаем возможным удерживать товарищей от революционных актов во имя партийной дисциплины, так точно мы не считаем возможным и приглашать их отдать свою жизнь в деле, которое решено и предпринято не ими»².

Правда, впоследствии Кропоткин с осуждением отзывался о той волне терроризма, которая поднялась в России в годы революции. «Множество пало у нас

¹ Листок «Хлеба и воли». 1906. 30 окт. № 1. С. 10—11.

² Об актах личного и коллективного протеста // Там же. С. 7-8.

самой чудной, самоотверженной молодежи из-за пустейших и часто зловреднейших экспроприации, или из-за «распыленного террора», — писал он в 1909 г. — История вспомнит, конечно, имена этих мучеников идеи, шедших на верную смерть с мыслью, что своим примером они расшевелият, поднимут народные массы. Сердце кровью обливается при воспоминании об этих гордых, честных, безвременно погибших людях. Но мы должны сказать также, что выступи они в 1902-м, 1903-м, 1904-м году, когда именно в таких застрельщиках... была нужда, они неизменно подвинули бы русскую революцию, и даже придали бы ей другой характер».

Однако, когда массы уже зашевелились, люди с «революционным темпераментом» шли «снимать городских» вместо того, чтобы поднимать народ на «крупные революционные акты». «Героев, людей отваги личной, наша революция дала немало, отмечал Кропоткин, — но не дала она людей с отвагой мысли, способных внести революционную мысль в волнующиеся массы...»¹.

В подходе Кропоткина к проблеме терроризма, кроме стороны прагматической, была еще одна, для него, по-видимому, не менее важная — этическая. Ведь террористический акт, как бы то ни было — убийство, причем человека, личная вина которого не доказана никаким судом. И оправдано оно может быть лишь состоянием самого террориста или же в том случае, если является средством самозащиты. Причем хотел бы еще раз подчеркнуть, что для Кропоткина терроризм не является средством достижения цели, это — симптом революционного возбуждения масс и одновременно — стимул этого возбуждения. Поэтому для него важна не столько личность того, по отношению к кому совершен теракт, сколько личность самого террориста.

Кропоткин писал в «Этике анархизма»: «Перовская и ее товарищи убили русского царя, и все человечество, несмотря на отвращение к кровопролитию, несмотря на симпатию к тому, кто освободил своих

¹ Кропоткин П. Наши задачи // «Хлеб и воля». 1909. № 2. Июль. С. 4—5.

крестьян, признало, что они имели право на этот поступок.

Почему? Не потому, что этот акт был полезным: три четверти человечества еще сомневается в этом, но потому, что каждый чувствовал, что Перовская и ее товарищи ни за какие сокровища мира не согласились бы стать в свою очередь тиранами. Даже те, которым не известна эта драма в ее целом, тем не менее убеждены, что в этом поступке сказались не удаливость молодых людей, не попытка к дворцовому перевороту или стремление к власти, а ненависть к тирании, ненависть, доходящая до самоотвержения и смерти. «Эти люди», говорят про них, «завоевали себе право убивать...»¹.

Террор оправдан, если он является ответом на насилие. Теракт должен быть следствием эмоционального потрясения, а не холодного расчета. После гибели С.М.Кравчинского, одного из первых русских террористов, Кропоткин писал Н.В.Чайковскому: «Ну, а насчет террора вот что я тебе скажу. Люди, принимавшие в нем деятельное участие, личное участие, все, по мере того как факт отходил в прошедшее, начинали бояться, как бы их пример не повлек за собой молодой рисовки террором, как бы факты такие не случались без необходимой крайности, как бы люди молодые не прибегали к нему легкомысленно». В этом смысле Кравчинский «и говорил, и писал: «Террор — ужасная вещь, есть только одна вещь хуже террора: это — безропотно сносить насилие».

Когда живой рассказ заставлял его пережить злодейства, ну хоть французских штрафных батальонов, он становился террористом. Но он всегда боялся, как бы молодые люди не шли в террор без достаточно глубоких аффектов.

Оно — так. «Террор понимают только те, кто переживает аффекты, вызывающие его»².

За террористические акты на экономической или политической почве ответственность несут, в конеч-

¹ Кропоткин П. Этика анархизма (нравственные начала анархизма) // Этика. М., 1991. С. 303.

² Кропоткин П.А. — Чайковскому Н.В. 2 февраля 1895 г. // Русский исторический архив. Сборник первый. Прага, 1929. С. 307.

ном счете, правители, сами поставившие себя вне закона и не желающие идти навстречу требованиям народа, или общество, доведшее трудящихся до отчаяния. «Если бы Александр II проявил... хотя бы малейшее желание улучшить положение дел в России... если бы он проявил малейшее намерение ограничить власть тайной полиции, его решение приветствовали бы с восторгом. Одно слово могло бы снова сделать Александра II «освободителем»...» Однако в ответ на движение молодежи «он ничего не придумал, кроме назначения особых генерал-губернаторов, с полномочи-ем — вешать».

«Тогда и только тогда горсть революционеров — Исполнительный комитет... объявил войну самодержавию, которая после нескольких неудачных покушений закончилась в 1881 году смертью Александра II»¹.

«Станете ли вы.., — писал Кропоткин в другом месте, обращаясь к "молодому поколению", — требовать применения закона к несчастному, не слышавшему ни разу в жизни доброго слова, оскорбляемому с самого детства, за то, что он убил соседа из-за пяти франков? Потребуется ли вы, чтоб его казнили... этого преступника, вернее, больного, когда все общество ответственно за это преступление? ... Потребуется ли вы, чтоб послали на каторгу этого юношу, покушавшегося на коронованного убийцу, стоявшего вне закона?... — Если вы сознательно относитесь к окружающему, а не повторяете то, чему нас учили; если вы освободите закон от фикций, которыми его затуманили с целью скрыть его происхождение — волю сильного и его сущность — оправдание притеснений, завещанных человечеству его кровавой историей, — вы безусловно отнесетесь с глубоким презрением к этому закону. Вы поймете, что писанные законы стоят в прямом противоречии с законами совести...»²

Приведенные рассуждения кажутся цитатой из Достоевского: «кровь по совести». Понятие «совести» в связи с террористическими актами вновь всплывает в резолюции анархистского съезда осенью 1906 г.:

¹ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966. С. 389.

² Кропоткин П. К молодому поколению. М., 1919. С. 12—13.

«Главное различие по вопросу о терроре между нами и политическими партиями заключается в том, что мы вовсе не думаем, чтобы террор мог служить средством для изменения существующего порядка, а видим в нем только проявление совершенно естественного чувства возмущенной совести, или же самозащиты, которое, именно вследствие этого, и имеет агитационное значение, способствуя развитию такого же чувства возмущения среди **народа**»¹.

В значительной степени этический подход определил неприятие Кропоткиным «планового» террора эсеров и, с другой стороны, критики эсеровского терроризма социал-демократами. «К организованному террору он относился неприязненно, — **свидетельствовала** М.И.Гольдсмит. — Так, ему была несимпатична — даже в самую блестящую ее эпоху — Боевая организация **социалистов-революционер[ов]** — именно потому, что в ней были вожди, намечавшие определенные акты и выбиравшие **исполнителей**»². Не удивительно, что возмущение Кропоткина вызвала редакционная статья в анархистской газете «Хлеб и воля»: «К характеристике нашей тактики. II. Террор». В статье содержались призывы создать в каждой губернии, уезде, во-

¹ Листок «Хлеба и воли». 1906. 30 окт. № 1. С. 8.

² Корн М. (М.И.Гольдсмит). П.А.Кропоткин и русское революционное движение. С. 185. Познакомившись с тактическими установками эсеров, Кропоткин писал Гольдсмит в 1902 г.: «Я так доволен, что мы не связаны ни с одной из копошавшихся за границей групп. Поведение «социалистов-революционеров» с их «боевою группой» и желание руководить отсюда терроризм отталкивает многих в России. Это — не в русском духе, да и не в «заграничном» (См.: **Пирумова Н.М.** Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972. С. 164). Правда, впоследствии отношение Кропоткина к эсеровскому террору несколько смягчилось. 10 мая 1904 года он писал «хлебовольцам» об эсерах: «Что они — тоже **социал-демократы**, — несомненно. Когда я читаю их споры с «Искрой», я всегда говорю Ч. (Черкезову? — **О.Б.**), что это «милые бранятся, только тешатся». Но за ними есть один пункт, покрывающий все это. Они выступили на террористическую борьбу, и они стоят до некоторой степени за крестьянство... Конечно, Боевая организация — не Исполнительный комитет, и сравнивать-то смешно. Но мешать единственной боевой группе в России я счел бы просто преступным. Мало того, мне кажется, что насколько возможно, надо даже помогать им» (АГИ. Собр. **Б.И.Николаевского**. 81-9).

лости «охотничьи команды», которые постоянно будут нападать на врага, с целью дезорганизовать его, смутить, сбить с позиций». Хотя «хлебовольцы» заявляли, что «из всех форм борьбы» они считают «наиболее выгодным и целесообразным «децентрализованный и разлитый террор», здесь же говорилось, что «исклучать из числа людей, имеющих право на смерть и только на смерть, каких-нибудь тиранов, какую бы кличку они не носили — короля, царя, султана — мы считаем совершенно не логичным». «Но, не говоря о крупных тиранах, бывают моменты, когда «с чисто педагогической целью» является прямо необходимым «изъять из обращения» некоторых из самых мелких представителей **власти**...»¹.

Прочитав статью о терроре в «Хлебе и воле», Кропоткин писал **В.Н.Черкезову**, что она поразила его «крайне неприятно», а «построение и тон» ее первой половины «показались возмутительными». «Если якобинцы могут взывать к террору из Швейцарии, то анархисту это непозволительно, раз он понимает, что такого рода пропаганда может делаться **только** примером. Такого тона в анархистской прессе... никогда не было. Вообще, террор возводить в систему, по моему, глупо... Затем, уверять читателей, что люди несут голову на плаху, чтобы «изъять из обращения с педагогической целью» — просто возмутительно. Таким тоном говорили только **буржуазята**, ворвавшиеся в одно время в парижское анархистское движение, чтобы поиграть ницшеанскими **фразами**». Письмо в таком же духе Кропоткин направил в редакцию «Хлеба и воли»².

¹ К характеристике нашей тактики. II. Террор // «Хлеб и воля». 1903. Декабрь. № 5.

² Кропоткин П.А. — Черкезову В.Н., 8 января 1904 г. // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 16. В письме «хлебовольцам» (б/д, очевидно, начало 1904), Кропоткин разъяснил свое понимание роли террора (впрочем, он не хотел даже применять этот термин): «Ваша статья в пользу актов независимых, бунтовских, личных и огульных (зовите это, пожалуй, террор, но это неверно) была необходима. В этом мы безусловно согласны. Но не надо было давать террору (который предполагает организованное устрашение, как средство изменения условий — что невозможно — тогда как акты бунтовские — только средство приготовления бунтов и в-

Вместе с тем Кропоткин резко высказывался о социал-демократической критике терроризма — и «стихийного», и организованного. Выступления социал-демократов против терроризма он отождествлял с неприятием революции как таковой. Отзываясь на «Искру», присланную ему Н.В.Чайковским, Кропоткин писал последнему 21 августа 1901 г.: «Сколько ни верти, сколько ни разбирай их теории, — больше всего они не хотят именно революции... До сих пор русское рабочее движение шло так, как шел Интернационал вначале. Теперь наступает такой период, когда рабочий террор, а также и местный политический должны проявляться; должны происходить и вооруженные столкновения между рабочими и полицией.

И вот вожаки — "главари" — вынуждены себе поставить вопрос, который Брусе мне поставил, когда после Бернской манифестации и под влиянием русских дел (Вера Засулич) видно было, что наступает период борьбы. — "Ведь мы головы свои сложим, Петр, в этой борьбе", — говорил он мне. — "Что бы ни случилось, ведь за нас возьмутся". — "Как быть! Пусть!" — отвечал я. — А Брусе взял да и ушел, написал нам письмо, очень дружеское, но в сущности на тему "рано".

Вот и русские "главари" в этом положении. До сих пор весело быть главарями, хотя бы и с тюрьмой и со ссылкой. А теперь ведь головой придется расплачиваться. И в русском рабочем движении неизбежен теперь поворот "на смазку". А ты захотел, чтобы они говорили о "революции"... И я понимаю их — ими руководит не одно чувство личной опасливости, а также чувство ответственности. Ответственность, конечно, большая, которая заставит каждого порядочного человека задуматься. Толкать рабочих под верные пули никому не хочется.

конец концов революции — что именно и нужно), не нужно было давать террору такое изменяющее значение (в этом и ошиблась "Народная воля"), а тем менее давать возможность читателю подумать, что "Хлеб и воля" проповедует якобинский террор вместо серии *Esprit de Revoke — Revolte — Revolution*. Бунтовской дух (единичный), бунты (группы, небольшие массы) Революция — массы» (АГИ. Собр. Б.И.Николаевского. 81-9).

Только ход истории таков, что без этих мелких и всякий раз гибельных столкновений не обойдешься. Без них не бывает революции»¹.

Критика социал-демократами терроризма и в дальнейшем вызвала сильнейшее раздражение Кропоткина. «Видел ли ты № 27 "Искры"? — писал он В.Н.Черкезову 28 ноября 1902 г. — Плох. — До того они рабски привыкли думать, как приказано будет, что в ответ террористам они не нашли ничего лучшего, как спрятаться за эту пошлую цитату из Лаврова (1874!!) с пеной у рта, против Ткачева! Ведь это уже прямо глупо!»²

Отрицательное отношение Кропоткина к централизованному террору и неизбежно связанному с ним заговорществу еще более укрепились под влиянием дела Азефа. Он писал В.Л.Бурцеву 28 февраля 1911 г.: «Главное, теперь, было бы очистить воздух в революционной среде вообще: выдвинуть новые идеалы, новые способы действия. "Якобинство", в худшем смысле слова, — в смысле взаимной конспирации друг против друга и "чиноначалия" — с самого начала парализовало все лучшее в русской революции и теперь дошло до того, что нельзя подобрать 4—5 человек, без того, чтоб один из них не преследовал своих целей, не вел свою игру.

Вот против чего следовало бы теперь направить усилия...»³.

Таким образом, Кропоткин считал терроризм неизбежным спутником революционного движения, симптомом нарастания недовольства масс и одновременно — средством революционной агитации. Террор должен расти снизу, дело же революционера-анархиста принять в нем участие, если он чувствует, что совершение того или иного террористического акта отвечает настроениям масс и будет им понятно. Централизованный террор не эффективен, если приводит к

¹ Кропоткин П.А. — Чайковскому Н.В. 21 августа 1901 г. // Русский исторический архив. Сборник первый. Прага, 1929. С. 315-316.

² Кропоткин П.А. — Черкезову В.Н. 28 ноября 1902 г. // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 14.

³ Кропоткин П.А. — Бурцеву В.Л. 28 февраля 1911 г. // ГА РФ. Ф. 5802 Оп. 2. Ед. хр. 666. Л. 52-63.

изменениям лишь в политической сфере, не сопровождаясь радикальными изменениями экономической структуры общества.

Призывать к террору других, не принимая в нем личного участия, аморально, еще более аморально — принимать за другого решение и посылать его на теракт, ничем не рискуя. Террористический акт оправдан, если он является не следствием холодного расчета, а аффекта, если убийство на экономической или политической почве вызвано состоянием самого террориста, невозможностью для него далее сносить насилие. Террористический акт оправдан, если он является средством самозащиты, ответом на насилие — со стороны конкретного лица или государственной системы.

Кропоткин считал недопустимым для революционера публичную критику террористов, которым грозит смертная казнь, даже если акты, ими совершенные, противоречат его убеждениям. Отсюда его жесткое неприятие социал-демократической критики терроризма. Кропоткин видел, мягко говоря, издержки «разлитого» террора. Он резко критиковал практику «эксов», нередко сопровождавшихся убийствами, «безмотивный» террор. Но критиковал, так сказать, среди своих, не рискуя это делать публично по вышеуказанным этическим **соображениям**¹. Однако нетрудно заметить, что эта позиция уязвима именно с этической точки зрения. И не несет ли ответственности сторонник «разлитого» террора за то, что тот вышел далеко за пределы отводившегося ему теоретиками русла?

¹ Так, в письме к «хлебовольцам» от 16 октября 1911 года, Кропоткин критиковал экспроприаторство и «**богровщину**», которые он почему-то называл «якобинскими приемами» и высказывался о необходимости отрицания единичности, «распыленности», возведенных в теорию, как средства «поднятия масс» единоличными актами. «Нужно сознание того, — писал Кропоткин, — что сознают рабочие всего мира — что если единоличные акты в период застоя являлись средством заставить задуматься людей, — то в период революционный необходимы групповые и массовые выступления крестьян и рабочих. А для этого нужна сплоченность, и хотя бы некоторое доверие масс к истолкователям революционных идеалов, — увы, окончательно подорванное за последнее время» (АГИ. Собр. **Б.И. Николаевского**. 81-6).

3. Идеология и психология **анархистского терроризма** (начало XX века)

Пожалуй, первая статья, подводящая теоретическую основу под анархистский террор в России XX века, принадлежала перу **Г.И. Гогеля** и появилась на страницах «Хлеба и воли»¹. В статье, без обиняков озаглавленной «К характеристике нашей тактики. Террор», после оговорки, что террору **хлебовольцы** не придают первенствующего значения, отмечалось, что «террор является неизбежным атрибутом революционного периода до и во время революции». С точки зрения редакции, Россия переживала как раз такой исторический момент. Террор, «определяемый таким образом», может носить характер индивидуального акта или же форму аграрного и фабричного, т. е., массового террора. Предпочтение «хлебовольцы», разумеется, отдавали террору массовому, но и в индивидуальном видели несомненный революционный смысл. Индивидуальный теракт мог иметь «тройное значение: как мщение, как пропаганда и как «изъятие из обращения» особенно жестоких и «талантливых» представителей **реакции**»². Характерно, что, приводя примеры индивидуальных терактов, осуществленных анархистами, автор статьи был вынужден апеллировать к истории европейского анархизма — для анархистов российских терроризм пока еще оставался предметом чистой теории. Любопытно также, что, наряду с агитационным значением терактов, Гогеля признавал и их «прагматическое» значение; разрушению существующего строя способствовало «изъятие» отдельных, особо вредных, лиц. Это вполне вписывалось в **нечаевскую** традицию, привкус которой заметно чувствовался (хотя и в очень разной степени) у анархистских теоретиков терроризма. Пожалуй, более всего нечаевские писания напоминали тексты, исходившие от «**безначальцев**» и родственных им групп (см. о них ниже), но безоглядная вера в насилие, упоение им, были прису-

¹ Статья напечатана без подписи. На авторство **Г.И. Гогеля** указал **Б.И. Николаевский** в **комментариях** к письмам **П.А. Кропоткина** **В.Н. Черкезову** (Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 25).

² История терроризма в России. С. 350.

щи даже сравнительно умеренным «хлебовольцам». Устрашающая риторика первой части статьи о терроре, в том числе об «изъятии из обращения с педагогической целью» тех или иных лиц, вызвала, как уже упоминалось выше, возмущение духовного «отца» «хлебовольцев» П.А.Кропоткина.

Однако предпочтение хлебовольцы отдавали, разумеется, террору массовому, децентрализованному. В статье приводились в качестве образцов фабричного и аграрного террора, опять-таки, насильственные действия, осуществлявшиеся рабочими и крестьянами во Франции, США, Англии, Испании — захват и разгром фабрик и заводов, убийства их владельцев или управляющих, нападения восставших крестьян на административные центры, убийства помещиков и т.п. «Цель фабричного и аграрного террора, — говорилось в статье, — довести фабриканта и землевладельца именно до того, чтобы они молились только о спасении шкур своих»¹. Заметив, что крепостное право в России было отменено лишь вследствие крестьянских восстаний, убийств помещиков, что квалифицировалось в статье как «аграрный террор», Гогелия заключал, что «без выстрелов, без ударов ножа, без помощи традиционной крестьянской косы мы и теперь еще гнули бы наши спины под игом средневекового рабства». Завершалась статья призывом не бояться «лишнего буйства» со стороны народа, «идти в ряды угнетенных, слиться с ними, работать с ними вместе, чтобы соединить все формы борьбы в один грозный массовый террор, который снесет в область гнетущих воспоминаний весь капиталистический строй»².

«Хлебовольческое» направление оставалось господствующим в российском анархизме до начала революции 1905—1907 гг. Затем российский анархизм «раслаивается» на несколько течений; движение идет в основном в сторону радикализации его методов. В нашу задачу не входит анализ программных расхождений различных ветвей русского анархизма³; речь пой-

¹ История терроризма в России. С. 354.

² Там же. С. 357, 358.

³ См. об этом справки в статьях В.Кривенького «Анархисты», «Анархисты-индивидуалисты», «Анархисты-коммунисты», «Анархисты-синдикалисты» // Политические партии России. С. 32—40.

дет лишь об их отношении к террористической тактике. Собственно, терроризм исповедовали все фракции русского анархизма; расхождения касались лишь его места и значения в тактике той или иной группы.

Ультрарадикализм отличал группу «Безначалие», образовавшуюся в Париже весной 1905 г. «Безначальцы» (лидеры — Бидбей (С.М.Романов, Н.В.Дивногорский) выпустили несколько номеров «Листка группы "Безначалие"» и ряд прокламаций. Они отрицали тредюнионизм, синдикализм и парламентаризм; призывали к бунтарству, разжиганию «беспощадной гражданской войны», созданию «вольных боевых дружин» и экспроприациям; «безначальцы» отрицательно относились к «современному русскому демократическому движению», считая, что оно лишь отвлекает пролетариат от борьбы за его собственные интересы. Универсальным средством борьбы «безначальцы» считали терроризм, призывая к применению его самых крайних форм. В некоторых прокламациях родственных «безначальцам» анархистских групп («родственность» удостоверяется перепечаткой отдельных прокламаций на страницах «Листка группы "Безначалие"») рекомендовались «массовые убийства, поджоги, грабежи». Торжество анархии ожидалось после того, как «всех наших живодеров поджогами и оглоблями со свету сживем»¹.

«Безначальцы» публиковали такого рода обращения к рабочим и крестьянам: «Вынимайте на время соху из борозды, выходите с фабрик и заводов, крестьяне и рабочие! Берите топор, ружье, косу и рогатину! Зажигайте барские усадьбы и хоромы, бейте станových и исправников, освобождайте себя и детей своих по деревням. Нападайте в одиночку, воюйте с боевыми дружинами, бейте и в набат...»² На страницах «Листка» печатались рецепты изготовления самовоспламеняющихся смесей и разрывных снарядов, а также инструкция о том, как поджигать помещичьи стога. Последняя

¹ См.: Горев Б.И. Аполитические и антипарламентские группы // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1914. Т. 3. Кн. 5. С. 505-506.

² Листок группы «Безначалие» (Париж). 1905. Июнь—июль. № 2—3. С. 3—4; Комин В.В. Указ. соч. С. 91; Avrich P. Op. cit. P. 52.

принадлежала перу Дивногорского (известного в анархистских кругах как Ростовцев и Толстой). Первоначально она была выпущена в виде прокламации, причем Дивногорский, по-видимому, разбрасывал ее, вместе с другими своими произведениями, из окна вагона поезда. Ему же принадлежала инструкция по приготовлению «македонских» бомб. На одной из прокламаций Дивногорского были изображены бородастые крестьяне с косами и вилами в руках на фоне горящих церкви и помещичьего дома¹.

Дивногорский был организатором группы «анархистов-общинников» (февраль 1905 г.), в декабре того же года соединившейся с «безначальцами». Прокламации группы анархистов-общинников призывали рабочих не верить в мирные протесты, которые могут привести лишь к повторению 9-го января. В одной из прокламаций рабочих призывали также не доверять социал-демократам, а вооружаться и вступать в непосредственную борьбу с полицией («Нет, мы НЕ БУДЕМ ДОЖИДАТЬСЯ выстрелов полиции, а двинемся ПЕРВЫЕ с бомбами на нашего врага»). Частную собственность предлагалось отменить немедленно, не дожидаясь окончательного торжества революции — «Берите также из магазинов съестные припасы и одежду — это все принадлежит НАМ»².

В другой прокламации группы «Массовый террор», рабочие призывались к мести «за рабочую кровь, к бросанию бомб в наших угнетателей, к массовому террору... Будем готовить бомбы, будем бросать их в фабрикантов, директоров, в полицию, министров и прочую сволочь». В прокламации разъяснялось, что под массовым террором понимается террор, исходящий от самого народа; террористические акты, выполняемые по постановлениям различных комитетов и боевых организаций, объявлялись политиканством; террор, руководимый комитетами, полагали составители прокламации,

¹ Генкин И. Анархисты: Из воспоминаний политического каторжанина // Былое. 1918. № 3. С. 173—174; Avrich P. Op. cit. P. 52.

² Прокламация «Товарищи рабочие!» от 5 октября 1905 г. Тип. анархистов в Москве // АГИ. Коллекция Б.И.Николаевского. 146-27.

был ничем иным, как эксплуатацией «силы народа в пользу тех или иных чуждых народу задач».

Террор провозглашался единственным народным приемом борьбы: «Только массовый террор ведет к СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ; и ничто так не воспитывает революционность, как атмосфера взрывов бомб, которая, закаляя боевой дух народа, учит его, как готовить и обращаться с динамитом»¹.

Правда, под влиянием событий «анархисты-общинники» несколько сбавили тон и в прокламации, датированной сентябрем 1906 г. уже вынуждены были признать, что с наличными силами направить народ на путь социальной революции в данный момент невозможно. Поэтому все силы надо направить на пропаганду и организацию масс. Однако опять-таки лучшим средством пропаганды и организации провозглашался террор: «Не может быть разногласий и по отношению того, что экономический (антибуржуазный) террор в сравнении с политическим является лучшим средством для пропаганды наших идей среди пролетариата. И это понятно. Разве кто станет отрицать как благотворно действует на рабочие массы «изъятие» из обращения какого-нибудь гниды-директора. Все экономические акты, поднимая среди пролетариата революционное настроение, создают самую благоприятную почву для наших идей и дадут нам возможность в короткий срок сорганизовать массы». Учитывая ограниченность сил и средств, прокламация рекомендовала сосредоточить силы и средства на подготовке тех актов, которые «будут наиболее способствовать пропаганде и организации»².

Еще одним мотивом террора в условиях усиливающейся реакции была месть, о чем говорилось в листовке «Тиранам палачам и насильникам — смерть», выпущенной от имени «Федеративных групп анархистов-коммунистов». «Чем больше усиливается террор сверху — тем еще сильнее раздается ответный террор

¹ Прокламация «Массовый террор» от 8 октября 1905 г. Типография анархистов в Москве // АГИ. Коллекция Б.И.Николаевского. 146-27.

² Летучий листок № 1. К товарищам анархистам-коммунистам: Современный момент // История терроризма в России. С. 368-369, 372.

снизу. Каждый акт насилия со стороны вахмистров и палачей не обходится им даром», — писал анонимный автор. После рассказа о покушении на тюремного надзирателя Гродненской тюрьмы и последовавшей перестрелке, в ходе которой были убиты и ранены несколько полицейских, а один из террористов, будучи окруженным преследователями, застрелился, прокламацию завершал призыв: «Пусть же выстрелы эти не останутся одинокими! Пусть постоянно висит над тиранами и палачами Дамоклов меч! Пусть народная месть будет вечной угрозой всем палачам и насильникам!»¹

«Чернознаменское» течение в анархизме, получившее свое название по одноименному журналу, вышедшему в декабре 1905 г., взяло на вооружение тактику «безмотивного» террора. На страницах журнала «Бунтарь», ставшего литературным выразителем идей чернознаменцев, эта тактика обосновывалась следующим образом: «Вскрыть и обнажить грубый буржуазно-демократический обман, проявить протест, сказать сильно и ярко свое анархистское слово можно только рядом крупных антибуржуазных "безмотивных" актов. Анархисты должны направить свои террористические удары на буржуазию не только за ту или иную частичную, конкретную вину ее перед пролетариатом; надо разить буржуа, как представителей и цвет буржуазного общества. Пусть вечная угроза смерти, как страшное напоминание о "вечной вине", висит над буржуа каждый миг, каждый час его существования. Пусть не будет среди них "невиновных". Да не знают они покоя. "Безмотивные" антибуржуазные акты внесут смятение и хаос в лагерь буржуазии, быть может хоть "на миг" отвлекут внимание масс от демократических лозунгов, раскроют перед ними новые и яркие горизонты истинно классово-борьбы и, наконец, подымут падающую энергию групп, углубят и расширят их кругозор...»

Появление чернознаменства и «безмотивного» террора как главного средства его борьбы против существ-

¹ Листовка Федеративных групп анархистов-коммунистов: Тиранам палачам и насильникам — смерть. Тип. «Безвластие». Январь 1907 // История терроризма в России. С. 375, 378.

вующего строя анонимный автор связывал с кризисом в анархистском движении, потерей местными группами общероссийских перспектив, увлечением их политическим террором, который играет на руку демократии, в то время как акты экономического террора «чресчур редки, бледны и мелки»¹.

Возможно, наиболее образно и ярко основную «парадигму» безмотивного террора сформулировал одесский анархист Ушеров: «Достаточно увидеть на человеке белые перчатки, чтобы признать в нем врага, достойного смерти... Ибо, видите ли, виноват не какой-то объективный строй общества, а каждый индивидум, поддерживающий этот строй и пользующийся им в свою пользу»².

Слова у «безмотивников» с делом не расходились. Ими были осуществлены, как уже упоминалось, взрывы в кафе Либмана в Одессе и ресторане «Бристоль» в Варшаве; на съезде в Кишиневе в январе 1906 г. было решено взорвать съезд горнопромышленников, однако в связи с массовыми арестами анархистов это намерение осуществить не удалось. Планировалось также взорвать поезд, в котором должны были находиться крупные чиновники управления одной из железных дорог; однако террористы опоздали к поезду с чиновниками и один из них с досады бросил бомбу в вагон первого класса, где «невиновных» с анархистской точки зрения быть не могло. Кстати, террорист сам был ранен при взрыве, задержан полицией; из больницы, где он содержался под стражей, его освободили товарищи-анархисты; однако вскоре полиция вышла на след террориста, при попытке задержания тот открыл стрельбу, убил нескольких казаков и последней пулей покончил с собой³.

Несколько отличных от «безмотивников» взглядов на террор придерживалась другая фракция чернознаменцев — «коммунары». Они, также будучи сторонниками «безмотивного» террора, не верили в эффективность индивидуального терроризма, полагая, что от-

¹ Бунтарь. (Париж). 1906. Декабрь. № 1. С. 20-22; Комин В.В. Анархизм в России. С. 95-96.

² Генкин И.И. Среди преемников Бакунина // Красная летопись. 1927. № 1 (22). С. 197.

³ Генкин И.И. Указ. соч. С. 198-199.

дельные теракты потонут в «колоссально-огромной демократической волне». Они считали более эффективным захват какого-либо города с целью создания там коммуны. Это позволило бы «на громадном фоне демократий создать хотя бы одну враждебную всей картине точку...»¹ Можно представить, что «эксплуататорам» пришлось бы в такой «точке» несладко. Однако группа, собиравшаяся осуществить этот «массовый анархический акт» была арестована прежде, чем попыталась претворить идею в жизнь.

Основоположник «чернознаменства» **И.С. Гроссман-Рошин** противопоставлял его «кропоткинизму», зараженному, с его точки зрения, докапиталистическим демократизмом в форме либерального федерализма. Чернознаменство, подчеркивал Гроссман, «характеризуется идеологической и тактической борьбой на два фронта. С социал-демократизмом, поскольку социал-демократизм II Интернационала и явно и тайно прикрывал классовую фразеологией общенациональную тактику и идеологию. С кропоткинизмом, поскольку наряду с бунтарством и максимализмом на деле утверждался тщательно замаскированный мелкобуржуазный федерализм и минимализм. Борьба с демократизмом — центр, душа **чернознаменства**»².

Гроссман настаивал на том, что **чернознаменцы** принципиально отличались от максималистов именно тем, что не верили в немедленное осуществление социалистических или коммунистических идеалов; они предполагали возможность длительного существования демократического государства и стремились не только разрушить самодержавный строй, но и создать в период революции «такие революционные традиции, с которыми будущая демократическая законность должна считаться, как с объективным фактом и нелегко преодолимой силой». Безмотивный террор должен был сыграть в создании этих традиций решающую роль.

¹ Бунтарь. № 1. С. 22; **Генкин И.И.** Среди преемников Бакунина. С. 198; **Комин В.В.** Указ. соч. С. 96.

² **Гроссман-Рошин И.** Думы о былом (Из истории белостокского анархического «чернознаменского» движения) // Былое. 1924. № 27-28. С. 173.

Об этом отчетливо говорилось в передовой статье первого номера чернознаменского «Бунтаря», озаглавленной «Современный момент и наши задачи»:

«Итак, наши задачи и лозунги в современный момент таковы: в среде крестьянства лозунг — земля и орудия обработки. В армии — отказ от военной службы, призыв к военным бунтам и поддержке народа в его борьбе. Этим мы разоблачаем половинчатость клича: "буржуазная революция". Второе: учащенное применение экономического террора — как главное и ничем не заменимое средство накопления революционных традиций, как средство вырыть непроходимую глубокую пропасть между пролетариатом и буржуазией. Работа среди резервной армии увеличит количество врагов общества, врагов, с которыми не может справиться демократия. Всем этим **мы парализуем попытки демократии вытравить душу рабочего движения — бунтарский дух. Этим мы подкладываем динамит под буржуазный поезд**»¹.

Таким образом, чернознаменский терроризм был направлен не только против настоящего — социально-экономического и политического устройства самодержавной России, но и против будущего — потенциального буржуазно-демократического строя, установления которого в стране опасались анархисты. Возможно, именно антидемократизм большевиков показался привлекательным Гроссману, приветствовавшему впоследствии Октябрьскую революцию, объявившему себя вскоре после ее победы анархо-большевиком, а в 1926-м году направившему в газету «Правда» письмо, в котором «городу и миру» сообщалось, что родоначальник чернознаменства стал теперь приверженцем идей большевизма.

Многочисленные теракты, осуществленные анархистами в годы революции, не привели к желаемым результатам. «Как же случилось, что наши акты остались только мелкими актами и поглотили так много жизней?» — ставился вопрос на страницах «Бунтаря». Объяснялись неудачи дезорганизованностью **движе-**

¹ Цит. по: **Гроссман-Рошин И.** Думы о былом. С. 174.

ния, **разобщенностью** отдельных групп, что приводило к «измельчанию» террора — «наш террор бил ближайшего городского и оставлял целым дальнего губернатора». После этой справедливой констатации обращалось внимание на отсутствие организованного террора, террора, «при котором нужны большие технические приспособления, выдержка в выжидании, выслеживании и подготовке акта. Организация террористических актов не под силу одной группе, но она станет возможной при наличии объединения движения **вообще**»¹. Нетрудно заметить, что меры, которые предлагались для более эффективного ведения террористической кампании, организационно напоминали эсеровские. Общими и для террористов любого толка были упования на более совершенные технические средства.

В общем же, несмотря на значительные потери среди боевиков и очевидную неэффективность террористической кампании в сравнении с понесенными жертвами, «прямое революционное нападение» оставалось для «чернознаменцев» «единственно-возможной тактикой»².

Против тактики «безмотивного» террора выступили анархо-синдикалисты; особенно активно проблема терроризма обсуждалась на страницах «Буревестника», давшего название одной из наиболее влиятельных синдикалистских групп. В первом же номере «Буревестника» террору была посвящена статья с характерным названием «Наболевший вопрос». Оговорившись сразу, что анархисты признают террористическую борьбу и считают ее средством классовой борьбы, автор статьи, подписавшийся как Э.Ефимов, очертил возможные сферы ее применения вполне в «хлеб-вольческом» духе. «Изъятие из обращения» должно носить избирательный характер и практиковаться в отношении особо активных защитников привилегий господствующего класса, а не против любого буржуа; революционизирующее влияние на массы терроризм может оказать лишь в том случае, если будет понятен

¹ О терроре // Бунтарь. 1908. Июнь-июль. № 2—3. С. 10—11; Комин В.В. Указ. соч. С. 121.

² Анархист (Париж). 1908. Апрель. № 2. С. 22.

трудящимся и направлен против их «наиболее лютых и жестоких врагов»¹.

Что же касается тактики «безмотивного» террора, то она, во-первых, непонятна рабочей массе и, более того, будучи направлена не против конкретных известных врагов трудящихся, а зачастую против случайных людей, к буржуазии никакого отношения не имеющих (например, в кафе не обязательно будут находиться одни буржуа), создает превратное впечатление, что анархисты ведут борьбу против всех. Во-вторых, мнение «безмотивников», что взрыв бомбы, как явление весьма эффективное, привлечет к себе всеобщее внимание, возбудит толки и создаст тем самым удобную ситуацию для анархистской агитации, также не выдерживает критики, ибо взрывы бомб в России сейчас столь часты, что вряд ли способны долго привлекать чье-либо внимание².

«Чтобы развить классовое самосознание трудового люда, — заключал Ефимов, — мы должны пропагандировать не "безмотивный террор", не "швыряние бомб в анонимную толпу", а классовую борьбу, борьбу на экономической почве за конкретно выставленные требования — за ясный, всем понятный идеал. Мы должны помнить, что индивидуальный террор не самое важное средство нашей борьбы, ибо он не в состоянии избавить нас от окружающего общества, а что он только облегчает нашу борьбу, очищает путь от препятствий...»³

Автор другой статьи, опубликованной на страницах «Буревестника» и специально посвященной террору, вступил в полемику с Ефимовым. Он отстаивал прежде всего агитационное значение террора и не соглашался с тем преимущественно «педагогическим» воздействием терроризма на буржуазию посредством «изъятия из обращения» наиболее вредных ее представителей, которое приписывал ему Ефимов. Автор статьи «О терроре» был также менее строг к «безмотивному» террору, полагая, что большее значение имеет об-

¹ Ефимов Э. Наболевший вопрос // Буревестник. 1906. 20 июля. № 1. С. 3—4.

² Ефимов Э. Указ. соч. С. 5.

³ Там же.

становка, в которой был осуществлен террористический акт, нежели его конкретный объект. Если в городе все спокойно, то любой, даже самый обоснованный теракт вряд ли будет иметь большой резонанс; если же город охвачен волнениями рабочих, то не исключено, что и «безмотивный» теракт сыграет положительную роль. Следовательно, вопрос целесообразности (а именно целесообразность автор считал «критерием оценки террористических актов») определяется не «**МОТИВНОСТЬЮ**» или «безмотивностью», а своевременностью теракта.

Главным в деле террора автор считал организованность, которая и позволит добиться наибольшей его целесообразности. Он критиковал вакханалию непродуманных терактов и «бессмысленных экспроприации», способствовавших только деморализации и дискредитации анархистов. В терроризме в эпоху 1905 г. многие видели «архимедову точку опоры», тогда как он составляет лишь одну из «частей нашей работы» и «не менее настойчиво требует организации»¹.

Любопытно, что в этом же номере «Буревестника» можно было найти статью, трактующую терроризм с точки зрения, противоположной целесообразности — с точки зрения этики. Террористический акт, как «вытекающий из высших социально-моральных чувств», провозглашался «высшим моральным актом». «Террористический акт, — пояснял автор статьи «Этика террора», — вытекает из чувства солидарности страданий всех против современного строя; он есть отклик чувствительной морально-утонченной души цельного индивида. Он есть самое широкое человеческое чувство ко всем страдающим, выливающееся в активную ненависть всяких тиранов. Любить — недостаточно, — нужно уметь еще ненавидеть, и ненависть зла, ненависть насилия, ненависть власти и всех ее защитников есть еще более социально-полезное чувство, еще более моральное чувство, чем **ЛЮБОВЬ**»².

¹ П-ский. О терроре // Буревестник. 1906. 20 августа. № 2. С. 10-12.

² А.Н. Этика террора // Там же. С. 9.

Надо, однако, иметь в виду, что, критикуя тактику «безмотивного» террора, мелких экспроприации, нередко перераставших в обычный бандитизм, анархисты-синдикалисты не отрицали терроризм как таковой; они по-другому видели его место в системе борьбы против существующего строя. Терроризм должен был способствовать успеху борьбы рабочего класса за свои интересы, включая профессиональные, служить задачам пропаганды. Теория не расходилась с практикой. В 1906 г. в Одессе участники группы «южно-русских анархистов-синдикалистов «Новый мир» в период забастовки портовых рабочих убили капитанов двух пароходов, а также взорвали океанское судно «Григорий Мерк». Синдикалисты приняли также участие в ограблении Одесского отделения «Международного банка»¹.

Критика синдикалистами «безмотивного» террора ни в малейшей степени не повлияла на его адептов. «Бунтарь» в специальной теоретической статье разъяснял, что антибуржуазный террор (т.е., по сути, «безмотивный») есть высшая форма экономического террора. Если оружие террора будет направлено только против наиболее жестоких представителей господствующего класса, это может притупить классовое чувство: «разбивается вдребезги живая идея класса, принижается и душится живое чувство ненависти ко всему эксплуататорскому классу». Разумеется, для усвоения смысла террора, необходимо, чтобы «душа двигалась и волновалась». Поэтому террор нуждается в «словесном истолковании» и в соответствующей пропагандистской подготовке. «Террор, — вдохновенно писал автор статьи, — предполагает за собой подъем человека, его перерождение, он акт творения нового **человека**»².

Практически все анархистские течения признавали террористическую тактику и обосновывали ее тем или иным, нередко довольно сходным, образом. Особенностью анархистских террористических теорий было то, что это были «идеи прямого действия». Как точно подметил И.Генкин, «для психологии анархистов, по крайней мере, большинства их, любопытно... **отсутст-**

¹ Комин В.В. Указ. соч. С. 105.

² S-sky. К теории террора // Бунтарь. 1909. № 4. Январь. С. 6-7.

вие расхождения между словом и делом, а также отсутствие границ между, если можно так выразиться, «властью» законодательной и исполнительной. Если, напр., кто-нибудь теоретически признавал террор и экспроприации, то он же сам практически и участвовал в их совершении, какой бы высокий «ранг» он ни занимал среди членов группы, — черта, которую не всегда отметишь в отношении социалистов»¹.

«Каждый анархист, — декларировалось на страницах «чернознаменского» «Бунтаря» — чтобы быть целой красивой личностью, должен не только говорить о терроре, но и проводить террористические акты, — всегда говорили мы, анархисты; каждый анархист должен уметь взяться за оружие и отстаивать свою и чужую свободу, защищаться и нападать»².

Бидбей, Дивногорский, Стрига (В.Лапидус) и другие анархистские лидеры нового поколения сами шли на самые рискованные, смертельно опасные предприятия; для многих из них это закончилось гибелью на эшафоте, в тюрьме или от взрывов самодельных бомб. Именно тяга к непосредственному действию, революционный темперамент определял приход немалого числа революционеров, поначалу примыкавших к социал-демократам или эсерам, к анархизму. Так, Бидбей побывал социал-демократом; в некрологе В.Лапидуса говорилось, что, когда тот был социал-демократом, «мирный характер и отсутствие боевизма в его практике действовали на него удручающе» и он сначала организовал группу «чистых социалистов», а затем стал анархистом³. Как социал-демократы начинали свою революционную карьеру И.С.Гроссман-Рошин и Н.М.Эрделевский, участник теракта у кафе Либмана, оказавший вооруженное сопротивление при аресте и ранивший при этом четырех человек, затем, после дерзкого побега из психиатрической больницы (Эрделевский симулировал сумасшествие) ставший лидером женевской группы «Бунтарь».

¹ Генкин И. Анархисты: Из воспоминаний политического каторжанина // Былое. 1918. № 3 (31). С. 166.

² Бунтарь. 1908. № 2-3. С. 11.

³ См.: Генкин И.И. Среди преемников Бакунина // Красная летопись. 1927. № 1 (22). С. 179.

Это были не «отдельные» случаи. По данным В.Д.Ермакова, изучившего 300 биографий анархистов из числа бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 190 из них начинали свою революционную борьбу в других партиях или же, напротив, примкнули впоследствии к таковым, отойдя от анархизма¹. Для периода 1905—1907 гг., несомненно, более характерным было движение в сторону анархизма, нежели от него. Так, в начале 1905 г. в местах активной деятельности анархистов, в особенности в черте еврейской оседлости, некоторые социал-демократические, бундовские и эсеровские организации стали распадаться, а в мае 1905 г. к анархистам перешла почти вся эсеровская организация Белостока, центра российского анархизма в Западных губерниях. Среди «новообращенных» был и знаменитый в тех краях террорист Арон Елин (Геллинер)².

Ими руководили как революционное нетерпение, так и собственный неумный темперамент, нежелание скучно умереть в своей постели. И.С.Гроссман-Рошин, один из лидеров «чернознаменцев», описал, по-видимому, достаточно типичного белостокского анархиста — «Митю». Он «знает только радость напряженной, кипучей борьбы. Митя признает только одного врага — спокойствие, размеренность, быт. Бледный, точно изнуренный лихорадкой, он воистину "ищет бури" и подозрительно смотрит и на группу, боясь, что она поддается постепеновщине и благоразумию. Помню беседу с ним. Митя надорван, болен. Митя никак не может идти в ногу с чересчур для него замедленным темпом революции. Он с отчаянием говорит мне: "А почему они терпят? Чего они ждут? Чего им жаль?.. Сытого корыта?.. Его у рабочих нет. А ждут. Проклятие". Не пытайтесь Мите объяснить объективный ход вещей, закономерность движения! Напрасно. Митя "ненавидит историю"...»³

¹ Ермаков В.Д. Портрет российского анархиста начала века // Социс. 1992. № 3. С. 99.

² Комин В.В. Анархизм в России. Калинин, 1969. С. 68—69.

³ Гроссман-Рошин И. Думы о былом (Из истории белостокского анархического «чернознаменского» движения) // Былое. 1924. № 27-28. С. 179—180.

Ольга Таратута, участвовавшая впоследствии в театре у кафе Либмана, вспоминая своих товарищей по 1905 г., передавала следующий характерный эпизод. В 1905 г. хозяйка одной из конспиративных квартир угостила собравшихся там анархистов вишнежкой. «Кто-то спросил: — А за что же нам выпить? — Один из присутствовавших ответил: — Выпьем за то, чтобы никто из нас не умер на своей постели... Все чокнулись»¹. По меньшей мере для одной из присутствующих, Б.Шерешевской, это пожелание сбылось. Она участвовала в метании бомб в кафе Либмана, была вскоре арестована и повешена. Таратута по этому же делу получила 17 лет каторжных работ.

Многие анархисты отличались особым складом характера, реактивными реакциями на те или иные обстоятельства, едва ли не врожденным бунтовским духом. Иосиф Генкин, перевидавший на своем долгом тюремном веку множество анархистов и оставивший очень живые характеристики известных деятелей движения, писал, что **Битбеев (Бидбей)** нравился ему всегдашней готовностью «первым начать бунт против тюремного начальства и поддержать малейший (безразлично, по какому поводу и какой важности) протест против прижимок и репрессий»².

Известный анархист Дивногорский (Ростовцев, Толстой), «человек подвижной и непоседливый, имел характер непосредственный, темперамент сугубо-сангвинический». Будучи еще толстовцем (отсюда одна из его кличек), возмущенный положением рабочих на фабрике, где он работал табельщиком, чтобы распространять толстовское учение, Дивногорский стал их подбивать сжечь фабричные помещения, стихийно придя к идее «фабричного террора». В другой раз Дивногорский, не таясь, накопал картошки на огороде какого-то помещика и стал ее печь на костре. Помещик, очевидно, взглядов Толстого не придерживался, и пойманного с поличным Дивногорского побили. В ту же ночь Дивногорский поджег усадьбу помещика. Так что к моменту издания им прокламаций с призывами

¹ Цит. по: Генкин И.И. Среди преемников Бакунина. С. 176-177.

² Генкин И. Анархисты. С. 168.

к фабричному и аграрному террору, которые он разбрасывал из окна железнодорожного вагона, Дивногорский уже имел собственный практический опыт в этом деле¹.

Другой видный анархист, Александр Колосов (наст. фам. — Соколов), также был готов отреагировать немедленно и самыми крайними средствами на окружающую несправедливость. Услышав на одном из собраний, что в тамбовской тюрьме была изнасилована девушка из политических, Колосов, не говоря никому лишнего слова, взял браунинг и отправился убивать начальника тюрьмы. На счастье последнего по дороге Колосову встретился жених якобы изнасилованной девушки, опровергнувший этот слух. На каторге Колосов держался в стороне от всяких тюремных историй, «хотя никогда, ни на секунду не задумываясь, поддерживал все и всякие выступления против начальства»².

Характер проявлялся у идеологов и практиков бунта и террора рано; любопытно, что почти все видные анархисты, учившиеся в средних и высших учебных заведениях, имели неприятности с начальством, заканчивавшиеся, как правило, исключением.

Был исключен из харьковского университета за участие в студенческих волнениях Дивногорский. Менял университеты и факультеты Колосов, успевший поучиться в Казани, Киеве, Москве и Томске. Резонно предположить, что это происходило не только из любви к перемене мест. Анархист студент Борис Ранский, еще находясь в «среднеучебном заведении», «отличался своим буйным поведением и забиячеством, являясь также организатором всякого рода школьных протестов». Битбеев, настоящая фамилия которого была Романов, будучи студентом Горного института в Петербурге, принял участие в «истории» с одним из профессоров, был арестован и после заключения в «Крестах» выслан на родину. Получив письменное уведомление об исключении из института, он отослал его обратно с надписью: «Прочел с удовольствием.

¹ Генкин И. Анархисты. С. 172—173.

² Там же. С. 176.

Николай Романов», сымитировав резолюцию своего однофамильца — императора **всероссийского**¹.

Революционное нетерпение и стремление применять наиболее решительные методы борьбы против существующего строя, прежде всего террор, объяснялось также весьма юным возрастом и невысоким уровнем образования анархистской массы. **В.В.Кривенький** рисует следующий обобщенный портрет анархиста периода 1905—1907 гг. — «это "пассионарный" молодой человек 18—24 лет, имеющий начальное образование (или без него) и представляющий, как правило, маргинальный слой общества, а во многих случаях — дискриминируемое национальное меньшинство. Среди анархистов преобладали евреи (по отдельным выборкам их число достигало 50%), русские (до 41%), украинцы (до 35%)».

Руководители и организаторы движения были также достаточно молоды — к началу революции 1905—1907 гг. их возраст в основном не превышал 32 лет. Исключения составляли лишь П.А.Кропоткин (1842 г.р.) и М.И.Гольдсмит (1858 г.р.)².

В.В.Комин приводит следующие любопытные данные. В Одессе, одном из трех, наряду с Белостоком и Екатеринославом, крупнейших центров анархистского движения, в декабре 1907 г. из 93-х сидевших в тюрьме анархистов 50 человек было моложе 20 лет, 13 человек — 21 года, 10 человек 22 лет, 7 человек 23—25 лет; старше 25-летнего возраста были лишь 17 арестантов. Другая характерная выборка: из 164 анархистов, приговоренных в 1907 г. к смертной казни военно-окружными судами имелись данные о возрасте 97 человек. Из них более половины оказались несовершеннолетними³.

По данным **В.Д.Ермакова**, изучившего формальные биографические данные 300 анархистов, на момент ак-

¹ Генкин И. Анархисты. С. 169, 172, 176, 178. В литературе иногда встречаются ошибочные утверждения, что **Бидбей** был также и тезкой царя; это неверно — «Николай Романов» был одним из псевдонимов лидера «**безначальцев**», отличавшегося изрядной склонностью к шутловству; его настоящее имя — Степан.

² Кривенький В. Анархисты // Политические партии России. С. 33.

³ Комин **В.В.** Анархизм в России. С. 114.

тивного участия в революции 1905—1907 гг. 14 (5%) из них находились в возрасте 13—14 лет, 127(42%) — 16—18 лет, 122 (41%) — 19—23, 30 (10%) — 24—30; старше 30 лет оказалось лишь 7 (2%). При анализе национальной принадлежности исследуемой группы выяснилось, что 48% ее численности составляли евреи, 29% — русские, 14% — украинцы, 3% — латыши; на оставшиеся 6% приходились представители других народов Российской империи. Социальный срез на момент участия в революционном движении дал такую картину: рабочих — 191 (63%), учащихся — 50 (17%), служащих — 33 (11%), интеллигентов — 10 (3%). По-видимому, все анархисты, ставшие объектом изучения, были грамотными, однако уровень их образования был невысок: низшее образование имели 133 человека (44%), домашнее — ПО (36%), незаконченное среднее — 20 (7%). Среднее образование имели лишь 12 человек (4%), в высших учебных заведениях училось 17 человек; однако закончил лишь один из них, остальные 16 (6%) дипломов так и не получили. По мнению исследователя, «человек, считавший себя представителем анархизма в ...1905—1907 гг., выглядел приблизительно так: мужчина, неквалифицированный рабочий, еврей по национальности, с низшим или домашним образованием, в возрасте примерно 18 лет с довольно неустойчивыми политическими взглядами»¹.

Типичный образ русского анархиста начала века попытался «смоделировать» **Б.И.Горев**: «...три главных центра русского анархизма — Белосток, Екатеринослав и Одесса создали и три наиболее распространенных типа русских анархистов: еврейского ремесленника, по большей части почти мальчика, нередко искреннего идеалиста и смелого террориста; заводского рабочего-боевика, непосредственную натуру, который, как екатеринославец **Федосей Зубарь**, «ни одной книги не прочел, но в душе — анархист», ненавидевший всякую власть «до боевого стачечного комитета включительно», и, наконец, одесского «налетчика» — прожигателя жизни». Для завершения галереи «анархистских типов» Горев считал необходимым добавить

¹ Ермаков В.Д. Указ. соч. С. 98—99. Проценты приводятся округленно; по некоторым из исследуемых параметров данные сохранились не по всем персоналиям.

к трем основным еще «интеллигента, обыкновенно бывшего с.-д. или с.-р., оратора и демагога, а также крестьянина..., поджигающего помещичьи усадьбы или вступающего в шайку «лесных братьев»¹.

Таким образом, как бы ни были велики расхождения между собой различных течений российского анархизма, все они признавали, в той или иной форме, терроризм обязательным условием или, на худой конец, симптомом, революционной борьбы. Особенности анархистских теорий, а также «кадровый состав» анархистских организаций и групп обусловили то, что они оставили в истории революционного движения в России начала XX века наиболее кровавый след. Принесли, в свою очередь, наиболее многочисленные жертвы на алтарь терроризма.

¹ Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1914. Т. 3. Кн. 5. С. 488-489.

V. Социал-демократия и терроризм

1. Проблема терроризма в марксистской литературе 1880—1890-х годов

Российские социал-демократы соотносили, по крайней мере поначалу, свою деятельность с теорией К.Маркса; среди различных направлений революционного движения в России социал-демократическое было наиболее теоретичным. Да и возникла русская социал-демократия скорее как продукт заграничного интеллектуального поиска, нежели как отражение реальных интересов определенной социальной группы или класса. Исходя из марксистского учения о классовой борьбе, роли личности в истории, российские неопиты марксизма не могли придавать террору значения решающего средства борьбы против самодержавия, не говоря уже об освобождении рабочего класса. В то же время работы и высказывания Маркса и Энгельса отнюдь не делали терроризм табу для русских революционеров; более того — симпатии «классиков» поначалу всецело принадлежали народовольцам.

В этом не было противоречия; признавая насилие «повивальной бабкой» истории, основоположники не зарекались от использования тех или иных его форм при определенных обстоятельствах. Поэтому они выступали против абсолютизации террористических методов борьбы и написали немало против «алхимиков революции», веровавших в террористически-заговорщические чудеса; использование террора определялось для них обстоятельствами места и времени; то, что было нелепо в Англии или Германии, могло оказаться эффективным в России на определенном временном отрезке.

Современный исследователь Ю.В.Степанов справедливо пишет, что многочисленные высказывания Маркса и Энгельса о терроризме «можно выстроить в два по сути дела взаимоисключающих ряда. С одной стороны яркая по форме, обильно аргументированная

по содержанию, бескомпромиссная по стилю критика любых попыток узаконить террор в качестве вполне оправданного и необходимого средства революционной борьбы. С другой — не менее яркие и аргументированные высказывания в пользу революционного террора. И хотя при этом делается множество ограничительных оговорок... суть дела не меняется: налицо явная антиномия в истолковании сущности и предназначения революционного **террора**...»¹ Ю.В.Степанов определяет эту ситуацию как методологический тупик.

С нашей точки зрения, методологическое противоречие снимается, если рассматривать высказывания Маркса и Энгельса о революционном терроризме в связи с той конкретно-исторической ситуацией, по поводу которой они были сделаны. Поэтому признание ими народовольческого террора «исторически неизбежным способом действия, по поводу которого так же мало следует морализировать — за или против, как по поводу землетрясения на Хиосе»², характеристика основоположниками научного социализма народовольцев как людей дела, явное предпочтение ими народовольцев чернопередельцам и т.п. нисколько не противоречат их общесоциологическим взглядам, а дополняют их, свидетельствуя, правда, не столько о диалектичности мышления, сколько о революционном темпераменте классиков.

«Политическое убийство в России единственное средство, которым располагают умные, смелые и уважающие себя люди для защиты против агентов неслыханно деспотического режима», — писал Энгельс вскоре после начала террористической борьбы в России³. Он же в письме к В.И.Засулич от 23 апреля 1885 г., когда ни о каком революционном кризисе в России не могло быть и речи, высказал предположение, что «революция должна разразиться в течение определенного времени; она может разразиться каждый день. В этих условиях страна подобна заряженной mine, к которой остается только поднести фитиль».

¹ Степанов Ю.В. Проблема политического террора в марксизме (Историко-философский анализ). Автореф. дисс... канд. философ. наук. М., 1991. С. 13.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 147—148.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 158.

Особенно — с 13 марта (имеется в виду царевбийство 1 марта 1881 г. — *О.Б.*). Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может сделать революцию, другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии (пользуясь метафорой Плеханова), и высвободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывные силы, которые затем уже будет невозможно **укротить**»¹.

Таким образом, первым русским марксистам нечего было стыдиться признания террора хотя и не важнейшим, но вполне допустимым способом борьбы. Другое дело, что впоследствии, по тактическим соображениям, по меньшей мере снисходительное отношение к террору Г.В.Плеханова и его соратников по группе «Освобождение труда» замалчивалось или даже напрямую отрицалось их последователями. Так, Ю.О.Мартов писал в начале XX века, когда в России началось возрождение терроризма, что русская социал-демократия «выросла и развилась в борьбе с тем направлением русской социально-революционной мысли, для которой всякая политическая борьба в России сводилась к **террору**»², ни словом не упоминая, что первоначально первые русские социал-демократы пытались «договориться» с народовольцами из тактических соображений, а также готовы были признать терроризм в качестве едва ли не важнейшего средства борьбы в тот момент.

Вообще, ставшее едва ли не общепринятым в отечественной и зарубежной литературе мнение о Плеханове, как о принципиальном противнике терроризма, требует серьезной корректировки. Утверждение Л.Хаймсона, что Плеханов был готов скорее оставить революционную деятельность, нежели пойти на компромисс со сторонниками **терроризма**³ может быть отнесено разве что к июню 1879 года, когда он покинул

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 260.

² Мартов Л. Вопросы дня. Кое-что о терроре. Как иногда люди «поворачивают» // Искра. 1901. Май. № 4; Искра. Полн. текст под ред. и с предисл. П.Н.Лепешинского и Н.К.Крупской: В 7 вып. Л., 1925-1929. Вып. I. С. 77.

³ Haimson L. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge, Mass., 1955. P. 38.

Воронежский съезд **землевольтцев**. Перебравшись за границу и поостыв от споров с Н.А.Морозовым и другими сторонниками терроризма на Воронежском съезде, Плеханов, постепенно начинавший переходить к признанию политической борьбы, по-другому стал смотреть и на террористов, которые, собственно, и вели эту борьбу.

Под давлением успехов террористов, а также критики позиции их группы Марксом и Энгельсом, **чернопередельцы** пытались достичь соглашения с народолюбцами. Как справедливо отмечает биограф первого русского марксиста **С.Бэрн**, «даже Плеханов не мог закрывать глаза на достижения террористов. Сколь бы ни были неправильны, с точки зрения Плеханова, их теории, они оставались единственной силой, энергично и смело сражавшейся против русского деспотизма»¹. После убийства Александра II, в течение нескольких последующих месяцев, престиж «Народной воли» достиг своей высшей точки, особенно среди эмигрантов. **Л.Г.Дейч**, писавший также от имени В.И.Засулич и Я.В.Стефановича, говорил о «грандиозном событии» и об их желании вернуться в **Россию**².

Позднее, когда Плеханов и его друзья «официально» провозгласили себя марксистами, их отношение к терроризму было достаточно противоречивым. В программе группы «Освобождение труда» (осень 1883 года) провозглашалось, что группа «задается целью пропаганды современного социализма и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению», однако в то же время «преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами, группа «Освобождение труда»... признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией «Нар[одной] воли» лишь по вопросам о так называемом захвате власти и о за-

¹ Baron S. Plekhanov — the father of Russian Marxism. Stanford, Calif, 1963. P. 79.

² Группа «Освобождение труда: Из архивов Г.В.Плеханова, В.И.Засулич и Л.Г.Дейча. М.; Л., 1924. Вып. 2. С. 134; Newell D. The Russian Marxist Response to Terrorism: 1878—1917. Ph. D. Dissertation. Stanford University, 1981. P. 84.

дачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса»¹.

Не отвергал терроризм **Плеханов** и в «Наших разногласиях», хотя и обуславливая его применение множественностью условий и оговоркой. Отметив, что «наше революционное движение находится теперь в критическом периоде» и что «три с лишним года, протекшие со времени дела 1-го марта, характеризуются упадком революционной энергии в России», Плеханов, тем не менее, констатировал, что «террористическая тактика "Народной воли" поставила перед нашей партией целый ряд в высшей степени жизненных и важных вопросов»².

На один из этих вопросов, как сочетать рабочее движение и терроризм, Плеханов отвечал следующим образом. Оговорившись, что «есть другие слои населения (кроме рабочих. — **О.Б.**), которые с гораздо большим удобством могут взять на себя террористическую борьбу с правительством», он писал: «Но, помимо рабочих, нет другого такого слоя, который в решительную минуту мог бы повалить и добить раненое террористами политическое чудовище. Пропаганда в рабочей среде не устранит необходимости террористической борьбы, но зато она создаст ей новые, небывалые до сих пор **шансы**»³.

Этот фрагмент во 2-м издании «Наших разногласий» Плеханов снабдил примечанием, в котором, словно оправдываясь, писал: «На основании этого места говорили впоследствии, что группа "Освобождение труда" сочувствовала "терроризму". Но эта группа, с самого начала своего существования находила, что рабочим терроризм **неудобен**; высказываться против террористической борьбы интеллигенции было тогда безусловно бесполезно; интеллигенция верила в террор, как в **бога**»⁴. Эти объяснения звучат не очень убедительно; скорее всего, самому Плеханову было не-

¹ Программа социал-демократической группы «Освобождение труда» (осень 1883 г.) // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. I. С. 375.

² Плеханов Г.В. Наши разногласия // Соч. Пг., 1920. Т. I. С. 168, 169.

³ Плеханов Г.В. Наши разногласия. С. 376.

⁴ Там же.

удобно перепечатывать без всяких комментариев собственный текст о «необходимости террористической борьбы» после всего того, что он написал против терроризма в 1890-е годы и в особенности в начале 1900-х.

Тем более что во втором варианте программы группы «Освобождение труда» (1887 г.) не только сохранилось упоминание об использовании террористической тактики в нужный момент, но и вполне отчетливо говорилось, что применять ее будут не некие террористы «со стороны», а сами рабочие. После слов о том, что «главным средством политической борьбы русских кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических идей и революционных организаций», Плеханов писал: «Тесно связанные между собой в одно стройное целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему, решительному на него нападению, причем не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы»¹.

Приведенные высказывания Плеханова в пользу террора вовсе не означают, что он был на определенном этапе его последовательным сторонником; террор, как мог убедиться Плеханов на примере борьбы «Народной воли», оказался достаточно эффективным или, по крайней мере, эффективным оружием в российских условиях конца 1870 — начала 1880-х годов. Первые российские социал-демократы были готовы учесть этот опыт и признать его применимость в случае необходимости в интересах рабочего класса.

Однако после разгрома центральной организации «Народной воли», последовавшего в связи с дегаевщиной и лопатинским провалом, крахе всех попыток восстановить народovolьческую организацию, покаянного возвращения в Россию главного теоретика «Народной воли» и постоянного оппонента Плеханова Л.А.Тихомирова, революционный терроризм в России сошел на нет, а народovolьчество казалось погибшим

¹ Второй проект программы русских социал-демократов (1887 г.) // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. I. С. 379.

окончательно. Изменился и тон российских социал-демократов по отношению к народovolьчеству, в том числе и к терроризму.

Парижские народovolьцы, эти полководцы без армии, представлялись Плеханову «мертвыми душами» уже в 1892 году¹. Критика народovolьческого терроризма и попыток возродить партию «Народной воли» содержалась в ряде работ Плеханова 1890-х годов. От тактических уступок, на которые он шел в 1880-х годах, не осталось и следа. Теперь Плеханов жестко констатировал, что «террор явился у нас естественным плодом слабости сил революционной партии»². Причины этой слабости коренились, по его мнению, в том, что движение семидесятых годов было «преимущественно движением "интеллигенции", иначе разночинцев». Силы этого общественного слоя после убийства Александра II были «окончательно истощены». В то время рабочий класс «еще только созрел для революционной борьбы, а террор скорее замедлил, чем ускорил процесс его созревания». В результате «после 1-го марта 1881 года партия "Народной воли" быстро клонится к упадку»³. Нетрудно заметить, что эти положения заметно отличаются от того, что он писал в «Наших разногласиях».

Брошюру «Новый поход против русской социал-демократии» Плеханов посвятил доказательству несостоятельности попыток возродить «Народную волю» (брошюра была написана по поводу публикации в «Материалах...», издававшихся «Группой старых народovolьцев», открытого письма Е.Г.Левита, в котором автор рекомендовал возобновить «Народную волю»⁴). Плеханов, говоря о 1890-х годах, сравнил «Народную волю» с коляской, от которой осталось «разве лишь одно колесо»⁵.

¹ Г.В.Плеханов — В.И.Засулич (начало 1892 г.) // Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. М., 1925. Т. I. С. 76.

² Плеханов Г.В. О социальной демократии в России // Соч. М., б.г. С. 20.

³ Плеханов Г.В. Указ. соч. С. 25-26.

⁴ См. об этом с. 101—104 настоящей работы.

⁵ Плеханов Г.В. Новый поход против русской социал-демократии // Соч. М., б.г. С. 330.

Критикуя воззрения народовольцев, их тактику террора и заговора, Плеханов, однако, призывал социал-демократов к созданию «подвижной боевой организации, вроде общества «Земля и воля» или партии «Народной воли», организации, являющейся всюду, где можно нанести удар правительству, поддерживающей всякое революционное движение против существующего порядка вещей, и в то же время ни на минуту не упускающей из виду будущности нашего движения»¹. Критикуя догмы народовольчества, Плеханов в то же время называл народовольцев «людьми смелой мысли и энергичного действия» и подчеркивал, что их имена святы для социал-демократов².

Свою лепту в критику терроризма внесла первая русская террористка В.И.Засулич. В работе «Революционеры из буржуазной среды», опубликованной первоначально в «Социал-демократе», она дала оценку как террору эпохи расцвета «Народной воли», так и террористическим настроениям рубежа 1880—1890-х годов. Засулич показала изолированность народовольцев, узость их социальной опоры, точнее, отсутствие поддержки в сколь-нибудь широких общественных слоях. «Народная воля», занятая подготовкой царевубийства, могла уделять пропаганде среди рабочих явно недостаточно внимания, да и времени для пропаганды было у партии недостаточно для того, чтобы ощутить ее результаты. Студенчество, либеральное общество были бессильны поддержать террористов без связи с рабочим классом. В итоге «террор и все вызванное им настроение были сильной бурей, но в закрытом пространстве. Волны поднимались высоко, но волнение не могло распространиться. Оно только исчерпывало, истощало нравственные силы интеллигенции»³.

Что же касается сторонников терроризма конца 1880-х (Засулич имела в виду бурцевско-драгоманов-

скую «Свободную Россию»), то террор в их интерпретации направлен уже не на то, чтобы сломить, уничтожить самодержавие, а преследует цель «склонить правительство к уступкам при содействии общества». Таким образом, террор «сводится к какому-то вспомогательному средству» при давлении общественного мнения и «чуть не ставится на одну доску со всеподданнейшими земскими адресами и прошениями». Такие расчеты — «не на силу своих идей, не на народное восстание, а на уступчивость врага и силу общества» — были неприемлемы для прославленной революционерки¹.

Правда, критика Засулич террористической тактики не носила, если можно так выразиться, абсолютно го характера. В рецензии на статью С.М.Степняка-Кравчинского «Терроризм в России и Европе», опубликованной на немецком языке в журнале германских социал-демократов «*Neue Zeit*»² она призывала революционную интеллигенцию «серьезно взяться за единственно целесообразное для нее в *настоящий момент* дело пропаганды среди *рабочих*»³. Выделение слов *настоящий момент* предполагало, что, возможно, наступят другие времена, когда оружие террора еще сможет пригодиться. Важнейшим условием применения террора Засулич считала наличие крепкой организации, подобной «Земле и воле» «перед началом политических убийств»⁴.

В руках же «недостаточно окрепшей организации террористические попытки неизбежно окажутся тем, что Степняк очень метко называет, говоря о действиях анархистов, «скорее экспериментами над употреблением динамита, чем политическими действиями». «Тот же характер экспериментов носили за последние восемь лет и все русские приготовления к покушениям», — констатировала Засулич⁵. Таким образом, она

¹ Засулич В.И. Указ. соч. С. 145—146.

² Der Terrorismus in Russland und in Europa // *Neue Zeit*. 1890. № 8-9.

³ Засулич В.И. Рецензия на статью С.М.Кравчинского (Степняка) «Терроризм в России и Европе» // Засулич В.И. Избранные произведения. М., 1983. С. 354.

⁴ Засулич В.И. Указ. соч. С. 350.

⁵ Там же.

выступала не против террора как тактики, а против плохо подготовленного и несвоевременного его применения. «Мы не хотим сказать, — четко писала она, — что сама террористическая деятельность отдаляет нас от цели». Не имеют смысла лишь «политические убийства, не опирающиеся на народную силу», которые «кажутся нам только средством, слишком слабым для того, чтобы хоть на шаг приблизить нас к цели»¹. Кстати, эти рассуждения Засулич весьма напоминают то, что писал впоследствии главный идеолог эсеровского терроризма В.М.Чернов (ср. его статью «Террор и массовое движение»²).

Один из основателей группы «Освобождение труда», П.Б.Аксельрод, относился к терроризму гораздо снисходительнее, чем его ближайший соратник Г.В.Плеханов. Это заметно в двух брошюрах, выпущенных Аксельродом в конце 1890-х годов. Как справедливо отметил Д.Ньюэлл, это, возможно, объясняется разницей условий, в которых происходило формирование двух «отцов» русской социал-демократии. Аксельроду, выросшему среди еврейской бедноты, терроризм был психологически более понятен³. Аксельрод справедливо указывал на связь бунтарски-террористического периода в русском революционном движении с современной ему социал-демократией и не собиравшись отказываться от этого наследия.

Аксельрод неоднократно в своих статьях и выступлениях подчеркивал преемственность российской социал-демократии по отношению к революционным традициям «Народной воли» в противовес «экономистам», которые относились к революционному движению 1870—1880-х годов «гораздо более отрицательно, чем кто-нибудь из практических и теоретических основателей русской социал-демократии»⁴.

¹ Засулич В.И. Указ. соч. С. 352.

² См. с. 140—143 настоящей работы.

³ Newell D. The Russian Marxists Response to Terrorism. P. 193.

⁴ Аксельрод П.Б. Объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение труда». Женева, 1900. — Цит. по: Аксельрод П.Б. Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении. СПб., 1907. С. 117. Ср. его же статью памяти П.Л.Лаврова, напечатан-

Он писал, что революционная социал-демократия относилась к «бунтарски-террористическому периоду нашего революционного движения не только как к объекту отрицания» и «поскольку народничество было революционно, то есть выступало против сословно-бюрократического государства и поддерживаемых им варварских форм эксплуатации и угнетения народных масс, постольку оно должно было войти, с соответствующими изменениями, как составной элемент в программу российской социал-демократии»¹.

Говоря о том, что народничество должно было войти в программу русской социал-демократии, Аксельрод, конечно, подразумевал его демократическое содержание. Характерно в этом плане, что он особо выделял взгляды А.И.Желябова, который признавал необходимость завоевания «возможно более демократической конституции»².

Народовольцев Аксельрод характеризовал как «авангард отважных борцов... неустрашимых и полных непоколебимой энергии», но «бессильных одолеть врага — за неимением армии». Главную причину неудачи «Народной воли» он усматривал, как и его соратники по группе «Освобождения труда», в том, что «рабочая масса оставалась тогда совсем еще не затронутой агитацией». Указывал он и на индифферентизм, «чтобы не сказать больше», либералов³.

Критикуя «экономистов» конца 1890-х годов, Аксельрод ссылаясь на печальный опыт конца 1870-х, когда наиболее живые революционные силы пролетариата «уходили в террористическое движение и затеривались в общей массе революционной интеллигенции, ни на волос не способствовав... подъему политического сознания в рабочей массе». Он предостерегал

ную первоначально в 1900 г. в *Arbeiter Zeitung*, в которой проводились аналогичные идеи (Аксельрод П.Б. Рабочий класс и революционное движение в России. СПб., 1907. С. 123; См. также: Аксельрод П.Б. Предисловие // Мартов Л. Красное знамя в России: Очерк истории русского рабочего движения. Женева, 1900. С. I—II).

¹ Аксельрод П. К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов. Женева, 1898. С. 7.

² Аксельрод П. К вопросу... С. 8—9.

³ Там же. С. 3—4.

против повторения подобного явления, если «наиболее энергичные и интеллигентные представители пролетариата не найдут применения своим силам и исхода своим политическим стремлениям под флагом социал-демократии»¹. Надо сказать, что в данном случае Аксельрод как в воду глядел. Немалое число рабочих, снабемых революционным энтузиазмом, оказались впоследствии в числе эсеров или анархистов, посчитав социал-демократическое движение чересчур «мирным». Любопытно, что переходы от социал-демократов к эсерам и другим «боевым» партиям наблюдались гораздо чаще, чем в обратном направлении.

Немалое место оценке роли народовольческого террора в истории революционного движения уделил Ю.О.Мартов в брошюре «Красное знамя в России», изданной группой «Освобождение труда» в 1900 году. «Красное знамя...» — популярный очерк истории рабочего движения в России, написанный Мартовым в Турханской ссылке в конце 1890-х годов и напечатанный с одобрения Плеханова. Заметное влияние на автора оказали плехановские работы на эту тему, особенно «Русский рабочий в революционном движении».

Мартов показал, как постепенно из актов самообороны и мести выросла система террористической борьбы в конце 1870-х годов. Террор не был для «Народной воли» самоцелью, справедливо отмечал он. Народовольцы рассчитывали своим террором «вызвать суматоху в правительственных кругах и волнение в народе, чтобы тем и другим воспользоваться для захвата власти». Мартов убедительно показал противоречие, в которое вступали народовольческая пропаганда среди рабочих и террористическая деятельность. Отмечая постановку народовольцами «Рабочей газеты», организацию рабочих кружков, он подчеркивал, что «в то же время они сами другой рукой затрудняли развитие рабочего дела». Если террористы могли вести строго замкнутую жизнь и, несмотря на полицейский режим, все-таки осуществлять свои намерения, то пропагандисты, неизбежно общающиеся с широким кругом лиц, чаще подвергались арестам. Все это тормозило рабочее дело и способствовало переходу в

¹ Аксельрод П. К вопросу... С. 27—28.

ряды террористов наиболее энергичных и самоотверженных деятелей рабочих организаций¹.

Таким образом, агитация среди рабочих оказывалась средством обеспечения террористической борьбы партии. Хотя Мартов неточно оценил субъективные намерения народовольцев по отношению к рабочим — они, конечно, не сводились только к обеспечению террористической деятельности, не приходится спорить с его утверждением, что «лучшие революционные силы, наиболее энергичные рабочие агитаторы участвовали в партии «Народной воли», а главной работой этой партии был политический террор»².

В конце 1880—1890-х годах происходило политическое и идейное самоопределение В.И.Ленина. Повидимому, путь Ленина к марксизму и социал-демократии был не столь прям, как писали об этом исследователи его теоретического и публицистического наследия в советское время. В нашем исследовании затрагивается лишь вопрос об отношении Ленина к народовольчеству и в особенности к народовольческому террору. Полагаю, что свою революционную деятельность В.И.Ульянов-Ленин начал как народоволец; безупречная организация и революционный темперамент народовольцев эпохи расцвета, по-видимому, сохранили для него обаяние на всю жизнь.

«Многие из них, — писал Ленин о революционерах своего поколения, — начинали революционно мыслить как народовольцы. Почти все в ранней юности преклонялись перед героями террора»³. Есть все основания думать, если судить по воспоминаниям близких к нему людей, что он имел в виду и себя⁴. Повышенное внимание Ленина к урокам «Народной воли», несомненно, объяснялось и личными мотивами — судьбой старшего брата, народовольца А.И.Ульянова⁵. Из-

¹ Мартов Л. Красное знамя в России: Очерк истории русского рабочего движения. Женева, 1900. С. 28, 30.

² Мартов Л. Указ. соч. С. 33.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 180.

⁴ Воспоминания о В.И.Ленине. М., 1984. Т. I. С. 21, 30, 212, 259.

⁵ Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине // Воспоминания о В.И.Ленине. М., 1984. Т. I. С. 212; Итенберг Б.С., Черняк А.Я. Жизнь Александра Ульянова. М., 1966. С. 5—6, 156—157; Драбкина Е. Раздумья в Горках // Новый мир. 1987. № 11. С. 6-9.

вестные слова Ленина о «другом пути», якобы произнесенные им после получения известия о казни брата, вряд ли были когда-нибудь произнесены. Впервые обнародованные в воспоминаниях М.И.Ульяновой, опубликованных после смерти Ленина, они носят явный характер литературной стилизации. Кстати, мемуаристке в 1887 г., о котором она вспоминала почти сорок лет спустя, было девять лет. Да и критика тактики, которую пытался применять старший брат, в устах семнадцатилетнего Владимира Ульянова, не имевшего в то время никакого отношения к революционному движению, выглядит психологически недостоверно и не подтверждается никакими другими источниками.

Р.Пайпс пришел к выводу, что Ленин в конце 1880-х — начале 1890-х годов был участником народо-вольческих кружков¹. Пайпс основывался на анализе косвенных данных. Какие-либо ленинские работы, написанные до 1893 года, исследователям неизвестны. Точнее, были неизвестны. Полагаю, что копия с одного из ленинских текстов, снятая известным историком С.Г.Сватиковым и обнаруженная нами в архиве Гуверовского института, удостоверяет его участие в одной из народо-вольческих организаций.

Текст представляет собой «проект программы сборников, которые должны были издаваться за границей «кружком действующих в России народо-вольцев», но под редакцией группы «Освобождение труда»². История документа такова. Сватиков, эмигрант с 1920 года, был, кроме всего прочего, парижским представителем Пражского архива, известным библиографом и собирателем всяческих документов. Не удивительно, что представительница Института Маркса, Энгельса и Ленина в Париже обратилась к нему с просьбой выяснить, какие брошюры из библиотеки Ленина находятся в его огромной коллекции. Разбирая по этому слу-

¹ Pipes R. The Origins of Bolshevism: The Intellectual Evolution of Young Lenin // Pipes R. Russia Observed: Collected Essays on Russian and Soviet History. Boulder; San Francisco and London, 1989. P. 123—150. Статья Р.Пайпса впервые была опубликована в сб. «Revolutionary Russia» (Bloomington, 1968).

² АГИ. Собр. Б.И.Николаевского. Кор. 415. Папка 16.

чаю бумаги, Сватиков обнаружил несколько документов с ленинскими пометками, а также упомянутую программу, написанную рукою Ленина.

В письме, адресованном в ИМЭЛ от 20 мая 1935 года, Сватиков так излагал историю своей находки и ее содержание: «К моему глубокому личному изумлению я нашел собственноручный документ Л[енина], б[ыть] м[ожет] самое первое политическое заявление его, из коего я узнал, что он был активнейшим, если не главным членом кружка народо-вольцев, объявил войну культурничеству, призвал все партии объединиться в федеративный союз, и во главе теоретического органа союза решил просить статью... группу «Осв[обождение] труда». Низвержение абсолютизма, как цель, и революционная борьба, как единственное средство, — вот основные пункты программы сборника». Этот текст Сватиков датировал приблизительно 1890—1893 г.¹

Содержание документа само по себе не представляет большого интереса. Любопытен он в том плане, что доказывает народо-вольческое «происхождение» Ленина. Естественно, возникает вопрос о судьбе подлинника документа, да и о самом его существовании. На наш взгляд, нет особых оснований сомневаться в том, что такой документ действительно был в руках Сватикова и он его правильно идентифицировал. Во-первых, Сватиков был не только историком и архивистом, но и коллекционером; среди его бумаг в Гуверовском архиве находятся различные экслибрисы, в том числе экслибрис Ленина (VL. OULIANOFF), с пометкой, что часть книг Ленина периода его жизни в Париже попала в библиотеку Сватикова; Сватиков собирал автографы и хорошо разбирал почерки. В его коллекции находятся автографы Г.В.Плеханова, В.И.Засулич, С.А.Иванова и др. Для удостоверения почерка Ленина он пригласил парижскую представительницу ИМЭЛ'а, которая тоже идентифицировала его как ленинский. Во-вторых, кроме текста Ленина, он предлагал ИМЭЛ'у некоторые другие документы с ленински-

¹ АГИ. Собр. Б.И.Николаевского. Кор. 415. Папка 16.

ми пометками, также им подробно описанные; в их подлинности вряд ли можно усомниться¹.

Очевидно, сделка не состоялась. Можно только гадать, почему. Возможно, ИМЭЛ не устроила запрашиваемая Сватиковым цена. Но скорее всего сыграли роль обстоятельства времени — переговоры происходили вскоре после убийства С.М.Кирова, когда было разогнано Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, а многие старые народовольцы были отправлены туда, где они уже побывали при царизме — в места не столь отдаленные. В этой обстановке, возможно, имэловские чиновники не стали связываться с опасным документом — для выяснения народовольческого прошлого Ленина время было самое неподходящее. Так что в ИМЭЛ'е текста Ленина не оказалось². Возможно, он находится в одном из французских архивохранилищ или же утрачен после смерти своего владельца — Сватиков умер в Париже в 1942 году.

«Интеллектуальная эволюция», по выражению Р.Пайпса, привела Ленина к социал-демократии, од-

¹ См.: Приложение. Например, Сватиков предлагал рукопись статьи Тер-Арутюняна «Пролетариат» — орган Союза армянских социал-демократов в РСДРП, на основе которой Ленин написал статью «О манифесте "Союза армянских социал-демократов"», опубликованную в № 33 «Искры» (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 102—106), а также письмо на имя редакции «Искры» о посылке упомянутой статьи, отправленное из Женевы и также содержавшее пометки Ленина. Эти документы не попали в ИМЭЛ, хотя их подлинность была несомненна; такой сюжет Сватиков просто не мог придумать. Кстати, под псевдонимом Тер-Арутюнян, о чем не было известно Сватикову, несомненно, скрывался С.Г.Шаумян, редактор «Пролетариата», в 1902 году находившийся в Берлине, а в 1903-м перебравшийся в Женеву. Следовательно, предлагаемый Сватиковым пакет документов не был приобретен ИМЭЛ'ом не потому, что принадлежность текста или пометок Ленину вызывала сомнения, а по каким-то иным причинам.

² В бывшем ЦПА ИМЛ о «сватиковском документе» ничего не известно. Нами просмотрены также фонды Сватикова в ГА РФ и в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США); правда, нельзя исключить, что подлинник может находиться в Бахметьевском архиве — собрание Сватикова составляет там 101 коробку документов, просмотреть их все de visu не удалось, а описание материалов составлено достаточно поверхностно.

нако пиетет к народовольцам он, безусловно, сохранил. Любопытно, что в статье «Задачи русских социал-демократов», ратуя за специализацию в революционной работе, за соблюдение жестких организационных правил, Ленин вспомнил корифеев революционной практики в России, которым только при этих условиях «удавалось... приводить в исполнение самые грандиозные предприятия, затрачивая годы на всестороннюю подготовку дела»¹. Названия «грандиозных» в России, пожалуй, заслуживали только «предприятия» народовольцев, особенно одно из них.

В «Протесте российских социал-демократов», направленном против «Средо» Е.Д.Кусковой, Ленин писал, что «деятели старой "Народной воли" сумели сыграть громадную роль в русской истории... несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория». Он солидаризировался с Манифестом первого съезда РСДРП, в котором говорилось, что «социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще деятелями старой "Народной воли"»². Разумеется, Ленин середины—второй половины 1890-х годов ни в какой степени не принимал народовольческих теорий и писал, в частности, в одной из своих работ, что «русские социал-демократы решительно восстали против этой революционной теории»³.

Что же касается отношения Ленина к терроризму, то оно принципиально не отличалось от позиции большинства лидеров российской социал-демократии. Наиболее четко это проявилось в его известной статье «С чего начать?», в известном смысле, если говорить об отношении социал-демократов к терроризму, завершившей период 1890-х годов, когда террор был вопросом чистой теории и открывавшей новый этап, когда терроризм неожиданно стал реальностью, угрожающей развитию революционного движения в правильном, по марксистским представлениям, направлении.

«Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора, — писал Ленин. — Это — одно из военных действий, которое может быть

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 469.

² Там же. Т. 4. С. 176.

³ Там же. С. 251.

вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях». Но в данный момент, считал Ленин, как раз таких условий и не наблюдается. «... при отсутствии центральной и слабости местных революционных организаций», террор, по мнению Ленина, и не мог быть ничем иным, как средством «единичного нападения». «Вот поэтому-то, — заключал он, — мы решительно объявляем такое средство борьбы при данных обстоятельствах несвоевременным, нецелесообразным, отвлекающим наиболее активных борцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи, дезорганизующим не правительственные, а революционные силы»¹.

«С чего начать?» оказалась едва ли не единственной статьей, в которой Ленин до начала революции 1905 года признал возможность применения террора при определенных обстоятельствах. Террористическая кампания, начатая эсерами, привела к развертыванию на страницах «Искры» и «Зари» жесткой и бескомпромиссной критики терроризма. В последующие четыре года террор стал едва ли не главным предметом межпартийной полемики. За шумом этой полемики как-то позабылось достаточно снисходительное отношение российских социал-демократов к терроризму, характерное для них в 1880-е и отчасти 1890-е годы.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 7.

2. 1901—1904: Возрождение терроризма и русская социал-демократия

Террористические настроения стали возрождаться среди радикальных групп в России уже в конце 1890-х годов. Эта тенденция не осталась незамеченной социал-демократами. Т.М.Копельзон (Гришин) писал Плеханову в конце 1898 — начале 1899 года о появлении нового врага — социалистов-революционеров, с их призывами к возобновлению террора¹. Однако в это время «экономизм» казался более серьезной угрозой «ортодоксам» российской социал-демократии. Между тем, вопрос о терроре ставился в порядок дня некоторыми российскими социал-демократами и отношение к нему «на местах», в России, оказалось, как вскоре выяснилось, достаточно терпимым, если не сказать больше.

Характерно письмо В.П.Ногина своему единомышленнику весной 1900 года: «В данную минуту мы не должны говорить о терроре: на это теперь не пойдет масса. Но трудно предугадать, что будет дальше». Ногин высказал предположение, что если рабочие демонстрации будут жестоко разгоняться, то это вызовет ответную реакцию. «...если все демонстрации будут вызывать столкновения с полицией и повлекать за собой только жестокие наказания, а не уступки, но в то же время уровень развития массы будет повышаться, то возможно у нас возникновение террора»². Ногин довольно точно предсказал ход событий; только первый в двадцатом столетии террористический акт в России стал ответом не на разгон рабочей демонстрации, а на жестокое подавление студенческих волнений.

¹ «...перед нами вырастает теперь другой враг, с которым нам придется очень солидарно бороться. Этот враг — социалисты-революционеры, принявшие лучшие принципы практической деятельности социал-демократов, но зовущие русских революционеров на террор. Недавно вышла гектографированная их программа («Наши задачи». — О.Б.) и критика предыдущих. Они в России начинают объединяться, к ним пристают старые народовольцы» (Группа «Освобождение труда»: Из архивов Г.В.Плеханова, В.И.Засулич и Л.Г.Дейча. М.; Л., 1928. Вып. VI. С. 148).

² В.П.Ногин — С.В.Андропову, 12 марта 1900 // Пролетарская революция. 1924. № 8—9. С. 334.

Начало нового века ознаменовалось нарастанием революционного кризиса. Одним из его симптомов — и важнейших факторов — стало возобновление терроризма. В 1901 году раздали выстрелы П.В.Карповича и В.Ф.Лаговского, направленные в министра народного просвещения Н.П.Боголепова и обер-прокурора Синода К.П.Победоносцева. 2-го апреля следующего года пуля члена Боевой организации эсеров С.В.Балмашева сразила министра внутренних дел Д.С.Сипягина. Эти террористические акты вызвали одобрение в определенных слоях общества и энтузиазм среди значительной части революционеров, не исключая и социал-демократов.

«Я страшно жду, что будет в России 1 мая., — писал В.П.Ногин тому же корреспонденту год спустя после отправки цитированного выше письма, в апреле 1901 г., — Если будет демонстрация, то она будет более кровопролитная, чем 4 марта (имеется в виду демонстрация петербургской интеллигенции 4 марта 1901 г. у Казанского собора, жестоко разогнанная полицией — О.Б.), потому что рабочие будут вооружены, кто чем попало, будут и револьверы. Каждый будет вооружаться для защиты. Я считаю это необходимым и разумным... Теория о неразумности террора есть только у интеллигенции, рабочие не знают ее и будут применять. Теория же о самозащите силою против силы есть и у интеллигенции, да и не может не быть: если меня убивают или убивают моих близких, неужели я смогу ограничиться только криками — нет, я тоже буду убивать...»¹

Резонанс, произведенный покушениями Карповича и Лаговского, заставил заколебаться даже «экономистов», оценивших происшедшее, как «исторический поворот». Так была озаглавлена передовица «Листка "Рабочего дела"», написанная одним из лидеров «экономистов» Б.Н.Кричевским. Он писал, что «исторический момент выдвинул также перед партией совершенно новый вопрос. Выстрелы Карповича и Лаговского и то горячее сочувствие, которое они встретили в рядах молодежи и всех революционных

¹ Письма В.П.Ногина к С.В.Андропову // Пролетарская революция. 1924. № 11. С. 229.

элементов, ясно показывают, что белый террор царского правительствa снова, с неотвратимой силой природы, создают почву для красного террора революционеров. Наши партийные организации не могут и не должны игнорировать этого факта, обходить его молчанием. Они должны сообща решить, какое положение им всем занять по отношению к террору»¹.

Некоторые эмигрантские социал-демократические группы высказались, в более или менее решительной форме, за использование террористических методов. Наиболее откровенно это было сделано в программной брошюре группы «Свобода» «Возрождение революционизма в России», принадлежавшей перу ее лидера Е.О.Зеленского (Л.Надеждина). В своей брошюре Зеленский рекомендовал своеобразный синтез народо-вольческих методов с социал-демократическими теориями и организационными принципами. Он призывал использовать «эксциративный террор» для активизации рабочего движения. «Террор не может не усилить движения, — писал Зеленский, — уже потому, что он — застрельщик политической борьбы, яркий симптом начала конца. Он является затем, чтобы бросить искру в уже собранный и сложенный горячий материал»².

Довольно сочувственно к терроризму, как будет показано ниже, отнеслась и еще одна социал-демократическая группа — «Борьба».

Первые покушения, сначала относительно спонтанные, как выстрелы Карповича и Лаговского, а затем систематический «центральный» террор, возобновленный Боевой организацией ПСР, вызвали мощную антитеррористическую кампанию на страницах «Искры» и «Зари». Кампания обуславливалась как принципиальными, теоретическими соображениями — марксисты полагали, что терроризм сбивает рабочее движение с правильного пути, тем более, что история уже доказала пагубность методов «Народной воли» для

¹ Листок «Рабочего дела». 1901. Апрель. № 6. С. 5.

² Цит. по рецензии В.И.Засулич на «Возрождение революционизма в России», впервые опубликованной в «Заре», 1901. № 2—3. // Засулич В.И. Избранные произведения. С. 360.

самых революционеров, так и чисто конъюнктурными. Рост популярности эсеров после первых же удачных покушений застал социал-демократов в известной мере врасплох. Об этом свидетельствует непоследовательность поведения «искровцев» после покушения **Балмашева**, которым заявила о своем существовании БО. Поначалу они пытались доказать, что **Балмашев** вовсе не эсер, а просто студент, причем в прошлом член киевской социал-демократической организации. При этом напоминалось, что террор в современных условиях лишь мешает массовому движению.

Начало антитеррористической кампании на страницах «Искры» положила статья В.И.Засулич «По поводу современных событий», опубликованная в апреле 1901 года. Засулич писала, что в «публике» слышатся теперь надежды, предсказания и пожелания, чтобы возобновился снова «террор», которым закончилось революционное движение 70-х годов. «Это говорит, по-видимому, — констатировала она, — о самом широком возбуждении, и тем не менее укрепление таких надежд имело бы... противоположную тенденцию: суживать, а не расширять поле битвы»¹.

В своем неприятии терроризма Засулич исходила из того, что волнующее впечатление, которое производят террористические акты, отвлекает внимание от других форм революционной деятельности. Они начинают казаться тривиальными. Энергия террористов сосредотачивается на достаточно узкой сфере и никогда не выходит за ее пределы. Их «достижения» бессмысленны, поскольку в России нет социальных сил, способных использовать дезорганизацию и перестановки в правительстве, вызванные террористами. Единственная польза, которую приносят террористы, заключается в том, что они демонстрируют зависимость всех законов и учреждений в России по-прежнему от узкого круга лиц, находящихся у власти и, в конечном счете, от одного человека.

Обращаясь к временам, которые все еще были живы в ее памяти, Засулич писала, что более чем

¹ Засулич В.И. По поводу современных событий // Искра. 1901. (апрель). № 3 // Искра. Полн. текст / Под ред. и с предисл. П.Н.Лепешинского и Н.К.Крупской. Л., 1925. Вып. I. С. 19.

двадцать лет назад террор был порожден разочарованием в возможности поднять крестьянство на восстание. Для многих из террористов террор тогда был «оружием отчаяния». В настоящее время, писала первая русская террористка, для тех русских людей, которые хотят свободы, нет оснований предаваться отчаянию. Все сторонники свободы и враги нагайки знают, что теперь победа возможна, если каждый примет участие в борьбе¹.

В рецензии на брошюру Зеленского Засулич подчеркивала губительное воздействие террора на организацию революционных сил: «Террор не увеличил числа нелегальных революционеров, — вспоминала она о событиях двадцатилетней давности, — а лишь сосредоточил их работу на одном пункте и усилил интенсивность деятельности центральной организации». Парируя образное утверждение Зеленского, что террор явился искрой для уже собранного и сложенного горючего материала, Засулич с иронией писала: «Вот именно это-то и сделал террор. Явившись симптомом начавшегося конца движения, он сжег на ярком костре «уже собранный» и «сложенный» в нелегальные организации «горючий материал»².

В майском номере «Искры» был напечатан ответ Ю.О.Мартова на «Исторический поворот» Кричевского, в котором ставился якобы «новый» для социал-демократии вопрос о терроре. Мартов, ссылаясь на историю «Народной воли», писал, что «народовольцы ценили всякое общественное движение и особенно надеялись на движение рабочих. Но во всяком таком проявлении общественного движения масс они видели только вспомогательную силу, способную усилить дезорганизацию правительства, главные же удары его организации должна была наносить заговорщическая борьба, в которой террор был главным средством»³.

¹ Засулич В.И. Указ. соч. С. 19—20.

² Засулич В.И. Рец. на: Возрождение революционизма в России. С. 360.

³ Мартов Л. Вопросы дня. Кое-что о терроре. Как иногда люди поворачивают // Искра. 1901. Май. № 4 // Искра. Вып. I. С. 76—77. Между тем статья Кричевского, подвергнутая Мартовым весьма жесткой критике, по-видимому, до-

Критикуя эсеровские теории о том, что террористы будут лишь «застрельщиками» народного движения, Мартов указывал на опыт «Народной воли», которая ставила вопрос таким же образом, что не мешало ее террору в силу внутренней логики, присущей этому средству борьбы, быть на деле отрицанием всякого народного движения»¹.

По вопросу о терроре наметились серьезные разногласия между теоретиками-эмигрантами и местными партийными организациями, которые отнеслись к эсеровскому терроризму, не говоря уже о покушении Гирша Леккерта, рабочего, стрелявшего в Виленского генерал-губернатора В.В. фон Валя в ответ на жестокую и унижительную расправу с демонстрантами — массовую порку, гораздо более лояльно. Д.Ньюэлл проанализировал прокламации местных организаций РСДРП, а также другие «отклики с мест» по поводу известных террористических актов. Они свидетельствуют о сочувственном отношении к террористам и одобрении в целом терактов.

Так, в прокламации по поводу убийства Сипягина Саратовский комитет отвергал мысль, что убийство преступника делает преступником самого убийцу. Сипягин был только частью системы, говорилось в прокламации. Сипягин убит, но Сипягины не перевелись на Руси. Политический строй остался неизменным и место Сипягина занял Плеве. Идет беспощадная война, но она вступила в завершающий период — когда имеют значения дела, а не слова. **Заключитель-**

статочна адекватно отражала настроения определенной части социал-демократов «на местах». «Я, например, сочувствую террористам, — писал в редакцию «Рабочего дела» И.А.Гурвич, — думаю, что террор ничуть не противоречит социал-демократической программе. Благодаря тому, что социал-демократы стали в резко-отрицательное отношение к террору, им воспользовались полумертвые обломки народничества, чтобы снова занять положение в рядах живых. Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, что терроризм будет развиваться» (Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 г. Казань, 1995. С. 157). Надо сказать, что безвестный «рядовой революции» более точно оценил ситуацию, чем лидеры социал-демократии.

¹ Мартов Л. Указ. соч. С. 79.

ным требованием было ответственное правительство, которое будет прислушиваться к трудящимся и на которое трудовой народ сможет оказывать влияние. «Долой царских министров! Долой самодержавие!» — такими традиционными требованиями завершалась прокламация. Нетрудно заметить, что требования прокламации перекликались с требованиями террористов и что в ней преобладали конституционные требования за счет социалистических¹.

Напряженность между местными партийными организациями и партийными лидерами по вопросу об отношении к терроризму нарастала. Это отчетливо заметно, если сравнить тексты, печатавшиеся в «Искре» и «Заре» с еженедельными бюллетенями, издававшимися в качестве своеобразного приложения к ним. В бюллетенях отражались наиболее интересные события, которые произошли в русском революционном движении за неделю, печатались письма с мест и т.п. Они отражали чувства и настроения рядовых участников движения или же социал-демократов «среднего звена» больше, чем партийных теоретиков.

Так, в бюллетене от 1 мая 1902 г. было напечатано письмо из Петербурга, в котором утверждалось, что «настроение очень поднялось» в городе, особенно в связи с покушением Степана Валериановича Балмашева. В третьем листке, вышедшем в июне того же года, поднимался вопрос о судьбах народовольцев, отбывавших с 1880-х годов заключение в Шлиссельбургской крепости. Отмечалось, что здоровье многих из них, приговоренных к пожизненному заключению, оставляет желать много лучшего. Д.Ньюэлл справедливо замечает, что сообщения о здоровье, возрасте и перспективах известных русских террористов, таких, как Михаил Попов, Морозов, Фроленко на страницах социал-демократического листка, в то время как партийные лидеры вели яростную кампанию против распространения терроризма, говорит о наличии симпатий к террористам в довольно широких кругах партийных активистов².

Бюллетени, вышедшие в июне, подтверждают это впечатление. В номере от 10 июня напечатана **сочувст-**

¹ Newell D. Russain Marxists... P. 287.

² Ibid. P. 287-288.

венная заметка из Полтавы о покушении на харьковского губернатора Оболенского. В номере от 19-го — прокламация одесских социал-демократов, озаглавленная «Ко всем», по поводу убийства Сипягина. В прокламации задавался риторический вопрос: как можно не схватиться за оружие, если кровь жертв и позор народного угнетения вызывают к отмщению? Это и приводит к покушениям Карповичей, Лаговских и Аллартов; это заставило убийцу Сипягина положить свою юную жизнь на алтарь свободы. В прокламации выражалась уверенность, что число подобных убийств будет не сокращаться, а расти, так как сама жизнь приводит к таким актам насилия.

Далее в прокламации отдавалась дань партийной ортодоксии и говорилось, что социал-демократы признают, что средствами индивидуального террора нельзя достичь свободы; что сила господствующего класса может быть сломлена только силой организованных трудящихся масс. Но мы не можем не отдать дань этим борцам за народную свободу (т.е., террористам. — *О.Б.*), говорилось в завершение прокламации. «Честь и слава вам, дорогие товарищи! Ваши святые имена навсегда останутся в памяти народной, ваша смерть не останется неотомщенной: посреди дворца Романовых мы воздвигнем знамя Российской Республики. Долой самодержавие! Да здравствует организованная борьба за свободу!»¹

Разногласия отчетливо отразились и на страницах первого номера «Летучего листка», выпущенного в июне 1902 года социал-демократической группой «Борьба». В статье «Объединение», написанной *В.Даневичем* (псевд. *Э.Л.Гуревича*), указывалось на угрозу раскола социал-демократической партии по вопросу об использовании террора. Не отрицая настроения возродить терроризм, он напоминал об опыте четвертьвековой давности, когда тактика, направленная против «мясников» самодержавия переросла в систему политической борьбы, которая, по мнению автора, угрожала рабочему движению. А именно рабочее движение должно быть центром, ведущей силой в борьбе против самодержавия.

¹ Newell D. Russain Marxists... P. 288—289.

Раскола, который террор угрожает произвести, можно избежать путем укрепления связей внутри социал-демократической организации. Вера в силу и эффективность партии должна быть восстановлена. Отдельные партийные организации могут быть слабыми и отдельные члены партии могут быть склонны к индивидуальным действиям, но эти действия должны быть в рамках тактических установок партии. Большее единство партии будет способствовать привлечению других оппозиционных элементов. Пока же разногласия ослабляют партию и продолжают вредить ей. В этих условиях «интеллигенция постепенно теряет веру в силу пролетариата и опять берется за старое оружие — террор...»¹. Объединение принесет РСДРП гегемонию, предрекал Даневич.

Недостаток единства легко можно было заметить, если сравнить первую статью с последующими. На следующей странице, в статье Юрия Невзорова (псевд. *Ю.М.Стеклова-Нахамкеса*), посвященной делу Балмашева, террорист, без обычных для социал-демократической печати оговорок, провозглашался героем, его поведение на следствии сравнивалось с поведением Андрея Желябова. Сочувственно цитировался ответ Балмашева на вопрос о мотивах убийства Сипягина: «Спросите всех русских людей, почему не убили до сих пор; почему я убил — для всех слишком ясно»².

В третьей статье даже отрицалось утверждение Даневича о том, что террористические методы борьбы выбраны революционерами. Ответственность за террор несут «царские опричники», которые сами своим поведением вкладывают пули в револьверы революционеров. Правда, автор уточнял, что он говорит не о «так называемом террористическом методе борьбы» и что покушения недавнего времени не могут быть определены как систематический террор, проводящийся по инициативе и под контролем революционной организации. Под средством политической борьбы автор понимал только систематический и заранее планируе-

¹ Летучий листок группы «Борьба». 1902. Июнь. № 1. С. 1.

² Там же. С. 2.

мый террор. То же, что происходит в России — это «громкие крики общественной совести»¹.

Террор, свидетелем которого стала Россия — это реакция энергичных личностей на бесчеловечную, деспотическую тиранию царя. Вопрос заключается только в том, сознательно ли «царские опричники» провоцируют террористические акты. Автор полагал это возможным и заявлял, что если они думают сбить революционное движение с пути, по которому оно идет, если они надеются, что революционеры бросятся в партизанскую войну против агентов государства, они совершают **ошибку**².

Если нужны дальнейшие доказательства симпатий значительной части русских социал-демократов к террористическим актам подобного рода, достаточно прочесть настоящий гимн героям-террористам начала века в отклике Невзорова на покушение Гирша Леккерта. Он писал о простом сапожнике Леккерте и студенте **Балмашеве**, которые соединились на эшафоте, о том, что они всегда будут служить символом братского единения рабочего люда и революционной интеллигенции, подавших друг другу руки для общего дела — освобождения народа. Невзоров сочувственно цитировал листовку Виленского социал-демократического комитета по поводу покушения на фон Валя.

В листовке выражалась гордость, что еврейский рабочий класс выдвинул из своей среды такого человека, как **Леккерт** и что социал-демократы счастливы, что в рядах еврейского пролетариата произошли столь серьезные изменения. Невзоров, вторя прокламации, приветствовал этот «естественнейший и законнейший акт мщения за так варварски попранные человеческие права», и, назвав **Леккерта** «неустрасимым бойцом», писал, обращаясь к казненному мстителю: «Честь и слава твоему **геройству!**»³

Впрочем, для **Невзорова-Стеклова** терпимое отношение к терроризму не было случайным. В подготовленной ранее статье «Памяти "Народной воли"» он, с одной стороны, писал, вполне в **ортодоксально-марк-**

¹ Опричники у дела // Там же. С. 3.

² Там же.

³ Там же. С. 3.

систском духе, что «террористическая тактика выросла на почве разочарования в возможности массового революционного движения, разочарования, которое к началу 80-х годов было преобладающей чертой интеллигентского настроения», с другой, показав историческую обусловленность народовольческого террора, **Стеклов** счел его в «известном смысле» случайным «покровом» народовольческой деятельности. Он полагал, что террор — это «костюм, который с изменением условий можно сдать в архив и снова извлечь оттуда в случае **надобности**»¹.

В анонимной статье памяти **С.В.Балмашева**, напечатанной в «Летучем листке» группы, значение его трагакта оценивалось весьма образно: «Трон божьего помазаника дал новую трещину; в образе павшей от революционной пули Дикой Свиньи отвалилась одна из колонок императорского **балдахина**»².

Кроме откровенного сочувствия террористам «на местах» и среди немалой части социал-демократической эмиграции, опасения лидеров российской социал-демократии вызывало также поведение их западноевропейских товарищей. Плеханов был особенно разочарован отношением германской социал-демократии к происходящему в России. Во время короткого визита Августа Бебеля в Цюрих в 1902 году, Плеханов нанес ему визит. Он жаловался, что российская социал-демократия страдает не только от репрессий царского правительства, но и от вредной деятельности русских террористов, мелкобуржуазных революционеров, «не имеющих ничего общего с рабочим классом». Плеханов обратил внимание своего собеседника, что германская социал-демократическая печать, «очевидно по недосмотру или беспечности», выражала симпатию к террористическим элементам, которые российская социал-демократия считает наиболее опасными врагами революции. Напомним, что эсеры действительно не

¹ Стеклов Ю.М. Памяти «Народной воли» — цит. по: Стеклов Ю.М. Борцы за социализм. М.; Л., 1924. Ч. 2. С. 80. Статья, написанная к 20-летию казни **первомартовцев**, была опубликована в «Социал-демократическом календаре» (Женева, 1902), изданном группой «Борьба».

² Степан **Валерианович Балмашев** // Летучий листок группы «Борьба». 1901. № 1. Июнь. С. 2.

преминули воспользоваться статьей в «Форвертсе», сохранившей вполне сочувственные, если не восторженные, отклики на возобновление террористической борьбы в России. Бебель заверил Плеханова, что он примет «необходимые меры» для предотвращения подобных инцидентов¹.

Не удивительно, что проблема революционного терроризма занимала все большее место на страницах «Искры» и «Зари», а полемика против эсеров и колеблющихся эсдеков становилась все более ожесточенной. Первую скрипку в ней играл Плеханов. В статье «Что же дальше?» (декабрь 1901) он отнес террор к непозволительным приемам борьбы, которые отрывают «революционеров от массы, штаб от армии». Плеханов обрушился на «экономистов», которые стали выступать в защиту террора. По его предположению, прежнее отрицание экономистами терроризма объяснялось тем, что они идентифицировали его с политической борьбой. Теперь, когда их коснулось общее возбуждение, они отрицают свое прежнее неприятие «политики» и проповедают терроризм, который «по-прежнему представляется им единственным возможным видом политической борьбы». Увлечение терроризмом Плеханов назвал, используя геометрический термин, «дополнительной ошибкой экономизма»².

Проанализировав работы «террористов-классиков», к которым он отнес Н.А.Морозова и В.Тарновского (Г.Г.Романенко), Плеханов показал, что их апология терроризма была вызвана неверием в массовое движение. Современное экономическое состояние России, рост рабочего движения, не позволяют смотреть на происходящее глазами Морозова и Тарновского. Апеллируя к истории русского революционного движения, Плеханов писал, что террор рассматривался поначалу как средство самообороны. Однако террористическая борьба имеет свою логику и «раз начавшись, она не может остановиться до тех пор, пока в самом деле не поглотит всех сил партии и не па-

¹ АГИ. Собр. Б.И.Николаевского. 381-7. С. 11; Newell D. Op. cit. P. 293.

² Плеханов Г.В. Что же дальше? // Соч. М., б/г. Т. XII. С. 170—171. Впервые опубликовано в «Заре». 1901. Декабрь. № 2-3.

рализует почти всех других отраслей ее деятельности, а прежде всего — агитационной деятельности в массе»¹.

С этой точки зрения, наставлял Плеханов еще одних заблудших детей социал-демократии, членов группы «Свобода», устами своего лидера защищавших в брошюре «Возрождение революционизма в России» эксцитативное (агитационное) значение терроризма, их идеи являются повторением старой ошибки. «...защита террора с агитационной точки зрения возможна еще менее, чем с точки зрения охраны революционной организации... Агитатор должен стараться как можно больше сблизиться с массой; а террористическая деятельность отдаляет революционера от массы, замыкая его в тесном круге посвященных в "конспиративное" дело товарищей-конspirаторов». Самое же главное, считал Плеханов, это то, что есть гораздо более сильное средство «возбуждения» массы — ее непосредственное участие в борьбе с властью².

Любопытно, что и в этой статье отрицание терроризма не было абсолютным. Плеханов упоминал о возможности использования террора в качестве вспомогательного приема; в другом месте он писал о том, что при определенных условиях, правда, подчеркивал Плеханов, «при самых редких, совершенно исключительных условиях», «террористическая деятельность и политическая агитация в массе могут идти рука об руку, поддерживая и дополняя друг друга». Однако его конечный вывод был категоричен: «В настоящее время террор не целесообразен, поэтому он вреден»³.

Принципиальное значение имела статья Плеханова «Смерть Сипягина и наши агитационные задачи», опубликованная вскоре после покушения Балмашева, в первом номере «Искры». Плеханов указал на причину возобновления терроризма — крайнее раздражение интеллигенции полицейскими репрессиями. Кроме того, усилением появления терроризма является

¹ Плеханов Г.В. Указ. соч. С. 171—175, 176.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 175, 176—177.

такое соотношение общественных сил, когда об открытом массовом вооруженном восстании думать не приходится. Опасность ситуации Плеханов видел в том, что, «встретив горячее сочувствие в обществе, "терроризм" стремится сделаться господствующим приемом борьбы, отодвинув на задний план все другие»¹.

Признаки такого стремления он усматривал даже в социал-демократической среде, в которой начались разговоры о том, что «демонстрации обходятся слишком дорого и террористические действия скорее поведут к цели». Ссылаясь на опыт 70-х годов, он предупреждал, что «от таких разговоров недалеко и до мысли о "систематическом терроре"». Но «если бы это движение стало террористическим, то оно тем самым подорвало бы свою собственную силу»².

Для рабочего класса он считал более «удобными» демонстрации и другие формы уличных выступлений. Вновь резко отозвавшись о тех, кто считает террор агитационным средством, Плеханов сослался на опыт 70-х — начала 80-х годов. Террор не способствует самодеятельности рабочих, обрекая их на пассивное сочувствие; террор не может принести и политической свободы, при которой легче заниматься пропагандой социалистических идей: «Царь Александр II погиб, царизм продолжает существовать»³.

Тем не менее, противостоять «веяниям времени» было нелегко даже «искровцам», да и вряд ли разумно в условиях нарастающих общественных симпатий по отношению к новой генерации террористов. Начиная с июня 1902 года «Искра» пишет о проблеме терроризма менее решительно. Выстрел Леккерта вызвал одобрение в достаточно широких слоях населения, пожалуй, как никакой другой теракт со времен покушения Веры Засулич. Акт Леккерта обсуждался на страницах «Искры» с использованием такой терминологии, как «праведный гнев», «честь», «само-

¹ Плеханов Г. В. Смерть Сипягина и наши агитационные задачи // Соч. М., б. г. С. 200—201.

² Плеханов Г. В. Указ. соч. С. 201.

³ Там же. С. 202.

отверженностью»¹. Его нелегко было критиковать, квалифицируя как авантюристический или «интеллигентский». Реакция «Искры» свидетельствовала о вынужденном компромиссе, полупризнании террора. Даже Мартов, возможно, наиболее решительный оппонент сторонников терроризма, заколебался в отношении дела Леккерта.

Покушение Леккерта на страницах газеты характеризовалось как достойный ответ на преступления царизма. Радость «Искры» по этому поводу омрачалась лишь сожалением по поводу того, что покушение не оказалось полностью успешным, т. е., что фон Валь был только ранен, а не убит. Леккерт трактовался как «смелый мститель». Как бы предвкусывая следующее покушение, «Искра» указывала, что четыре Виленские социалистические организации выпустили «прекрасно написанную» прокламацию, в которой назывались имена всех тех, кто участвовал в казни Леккерта². Ленин в письме к Плеханову разъяснил столь необычное отношение газеты к теракту: «Из-за заметки о Леккерте в "Искре" у меня вышла маленькая баталия с Бергом (Ю. О. Мартовым — О. Б.) и Великой Дмитриевной (В. И. Засулич — О. Б.), которые оба, как водится, понервничали и стали говорить о неизбежности террора и необходимости для нас это (так или иначе) выразить. Заметка в "Искре" явилась, таким образом, компромиссом: это было все, что я мог *отвечать*».

¹ В листовке Нижегородского комитета РСДРП, перепечатанной в «Искре», говорилось: «Кто решится осудить самоотверженного Леккерта и его праведный гнев?» (Искра. 1902. 15 ноября. № 28. - Цит. по: Искра. Вып. IV. С. 112). В адресе «Организации сормовских рабочих» «виленским рабочим — полякам и евреям — по поводу зверств, совершенных над ними нашим царским правительством», провозглашалось: «Да будет вечная память герою-мстителю за оскорбленную честь пролетариата — еврею Леккерту, павшему от рук палачей!» (Там же. С. 106).

² В редакционном комментарии к корреспонденции из Вильно о расправе с демонстрантами и последующем покушении на Леккерта говорилось: «Вполне достойным и при данных условиях неизбежным ответом явилось произведенное 5 мая покушение на жизнь фон Валя. Радостное чувство сознания, что беспримерное правительственное преступление не осталось безнаказанным, омрачается у нас только сожалением, что покушение не вполне удачно» (Искра. 1902. 1 июля. № 21 / «Искра». Вып. III. С. 110).

Далее Ленин с облегчением замечал, что «теперь Берг сам стал противником террора, даже **Леккертов**»¹.

Одобрительная реакция на покушение **Леккерта** в массах вынудила изменить свое отрицательное отношение к терроризму лидеров Бунда. Если на его 4-м съезде (май 1901 г.) политический террор был объявлен неприемлемым средством борьбы, а возможные акты возмездия в ответ на насилия властей были признаны личным делом членов организации (в чем, правда, выражалось некоторое колебание по отношению к подобным актам)², то в резолюции «О тактике **обесщечивания**», принятой 5-й конференцией Бунда (сентябрь 1902 г.), говорилось, что на обесщечивание членов партии надо отвечать *организованными актами мести* и массового протеста. Резолюция не носила обязательного характера, причем специально подчеркивалось, что месть — не террор и «на путь террора Бунд не становится»³.

Однако резолюция конференции немедленно вызвала критику на страницах заграничной бундовской печати. Автор статьи «О партийной мести» не без оснований доказывал, что месть — это первая стадия терроризма, если она носит не спонтанный, а организованный, партийный характер; это и есть постепенный переход к террору, ибо террор засасывает. Анонимный автор остановился также на «психологической подкладке террористической тенденции» проявившейся на конференции: «В каждом человеке, выросшем и воспитавшемся при самодержавном режиме, сидит террорист... Террористическая психология российского человека, — не без наблюдательности замечал он, — состоит не только в том, что он сочувствует террористическим актам, но еще в том, что он в глубине души приписывает террору положительную, созидательную роль. Сколько бы прекрасных доводов мы себе ни приводили в пользу несостоятельности террора, как средства борьбы против правительства, нам не заглушить внутреннего голоса, продолжающего, во-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 191.

² Tobias H.J. The Jewish Bund in Russia: From Its Origin to 1905. Stanford, 1972. P. 148.

³ К вопросу о терроризме. Лондон, 1903. С. 41—43.

преки голосу рассудка, нашептывать: а все ж таки, если убить такого-то, то, быть может, станет легче жить; как-никак, а политические убийства все же могут поставить некоторые границы царскому произволу, «сократить руки» правительству и пр. — голос не совсем уверенный, но **неотвязчивый**»¹.

По-видимому, этот «неотвязчивый голос» слышало немалое число бундовцев. Кое-кто из них вышел из партии, будучи не в состоянии принять хладнокровные рассуждения партийных теоретиков о неэффективности, при данных условиях, вооруженного сопротивления государственному насилию. Среди них было некоторое количество рабочих из Белостока, прикнувших к более «боевым» революционным организациям в своем городе, благо что недостаток в них не было или, к примеру, **Фрума Фрумкина**, ставшая впоследствии известной эсеровской террористкой. В целом Бунд все же серьезных потерь не понес, хотя проблема применения насилия осталась для него, по выражению Х.Тобиаса, «никогда не заживающей **раной**»². Бунд преодолел «террористический соблазн» довольно быстро и уже его 5-й съезд (июнь—июль 1903 г.) резолюцию «О тактике обесщечивания» отменил.

Характерно, в то же время, что, критикуя эсеровский терроризм в «установочной» брошюре «К вопросу о терроризме», бундовский публицист выступил против попыток осудить его с «моральной точки зрения». Прочитывая высказывания, осуждавшие терроризм с точки зрения этики, содержащиеся в некоторых социал-демократических прокламациях «на местах» («не дело революционера стать судьей или палачом», прокламация «Группы «Южного рабочего»), анонимный автор писал: «Единственный критерий пригодности и допустимости того или другого способа борьбы есть целесообразность, и только с этой точки зрения можно критиковать террор. Мы, социал-демократы, вообще не высказываемся ни против террора, ни против каких бы то ни было форм насилия. Мы только говорим, что в настоящее время террор нецеле-

¹ Статья «О партийной мести» из № 88 «Последних известий» от 4 октября (21 сентября) 1902 г. цитируется по сб.: К вопросу о терроризме. С. 51—52.

² Tobias H.J. Op. cit. P. 155.

сообразен, стало быть вреден. Если наступит момент, когда с точки зрения нашей цели террор окажется нужным, то никакие этические соображения нас не удержат от его применения, точно также как мы не остановимся ни перед какой бы то ни было формой насилия, если она окажется в данную минуту целесообразной»¹.

Однако вернемся к «искровцам». Они были весьма встревожены ростом сотрудничества между социал-демократами и социалистами-революционерами на местах. В 1901—1902 годах возникли объединенные комитеты эсдеков и эсеров в некоторых городах России. Многие эмигрантские социал-демократические группы, вслед за «Свободой», также повернули в сторону терроризма. Эти изменения настроений все глубже проникали в «низы».

Как справедливо пишет Дж. Кип в своей книге о русской социал-демократии, в это время «заметным явлением было широкое распространение симпатий к террористическим методам среди боевых элементов рабочего класса, которые номинально значились социал-демократами. В Казани местный партийный комитет переиздал эсеровскую литературу. Четырнадцать комитетов Бунда, также как некоторые комитеты на Украине, открыто декларировали поддержку, в принципе, терроризма. В Саратове и на Урале оформились объединенные комитеты эсеров и эсдеков. Факты свидетельствуют, что "пролетарское классовое сознание", на которое полагались русские марксисты, оказалось очень тонким, если вообще существовавшим. Среди значительной части населения России существовала скрытая склонность к более решительным формам насилия, которая, естественно, стремилась проявить себя в рамках партии, исповедующей марксистские принципы»².

Многочисленные бюллетени, листовки и прокламации, выпущенные социал-демократическими организациями, приветствовали различные акты индивидуального террора. Действия Карповича и Балмашева

¹ К вопросу о терроризме. С. 36—37.

² Keep J. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963. P. 79.

оценивались с уважением и одобрением. Несколько месяцев спустя после начала террористической кампании многие социал-демократические организации были готовы признать террор не только отдельным героическим деянием, но и законным тактическим средством.

Уральская группа еще в 1901 году приняла «Программу Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров». В документе признавалось, что забастовки и другие «политические манифестации» являются наиболее подходящими формами политического протеста. Уральский союз не заявлял террор в качестве средства политической борьбы, однако признавал за членами организации право на индивидуальный террористический акт, если он предпринят на собственный страх и риск. «Искра» была очень встревожена этим союзом и резко осудила признание терроризма, даже в форме позволения членам организации совершать террористические акты по своему усмотрению, без опоры на партийную группу. По мнению «Искры», Уральская группа, самостоятельно решая принципиальные тактические вопросы, поставила себя в изолированное положение по отношению к большинству социал-демократических организаций¹. Преодолеть подобные шатания можно было, по мнению главного социал-демократического органа, опять-таки, укреплением партийного единства, разумеется, на «искровской» платформе.

Для Плеханова происходящее, по остроумному замечанию Д. Ньюэлла, должно было быть чем-то вроде эффекта «дежа вю». Его хронические опасения, что терроризм соблазнит его пролетарских последователей, казалось, становились реальностью. Расхождения Плеханова с эсерами все больше напоминали его прежние разногласия с народовольцами, закончившиеся, как известно, не в его пользу². Он был даже готов заклю-

¹ Искра. 1902. 1 июня. № 21. С. 8.

² Любопытно, что незадолго до начала жесткой полемики против эсеровского терроризма, Плеханов, по воспоминаниям Г. Б. Сандомирского, отказался прийти оппонировать В. М. Чернову во время одного из его выступлений, заявив: «Я партии с.-р. не признаю, такой партии в России нет» (Румий (В. Ваганян). Плеханов и террор // Под знаменем марксизма. 1923. № 6—7. С. 28).

читать союз с недавними, как казалось, главными врагами — «экономистами», для совместной борьбы против эсеров. «... тот, кто действительно примирил бы нас с «Р[абочим] д[елом]», — писал Плеханов летом 1902 года, — оказал бы услугу отечеству. Теперь наши враги — «социалисты-революционеры»¹.

Господствующие настроения характеризует одно из писем молодого Л.Д.Троцкого, взывавшего из Лондона к «революционному отмщению» во имя памяти старых террористов. Правда, он оговаривался, что речь идет не о «казни кабинета министров», а об уничтожении самодержавия².

Плеханов пытался несколько охладить эту склонность к немедленному революционному насилию. Он писал, что акты самопожертвования не могут разрушить самодержавия. Героический акт **Леккерта** не ослабил гнета царизма, как ранее акт Засулич не помог Боголюбову. Целью партии не является наказание всех и каждого чиновников царского режима. Да партия и не смогла бы это сделать, если бы даже и захотела³. Ленин в письме Плеханову от 2 июля 1902 года солидаризировался с его позицией⁴. Плеханов собирался написать брошюру против терроризма, однако в итоге ограничился статьями, появившимися в «Искре» в августе и октябре⁵.

Летом 1902 года социал-демократическая пресса ужесточила борьбу против социалистов-революционеров и их намерения сочетать терроризм с массовым движением. «Искровские» публицисты постоянно повторяли, что террор вносит только дезорганизацию, способствуя перемещению центра борьбы от пролетарских масс к заговорщическим группам и даже отдельным индивидуумам. Пассивность масс усиливается в

¹ Плеханов Г.В. — Аксельроду П.Б., 29 июля 1902 // Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. М., 1925. Т. 2. С. 182.

² См.: Parry A. Terrorism from Robespierre to Arafat. New York, 1976. P. 173; Newell D. Op. cit. P. 296.

³ Плеханов Г.В. Русский рабочий класс и полицейские розги // Искра. 1902. Июль. № 22. С. 2.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 191.

⁵ Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. М., 1925. Т. 2. С. 182.

связи с террористическими актами, отвлекающими революционеров от организационной и пропагандистской деятельности.

Угроза, которую несла социал-демократам и, по их мнению, также и массовому движению, террористическая кампания эсеров, была так велика, что Ленин призвал объявить им «беспощадную войну». В тезисах против эсеров, составленных им в конце июня-июле 1902 года, но напечатанных лишь после революции, он посвятил отдельный пункт критике эсеровского терроризма. «Ставя в свою программу террор и проповедуя его как средство политической борьбы в современной его форме, социалисты-революционеры приносят этим самый серьезный вред движению, разрушая неразрывную связь социалистической работы с массой революционного класса», — писал Ленин, повторяя общую для «искровской» антитеррористической публицистики мысль. Эсеровский террор, продолжал Ленин, «ни в какой связи с работой в массах, для масс и совместно с массами не стоит». Терроризм отвлекает силы немногочисленных революционеров от их важнейшего дела — «организации революционной рабочей партии... на деле террор социалистов-революционеров является не чем иным, как единоборством, всецело осужденным опытом истории»¹.

В статье против эсеров «Революционный авантюризм», первая часть которой, посвященная в основном критике терроризма, была напечатана в августовском номере «Искры» за 1902 год, Ленин повторяет аргументы своего неопубликованного наброска. «Защищая террор, непригодность которого так ясно доказана опытом русского революционного движения, — писал он, — соц.-рев. из кожи лезут, заявляя, что они признают лишь террор вместе с работой в массах и что поэтому те доводы, которыми русские соц.-демократы опровергали (и на долгое время опровергли) целесообразность такого приема борьбы, к ним не относятся». На самом деле, доказывал Ленин, склонность эсеров к террору связана «с тем фактом, что они с самого нача-

¹ Ленин В.И. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 75.

ла стали и продолжают стоять в стороне от рабочего движения»¹.

Далее Ленин, в присущей ему ядовитой манере, подверг беспощадной критике одну из эсеровских прокламаций по поводу покушения Балмашева, а также некоторые тексты «Революционной России». Правда, нетрудно заметить, что ленинская критика терроризма (что, впрочем, не отличало ее и от других статей такого рода), была не более, чем критикой слов. На самом деле, реальное знание эсдеков, как и эсеров, о влиянии терактов на «массу» и «общество» было достаточно смутным; они скорее писали о том, что должно было бы быть, чем о том, что происходило в действительности. Более того — действительность скорее показывала безусловно положительную реакцию либерального общества на теракты, а также сочувственное отношение к ним многих социал-демократов в России.

Во всяком случае, категоричность прогноза Ленина о том, что «увлечение террором не более, чем скоропреходящее настроение»² могла соперничать лишь с его ошибочностью.

Социал-демократы оказались перед трудной проблемой. Как противостоять использованию эсерами террора, не противопоставляя себя большинству населения, которое, казалось, относилось к террористическим актам со все возрастающим одобрением? Марксистские публицисты пытались, по мере сил, ослабить влияние эсеровских методов и эсеровской пропаганды на массы.

Уверенности в своей правоте эсдекам придала Ростовская стачка. В посвященной ей статье «Новые события и старые вопросы» Ленин писал, что «среди нашей интеллигенции, настроенной революционно, но не имеющей зачастую ни прочной связи с рабочим движением, ни крепких устоев определенных социалистических убеждений, стали раздаваться многочисленные голоса уныния и неверия в массовое рабочее движение, с одной стороны, а с другой — голоса в

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 380. Первая часть статьи Ленина «Революционный авантюризм» была опубликована в «Искре», № 23 от 1 августа 1902.

² Ленин В.И. Указ. соч. С. 387.

пользу повторения старой тактики отдельных политических убийств как необходимого и обязательного в настоящее время приема политической борьбы»¹.

Ростовские события, подчеркивал Ленин, «показывают воочию всю нелепость и весь вред предпринятой соц.-революционерами попытки реставрировать народолюбчество со всеми его теоретическими и тактическими ошибками». «Соц.-рев., — писал он, — не могут нахвалиться тем, как велико "агитирующее" действие политических убийств, о которых шушукуются так много в либеральных гостиных и в простонародных кабаках. Для них ничего не стоит... заменить... политическое воспитание пролетариата произведением политической сенсации»².

Название «действительно революционных актов» заслуживают, считал Ленин, только такие массовые движения, которые, подобно Ростовской стачке, связаны с «наглядно выступающим перед всеми ростом политического сознания и революционной активности рабочего класса». Он писал, что «целой сотне царубийств не произвести никогда такого возбуждающего и воспитывающего действия, как это одно участие десятков тысяч рабочего народа в собраниях, обсуждающих их насущные интересы и связь политики с этими интересами... Как ни далеко было от «настоящего» восстания начало этого, по-видимому, стачечного движения в далеком провинциальном городе, а его продолжение и его финал невольно наводят мысль именно о восстании»³.

В статье, посвященной значению Ростовской стачки, Плеханов писал, что она не только опровергла аргументы эсеров в пользу террора, но также показала вообще ошибочность теорий, на которых основывала свою деятельность партия социалистов-революционеров. Он указывал на растущее отчуждение между «героями» и «толпой», к которому приводит деятельность террористов. Это отчуждение ослабляет движение, несмотря на симпатии масс к террористам и их недо-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 58. Впервые опубликовано в «Искре», № 29 от 1 декабря 1902.

² Ленин В.И. Указ. соч. С. 59, 60.

³ Там же. С. 60—61.

вольство властями. Терроризм оставляет массы пассивными, ибо «герои» действуют за них. Демонстрации не получали развития, поскольку массы были пассивны и расходились по первому требованию полиции, полагая, что дело борьбы с ней возьмет на себя кто-то другой. Необходимо остановить растущее разочарование в демонстрациях и увеличивающийся разрыв между «героями» и «толпой». Как этого достичь, было продемонстрировано в ходе ноябрьской стачки в Ростове-на-Дону. Там не было «героев» и пассивной толпы. Там были только тысячи рабочих, осознавших необходимость борьбы против угнетателей и готовых к этой борьбе. «Герои» и «толпа» слились. Ростовские события, полагал Плеханов, открыли новую эпоху, эпоху массовых демонстраций¹.

На следующей неделе в «Искре» появилась статья Л.Д.Троцкого, в которой давался краткий анализ терроризма, во многом повторявший то, что уже говорилось по этому предмету на страницах газеты. Он коснулся утверждений, что безоружные рабочие в ходе массовых демонстраций несут большие потери при столкновениях с полицией. По его мнению, потери были не больше, чем от казней революционеров, пошедших на террористический акт, в то же время демонстрации позволяют преодолеть угрозу отчуждения между «героями» и «толпой», к чему непременно приводит терроризм. «Логика истинно-революционных событий, разыгравшихся в Ростове, — писал Троцкий, — сдунула, как карточный домик, хрупкую террористическую логику "Р[еволюционной] Р[оссии]". Значение ростовских дней неопределимо, между прочим, потому, что при их свете террористические акты должны были получить настоящую, не романтическую оценку...»²

Ростовские события ничуть, впрочем, не поколебали убежденности эсеров в верности их тактики. Напротив, они, как писал впоследствии кн. Д.А.Хилков, «показали необходимость для революционеров быть

¹ Плеханов Г.В. Значение ростовской стачки // Искра. 1903. 15 января. № 32 / Искра. Вып. V. С. 22—26.

² Троцкий Н. Благородство вместо программы и нервность вместо тактики // Искра. 1903. № 33. 1 февраля / Искра. Вып. V. С. 51.

всегда готовыми», при возникновении соответствующих обстоятельств, вступить в «прямую насильственную революционную борьбу с правительством». А так как «такая борьба мыслима только там, где существуют благоприятные организационные террористические дружины», то ростовские события указывают на необходимость заблаговременного формирования таких дружин. «В революционной практике массовых движений, — заключал князь, в прошлом лейб-гусар и толтовец, дошедший в своем революционизме до крайностей терроризма, — отрицание террора неизбежно приводит к подобию того, к чему приводили бы попытки вбивать клинья тупыми концами»¹.

«Искровцы» с тревогой следили за событиями, способными спровоцировать новые террористические акты. В статье А.Н.Потресова «О двуликой демократии» указывалось на недавние студенческие волнения, как на причину поворота к терроризму. В статье говорилось, что перемещением внимания от «пролетарских масс к интеллигентному меньшинству» студенческие волнения создали психологический климат в котором может расцвести терроризм и задачи рабочего движения могут быть забыты. Газета выражала традиционные опасения, что борьба рабочих и крестьян за свободу будет подменена деятельностью небольшой группы «решительных личностей», которые пойдут своим собственным путем, оттеснив массы на второй план.

Потресов выражал также опасения, что одновременно с терроризмом может возродиться и вера в крестьянское восстание — за счет пролетариата. Либеральную интеллигенцию привлекает терроризм, полный романтических чувств и переживаний. Потресов писал, что он еще может понять привлекательность тактики «Народной воли», но не в состоянии понять «некритическую», «детскую» веру поддерживающих «так называемую» Боевую организацию и ее символические выстрелы. В статье Потресова особенно бьет в глаза сочетание антитеррористического пафоса с на редкость ошибочной оценкой перспектив этого спосо-

¹ Хилков Д. Террор и массовая борьба // Вестник русской революции. 1905. № 4. С. 243, 256.

ба борьбы в русском революционном движении: «Террор! — восклицал он, — Возможно ли, однако, сомневаться в том, что террор допевает свои песни? Противники террора, мы можем еще понимать обаяние народвольческой тактики, но мы изумились бы нетребовательности и терпеливому чувству молодой демократии, продолжающей хранить свою детскую веру в символические выстрелы так называемой «боевой организации». Однако, в кои веки раздающийся револьверный разряд, — есть ли что общего у этого случайного гостя общественной сцены с тем, что называется тактическими приемами политической партии?»¹

Потресов среди социал-демократических критиков террористической тактики отличался особым умением в своих прогнозах попадать впросяк. В статье по поводу процесса Гершуни он уверенно констатировал, что «террористический цветок был простым пустоцветом»; Гершуни, по его мнению, был террористом-одиночкой, никакой боевой организации на самом деле не существовало, по той причине, что для нее не было подходящего «персонала», как в 70-е годы для Исполнительного комитета. А для террориста-одиночки «исключена даже возможность развития, возможность того нарастания сенсаций, без которого террор — мертворожденное детище. Что другое, а охранять своих членов, находящихся на важнейших политических аванпостах, самодержавная бюрократия умеет и при малейшем намеке на опасность создает такие условия, при которых наиболее «заинтересованные» лица достаточно гарантированы от действий упрощенного террора. Недаром, посмотрите, — начав оперировать с министров, «боевая организация» принуждена была затем отступить... к губернаторам и — вне всякого сомнения — только дальнейшее ее небытие спасло ее от печальной необходимости — подерживать свое существование истреблением кварталных...»²

¹ Старовер (А.Н.Потресов). О двуликости демократии // Искра. 1903. 1 марта. № 35 / Искра. Вып. V. С. 101.

² Старовер (А.Н.Потресов). По поводу одного процесса // «Искра» за два года: Сборник статей из «Искры». СПб., 1906. Ч. 1. С. 481-482.

Статья Потресова была опубликована в «Искре» 18 апреля 1904 года, менее чем за три месяца до убийства министра внутренних дел В.К.Плеве, возглавлявшего по должности имперскую полицию, осуществленного среди белого дня в столице империи... Политически этот террористический акт имел более чем серьезные последствия.

В общем, позиции лидеров и теоретиков российской социал-демократии, несмотря на отдельные оговорки и временные, едва заметные колебания по отношению к терроризму, в 1901 — 1904 годах были более бескомпромиссны, чем когда-либо прежде или впоследствии. Антитеррористическая кампания на страницах «Искры» и других печатных органов российской (и иногда германской) социал-демократии, то обостряясь, то несколько затухая, была постоянным фактором идейной борьбы в русском революционном движении. Аргументы, выдвигаемые против терроризма, в общем, варьировались незначительно и поскольку повторять одно и то же было не с руки, то полемика временами выливалась в уличение идейных противников в исторических неточностях или сокрытии тех или иных фактов от международной социалистической общности¹.

Раскол российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков не привел, по крайней мере на первых порах, к сколько-нибудь существенным расхождениям в вопросе о терроризме, и позиция обеих фракций оставалась солидарной. Вряд ли кто-нибудь протестовал бы против подготовленной Лениным ко II съезду РСДРП, но так и не голосовавшей, резолюции о терроре, суммирующей главные идеи, высказывавшиеся на страницах «ортодоксальных» партийных органов по этому вопросу: «Съезд решительно отвергает террор, т.е. систему единичных политических убийств, как способ политической борьбы, в высшей степени нецелесообразный в настоящее время, отвлекающий лучшие силы от насущной и настоятельно не-

¹ См.: Плеханов Г.В. 1) Торжество социалистов-революционеров (Искра. 5 октября 1904. № 75); 2) Довольно ли? (Искра. 20 ноября 1904. № 78); 3) Еще о двойной бухгалтерии (Искра. 1 января 1905. № 82).

обходимой организационной и агитационной работы, разрушающий связь революционеров с массами революционных классов населения, поселяющий и среди самих революционеров и среди населения вообще самые превратные представления о задачах и способах борьбы с самодержавием»¹.

Среди работ, посвященных проблеме терроризма, несколько особняком стоит опубликованная Плехановым в августе 1904 г. в органе германских социал-демократов «Форвертс» статья «Социал-демократия и терроризм». Парадокс ситуации, по поводу которой была написана статья, заключался в том, что на процессе против социал-демократов, проходившем незадолго до того в Кенигсберге, прокурор, в качестве доказательства приверженности русских социал-демократов терроризму, ссылался на «Наши разногласия» Плеханова! Плеханову пришлось потратить немало усилий, чтобы найти объяснение своей известной фразы в пользу терроризма таким образом, чтобы изменить задним числом ее смысл на прямо противоположный. «Цель этих моих слов заключалась не в том, чтобы направлять революционные силы на террор, а в том, чтобы отвлечь часть их на дело пропаганды и агитации в среде пролетариата»².

Еще раз, в лапидарной и весьма жесткой форме Плеханов высказал свое отношение к терроризму. «Возвращаясь к терроризму, — писал он, — я повторю еще, что наша партия в настоящее время относится к нему с самым решительным отрицанием... Убежденный социал-демократ, полный веры в свое дело, никогда не станет террористом». Он в очередной раз подчеркивал, что террору могут сочувствовать только люди, разочаровавшиеся в массовом движении. Террористические действия скорее вредны для революционного движения, ибо провоцируют «белый террор» и создают тем самым дополнительные препятствия для агитационной и пропагандистской работы в массах. Увлечение террором, отвлекая профессиональных ре-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 251.

² Плеханов Г.В. Социал-демократия и терроризм // Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII. С. 142.

волюционеров от пропаганды и агитации, замедляет распространение революционных идей в рабочей массе¹.

Плеханов упрекал западноевропейских социал-демократов за то, что они, даже отвергая террор в принципе, отзываются нередко о террористах как о героях *par excellence*. «Эти люди не знают, что *при русских полицейских условиях деятельность пропагандиста и агитатора требует гораздо больше самоотвержения, чем самый смелый аттентат*». Современный социалист, заключал свой «обвинительный акт» Плеханов, «*н и к о г д а* (разрядка моя. — О.Б.) не признает нашего террора серьезным средством революционной борьбы, нашего террора, который всегда был и останется делом отдельных лиц или в лучшем случае — делом отдельных и по необходимости небольших революционных организаций»².

Когда Плеханов уже закончил статью, пришло сообщение об убийстве Плеве. Как известно, этот самый громкий теракт Боевой организации вызвал едва ли не всеобщее одобрение в обществе и привел к повороту во внутренней политике самодержавия, став одним из наглядных образцов того, что терроризм при определенных обстоятельствах является вполне эффективным оружием. Однако первая реакция Плеханова на убийство Плеве была весьма настороженной. В кратком послесловии к статье в «Форвертсе», так и озаглавленном — «После убийства Плеве», он писал, что удачное покушение на жизнь всесильного министра несколько не изменяет его взгляда «на роль террора в нашей освободительной борьбе». Он выразил опасения, оказавшиеся беспочвенными, что покушение еще более усилит «политический гнет царизма» и увеличит трудности «нашего рабочего движения»³.

¹ Плеханов Г.В. Указ. соч. С. 143—144.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 145—146. Любопытно, что германские социал-демократы отнеслись к терроризму менее ригористично, чем их российский собрат. В редакционном примечании к статье Плеханова говорилось о солидарности с точкой зрения Плеханова в целом, но высказывалось предположение, что «не потерянная надежда на пролетарское рабочее движение порождает в настоящее время покушения,

Уже после отсылки статьи в «Форвертс» Плеханов писал А.Н.Потресову по поводу, по-видимому, больше встревожившего, чем обрадовавшего его убийства Плеве: «по моему мнению, в № 70 "Искры" необходимо поместить хоть небольшую заметку о Плеве!... По моему, надо выругать Плеве, но немедленно закричать: *товарищи, помните, что террор не наше дело и*

но приобретенное на опыте убеждение, что рабочее движение, если не прибегнет к этому средству, не будет иметь при царском абсолютизме возможности действительного развития». «Нам кажется, — говорилось далее, — что людей, решающихся на такое дело, движет, рядом с возмущением, отчаянием против совершенных царскими сыщиками злодеяний, также и надежда, что так, наконец, должен быть и так только и может быть очищен путь для настоящего рабочего движения. Нельзя также не признать, что при настоящем положении вещей в России, такой акт, если сам по себе, конечно, не обеспечивает надолго избавления, то, однако, в данный момент облегчает страшный гнет, лежащий у всех на душе, и потерявшим надежду вселяет новую надежду, обещанным — чувство восстановленной чести». (Цит. по: Румий (В.Ваганян). Плеханов и террор // Под знаменем марксизма. 1923. № 6—7. С. 35—36). Это примечание, разумеется, послужило прекрасным «подарком» для эсеров; они не преминули использовать его для полемики против российских социал-демократов.

¹ В 70-м номере «Искры» убийству Плеве была посвящена статья Мартова «Террор и массовое движение». В ней говорилось, что из терроризма политические выгоды извлекут прежде всего либералы, что же касается социал-демократов, то «каждый террористический акт должен дать нам новый повод разъяснять пролетариату и другим революционным общественным элементам нецелесообразность террора, как метода политической борьбы для партии народных масс» («Искра» за два года: Сборник статей из «Искры». СПб., 1906. Ч. 1. С. 128—129). В статье Мартова содержался следующий любопытный пассаж: отвечая немецкому прокурору, который на Кенигсбергском процессе ставил в вину «Искре», что она «отрицая террор по соображениям политической целесообразности, не выражает какого-либо нравственного возмущения по поводу террористических актов», Мартов писал: «Немецкой прокуратуре не дожидаться такого времени, когда российская социал-демократия "возвысится" до той морали, которая способна возмущаться убийством одного министра и набрасывать покров "государственной необходимости" на массовые убийства, совершенные по приказу того же министра». (Там же. С. 124).

что теперь больше, чем когда-нибудь, нам необходимо сосредоточить наши силы на нашем рабочем деле. Я думаю, что теперь всякая нота сочувствия террору была бы очень для нас опасна во всех отношениях»¹.

Трудно вообразить, что человек, столь бескомпромиссно высказывавшийся против терроризма в августе 1904 года, менее чем полгода спустя, в феврале 1905-го, признает чрезвычайно важной роль «дезорганизаторской деятельности» и призовет социал-демократическую партию к соглашению с «разными террористическими группами». Такой решительный (и стремительный!) пересмотр тактических установок должен был быть вызван чем-то чрезвычайным. Чрезвычайное действительно случилось — в России началась революция.

3. «Вместе бить!» (Революция 1905—1907 годов, терроризм и русская социал-демократия)

Революция 1905 года, поставившая для социал-демократов в порядок дня вопросы о вооруженном восстании и других способах насильственного свержения существующего строя, привела и к существенному изменению подходов к проблеме терроризма. Диктовалось это и вполне реальными успехами эсеров на террористическом поприще, явно, в период политической нестабильности, расшатывавшими устои режима, и настроениями «рядовых» революционной армии. Они стремительно радикализировались и временами действия боевых дружин и им подобных вооруженных формирований большевиков, меньшевиков или эсеров мало чем отличались друг от друга. Отсюда естественным было желание скоординировать действия различных революционных партий, что предполагало учет взаимных интересов и более лояльное отношение к истинным или мнимым теоретическим заблуждениям партнеров по революционной борьбе.

¹ Плеханов Г.В. — Потресову А.Н. 30 или 31 июля 1904 // Социал-демократическое движение в России: Материалы. М.; Л., 1928. Т. I. С. 133.

Особенно разительной выглядела эволюция Плеханова. Собственно, его оценки терроризма изменились столь стремительно, что слово эволюция вряд ли адекватно характеризует быстроту перемены его взглядов. Статья Плеханова «Врозь идти, вместе бить!», опубликованная в «Искре» в начале февраля 1905 года, была настоящим боевым манифестом. «В наиболее ярких местах этой статьи, — справедливо пишет С.В.Тютюкин, — перед нами предстает как будто прежний Плеханов — боец, оптимист, революционер-"якобинец"»¹. Впрочем, по нашему мнению, Плеханов никогда не переставал быть «бойцом» и революционером. В монографии Тютюкина рассматривается отношение Плеханова к восстанию. Автор выделяет два основополагающих момента в отношении Плеханова к восстанию: во-первых, он писал, что социал-демократия отстаивает те средства борьбы, которые считает целесообразными в данный момент и этим определяется использование ею насильственных действий, когда это соответствует конкретным обстоятельствам; во-вторых, «российские социал-демократы никогда не могли выработать в себе особого пристрастия к «законности», так как сама обстановка самодержавного государства постоянно внушала им мысль о неизбежности вооруженной борьбы с царизмом. Великие исторические вопросы, подчеркивал Плеханов, разрешаются в конечном счете огнем и мечом, «критикой посредством оружия»².

Терроризм был для Плеханова составной частью этой «критики оружием», применимой в условиях восстания или непосредственно предшествующих восстанию. «...всякий, ведущий войну, — писал он, — считает своим долгом по возможности дезорганизовать силы неприятеля... Наш неприятель вооружен так хорошо, что невозможно противостоять ему в открытом бою без предварительной дезорганизации его сил». Плеханов напоминал читателю о своей статье «О демонстрациях» в № 14 «Искры», в которой он, разбирая брошюру «Об уличных беспорядках (мысли воен-

¹ Тютюкин С.В. Первая российская революция и Г.В.Плеханов. М., 1981. С. 189.

² Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 186—187; Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII. С. 190, 354.

ного)» обращал внимание на советы автора (В.Я.Богучарского, подписавшегося псевд. «Бывалый»; кстати, он был не только действительно отставным офицером, но и бывшим народовольцем) в самом начале борьбы народа с войском «изъять из обращения гражданское, полицейское и военное начальство». В этой статье Плеханов высказал предположение, не заостряя на нем внимание читателей, что социал-демократии, вероятно, придется прибегнуть к этому средству, «когда придет время нанести последний, смертельный удар издыхающему царизму»¹.

Далее следовали недавно еще труднопредставимые в устах Плеханова открытые призывы к применению террористических методов: «мы заявляем категорически: дезорганизация правительственной власти, — каких бы "изъятий" она ни потребовала, — представляет собою, ввиду современной военной техники, совершенно необходимое условие удачного вооруженного восстания... Но дезорганизация неприятеля, очевидно, — разъяснял Плеханов традиционный для сторонников терроризма эвфемизм, — предполагает ряд таких действий, которые называются у нас террористическими». Далее Плеханов объяснял свой неожиданный поворот по отношению к террору — «берясь за оружие, мы изменим свое отношение к террору по той простой причине, что тогда коренным образом изменится его значение, как приема революционной борьбы. Если бы мы вздумали практиковать его в обыкновенное время, то мы совершенно отклонились бы от своей прямой и самой важной задачи: от агитации в массе. Поэтому мы обыкновенно отвергали его как нецелесообразный прием борьбы. А в момент восстания он облегчит успешный исход нашей революционной массовой агитации...»²

Оговорив, что террору надо будет отвести «строго подчиненное» место «в нашем плане военных действий» и напомнив, что «в течение долгого, очень долгого времени «террор» дезорганизовал не правительство, а самих революционеров», Плеханов указывал, что

¹ Плеханов Г.В. Врозь идти, вместе бить! // Там же. С. 194-195.

² Плеханов Г.В. Указ. соч. С. 195.

«во время восстания он дезорганизует врагов революции», и категорически заключал: «И не найдется ни одного социал-демократа, который откажется прибегнуть к нему в такое **время**»¹.

Настроение, характерное для этой статьи Плеханова, не было результатом революционного азарта, охватившего многих даже сравнительно «умеренных» социал-демократов под влиянием событий января 1905 года в **России**². В предисловии к женевскому изданию своих сочинений, датированному 26-м августа 1905 года, Плеханов, после разъяснения смысла своих уступок террористам, сделанных в «Наших разногласиях» — он объяснял их, как и в статье «Социал-демократия и терроризм», обстоятельствами времени и чисто тактическими соображениями, — и напоминания о своей антитеррористической публицистике³, далее писал: «Но и это не значит, что я безусловно "отрицал" и "отрицаю террор". Повторяю, обстоятельства меняются, а террор не принцип. Может быть, скоро придет такое время, когда я не менее энергично стану высказываться в пользу *террора*»⁴.

Собственно, то, о чем Плеханов почему-то писал в будущем времени, уже было им сделано в статье «Врозь идти, вместе **бить!**», в которой он высказался в пользу террора весьма энергично.

В предисловии к женевскому изданию собрания сочинений Плеханов сформулировал свое отношение

¹ Плеханов Г.В. Указ. соч.

² «И, из песни слова не выкинешь, — писал биограф и издатель эпистолярного наследия Ф.И.Дана Б.М.Сапир, — его перу принадлежит "Письмо к партийным организациям", вероятно, от января 1905 г., рекомендовавшее запастись оружием, патронами, динамитом и передать эту деятельность особым группам при партийных комитетах, письмо, на которое обрушился Парвус в письме к Аксельроду: "Ваш циркуляр организациям насыщен якобинизмом самой низкой пробы. Все эти рассуждения о револьверах — мелочи, ничего общего с политикой не имеющие"» (Федор Ильич Дан — Письма / Отобрал, снабдил прим. и очерком политической биографии Дана Борис Сапир. Amsterdam, 1985. С. LVIII. См. также: Социал-демократическое движение в России: Материалы. М; Л., 1928. Т. I. С. 378, 153).

³ Плеханов Г.В. Соч. Пб., 1920. Т. I. С. XIV—XV.

⁴ Плеханов Г.В. Указ. соч. С. XV.

к террористической тактике в наиболее отчетливой и лапидарной форме:

«**"Терроризм"** не принцип, а только прием борьбы. И когда я стану говорить за террор, тогда меня, пожалуй, опять упрекнут в противоречии; но те, которые упрекнут меня в нем, только покажут, что они способны усваивать лишь мои "пилюли", по необходимости изменяющиеся с изменением обстоятельств, — и не могут усвоить себе тот *метод*, который помогает понять *общий исторический смысл этих обстоятельств*...

Если же кого интересует вопрос о размерах моей уступчивости (или неуступчивости), то я скажу, что я *ни уступчив, ни неуступчив*. Я — просто человек, преследующий известную цель и твердо решившийся употреблять для ее достижения такие приемы, которые в данный момент кажутся мне наиболее действительными»¹.

Перепечатывая в собрании сочинений статью 1901 года «Что же дальше?», Плеханов счел необходимым сопроводить фразу, явно противоречившую его настроению 1905 года, «в настоящее время террор не целесообразен, поэтому он вреден», примечанием: «Теперь эти условия отчасти уже находятся налицо; поэтому теперь нам нужно отчасти изменить свое отношение к террору». Далее он отсылал читателя к своим, уже рассматривавшимся нами «искровским» статьям «О демонстрациях» и «Врозь идти — вместе **бить!**»².

В ноябрьском выпуске «Дневника социал-демократа» Плеханов, приведя сообщения газет, что в Петербурге «одним из предводителей черной сотни выступил какой-то статский советник, **сопутствуемый** какими-то прилично одетыми господами в цилиндрах», писал: «До всей этой прилично и неприлично одетой сволочи нам, разумеется, нет никакого дела. По отношению к ним мы можем признавать только один прием: *террор*...» Развивая далее эту мысль, Плеханов писал, что «борьба с черными сотнями делает вопрос о вооружении одним из самых насущных практических вопросов. И не только о вооружении. Недостаточно приобрести револьверы или кинжалы, надо еще на-

¹ Плеханов Г.В. Указ. соч. С. XV—XVI.

² Плеханов Г.В. Соч. М., б.г. Т. XII. С. 177.

учиться владеть ими. Революционеры семидесятих годов были большими мастерами в этом отношении, и нашим товарищам еще очень далеко до них. Нам необходимо как можно скорее пополнить этот пробел нашего революционного образования. Умение хорошо владеть оружием должно стать в нашей среде предметом законной гордости со стороны тех, которые им обладают, и предметом зависти со стороны тех, которые его еще не достигли»¹.

Кто бы мог подумать, что Плеханов, разошедшийся со своими товарищами-землеольцами по вопросу о терроре, будет ставить их в пример революционерам нового поколения четверть века спустя!

Ю.О.Мартов, возможно, наиболее последовательный противник терроризма среди лидеров российской социал-демократии, свидетельствовал, что в 1905 году «был момент, когда даже Плеханов, давнишний противник террористических методов, поставил в Совете партии вопрос о соглашении с социалистами-революционерами на предмет террористических актов, вполне целесообразных в данных политических условиях»². Анализ плехановской публицистики 1905 года показывает, что признание им целесообразности террористических актов не было настроением момента; высказывания в поддержку террористической тактики в «данных политических условиях» встречаются в текстах Плеханова на протяжении всего года, года величайших надежд русских революционеров, завершившихся горьким разочарованием.

Кстати, вопрос о соглашении с эсерами, о котором глухо упоминает Мартов, был поставлен социал-демократами-меньшевиками на вполне практическую почву. В примечании к цитированному выше письму Плеханова Потресову от 30 или 31 июля 1904 года, его публикатор Б.И.Николаевский писал, что «подтверждение этого сообщения Ю.О.Мартова нам приходилось слышать от В.М.Чернова и покойной

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. XIII. С. 350-351, 352.

² Румий (В.Ваганян). Плеханов и террор // Под знаменем марксизма. 1923. № 6—7. С. 36. См. также: Л.М-в (Ю.О.Мартов). Социал-демократия 1905—1907 гг. // Общественное движение в России в начале XX-го века. СПб., 1914. Т. III. Кн. 5. С. 552.

Варв.Ал.Натансон; по словам последней, у М.А.Натансона имелось даже письмо Плеханова с условиями этого проектировавшегося объединения и с формулировкой тех изменений, которые при этом объединении следовало бы ввести в программу РСДРП»¹.

Впоследствии архив Натансона попал к Николаевскому и хранится ныне в его собрании в Гуверовском институте. Похоже, что именно этот архив находился в «секретном чемоданчике» с эсеровскими бумагами, о котором Николаевский писал одному из своих корреспондентов в конце 1950-х годов². Почему-то знаменитый архивист считал преждевременной публикацию этих документов даже в то время, хотя видимых политических причин для этого не было. Среди бумаг Натансона находится рукописный листок от 11 марта 1905 года, содержащий, от имени Совета РСДРП, предложение партии социалистов-революционеров вступить в переговоры о заключении соглашения для совместной борьбы против самодержавия. Текст обра-

¹ Социал-демократическое движение в России. С. 375.

² В конце 1950-х годов, отвечая на вопрос о судьбе архива Натансона С.П.Постникову, бывшему сотруднику Пражского архива, угодившему в 1945 году в руки сотрудников НКВД и затем — в лагерь, выжившему и вступившему после освобождения в переписку со своим более удачливым коллегой, Николаевский писал: «Та часть, кот[орая] попала в мои руки, Вам не была известна: это — маленький саквояж с особо конспиративными документами, которые Натансон и Фигнер хранили у одной француженки. Мне этот чемоданчик был передан через Бунакова и я был первым, кто читал эти бумаги после Натансона и Фигнер, — и до сих пор остаюсь единственным. Это — особо секретные документы по делам финансовым и провок[аторским], — очень мало другого. У меня же все дела следственной комиссии — не Азевской. Более подробных сведений об архиве ПСР сообщить не считаю возможным, — и я думаю, что Вы должны это понять. Мне кажется, что Вы поступаете неправильно, настаивая. Зачем эти сведения Вам нужны? Если б Вы имели возможность приехать для работы в нем, тогда дело было бы другое. Но существует ли эта возможность?» (Б.И.Николаевский — С.П.Постникову 2 июля 1958 // АГИ. Собр. Б.И.Николаевского. 496-49). Очевидно, что последний вопрос Николаевского носил, по тем временам, чисто риторический характер. Судя по тону писем Николаевского Постникову, Борис Иванович подозревал, что его письма читает не только адресат.

щения к эсерам подписали Плеханов, Дейч, Аксельрод и Мартов.

В преамбуле письма говорилось, что «исходя из того обстоятельства, 1) что РСДРП и ПСР одинаково стремятся к свержению самодержавия революционными средствами и в этой борьбе призывают русский народ к вооруженному восстанию, 2) что эти партии чаще всего соприкасаются между собою в своей деятельности в России в одних и тех же пунктах, 3) что современное положение дел делает особенно желательной согласованную деятельность этих партий в борьбе с царизмом — Совет РСДРП считает желательным для РСДРП вступить в настоящий момент с ПСР в переговоры о взаимной поддержке обеих партий в сфере технической подготовки восстания и боевых действий для его проведения».

Далее перечислялись пять вопросов, которые предполагалось обсудить на совместной конференции. Среди них под пунктом d) значилось: «Комбинация массовых выступлений и единичных "террористических" нападений»¹.

Обращение было подписано, как упоминалось выше, среди прочих, Мартовым и Аксельродом. Известно, что произошло в ближайшие после этого дни, но, как писал Мартов впоследствии, «соглашение было сорвано лишь вследствие ультиматума Аксельрода и Мартова, заявивших, что они выйдут в таком случае из состава Совета и будут апеллировать к партии. Среди большевистских элементов партии симпатии к террору также возросли, но в общем и целом партия устояла на своей прежней позиции отрицания террора»². Вероятно, опасаясь дальнейшего дробления и так расколотов партии, Плеханов дал задний ход. Уже 15 марта он отправил Натансону «отступное» письмо: «Вы говорите, что я признавал "целесообразность в данный револ[юционный] период центрального политического террора". Оставляя в стороне выражение "центрального", как несколько для меня странное, я опять напоминаю Вам то позабытое Вами обстоятель-

¹ АГИ. Собр. Б.И. Николаевского. 194-3.

² Румий (В. Ваганян). Плеханов и террор. С. 36; Л. М.-ов (Ю. О. Мартов). Социал-демократия 1905—1907 гг. С. 552.

ство, что я готов был признать терроризм целесообразным только в том случае, если бы террористы координировали свои действия с агитационной работой в массах нашей партии»¹. Кстати, нетрудно заметить, что тезис Плеханова о координации терроризма с агитационной деятельностью в массах мало чем отличался от постановки вопроса в «Терроре и массовом движении» В. М. Чернова. Тем не менее, в результате внутренних противоречий в верхах РСДРП, соглашение подписано не было.

Идея о новой роли терроризма в новых условиях, о необходимости соглашения с партией социалистов-революционеров, которая ранее подвергалась им только критике, была высказана Лениным в статье «О боевом соглашении для восстания», вышедшей, как и плехановская «Врозь идти, вместе бить!», в феврале 1905 года. Статья Ленина была откликом на призыв «Революционной России» (№ 58) к «боевому единению» и слиянию терроризма и массового движения. Разумеется, Ленин сопровождал идею о возможном соглашении множеством оговорок и традиционной (хотя и менее резкой, чем обычно, критикой эсеровской тактики, а заодно и «фразерства», в котором, впрочем, эсерам никогда нельзя было отказать).

«Интеллигентский террор и массовое рабочее движение были разрозненны и этой разрозненностью лишены должной силы. Как раз это говорила всегда революционная социал-демократия», — писал Ленин². Уже эта фраза Ленина знаменовала серьезное смягчение его позиции по отношению к эсеровскому терроризму. На самом-то деле «революционная социал-демократия» его устами говорила о терроре ранее нечто гораздо более резкое, а в одной из неопубликованных тогда статей Ленин назвал эсеровский террор «эскамотированием» рабочего движения, совлечением его с правильного пути, заведением его в тупик»³. Но — времена изменились.

¹ Плеханов Г. В. — Натансону М. А. Женева, 15 марта 1905. Автограф // АГИ. Собр. Б. И. Николаевского. 194-4.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 276.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 52.

Полемизируя с утверждением «Революционной России» о том, что «пионеры вооруженной борьбы потонули в рядах возбужденной массы», Ленин, сославшись на недавнее (4 февраля 1905) убийство великого князя Сергея Александровича как на пример терроризма «старого образца», писал, что «пионеры вооруженной борьбы *еще не* потонули в рядах возбужденной массы... Пионеры должны *на деле потонуть* в массе, т.е. прилагать свою самоотверженную энергию в неразрывной, фактической связи с восстающей массой, идти вместе с массой не в фигуральном, не в символическом смысле слова, а в буквальном». Ленин считал это и необходимым и возможным и призывал к «приступу» к немедленному практическому решению этой задачи¹.

«Боевое единение социал-демократической партии... с партией соц.-рев. могло бы оказаться одним из средств, облегчающих такое решение. Такое единение будет тем осуществимее, ...чем решительнее пойдут соц.-рев. по пути, намечаемому ими самими в следующих словах: "пусть растет и крепнет это начавшееся слияние революционного терроризма и массового движения, пусть масса скорее сможет выступить во всеоружии террористических средств **борьбы!**"» В качестве одного из шагов к достижению «боевого единения», Ленин «с удовольствием» напечатал в тексте своей статьи «Открытое письмо к социалистическим партиям России» Г.А.Гапона². Гапон, будучи, по его собственной характеристике, «революционером и человеком дела», призывал все социалистические партии России немедленно объединиться для подготовки вооруженного восстания. «Боевой технический план должен быть у всех общий», — писал Гапон, рекомендуя далее применять «бомбы и динамит, террор единичный и массовый, все, что может содействовать народному восстанию»³.

Ленин солидаризировался с Гапоном, а также, по видимому, еще не будучи знакомым с плехановской статьей, почти дословно повторил ее главную мысль:

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 278.

² Ленин В.И. Указ. соч. С. 279.

³ Письмо Гапона цит. по: Ленин В.И. Указ. соч. С. 279.

«нам неизбежно придется... (врозь идти), но мы можем не раз и мы можем именно теперь... (вместе ударять)»¹. Оттенья особенность своего подхода по сравнению с эсеровским и гапоновским, Ленин писал, что «было бы желательным и с нашей точки зрения *необходимо* для соглашения, чтобы вместо общего призыва к «*единичному* и массовому террору» задачей соединенных действий было поставлено прямо и определенно непосредственное и фактическое слияние на деле терроризма с восстанием». Террор должен быть подчинен подготовке народного восстания, это «должно быть выражено определеннее и воплотиться в совершенно недвусмысленных практических решениях», поучал Ленин потенциальных союзников², будто не замечая того, что «ломится в открытую дверь»; ведь именно о сочетании терроризма с массовым движением всегда писали эсеровские идеологи, подчеркивая, что именно в этом заключается отличие партии социалистов-революционеров от «Народной воли». Другое дело, что теоретические положения далеко не всегда удавалось реализовать на практике.

Формальное соглашение с эсерами большевики, также как и их братья-враги меньшевики, не заключили, несмотря на заявленное стремление; однако то, чего не сделали на бумаге партийные лидеры, нередко осуществляли на деле революционеры-практики «на местах»; более того, революционная «боевая» практика социал-демократов зачастую ничем не отличалась от эсеровской и даже анархистской³. Действия боевых

¹ Статья Плеханова была опубликована в «Искре» 10 февраля, статья Ленина написана 4 (17) февраля, опубликована 8 (21) февраля в газете «Вперед». Выражение «врозь идти, вместе ударять» дается Лениным в немецком оригинале с собственным переводом в скобках.

² Ленин В.И. Указ. соч. С. 280.

³ О террористической практике социал-демократов см.: Geifman A. Thou Shalt Kill. P. 90—122; «История терроризма в России», раздел «Социал-демократия и терроризм: практика вопреки теории», с. 380—424. В 1920-е годы, когда тема большевистского терроризма еще не стала «табу» для историко-партийной печати, Башкирский испарт наивно разъянял разницу между эсеровским и большевистским террором: «тут нет даже тени устрашения, нет мысли на улучшение политического строя, нет надежды на подачки или ус-

дружин или отдельных боевиков-социал-демократов выражались в тех же нападениях на тюрьмы и полицейские участки, убийствах агентов полиции и наиболее ненавистных представителей администрации и карательных органов и даже чем-то особенно «провинившихся» директоров заводов и инженеров¹.

Без всяких формальных соглашений боевики и «техники» различных партий сотрудничали друг с другом; возможно, наиболее разительный пример такого сотрудничества, это то, что бомбы, которыми максималисты взорвали дачу П.А.Столыпина, были изготовлены в динамитной мастерской большевистской Боевой технической группы. «Военно-техническое бюро, — вспоминал Г.А.Алексинский, в то время видный большевик, близкий к Ленину, — главным техником которого был "Дмитрий Сергеевич" (Грожан) и

тупки со стороны царизма, нет и агитации. Убивали тогда, когда знали, что убивали или провокатора, или эти люди мешали тем или иным путем работе организации» (1905. Революционные события 1905 г. в г. Уфе и Уральских заводах. Уфа, 1925. С. 126).

¹ См., напр.: Белобородов А.Г. Из истории партизанского движения на Урале (1906—1909) // Красная летопись. 1926. № 1. С. 92—99; Туманов. Ашинская подпольная организация большевиков // 1905. Революционные события 1905 г. в Уфе... С. ПО. Колоритную историю воспроизвел некий А.Рогов, организовавший в 1907 г., по поручению представителя Бакинского комитета большевиков «Алеши» Джапаридзе артель из безработных, половину которой составляли партийцы, образовавшие «коммуну». «Коммуна», судя по всему, занималась не только подрядными работами на нефтепромыслах, но и поставляла добровольцев для приведения в исполнение «смертных приговоров» провокаторам и т.п. Однажды к «коммуне» обратился член Бакинского комитета большевиков т. «Апостол» с предложением «изъять» управляющего одного из заводов, пресекавшего уже в течение трех месяцев революционную пропаганду на своем предприятии. «Заслушав от меня предложение т. "Апостола", — писал мемуарист, — "коммуна" его приняла и приступила к тайной баллотировке исполнителей этого убийства (ибо каждый (!—О.Б.) предлагал свои услуги)». Демократическая процедура была строго соблюдена и исполнителем был избран сам Рогов. Доверие товарищей он оправдал с лихвой — не только застрелил управляющего заводом, но заодно и охранника-ингуша и пытавшегося задержать террориста безоружного сторожа (Рогов А. На революционной работе в Баку // Каторга и ссылка. 1927. № 6. С. 103—104).

которому много помогал Красин, оказывало, по-видимому, услуги и не соц.-демократическим организациям. После покушения эсеров на Столыпина, при помощи портфеля с взрывчатым веществом, "Дмитрий Сергеевич" однажды похвастался: "портфель был эсеровский, а начинка наша"¹.

Ленин, говоря в октябре 1905 года о «задачах отрядов революционной армии», подчеркивал, что «ставить безусловные препятствия вступлению в отряды членов других партий не следует. Именно тут мы должны осуществлять соединение, соглашение практическое (без всякого партийного слияния, разумеется) с революционной демократией»².

Причем партийные лидеры смотрели на террористические действия «на местах» частенько не только сквозь пальцы, но и с одобрением. Мартов, чья непримиримая позиция по отношению к терроризму сорвала соглашение меньшевиков с эсерами, писал Потресову в октябре 1905 года о покушении на «усмирителя Кавказа» генерала Алиханова: «Тифлиссские бомбы (пришло о том письмо) — дело организованного нападения наших, сопровождавшегося успехом: вопреки газетам, ни один из бросивших не захвачен и не убит и, как пишут, казаки терроризированы. Вообще, она отрасль производства чуть-чуть подвинулась вперед в "меньшинстве": кое-где есть запасы. Но вот беда: по-видимому, нет людей, готовых их, когда нужно, пустить в ход, а постоянные "боевые отряды" — вне Кавказа — не организованы. В Москве, например, запас маленький был, но, как видно, им не пользовались»³.

Однако поражения вооруженных выступлений в декабре 1905 года привели к значительному «понижению тона» публицистики лидеров российской социал-демократии умеренного, меньшевистского толка. Наи-

¹ Алексинский Г.А. Воспоминания. Конец 1905 года и 1906—1910 годы // АГИ. Собр. Б.И.Николаевского. 302-3. С. 51. См. также: Сулимов С. Мастерская бомб // Боевая группа при ЦК РСДРП(б). (1905—1907): Статьи и воспоминания. М.; Л., 1927. С. 118.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 342.

³ Мартов Ю.О. — Потресову АН. 18 октября [1905] // АГИ. Собр. Б.И.Николаевского. 57-1.

более отчетливо это сформулировал Плеханов в известной фразе по поводу вооруженных восстаний в Москве, Ростове и других городах: «Не надо было и браться за оружие». Он признал ошибочной и рискованной при данных условиях ту игру, «которая называется вооруженным восстанием». Естественно, что сам собой снимался и вопрос о применении террора, как элемента, сопутствующего восстанию; Плеханов просто перестает о нем упоминать.

Несомненно, самым последовательным и решительным сторонником боевых действий среди партийных идеологов был В.И. Ленин. Это определялось как его революционным темпераментом (невольно вспоминается высказывание П.Б. Струве об идейных оппонентах Ленина среди социал-демократии: «Меньшевики — это те же большевики, только в полбутылках») так и тем, что он, возможно, чувствовал настроения радикальной части рабочих, студентов и других «рядовых революции» среди городского населения лучше, чем кто-либо другой.

Революционный темперамент Ленина буквально бьет через край в его письме в «Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете», написанном в середине октября 1905 года, в период подъема революции: «Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят больше полгода и ни одной не сделали!.. Идите к молодежи, господа!.. Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно, и т.д... Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т.д.

...Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, Христа ради, на все схемы, пошлите вы... все "функции, права и привилегии" ко всем чертям.

...Отряды должны тотчас же начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же (! — *О. Б.*) предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания...

Пусть каждый отряд учится хотя бы на избииении городовых: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что

дадут сотни борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч»¹.

Тогда же Лениным было написано своеобразное практическое руководство «Задачи отрядов революционной армии», проникнутое таким же обжигающим террористическим духом. Он подробно инструктирует участников проектируемых им «отрядов», которые, по его мнению, «могли бы быть всяких размеров, начиная от двух-трех человек», начиная от возможных видов вооружения (ружье, револьвер, бомба, нож, каскет, палка, уже знакомая нам «тряпка с керосином для поджога», пироксилиновая шашка, колючая проволока и т.д., и т.п.), до правил конспирации и первоочередных объектов нападения. «Отряды могут и должны ловить сейчас же всякий удобный случай для живой работы, отнюдь не откладывая дело до общего восстания, ибо без подготовки *в огне* нельзя приобрести годности и к восстанию»².

Ленин вполне отдавал себе отчет, что он призывает ни к чему иному, как к терроризму: «Беспорядочный, неподготовленный мелкий террор может, — писал он, — будучи доведен до крайности, лишь раздробить силы и расхитить их. Это верно, и этого, конечно, нельзя забывать. Но, с другой стороны, нельзя ни в коем случае забывать и того, что теперь лозунг восстания *уже дан*, восстание *уже начато*. Начинать нападения, при благоприятных условиях, не только право, но прямая обязанность каждого революционера. Убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств на нужды восстания, — такие операции уже ведутся везде, где разгорается *восстание...*»³

Свою инструкцию Ленин заканчивает советом для обучения и «боевого крещения» «солдат революционной армии» использовать борьбу с черносотенцами. Здесь он тоже весьма конкретен: «Отряды революционной армии должны тотчас же изучить, кто, где и как составляет черные сотни, а затем не ограничиваться

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 336—338.

² Там же. С. 341.

³ Там же. С. 341-342.

одной проповедью (это полезно, но одного этого мало), а выступать и вооруженной силой, избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штаб-квартиры и т.д. и т.д.»¹

Подобные же рецепты Ленин рекомендовал и тогда, когда говорить о том, что восстание «разгорается» уже не приходится; «истребительная и беспощадная партизанская борьба с насильниками правительств» представлялась ему «своевременной и целесообразной» после роспуска Первой Думы. В литературе нередко встречается противопоставление «партизанской борьбы», к которой призывал Ленин, терроризму. Нам представляется такое противопоставление неправомерным, во-первых, потому, что партизанская борьба в мирное время в городских условиях есть не что иное, как терроризм, во-вторых, потому, что Ленин сам совершенно ясно разъяснил, что он включает терроризм в понятие партизанской борьбы.

В статье «К событиям дня», написанной по поводу ряда громких терактов, совершенных в августе 1906 года (нападения на полицию 2 августа в Варшаве и ряде других городов Польши, совершенные боевиками ППС, покушение на Столыпина, убийство эсеркой З.В.Коноплянниковой командира Семеновского полка генерала Г.А.Мина) Ленин, в противовес позиции ЦК РСДРП, разъяснявшего в письме к партийным организациям, что так называемые «партизанские» боевые выступления по-прежнему отвергаются партией», писал, что это противоречит резолюции Объединительного съезда «О партизанских действиях» и давал свою интерпретацию этой резолюции. По мнению Ленина, она, отвергая экспроприацию частных имуществ, не отвергала экспроприации казенных средств, лишь оговаривая это рядом условий, а также признавала партизанские действия без экспроприации имуществ².

То есть, полагал Ленин, резолюция «признает *«террор»*» (здесь и далее курсив Ленина. — О.Б.), признает *партизанские* действия с целью убийства неприятеля. Это признание ясно и недвусмысленно выраже-

но в первых же словах собственно-резолютивной части резолюции:

Съезд постановляет: 1) признавая *наряду...* с подготовкой революционных сил к грядущему восстанию, в основе которой лежит организация рабочих масс, *неизбежность активной борьбы* против *правительственно-го террора и насилий черносотенцев...* 1»

Оборвав на этом цитату, Ленин разъяснял: «Выпущенное нами решение съезда совершенно ясно. «Наряду» с работой в массах признана «активная борьба» с насильниками, т.е. несомненно убийство их посредством «партизанских действий»². Таким образом, для Ленина партизанская борьба была равна террору плюс экспроприациям.

В этой же статье, опубликованной в первом номере «Пролетария», Ленин советовал «всем многочисленным боевым группам нашей партии прекратить свою бездеятельность и предпринять ряд партизанских действий, на точном основании решений съезда, т.е. без всякой экспроприации имуществ, с наименьшим «нарушением личной безопасности мирных граждан» и с *наибольшим* нарушением личной безопасности шпионов, *активных* черносотенцев, начальствующих лиц полиции, войска, флота и так далее и тому подобное»³. Призывы Ленина к терроризму по всему фронту были, пожалуй, беспрецедентны в истории русской социал-демократии. Их можно было сравнить разве что с лозунгами, провозглашавшимися на страницах «Революционной России» летом 1905 года «бабушкой русской революции» Е.К.Брешковской.

Месяц спустя Ленин вернулся к проблеме партизанской войны, посвятив ей одноименную статью. Эта статья, по-видимому, является ключевой для понимания Лениным проблемы терроризма; в заключительной части статьи он писал, что его задача не в оценке тех или иных партизанских выступлений, а в «правильной *теоретической* оценке новых форм борьбы, выдвигаемых жизнью»⁴. То, что в «обертке» партизан-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 366.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Т. 14. С. 12.

ской войны находится терроризм, опять-таки совершенно недвусмысленно показал сам автор. В одном месте Ленин писал, что вооруженная борьба, о которой, собственно, идет речь, «преследует две различные цели»: во-первых, она направлена «на убийство отдельных лиц, начальников и подчиненных военно-полицейской службы; — во-вторых, на конфискацию денежных средств как у правительства, так и частных лиц». В другом месте, разъясняя в примечании суть отношения части большевиков, разделяющих его точку зрения на партизанскую борьбу (Ленин считал, что резолюция по этому вопросу, принятая на Объединительном съезде, лишь незначительно отличается от предложенного им проекта), он писал, что «партизанские действия в форме террора *рекомендовались* против насильников правительства и *активных* черносотенцев, но при условиях: 1) считаться с настроениями широких масс; 2) принимать во внимание условия рабочего движения данной местности; 3) заботиться о том, чтобы силы пролетариата не растрачивались понапрасну»¹.

Подойдя к проблеме теоретически, Ленин указал на два основных принципа, которыми должен руководствоваться марксист при рассмотрении вопроса о формах борьбы. Во-первых, «марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что не связывает движения с какой-либо одной определенной формой борьбы». Он признает самые различные формы борьбы» и «безусловно не зарекается ни от каких форм борьбы», идет от жизни, а не от «отвлеченных формул». Во-вторых, «марксизм требует безусловно *исторического* рассмотрения вопроса о формах борьбы». Вопрос о формах борьбы диктуется конкретно-исторической *обстановкой*².

В настоящее время Россия находится в состоянии гражданской войны, полагал Ленин, а «в эпоху гражданской войны идеалом партии пролетариата является *воюющая партия*». Следовательно, к тем или иным приемам борьбы нужно относиться с точки зрения военной целесообразности, выбор ее конкретных

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 4, 10.

² Там же. С. 1—2.

средств должен принадлежать социал-демократам-практикам на местах. «Но во имя принципов марксизма мы безусловно требуем, — писал Ленин, — чтобы от анализа условий гражданской войны не отделялись избитыми и шаблонными фразами об анархизме, бланкизме, терроризме...»¹

Принципиальное отличие «партизанской войны» от «старого террора» Ленин видел в том, что она проходит в обстановке восстания, которое в современных условиях не может быть однократным актом в ограниченной местности, а разбивается на крупные сражения и множество мелких стычек. Задача социал-демократической партии — придать этой борьбе организованный характер; тогда можно будет избежать возможной деморализации пролетариата и его приближения к пропойцам и босьякам, чему способствует при определенных условиях его участие в партизанских действиях. Чтобы избежать этого, надо также помнить, что партизанская война не может считаться «единственным или даже главным средством борьбы». «Социал-демократия не знает универсальных средств борьбы... Социал-демократия в различные эпохи применяет различные средства, всегда обставляя применение их строго определенными идейными и организационными условиями»².

Оценка Лениным ситуации оказалась, как известно, ошибочной. Осенью 1906 года революция шла на спад, а «боевизм» все больше вырождался в анархизм или кое-что похуже. Впрочем, это было заметно уже во время Стокгольмского съезда; «некоторые делегаты, — вспоминал Алексинский, — привезли с собой в Стокгольм тревожные вести об отношениях между местными комитетами партии и "боевыми дружинами", которые создавались во время местных восстаний и после них. Вместо того, чтобы "во имя партийной дисциплины" подчиняться местным комитетам партии, "боевики" обнаруживали склонность к "независимости" и совершали действия, за которые партийные комитеты не всегда могли и хотели взять на себя от-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 8.

² Там же. С. 11, 9—10.

ветственность. Были слухи о том, что "боевики" шли на добывание материальных средств с оружием в руках»¹.

Даже главный большевистский «техник» Л.Б.Красин, в то время близкий к Ленину, в одном из частных разговоров во время съезда сказал, что «подготавливать технически восстание, конечно, нужно и можно, но вооружать людей заранее, раздавая оружие ни в каком случае не следует»². Социал-демократы — депутаты Второй Думы, рассказывали, что молодые рабочие, «вовлеченные в... «боевые дружины», быстро превращались в профессиональных «экспроприаторов», в деятельности которых элемент политический смешивался с элементом простого бандитизма и уголовщины»³. Собственно, об этом же писал Ленин, соглашаясь с утверждением, что «партизанская война приближает сознательный пролетариат к опустившимся пропойцам, босьякам»⁴. Ленин считал, что этой опасности можно избежать при строгом партийном контроле.

Если Стокгольмский съезд РСДРП указал на недопустимость экспроприации частного имущества и не рекомендовал экспроприации имущества казенного, «кроме как в случае образования органов революционной власти в данной местности и по их указанию»⁵, то Лондонский принял решение о роспуске боевых дружин и запрещении «партизанских действий» и экспроприаций⁶. Ленин и его сторонники, как известно, не

¹ Алексинский Г.А. Указ. соч. С. 73—74 // АГИ. Собр. Б.И.Николаевского. 302-3.

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 157.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 9.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. М., 1983. Т. I. С. 201.

⁶ В мотивировке решения о роспуске боевых дружин, принятого V съездом, говорилось, что «дружины, существующие при партийных организациях, как постоянные учреждения с специально боевыми функциями, ведя по необходимости обособленное от рабочих существование, являются склонными к увлечению террористической тактикой в революционной борьбе и сами способствуют распространению партизанских действий и экспроприации» (КПСС в резолюциях... С. 261). Любопытно, что часть средств на проведение

вступая в излишние дискуссии, продолжали пользоваться услугами боевиков для пополнения кассы Большевистского Центра; как раз во время Лондонского съезда шла подготовка к знаменитому курсу на Эриванской площади в Тифлисе; однако этот сюжет лишь косвенно связан с нашей темой, подтверждая, впрочем, что для Ленина средства действительно определялись прежде всего «военной» или «революционной» целесообразностью¹.

Поэтому вполне логичным было то, что Ленин, убедившись в тщетности надежд на восстание и в связи с этим не видевший уже большого проку в терроризме, как его подготовительном элементе и составной части «боевых действий», вновь возвращается к скептическим, а чаще тотально отрицательным оценкам индивидуального террора. Этому, конечно, кроме «общих» соображений, способствовала и катастрофа, постигшая эсеров.

В статье «Уроки революции» (1910) Ленин в очередной раз подчеркивает, что «только революционная борьба масс способна добиться сколько-нибудь серьезных улучшений в жизни рабочих и в управлении государством... никакая геройская борьба одиночек-террористов» не могла «подорвать царского самодержавия и всевластия капиталистов»². «Никакие покушения террористов не помогут угнетенным массам, и никакие силы на земле не остановят масс, когда они поднимутся», — писал он в другом месте³. «Партия с.-р., — говорилось в подготовленной Лениным резолюции совещания ЦК РСДРП летом 1913 года, — продолжает официально отстаивать террор, история которого в

съезда была добыта как раз «эксистами». В частности, из 150—160 тыс. руб., ставшими добычей уральских боевиков, ограбивших 21 сентября 1906 г. почтовый вагон на разъезде Дема, 25 тыс. были доставлены в Петроград и переданы ЦК для Лондонского съезда (Алексеев В. Демская экспроприация // 1905. Революционные события в г. Уфе и Уральских заводах. С. 161).

¹ См.: Николаевский Б. Большевистский центр // Родина. 1992. № 3, 5. См. также: История терроризма в России. С. 408-424.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 19.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 75.

России совершенно оправдала с.-д. критику этого метода борьбы и закончилась полным крахом»¹.

Ленинская критика терроризма, в принципе, ничем не отличалась от отношения к индивидуальному террору других, более умеренных социал-демократических публицистов в послереволюционный период. Дело Азефа послужило для социал-демократов хорошим поводом «потоптаться» по своим находящимся в полной растерянности оппонентам — эсерам, и еще раз убедиться в справедливости своей позиции в отношении терроризма.

Особенной ядовитостью отличались статьи Л.Д.Троцкого. В статье с откровенно ерническим названием «Таракан во шах» он писал: «Глядите: вместо того, чтоб отбросить прочь негодные доспехи, которыми сумела овладеть рука полицейского прохвоста; вместо того, чтобы засучить рукава и приняться за серьезную революционную работу, романтики выбрасывают из своей головы последние крупинки политического реализма, начисто отказываются от организации пролетариата и крестьянства во имя голого террора и берутся — в который уже раз! — собственными средствами покончить с царизмом. Теперь они уже твердо знают, как избежать подводных отмелей и рифов. Они создадут новую сеть неуловимых автономных дружин, они выдумают новые пароли, которых не знает Азеф и, наконец, самое главное — они сварят большой котел динамита, в полтора раза большей силы, чем динамит азефовский. А чтоб не перепутать паролей и не переварить динамита, они обоьют толстым войлоком окна и двери своей алхимической лаборатории, — отныне ни один крик улицы, ни один отзвук фабричного гудка не ворвется к ним и не помешает им приготавливать то колдовское варево, расхлебывать которое придется — увы! — неизвестно кому...»²

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 60.

² Троцкий Л.Д. Соч. М; Л., 1926. Т. IV. С. 344-345. Статья «Таракан во шах» была впервые опубликована в марте 1909 г. Критике эсеровского терроризма были посвящены также опубликованные в 1909—1911 годах статьи Троцкого «Крах террора и его партии (К делу Азефа)», «Революционная романтика и Азеф», «Терроризм, провокация и революция», «Терроризм». Все они собраны в 4-м томе Сочинений Троцкого.

После публикации первых материалов по делу Азефа Мартов с удовлетворением писал Потресову, что «то, что по сему случаю опубликовано, главным образом, самим с.р.-овским центром, уничтожает в корне всю с.-р.-овщину. Дело с этой публикой оказалось даже хуже, чем предполагали Вы в статье о процессе Гершуни (По поводу одного процесса // Искра. 18 апреля 1904. № 64. — О.Б.): если Вы в ней писали, что БО = Гершуни, то они теперь сами признали печатно, что не только БО — и ЦК и вообще вся верхушка партии была равна Гершуни+Азеф, то есть Гершуни плюс отрицательная величина человека, уже тогда бывшего провокатором»¹.

Потресов, правда, выразил сомнение в том, в какой мере азефовщина «способна будет убить рев[олюционный] романтизм», а в другом письме досадовал, что социал-демократические депутаты в Думе «прямо оскандалились, упустив такой благодарный повод поговорить о принципиальном отношении социал-демократии к террору, и о взаимоотношении между массовой революцией и террором. Готовили-готовили Чхеидзе для произнесения речи, фаршировали фаршировали его, но в решительную минуту он от своей речи отказался...»² Мартов все же не без оснований рассчитывал, что воздействие азефовщины «будет идти по той же линии развенчания всех идолов романтики, по которой движется умонастроение и интеллигенции и рабочих за последние годы»³.

Вопрос о терроре оставался для русских революционеров чисто теоретическим вплоть до 1917 года; особый интерес их теоретическим воззрениям придает то, что, начиная с 1917 года, они начали оказывать непосредственное воздействие на практику. И, разумеется, наиболее повлиявшими на практическую политику были теоретические взгляды лидера большевиков. Возможно, в наиболее откровенном и концентрированном виде они были еще раз сформулированы им в

¹ Мартов Ю.О. — Потресову А.Н., 16/29 января 1909 // АГИ. Собр. Б.И. Николаевского. 57-1.

² Потресов А.Н. — Мартову Ю.О., 26 января/8 февраля и 11/24 марта 1909 // Там же.

³ Мартов Ю.О. — Потресову А.Н., 31 января/13 февраля (1909) // Там же.

письме австрийскому социал-демократу Ф.Коричонеру в связи с покушением одного из лидеров австрийской социал-демократии Ф.Адлера на министра Штюргка.

Давая политическую оценку теракту Адлера, Ленин напомнил о «нашем старом, подтвержденном опытом десятилетий, убеждении, что индивидуальные террористические покушения являются *нецелесообразными* средствами политической борьбы» и о том, что «только массовое движение можно рассматривать как действительную политическую борьбу. Только в прямой, непосредственной связи с массовым движением могут и должны принести пользу и индивидуальные террористические действия. В России террористы (против которых мы всегда боролись) совершили ряд индивидуальных покушений, но в декабре 1905 г., когда дело наконец дошло до массового движения, до восстания, — тогда нужно было помочь *массе* применить *насилие*, — тогда-то как раз "террористы" и *отсутствовали*. В этом ошибка террористов»¹.

Нетрудно заметить противоречие в рассуждениях Ленина; осуждая тактику индивидуального террора до восстания, он обвиняет террористов в том, что они «отсутствовали» во время восстания, как будто, если бы террор не практиковался до начала массовых выступлений, террористы могли появиться неизвестно откуда. Кстати, в декабре 1905 года террористы отнюдь не «отсутствовали» — на этот месяц приходится один из пиков терроризма, а, к примеру, максималисты, исповедовавшие террор, были активнейшими участниками декабрьского вооруженного восстания в Москве. Преувеличением является и утверждение Ленина о том, что социал-демократы «всегда» боролись против терроризма.

Но дело не в этом; осуждая терроризм как тактику, не связанную с массовым движением², Ленин полнос-

¹ Ленин В.И. — Коричонеру Ф. 12/25 октября 1916 // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 312—313.

² Выступая на съезде швейцарской социал-демократической партии, Ленин говорил по поводу покушения Адлера: «...мы не знаем, является ли убийство Штюргка тов. Фрицем Адлером применением террора, как тактики, которая состоит в систематической организации политических убийств без связи с революционной борьбой масс, или же это убийство

тью принимал терроризм как принцип. «"Killing is no murder" (умерщвление не есть убийство. — О.Б.) — писала наша старая "Искра" о покушениях», — напомнил Ленин австрийскому коллеге. «*Мы вовсе не против* (выделено Лениным) политического убийства», — декларировал он, называя омерзительными «лакейские писания оппортунистов в "Vorwärts" и венской "Arbeiter-Zeitung"», осудивших покушение Адлера¹.

Проблема политического убийства была для Ленина лишь вопросом *целесообразности*². В этом отношении он был законным наследником революционной традиции, достойный вклад в которую внесли и полубразованный фанатик Нечаев и рафинированный «европеец» Плеханов.

является лишь отдельным шагом в переходе от оппортунистической несоциалистической тактики официальных австрийских социал-демократов с их обороной отечества к тактике революционного массового действия. Это второе предположение, по-видимому, более соответствует обстоятельствам, и вследствие этого заслуживает полной симпатии приветствие Фрицу Адлеру, предложенное центральным комитетом итальянской партии и опубликованное в "Аванти!" 29 октября» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 182).

¹ Ленин В.И. — Коричонеру Ф. 12/25 октября 1916 // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 312.

² Он еще раз подтвердил это уже будучи главой советского государства, в работе «Детская болезнь "левизны" в коммунизме». Критикуя задним числом эсеровский терроризм, Ленин писал: «Разумеется, мы отвергали индивидуальный террор только по причинам целесообразности, а людей, которые способны были бы "принципиально" осуждать террор Великой французской революции или вообще террор со стороны победившей революционной партии, осуждаемой буржуазией всего мира, — переходил вождем мирового пролетариата от оценок террора индивидуального, террора "снизу", террору массовому, "сверху", — таких людей еще Плеханов в 1900—1903 годах, когда Плеханов был марксистом и революционером, подвергал осмеянию и *оплеванию*» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 16). Так что в отношении Плеханова «троцкист» Ваганян точно следовал ленинским оценкам, когда писал, признавая правоту В.Чернова и «буржуазных писак», «которые в 1917 г. после Октября бросали Плеханову обвинение в том, что *наш и* воззрения на террор суть развитие *е г о* учения» (Румий (В. Ваганян). Плеханов и террор. С. 37)

Вместо заключения: Терроризм, власть и общество

Революционное движение в России второй половины XIX века, в том числе его крайняя форма — терроризм, было порождено незавершенностью реформ 1860-х годов. Причем наиболее «пострадавшей» стороной при сворачивании реформ оказалось «общество», оставшееся бесправным и вскоре — почти «безгласным», когда правительство, чересчур забрав «влево», начало перекладывать руль. Народ, как водится, безмолвствовал. А те, кто стремился выразить его интересы, были от народа, по совершенно справедливому выражению В.И.Ленина, «страшно далеки». «Ближе», чем декабристы, но все равно — далеки. Отсюда и выросло единоборство интеллигенции с самодержавием.

В эту традиционную и в целом вполне логичную схему следует, по нашему мнению, внести некоторые уточнения. Освободительное движение было порождено не только незавершенностью реформ; оно было их закономерным следствием. Реформы запоздали едва ли не на столетие. Поэтому у части общества при стремительном переходе от спертой атмосферы николаевского режима к свежему воздуху александровского возникла своеобразная «кессонная болезнь». От власти стали ждать и требовать не только того, что она могла дать, но и того, чего она дать была просто не в состоянии.

Реформы привели к появлению в России разночинцев — образованных или чаще полуобразованных людей, стремящихся к самореализации, и, для начала — к устранению внешних для этого препятствий. «Зачем же я учился, зачем наукой во мне возбуждена любознательность, если я не имею права сказать моего личного мнения или не согласиться с таким мнением, которое само по себе авторитетно», — говорил еще на следствии по делу петрашевцев не кто иной, как будущий автор «Бесов»¹. В пореформенной России люди,

¹ Бельчиков Н.Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. С. 120.

которые «учились», хотели не только свободно говорить, но и делать. И «делать» помимо «начальства» и вовсе не так, как оно хочет. Они хотели принести благо народу, перед которым считали себя в долгу и переустроить его жизнь на началах равенства и справедливости.

Результат известен. Власть полагала, что нигилистов скорее образумят строгие меры. Народ, если и бунтовал, то вовсе не в ответ на призывы революционеров. Большая часть «солидного» общества предпочитала реальные дела на государственной или частной службе, хотя и поругивала начальство, и сочувствовала молодежи. Но радикалы не «образумились». Они пошли до конца. Теоретическое обоснование своей активности и какое-то объяснение пассивности народа они нашли в идеях П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского. Наиболее эффективный (и эффектный — что в данном случае не менее важно) путь борьбы они нашли сами.

Почти полвека едва ли не основными средствами воздействия радикалов на власть были кинжал, револьвер, бомба. От рук террористов пали тысячи людей, начиная с императора Александра II и заканчивая безвестными «квартильными» и случайными прохожими. В переходе к террору сыграли роль несколько факторов: разочарование в готовности народных масс к восстанию, пассивность большей части общества (да и слабое его влияние на власть), желание отомстить за преследования со стороны правительства. Своеобразным провоцирующим фактором было политическое устройство России. Персонализация власти, сакральность фигуры царя вызывали великий соблазн — одним ударом разрушить могущество этой власти, расчистить дорогу для осуществления идей, которые должны привести к всеобщему благоденствию.

На наш взгляд, возникновению и живучести терроризма в России способствовала в значительной степени сама власть. Дело не только в ее нередко необоснованной и чрезмерно жесткой репрессивной политике — каторге Чернышевского и Николая Серно-Соловьевича, высылках без суда, жестоких приговорах по делам фактически неопасных для нее народников-пропагандистов, смертных приговорах по оговорам прово-

каторгов. Дело было в том, что власть изначально придавала революционерам чрезмерное значение, возвышая их тем самым и в собственных глазах и в глазах общества. Власть рассматривала террористов как по существу равную сторону, ей противостоящую.

Не может не поражать неадекватность представленной власти о реальной силе террористов и неадекватность мер, принимаемых в их отношении. Сколько шума наделала «Молодая Россия» с ее призывами к истреблению дома Романовых. А ведь ее идеи разделяли лишь несколько десятков студентов, начитавшихся книг о Французской революции. Дальнейшее распространение ее идей среди крайних радикалов, на наш взгляд, было вызвано не только тем, что они были созвучны их настроениям, но и тому значению, которое придали «Молодой России» власть и охранительная печать. А чего стоила операция по организации ареста и осуждения в Англии трубадура терроризма **В.Л.Бурцева**; в предприятии принимали участие министры иностранных дел; его результат был доложен лично императору. В другом случае, когда того же Бурцева удалось залучить на частную яхту вблизи Марселя и запереть там, за ним намеревались отправить один из крейсеров военно-морского флота России и лишь в последний момент эта безумная затея была **отменена**¹.

Власть не сумела стать выше террористов. Вряд ли в какой-либо стране мира был бы отменен смертный приговор за преступление, аналогичное совершенному «первомартовцами». Можно лишь предполагать, что если бы Александр III прислушался к призыву Владимира Соловьева и помиловал убийц своего отца, он бы морально разоружил (пожалуй, даже морально уничтожил) революционеров, а не создал бы своею волей и руками палача мучеников революции и предмет подражания для тысяч неопитов. Ведь что ни говори, а Софья Перовская и Андрей Желябов (точнее, их образы) были самыми вдохновляющими и бесспорными фигурами русской революции. Но, повторяем, в данном случае это было практически невозможно. Однако

¹ Гогель Д. Шарлотта Бюлье: (Страничка из заграничного русского политического сыска) // На волю! Падение самодержавия: Освобождение из царских тюрем и каторги. Л., 1927. С. 209-217.

кто знает, как пошла бы дальнейшая история России, если бы Александр II не отправил на эшафот полубезумного Каракозова, наслушавшегося кроваво-инфантильных разговоров в кружке своего двоюродного брата **Ишутина**, утвердив смертный приговор этому не вполне вменяемому человеку?

«В русском революционном движении правительство сыграло выдающуюся роль организатора», — справедливо писал **Ф.И.Родичев**¹. Оно своими преследованиями ожесточало в сущности очень молодых людей, способствуя их «отщепенству», превращая их в членов некоего «революционного ордена». Случай Трепова, приказавшего в тюрьме «высечь мечтателя», наиболее известен, но отнюдь не единичен. «Руками злобной власти вскормлен террор, погубивший Александра II», — образно и точно выразился тот же Родичев², ставший свидетелем обеих волн терроризма в России. Так что у терроризма было два «автора»: радикалы, стремившиеся путем политических убийств подтолкнуть историю, и правительство, своей несоразмерной жестокостью провоцировавшее ответное насилие.

Если вычленить общие черты, свойственные рациональному обоснованию терроризма в трудах его идеологов, то они сводятся к следующим основным положениям: терроризм должен был способствовать дезорганизации правительства; в то же время он являлся своеобразной формой «диалога» с ним — угрозы новых покушений должны были заставить власть изменить политику; терроризм рассматривался как средство «возбуждения» народа, с тем, чтобы, возможно, подтолкнуть его к восстанию или хотя бы привлечь внимание к деятельности революционеров; наконец, подорвать «обаяние» правительственной силы.

Однако в переходе народников от пропаганды к террору в конце 1870-х годов решающую роль, на наш взгляд, сыграли факторы не логического, а скорее психологического порядка. Настроение революционеров, отчаявшихся вызвать какое-либо движение в народе, толкало их к более решительным действиям;

¹ Rodichev F. *Vospominaniia i Oчерki o Russkom Liberalizme*. Newtonville, Ma., 1983. P. 10.

² Rodichev F. *Op. cit.* P. 22.

место одного мифа — о готовности народа к немедленному бунту за лучшую долю, занял другой — о том, что реализации народных устремлений, выявлению его настоящей воли мешают прежде всего внешние условия. Народовольцы, признавшись в безрезультатности пропаганды в крестьянстве, стыдливо объявили террор лишь одним из пунктов своей программы; ультратеррористическая программа Н.А.Морозова была отвергнута. Однако на практике их деятельность, как и предрекал Морозов, пошла по пути наибольшего успеха, т.е., терроризма.

Цареубийство 1 марта стало ключевым моментом в истории терроризма в России. Это был величайший успех и величайшая неудача **террористов**¹. Дело было не только в том, что успех дался партии чересчур дорогой ценой и вскоре почти все ее лидеры были арестованы или вынуждены бежать за границу. Не произошло каких-либо народных волнений; власть, недолго поколебавшись, отказалась идти на уступки обществу, не говоря уже о террористах.

Однако успех народовольцев, обернувшийся гибелью партии, имел и другие, «непрямые» последствия. Цареубийство 1 марта 1881 года доказало, что хорошо организованная группа обыкновенных людей может достичь поставленной цели, какой бы невероятной она ни казалась. Убить «помазанника Божия» в центре столицы, объявив ему заранее приговор! И вся мощь великой империи оказалась бессильной перед «злой волей» этих людей. В этом был великий соблазн. Сообщения газет о раздробленных ногах божества сдела-

¹ «Полная техническая удача, осуществление целей заговора и безнадежное крушение политического замысла», — точно оценил происшедшее Родичев (Rodichev F. Op. cit. P. 70). «Я сам видел близких к народовольцам людей, — вспоминал другой современник, — которые думали, будто только случайность, арест Желябова и А.Михайлова, помешали в марте 81 г. Великой Революции разразиться тогда же. От таких надежд приходилось теперь отказываться. Для "Революции" русский народ оказался ни материально, ни духовно не готовым. Своей деятельностью и особенно своим **успехом** "народовольцы" в нем подготовили только **реакцию**". Самая мысль, после 61 года, сразу поднять весь народ против "Царя" показала непонимание его психологии» (Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 74).

ли для подрыва «обаяния» правительственной силы больше, чем тысячи пропагандистских листов, вместе взятых. Возможно, важнейший итог события 1 марта 1881 года — **«десакрализация»** власти.

Путь «людей 1-го марта» привлекал еще и по следующим обстоятельствам: он был **кажущеся** прост и понятен, казался наиболее рациональным и даже гуманным. В самом деле — или тысячи жертв народной революции, или точно нанесенный удар по виновникам (истинным или мнимым) народных страданий.

Террористическая идея надолго стала господствующей в умах и душах русских революционеров; прежние противники терроризма, от П.Л.Лаврова до Г.В.Плеханова, вынуждены были в той или иной форме его признать. Даже после гибели «Народной воли» и постоянных неудач попыток ее возрождения, идея возобновления террористической борьбы продолжала активно отстаиваться и развиваться на страницах эмигрантской печати.

Последователи Исполнительного комитета, все же надеявшегося вызвать народное движение в какой-либо форме, окончательно отбрасывают эти надежды и объявляют террор формой борьбы интеллигенции с правительством (программа «Террористической фракции партии "Народной воли"» в изложении А.И.Ульянова, «Террористическое движение в России» Л.Я.Штернберга). Последний даже подчеркивал целесообразность народной революции.

В 1890-е годы, когда терроризм оказался вопросом чистой теории, в писаниях сторонников терроризма появились новые нотки; в условиях распространения социал-демократических идей и заметных проявлений рабочего движения в России, **Х.О.Житловский** сформулировал задачу соединения терроризма с рабочим движением. Идеи Житловского, одного из идейных наставников главного идеолога эсеров В.М.Чернова, нашли развитие в работах последнего и попытки воплощения в практической деятельности эсеров.

Первый террористический акт в России был осуществлен бывшим студентом Д.В.Каракозовым. Тридцать пять лет спустя новое столетие политической было открыто выстрелом бывшего студента П.В.Карповича. Симптоматично, что Карпович, не принадлежавший к какой-либо партии или организованной группе, объ-

явил себя социалистом-революционером, подобно революционерам 1870-х годов и в письме к товарищам заявил, что другой борьбы, кроме террористической он не знает (т.е. не признает). Одиночка Карпович опирался на русскую революционную традицию; в данном случае мы можем проследить и конкретный источник ее передачи — в Берлине, где он оказался после исключения из университета, Карпович вращался в кружке старого народовольца **Е.Г.Левита**.

Характерной была и реакция революционных кругов на выстрел Карповича. «Хоть одна ласточка весны и не делает, — писал старый народник и будущий эсер **Н.В.Чайковский** другому старому народнику и тоже будущему эсеру **Ф.В.Волховскому**, — но при том страшном нервном напряжении, которое теперь, очевидно, господствует в России — это "Первое предостережение Николаю Романову" — едва ли не будет фатальным началом новой террористической эпохи. Есть уже голоса, требующие "выделения боевой организации", т.е. Исполнительного комитета № 2»¹.

Народовольческая «идеальная модель» террористической организации сохраняла свое обаяние и двадцать лет спустя. При первой же возможности «боевая организация» была «выделена», а «новая террористическая эпоха» действительно началась, чтобы во много раз превзойти предыдущую по своему размаху.

Терроризм, несмотря на то, что подсчеты историков показывают рост среди террористов числа рабочих и крестьян², остался преимущественно орудием борьбы интеллигенции, по крайней мере до начала первой русской революции. Было бы, на наш взгляд, некорректно механически складывать теракты, осуществленные в период революции 1905—1907 годов, когда насилие стало массовым, с «точечными» ударами Боевой организации; так же как механически плюсовать убийства великого князя Сергея Александровича и, к примеру, гомельского помощника пристава **Асонова**, осу-

ществленные безымянными «рабочими» 6 января 1906 года. Наиболее политически значимые и сложные теракты осуществляли по-прежнему интеллигенты; более того, почти все наиболее громкие теракты начала века были подготовлены и исполнены бывшими студентами. Убийцы министров **Д.С.Сипягина**, **В.К.Плеве**, вел кн. Сергея Александровича — **С.В.Балмашев**, **Е.С.Созонов**, **И.П.Каляев** были бывшими студентами, также как возглавлявшие подготовку этих терактов **Б.В.Савинков** и **М.И.Швейцер**¹.

Эсеры стремились привлечь к террору рабочих; однако неудачный опыт рабочего **Ф.Качуры**, тщательно проинструктированного **Г.А.Гершуни** перед покушением на харьковского губернатора кн. **И.М.Оболенского**, а потом все же не сумевшего выдержать предназначенной ему роли «народного героя» (о чем была даже выпущена заранее подготовленная брошюра) на следствии и суде, заставил при выборе исполнителей терактов менее придирчиво относиться к их социальному происхождению. Хотя на него, несомненно, обращали внимание. Так, когда в конце 1905 — начале 1906 года **А.Ф.Керенский** предложил свои услуги БО для осуществления царубийства, то его кандидатура была отклонена Азефом как «выходца из бюрократических кругов» (отец — директор гимназии)².

Ситуация изменилась в период революции 1905—1907 годов, когда, казалось, осуществились мечты некоторых идеологов терроризма — он пошел «в низы» и приобрел массовый характер. Массовый террор был, по сути, санкционирован партийным руководством, объявившим ответственными за политику правительства не только «верхи», но и «мелких сошек». Идея революционного насилия попала на благоприятную почву нищеты, озлобленности, примитивного мышления и воплотилась в такие формы, с которыми, веро-

¹ По подсчетам **Р.А.Городницкого**, в Боевую организацию за все время ее существования входил 91 человек. Из них 9 имели высшее образование, а 41 — незаконченное высшее, т.е. были недоучившимися студентами // **Городницкий Р.А.** Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998. С. 235.

² АГИ. Колл. М.В.Вишняка. Кор. 4-а. Собственноручная запись Вишняка разговора с Керенским 17 февраля 1967,

ятно, не ожидали столкнуться ее пропагандисты. На смену «разборчивым убийцам», как назвал русских террористов **Альбер Камю**¹, задававшимися вопросами о целесообразности насилия, о личной ответственности, о жертве и искуплении, пришли люди, стрелявшие без особых раздумий — и не обязательно в министров, прославившихся жестокостью, или военных карателей, — а в тех, кто подвернулся под руку не вовремя, — обычного городского, или конторщика, на свою беду сопровождавшего крупную сумму денег, требовавшуюся на революционные нужды.

В 1905—1906 годах «народился новый тип революционера», констатировал П.Б.Струве, произошло «освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек»². К этому приложили руку партийные идеологи, и отнюдь не только максималистские или анархистские, изначально считавшие допустимыми тактику «пропаганды действием» и борьбу против непосредственных эксплуататоров, выливавшиеся нередко в бессмысленные убийства посетителей «буржуазных» кафе или ограбления мелких лавочников. Социал-демократы, не отрицавшие террор в принципе, как элемент вооруженной борьбы в период восстания, но резко критиковавшие террористическую борьбу, возобновленную эсерами в начале века, также призвали «вместе бить» (Г.В.Плеханов), вести «партизанскую войну» и практиковаться на убийствах городских (В.И.Ленин).

Таким образом, высший взлет терроризма стал началом его деградации.

«Живучесть» терроризма в России объяснялась, на наш взгляд, не только тем, что он оказывался временами единственно возможным средством борьбы революционной интеллигенции за осуществление своих целей. Террор оказался наиболее эффективным средством борьбы при ограниченности сил революционеров. Терроризм, по признанию директора Департамента полиции, а впоследствии министра внутренних дел

¹ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 249.

² Струве П.Б. Преступление и жертва // Русская мысль. 1911. Кн. 10. Цит. по: История терроризма в России / Сост. О.В.Будницкий. Ростов-на-Дону, 1996. С. 516.

П.Н.Дурново, «это очень ядовитая идея, очень страшная, которая создала силу из **бессилия**»¹.

Революционный террор действительно заставлял правительство идти на уступки. Достаточно вспомнить «диктатуру сердца» М.Т.Лорис-Меликова и разработанные под его руководством проекты преобразования государственного строя России — несомненно, решающим толчком к изменению курса был взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года. Убийство министра внутренних дел **В.К.Плеве** привело к «либеральной весне» при его преемнике П.Д.Святополке-Мирском.

Террор действительно устрашал. Едва ли не все члены Комитета министров стали свидетелями агонии **Д.С.Сипягина**, смертельно раненого **С.В.Балмашевым** (покушение произошло в здании Комитета министров). Грузное тело Сипягина не умещалось на узком ларе, куда его положили, и постоянно сползало; его держали под руки председатель комитета министров **И.Н.Дурново** и министр путей сообщения кн. **М.И.Хилков**. Им помогал министр финансов **С.Ю.Витте**. «Сипягин громко, как бы всхлипывая, стонал, — вспоминал крупный чиновник **Д.Н.Любимов**. — Сознание, по-видимому, оставляло его. Он все повторял: "Я никому не сделал зла. А Государю скажите..." ...Перед ларем на коленях стоял доктор Государственной канцелярии Юркевич и желая остановить кровь делал тампоны из ваты, обмакивая их в таз с какой-то жидкостью с запахом карболки, который держала жена швейцара. Рубашка Сипягина была разрезана и видна была большая рана выше поясницы, причем все было кругом обожжено, так как выстрел был в упор. При каждом движении Сипягина, а он все время двигался... тампон выскакивал и густая, черная кровь вытекала, вернее брызгала, из **раны**»².

¹ Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. С. 104—105.

² Любимов Д.Н. Русская смута начала девятисотых годов. 1902—1906: по воспоминаниям, личным записям и документам. С. 4 // АГИ. Колл. **Д.Н.Любимова**. Мемуарист в то время был управляющим канцелярией Министерства внутренних дел.

При этой страшной сцене присутствовали и военный министр **А.Н. Куропаткин**, и государственный секретарь **В.К. Плеве**. Было над чем задуматься. Когда два года спустя тот же мемуарист присутствовал на панихиде по следующему убитому министру внутренних дел, Плеве, его поразило количество черного сукна, которым была задрапирована лестница дома министра. «Это, — ответил распорядитель церемонии, — еще "от **Сипягина**" осталось. Я в свое время докладывал министру: нельзя ли сукно это продать, но Вячеслав Константинович мне ответил: — нет, лучше поберегите, может еще для меня пригодится»¹.

По утверждению бывшего директора Департамента полиции **А.А. Лопухина** поворот Николая II в сторону «конституции» (рескрипт на имя министра внутренних дел **А.Г. Булыгина**) был вызван не событиями 9 января 1905 года, когда войска доказали свою верность режиму, а убийством его дяди Сергея Александровича, в чем император увидел приближение опасности для себя лично². **Д.Н. Любимов** также свидетельствует о «громадном значении» для всей дальнейшей внутренней политики убийства великого князя, объясняя, это, однако, тем, что охранительные силы потеряли свою главную опору³.

По данным весьма осведомленного **С.Е. Крыжановского**, манифест 17 октября 1905 года «насильно вырван был у Государя графом Витте, действовавшим не столько из убеждения, сколько под влиянием главного его движущего мотива — испуга и желания держать события в руках. Известную роль сыграл тут, по видимому, и великий князь Николай Николаевич, страшно испуганный покушениями (или, вернее, приготовлениями к покушению) и запугавший Государя»⁴.

¹ Любимов **Д.Н.** Указ. соч. С. 161.

² Лопухин **А.А.** Отрывки из воспоминаний. М.; Пг., 1923. С. 59–60.

³ Любимов **Д.Н.** Указ. соч. С. 288—290.

⁴ Крыжановский **С.Е.** Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 125. О паническом страхе великого князя перед террористами вспоминал и **Витте**, которого Николай Николаевич в конце 1905 г. просил не объявлять в Петербурге военного положения, а назначить чрезвычайное. Разница заключалась в том, что при военном по-

О том, что накануне 17 октября 1905 года «под влиянием непрерывных террористических актов и объявленной всеобщей забастовки растерянность в правительственных кругах достигла высшей точки», писал и близкий ко двору **А.А. Мосолов**¹.

Разумеется, государство в конечном счете оказывалось сильнее террористов. Значительная часть террористических актов не имела заметных последствий, а некоторые приводили к последствиям, прямо противоположным тем, на которые рассчитывали террористы. Достаточно назвать покушения **Д.В. Каракозова**, **А.К. Соловьева** или то же цареубийство 1 марта 1881 года. Однако опыт «Народной воли», несмотря на ее гибель, доказал, что систематический террор способен оказывать реальное влияние на власть. «Классический» аргумент критиков террористической тактики, что цареубийство остановило «конституционный» процесс — Александр III отказался подписать проект **М.Т. Лорис-Меликова**, легко опровергается тем, что без террора никакого проекта Лорис-Меликова не появилось бы изначально.

Обозреватель «Вестника Европы» **К.К. Арсеньев** писал после цареубийства 1 марта 1881 г.: «Нет, политическим убийствам не суждено влиять на ход событий, взрывчатым снарядам не суждено сделаться руководителями истории. Они могут, к несчастью, устранить лицо, но не могут изменить положения, никогда не обуславливаемого только лицом, одним лицом. Не стоило бы жить на свете, если бы от преступного замысла немногих лиц, от случайного его исполнения зависела судьба общества и государства». Однако несколькими страницами ниже Арсеньев, призывая правительство вернуться на путь реформ, замечал, в полном противоречии со своими историософскими построениями, что необходимость сделать это, «понятая

ложении передача дел в военные суды зависела бы от великого князя, как командующего Петербургским военным округом, а в случае чрезвычайного эта опасная обязанность возлагалась бы на министра внутренних дел. (Витте **С.Ю.** Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 92—93).

¹ Мосолов **А.А.** При дворе последнего императора. М., 1993. С. 212.

в феврале 1880 года, вслед за взрывом в Зимнем дворце... остается очевидной, несмотря на несчастный день 1-го марта»¹. Итак, при определенных обстоятельствах «взрывчатые снряды» если и не становились руководителями истории, то на политику власти оказывали вполне заметное воздействие.

«Живучесть» терроризма объясняется также тем, о чем говорилось выше, — нежеланием власти вести диалог с обществом, изменить хоть что-то в существующем политическом строе, ставшем на рубеже веков анахронизмом. Это привело к тому, что либерально настроенная часть общества по существу рассматривала террористов как выразителей его интересов. Позицию части российских либералов по отношению к правительству и террористам образно и точно изобразил в свое время М.Н.Катков: «уступи, а не то «они» будут стрелять»². Струве писал, что общество, «всем своим существом осудившее и отвергнувшее акт 1 марта», в то же время чувствовало, что преступление было «совершено как-то «своими» руками»³. «Как ни бессмысленна, безрезультатна и преступна деятельность наших революционеров, — писал К.Д.Кавелин Д.А.Милютину в начале 1882 г., — но им нельзя отказывать в характере, энергии и изобретательности в преследовании цели. Что ни говорите, в них живет глубокое недовольство, которым более или менее проникнуто все русское общество»⁴.

Для многих образованных людей врагом номер один было самодержавие. «Всю свою молодость и сознательную жизнь до первой революции, — вспоминал один из них, — я был непримиримым врагом самодержавия, я его ненавидел, презирал, гнушался им, как самым бессмысленным, жестоким пережитком истории. Самодержавие — это полиция, жандармы, тюрьма, ссылка, придворные, ни для кого не нужные и неинтересные приемы и парады и убийственная жесто-

¹ Внутреннее обозрение от 1 апреля 1881 г. (Вестник Европы. 1881. № 4) цит. по его воспроизведению в Приложении к книге А.А.Алафаева «Реформа или революция? (Русский либерализм и народничество на рубеже 1870—1880-х гг.)». М., 1998. С. 144, 148.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 301.

³ Струве П.Б. Указ. соч. С. 515.

⁴ Цит. по: Алафаев А.А. Указ. соч. С. 79.

кость к русскому народу. Всю гамму интеллигентской непримиримости к самодержавию я изведаль и пережил. В студенчестве я мечтал о **цареубийстве...**, когда я вступил на путь религии, самодержавие казалось мне главным религиозным врагом, с которым связана основная ложь нашей **церковности**»¹. Такие чувства обуревали будущего «веховца» и священника С.Н.Булгакова.

Вряд ли многие сторонники преобразований «мечтали» о цареубийстве; однако террористов они рассматривали как естественных союзников. П.Н.Милюков еще до выстрела Карповича считал возобновление терроризма в России неизбежным, а преимущество «последователей «Народной воли» перед социал-демократами видел в том, что они «чувствовали себя свободными воскресить наиболее грозный — террористический — способ революционной деятельности»². При личной встрече с Лениным в Лондоне в 1903 году «он очень упрекал искровцев за полемику против террора после убийства Сипягина и уверял... что еще один-два удачных террористических акта — и мы получим конституцию»³. «Освобожденцы» террором не занимались, но и морального осуждения этому способу борьбы не выносили, — вспоминала А.В.Тыркова⁴.

Восторженно встречали известия об убийствах царских сановников обыватели в разных концах России; революционеры получали не только моральную, но и весьма солидную материальную поддержку⁵. Главный в то время розыскник империи, А.В.Герасимов, с

¹ Булгаков С. Автобиографические заметки. Paris, 1991. С. 75.

² Miljoukov P. Russia and Its Crisis: Crane Lectures for 1903. Chicago; L., 1905. P. 490.

³ Алексеев Н.А. В.И.Ленин в Лондоне (1902—1903): Отрывки из воспоминаний // Пролетарская революция. 1924. № 3 (26). С. 152.

⁴ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк. 1952. С. 176.

⁵ См.: Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX в.) // Индивидуальный политический террор в России. XIX - начало XX в. М., 1996. С. 34-39; Пушкарева И.М. Российское общество начала XX в. и индивидуальный политический террор. Там же. С. 44-48; Ее же. Опаленные идеи революции // Савинков Б. Воспоминания. М., 1990. С. 17-19.

удивлением констатировал, что в 1905 году революционные партии «находили активную поддержку среди всего населения, даже в таких слоях его, которые, казалось бы, ни в коем случае не могут сочувствовать целям этих партий... Особенными симпатиями среди интеллигенции и широких обывательских, даже умеренных слоев общества пользовались социалисты-революционеры. Эти симпатии к ним привлекала их террористическая деятельность. Убийства Плеве и великого князя Сергея подняли популярность социалистов-революционеров на небывалую высоту. Деньги в кассу их центрального комитета притекали со всех сторон и в самых огромных размерах»¹.

Политические убийства приветствовали не только крикливые и вульгарно мыслящие интеллигенты, вроде «Тартарена из Тараскона» русской литературы **А.В.Амфитеатрова**, после очередного теракта хлопавшего в ладоши и вскрикивавшего, что любит, когда «подстреливают» **министров**². Необходимость вооруженной борьбы, в том числе террористической, признавал поначалу и еще один будущий «веховец», «освобожденец» **С.Л.Франк**. Он писал **П.Б.Струве** в мае 1905 г., что единственным реальным делом после 9-го января 1905 г. остается подготовка вооруженного сопротивления; после того, как идейные средства борьбы были исчерпаны, остается вести борьбу силой — «в форме ли массового движения, или индивидуального террора... Кто хочет теперь быть деятелем, должен, по

¹ Воспоминания **А.В.Герасимова** «На лезвии с террористами» цит. по: История терроризма в России. С. 507—508.

² Кускова Е. Давно минувшее // Новый журнал. 1958. Кн. 54. С. 143. На вопрос Кусковой, а мог ли бы он сам «вот так подстрелить из-за угла», Амфитеатров ответил: «Зачем же мне это? Для этого есть специалисты...» (Там же). Любопытно, что после революции 1917 года этот энтузиаст терроризма вступил в эмиграции в «Братство русской правды», ставившее своей целью борьбу с большевизмом преимущественно путем террора. «Братья», среди прочего, собирались отравлять колодцы, пищу красноармейцев, организовывать еврейские погромы и т.п. Возглавлял «Братство» также литератор, поэт-символист **С.Соколов-Кречетов**. Участие Амфитеатрова в «Братстве», разумеется, было чисто литературным.

существо, приблизиться к позиции социалистов-революционеров и не уклоняться от их тактики»¹.

Струве в статьях, опубликованных в «Освобождении» после 9 января («Палач народа», «Он прощает их», «Анархия самодержавия») называл **Николая II** врагом и палачом собственного народа. **А.В.Тыркова** зафиксировала в дневнике настроения, господствующие в то время в значительной части либеральной среды: «...точно первобытный человек просыпался в нас от запаха этой с циничным бесстыдством пролитой крови. Хотелось, чтобы и их, палачей, кто-нибудь растоптал, раздавил, замучил. То чувство презрительной жалости, кот[орое] раньше вызывал к себе царь, исчезло. Убить его — убрать, чтобы не душил Россию окровавленными цепями»².

Получив «конституцию» и долгожданную Думу, либералы не собирались отречься от своих союзников слева. Несмотря на все настояния **П.А.Столыпина**, Вторая дума так и не вынесла решения, осуждающего терроризм, что сыграло, по-видимому, решающую роль в ее роспуске³. В то же время публично осудить терроризм, в условиях правительственного террора и разгула военно-полевой юстиции, для либералов казалось невозможным не только по политическим, но и по нравственным мотивам.

«Мы политические убийства не осудили потому, — разъяснял "октябристам" позицию своей партии "правейший из кадетов", **В.А.Маклаков**, — что думали, что эти осуждения скроют от глаз народа [их] настоящую причину. Мы считаем, что это наше горе, которое только в России есть, и это горе питается условиями русской жизни... Мы думали, что осудить политические убийства — это значило дать повод власти думать,

¹ Письма **С.Л.Франка** к **Н.А** и **П.Б.Струве** (1901 — 1905) // Путь: Международный философский журнал. 1992. № 1. С. 286. Для себя лично Франк считал невозможным «звать на смерть» и поэтому намеревался прекратить сотрудничество в «Освобождении», поскольку сам был не в состоянии «ни стрелять в людей, ни бросать бомбы».

² ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 9—10. Мое внимание на эту запись обратил **С.Г.Горяинов**.

³ См.: Маклаков **В.А.** Вторая Государственная Дума (Воспоминания современника). Париж, б/г. С. 204—223.

что она права...»¹ С жестокостями военно-полевых судов «было так же невозможно мириться, как с низостями революции», заметил, много лет спустя, С.Н.Булгаков².

И все же отношение русского общества к революционному терроризму, с одной стороны, и правительственным репрессиям, с другой, выглядело алогичным. В самом деле, жертвами терактов стало гораздо больше людей, нежели было казнено по приговорам военно-полевых и иных судов; если вполне справедливыми были указания на судебные ошибки, неизбежные при такой скорости отправления правосудия, то ведь террористы «казнили» своих жертв без всякого суда; число случайно погибших при терактах намного превосходило число невинно осужденных.

Возможно, лучше других психологическую природу этого «двойного стандарта» объяснил кн. Е.Н.Трубецкой, принципиальный противник терроризма, вышедший даже из партии кадетов в знак протеста против ее отказа морально осудить революционный террор³.

«Грех правительства гораздо тяжелее и значительнее, — писал он в марте 1906 г. — Его вина настолько велика, что ставить ее на одну доску с виною революционеров становится совершенно невозможным. Оно не имеет за себя оправдания "идейного увлечения". Мало того, оно действует вразрез с теми идеями, которые оно формально исповедует. Революционеры, совершающие политические убийства, кроме весьма редких исключений, — люди, покончившие с христианством; большинство из них не признает в человеческой жизни безусловной ценности и видит в человеке лишь орудие общежития. Тут, по крайней мере, нет противоречия между действиями и нравственным сознанием убивающего. Что же сказать о тех, кто видит в человеке образ и подобие Божие и убивает! Каково лицемерие тех, кто присылает священника для напутствия и затем передает осужденного в руки палача! Политичес-

¹ Центральный комитет «Союза 17 октября» в 1905—1907 годах: Документы и материалы // Отечественная история. 1992. № 2. С. 162.

² Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. С. 78.

³ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 283.

кие убийцы остаются, по крайней мере, честными в своем заблуждении...»¹

Вообще, этот одинокий идеалист, основатель обреченной в российских условиях на маргинальность партии «мирного обновления», на наш взгляд, раньше многих осознал, что терроризм, применяемый поначалу как один из приемов борьбы, невозможно ограничить в принципе. Если «революционные комитеты» «воюют только против правительства, то они не могут отнять у других права воевать против помещиков, банкиров, против всех богатых людей и, наконец, против буржуазии». «Да и самое ограничение террора тут не более как непоследовательность: если можно убивать членов правительства, то почему нельзя убивать тех людей, которые служат опорой правительству? Почему имущество должно считаться священнее жизни? Если для целей революции дозволительно убивать, то почему же для тех же целей недозволительно грабить?»²

Трубецкой критиковал тот взгляд, «в силу которого режим не имеет ничего общего с обществом, и общество не ответственно за тот режим, при котором живет». Главную проблему он усматривал в том, что огромному большинству русского общества было «чуждо само понимание свободы»; поэтому она попиралась «сверху и снизу»; «вот почему, — пророчески писал Трубецкой, — взамен разрушающегося самодержавия мы готовы воздвигнуть новый, массовый деспотизм». И красный и белый террор был для него симптомом нравственного упадка общества, его неспособности подняться над партийной моралью, выработать общенациональные ценности³.

Задним числом, кто после опыта первой русской революции, кто уже в эмиграции после 1917 года, многие из тех, кто потирал руки при сообщениях об убийствах ненавистных министров, осуждали террористов. Откликаясь на одну из книг, переосмысливающих прошлое, мемуары А.В.Тырковой, бывший эсер

¹ Е.Т. (Трубецкой Е.Н.). Политические казни и убийства // Московский еженедельник. 1906. № 4. 31 марта. С. 108-109.

² Трубецкой Е. Красный террор и анархия // Московский еженедельник. 1906. № 22. 19 августа. С. 7.

³ Там же. С. 10-11.

М.В.Вишняк, сорок лет спустя после революции 1917 года, совершенно справедливо писал: «Ивана Каляева **А.Тыркова** за террор осуждает, а вот единомышленником своим кн. Д.И.Шаховским всячески — и по заслугам — восторгается. А какая, собственно, разница между Шаховским и Каляевым?.. Только та, что Шаховской, по словам **Тырковой**, то и делал, что кричал «Плеве надо убить», а Каляев, придя к тому же выводу, вступил в БО и принял практическое участие в подготовке убийства **Плеве**»¹.

По меткому выражению **В.Л.Бурцева** «террористическая борьба идейно воспитывала русское общество»². Террор был не только эффективен — он был эффектен. Сошедший с рельсов поезд, взрыв в Зимнем дворце, убийство министра, которому террорист предварительно вручает пакет со смертным приговором, великий князь, разорванный в клочья взрывом бомбы у ворот Кремля... Смелые речи на процессах, мужественный — а нередко и женственный — облик террористов и террористок... Тысячи молодых людей жадно читали драматические истории о борьбе за народное освобождение, о героях, вступивших в схватку с могущественной империей. Тот же Бурцев вспоминал, что он был распропагандирован прежде всего чтением материалов народовольческих процессов, опубликованных в официальной печати.

Была и еще одна сторона «воспитательного» воздействия терроризма — общество привыкло к насилию. Убийство становилось «нормальным» средством политической борьбы. После убийства Плеве современник записал в дневнике, что его смерть «только всколыхнула и заинтересовала всех — не более. Петербург даже острит, что Николаю II следовало бы обидеться: на него не обращают внимания и, очевидно, считают царствующими его министров (**Сипягин, Боголепов, Плеве**)». После убийства великого князя Сергея Александровича тот же «интеллигентный обыватель», педантичный и наблюдательный **С.Р.Минцлов**, отметил, что «телеграммы об этом произвели большой и притом **радост-**

ный эффект в городе: «кто будет № 2?» — задают вопросы друг другу... Сергея ухлопали основательно: его разорвало на куски... Петербуржцы не только радуются, но и поздравляют друг друга с этим **убийством**»¹.

Такое отношение к убийствам нелюбимых должностных лиц наблюдалось не только в столицах. **Ф.И.Родичев** вспоминал реакцию выборщиков в Государственную думу в марте 1906 года на убийство Тверского губернатора Слепцова. Тот открыл собрание выборщиков, но едва успел выйти за порог, как был убит взрывом бомбы. На стенах Дворянского собрания, где заседали выборщики, оказались «куски его мяса и мозги». Либеральные кандидаты опасались, что «избиратели метнутся вправо. Никакого впечатления. Мне даже жутко стало от такого равнодушия. Предложение осудить убийство вообще успеха не имело: «не наше дело»².

Впрочем, в этом не было ничего удивительного: в октябре 1905 года, после выхода манифеста, в ответ на который местные черносотенцы зверски избили тверских земцев и сожгли здание земской управы, при полном безучастии губернатора, земские деятели ходатайствовали перед Витте о его смещении, но следствие, назначенное Петербургом, ничего крамольного в бездействии губернатора не нашло. Случай Слепцова — частный случай, но он поразительно напоминает «случай Трепова»; накажи власти петербургского градоначальника за самоуправство, и он избежал бы пули Засулич, а власть — публичной оплеухи присяжных; смести правительство своевременно тверского губернатора за преступное бездействие и, вероятно, его мозги не пришлось бы соскребать со стены Дворянского собрания. А сколько таких случаев было на просторах Российской империи!

«Воспитательное» воздействие терроризма сказало и на другой стороне, не желавшей перемен, во всяком случае в ответ на давление общества и угрозы террористов. Противники революции после царевбийства 1 марта 1881 года сочли, что наиболее **эффектив-**

¹ Вишняк М.В. Трагедия террора // Новое русское слово. (Нью-Йорк). 1957. 24 марта.

² ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 13.

¹ Минцлов С.Р. Из «Дневника. 1903—1906» // История терроризма в России. С. 497—498.

² Rodichev F. Op. cit. P. 91—92.

ный способ борьбы против террористов — воспользоваться их же методами и уничтожить наиболее активных революционеров. Одним из инициаторов создания монархической террористической организации был будущий первый «конституционный» премьер С.Ю.Витте¹. Деятельность участников «Священной дружины» или, как прозвал их М.Е.Салтыков-Щедрин, «взволнованных лоботрясов», закончилась ничем, однако сам ход их мыслей был достаточно симптоматичен.

Двадцать пять лет спустя Витте сам едва не стал жертвой террористического акта, когда черносотенцы заложили «адские машины» в дымоход его дома. «Черный» террор в эпоху первой русской революции стал зеркальным отражением террора революционного, хотя, конечно, заметно уступал ему по масштабам².

Если добавить к террору красному и черному еще и столыпинское кровопускание, или, по терминологии премьера, врачебные меры, которые, с одной стороны, были вполне законной самозащитой государства, а с другой, вследствие введения военно-полевой скорострельной юстиции подрывали само понятие законности и государственности, то, похоже, что сумма насилия в обществе достигла критического предела. Психология гражданской войны, когда думающего подругому стремятся не убедить, а уничтожить, сложилась задолго до ее начала.

И все же тогда России удалось остановиться на краю пропасти. Вахханалия убийств и ограблений способствовала «дегероизации» террористов больше, чем любая антиреволюционная пропаганда; раскрывшаяся провокация Е.Ф.Азефа, затем А.А.Петрова, З.Ф.Жученко и других, вызвали отвращение к террористическому Зазеркалью, а временами — смех. Реформы, хотя и запоздалые, позволили общественному недовольству найти легальные пути для своего выражения; возможности самореализации помимо власти и независимо от нее заметно возросли.

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 128—135.

² См.: Изгоев А.С. «Правые террористы» // Русская мысль. 1909. № 10. С. 172—181; Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М., 1992. С. 142-161.

«Созыв Думы и деятельность третьей из них, то есть первой из занимавшихся делом, сразу изменили все положение, — вспоминал ближайший сотрудник Столыпина. — Политическое недовольство в значительной его части отхлынуло с мест в Думу и в ней сосредоточилось, как в трубе, а то, что осталось на местах и что ждало от народного представительства какого-то чуда, перенесло все свое раздражение на Думу. Правительство, правда, сильно ругали, но зато в стране могли сложиться течения, ставшие решительно на его защиту. Убийства приобрели уже значение насильственного и непрошеного вмешательства в общественную жизнь, как бы вмешательства в права Думы»¹.

За десятилетие, прошедшее с момента убийства Плеве, давшего сигнал к штурму самодержавия, Россия изменилась разительно. В Думе заседала социал-демократическая фракция. Легально выходили оппозиционные журналы и газеты; были легализованы профсоюзы, кооперативы и другие общественные организации. Численность революционных партий сократилась в несколько раз; их руководство превратилось в кучки эмигрантов, разделившихся на несколько фракций и спорящих между собой. Терроризм отошел в область чистой теории, довольно вяло отстаивавшейся его адептами. В России хватало проблем и противоречий, но, похоже, преклонение перед героями террористической борьбы русское общество изжило.

Разразившаяся в 1917 году катастрофа продемонстрировала, что раковые клетки насилия, притаившиеся в общественном организме, способны к очень быстрому разрастанию при благоприятных обстоятельствах. Политические убийства, от которых «принципиально» не отказывалась ни одна революционная партия в России, стали главным аргументом в борьбе против идейных противников. Государственный террор, унесший с 1917 года миллионы жизней, имеет генетическую связь с террором дореволюционным — как лево- и правозэкстремистским, так и правительственным. И если мы хотим понять, каким образом политические убийства государством своих граждан стали

¹ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 129.

нормой на десятилетия, необходимо обратиться к идейным истокам политического экстремизма в истории России, что мы и попытались сделать в настоящем исследовании.

Альбер Камю, много размышлявший о метафизическом смысле революционного насилия, полагал, что «взрывая бомбы», русские революционеры-террористы, «разумеется, прежде всего стремились расшатать и низвергнуть самодержавие. Но сама их гибель была залогом воссоздания общества любви и справедливости, продолжением миссии, с которой не справилась церковь. По сути дела, они хотели основать церковь, из лоно которой явился бы новый Бог». В то же время он указывал, что «на смену этим людям явятся другие, одухотворенные все той же всепоглощающей идеей, они... сочтут методы своих предшественников сентиментальными и откажутся признавать, что жизнь одного человека равна жизни другого... Сравнительно с будущим воплощением идеи жизнь человеческая может быть всем или ничем. Чем сильнее грядущие "математики" будут верить в это воплощение, тем меньше будет стоить человеческая жизнь. А в самом крайнем случае — ни гроша»¹.

Что и случилось на самом деле.

**Письмо Совета РСДРП к руководству ПСР
с предложением вступить в переговоры о взаимной
поддержке в сфере технической подготовки восстания
и боевых действий для его проведения**

Исходя из того обстоятельства, 1) что РСДРП и ПСР одинаково стремятся к свержению самодержавия революционными средствами и в этой борьбе призывают русский народ к вооруженному восстанию; 2) что эти партии чаще всего соприкасаются между собою в своей деятельности в России в одних и тех же пунктах, 3) что современное положение дел делает особенной желательной согласованную деятельность этих партий в борьбе с царизмом —

Совет РСДРП считает желательным для РСДРП вступить в настоящий момент с ПСР в переговоры о взаимной поддержке обеих партий в сфере технической подготовки восстания и боевых действий для его проведения.

Совет предлагает поэтому ПСР устроить предварительную совместную конференцию для обсуждения тех форм, которые могли бы вылиться согласованные действия обеих партий в лице их центральных и местных учреждений.

Со своей стороны, Совет предлагает поставить на обсуждение такой конференции след[ующие] вопросы:

- a) согласованность действий на местах во время частичных проявлений народного протеста;
- b) меры для согласования крестьянского революционного движения с рабочим;
- c) взаимное содействие в деле вооружения революционных масс;
- d) комбинация массовых выступлений и единичных «террористических» нападений;
- e) приглашение к соглашению на этой почве других революционных партий и организаций.

Совет уведомляет ПСР, что, ввиду заключенного между РСДРП и другими с.-д. партиями в России политического союза, РСДРП должна будет, вступая в указанное соглашение, сообразовать свои действия с условиями этого союза и будет стремиться действовать в этом вопросе солидарно с другими с.-д. рабочими партиями России.

Совет в то же время указывает ПСР, что, по его мнению, выступление Партии С.-Р. из заключенного в Париже так называемого «блока» явилось бы условием, в высшей

¹ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 246, 249.

степени облегчающим для обеих партий революционную борьбу с царизмом.

Председатель Совета Г.Плеханов
Лев Дейч, П.Аксельрод
Секретарь Л.Мартов

Архив Гуверовского Института войны, революции и мира, Стэнфордский университет, Калифорния, США. Коллекция Б.И.Николаевского. Кор. 194. Папка 3. Автограф. Подлинник.

Письмо С.Г.Сватикова в ИМЭЛ от 20 мая 1935¹

Париж 20.V.35

В Институт Л[енина], М[аркса], Э[нгельса]

По просьбе парижской представительницы Вашего института я занялся разборкой моей библиотеки, чтобы выяснить, какие именно брошюры, заведомо принадлежавшие лично Ленину, принадлежат мне. Такие есть, но у меня не хватает времени для разборки, зато проще оказалось просмотреть картонки с бумагами.

К моему глубокому личному изумлению я нашел собственноручный документ Л[енина], б[ыть] м[ожет] самое первое политическое заявление его, из коего я узнал, что он был активнейшим, если не главным членом кружка народовольцев, объявил войну культурничеству, призвал все партии объединиться в федеральный союз, и во главе теоретического органа союза решил просить стать... группу «Осв[обождение] Труда». Низвержение абсолютизма, как цель, и революционная борьба, как единственное средство, — вот основные пункты программы сборника.

Почерк документа был сравнен мною, а затем и представителем Института вместе со мною с образцами почерка Л[енина] в томе I «Л[енинского] Сборника» (особенно вклад[ной] лист с. 56-й), хотя я и так отлично знаю почерки Л[енина], а с другой стороны, знаю и происхождение документа.

Эта рукопись, а равно и последующие чужие, но с штрихами Ленина, находились в большой пачке Л[енин]ских бумаг 1901—1905 гг. (гл[авным] обр[азом] материалы «Искры»), которая лет 9 тому назад была приобретена Институтом (через г. Bernstein). Эта рукопись была сохранена

¹ Замечания и пометки в скобках — С.Г.Сватикова, подстрочные примечания — мои. — О.Б.

Л[енины]м с 1890 (?) -го года до 1900-го, когда привезена была им за границу, затем попала к В.Д.Бонч-Бруевичу, затем в старом чемодане куплена (со всем пакетом бумаг, см. выше) в 1925 г. на толкучке Clisly. С согласия г. Кр., последнего владельца, для коего я, доставив опись той коллекции для вручения гр[ажданину] Бернштейну, удержал для себя с десяток документов. Рукопись № 1 была вложена в рукопись № 2 сего же списка (письмо о брошюре «Раб[очий] день»). Я ее не прочитал, отложил, думал, что это — текст брошюры, приложенной к письму. Но, в начале мая, представительница Института просила меня просмотреть, какие брошюры попали ко мне из библиотеки Ленина.

(Н.В. Я года 4 назад, через этого же представителя, пожертвовал в Институт брошюру с собственноруч[ной] надписью Л[енина] — «Н. Ленин», но Институт, по-видимому, не имеет привычки благодарить жертвователей).

Я вспомнил, что у меня есть кое-что с заведомыми для меня отметками Л[енина], и найдя рукопись № 1, с изумлением увидел, что это — подлинник Л[енина], нигде не опубликованный, никому из его биографов ex officio не известный, интересный не только текстом, но и поправками, и чрезвычайно важный для истории револ[юционного] движения в России и для личной и политической характеристики Ленина.

Я добросовестно изложил Вам все, что касается документа, его происхождения и т.п., а прокомментирует документ лучше меня сам Институт.

Историю документа см. в прилагаемой описи. В ней же имеются описания 4-х документов с пометками Ленина. Из них письмо и статья Тер-Арутюняна (в связи с письмами Ленина и Плеханова в 4-м т[оме] сб[орника] «Освоб[ожде]ние Труда», с. 229 и 232) позволяют установить авторство Ленина в отношении интересного высказывания по национал[ьному] вопросу (№ 33 «Искры»), каковое до сих пор не попало в XIX том С[обрания] соч[инений].

Считаю ценным и оригинал брошюры об изготовлении метательных снарядов (с чертежами), писанный с.-д., б[ольшевик]ами. То же скажу и о черновике неизданной брошюры провокатора Семенова¹, и о сообщении о судьбе 2-й Думы и с.-д. фракции (со слов Муромцева и Лопухина) — неопубликованном, и о редакционном экземпляре «Бреда Сазонова» с пометками и замечаниями Чернова.

Я предлагаю коллекцию из 10 документов за общую цену пять тысяч (5000) франков франц[узских]. Принимая во внимание значение первых 6 документов по ленинизму (особенно №1) и объем последних 4-х, я считаю цену весьма умеренной и добросовестной.

¹ Имеется в виду Е.П.Семенов (Коган).

Прошу Вас ответить по телеграфу, во всяком случае — **крайний** срок для уплаты денег — через 15 дней от сего 20 мая, т.е. 4 июня с.г. Дело в том, что в начале января, по **просьбе** Вашей представительницы, а не по своей инициативе, с предположением, что Вам нужны большие коллекции, целиком, я послал Вам описи коллекций и брошюр на 13 тыс. фр[анков]. Только через 3,5 мес. пришел ответ — приобрела несколько №№ за сумму менее 600 f. Таким образом, и сделка не осуществилась, и я лишен был возможности делать дело с **к[ем]-л[ибо]** другим.

Если бы я не знал происхождения документа и почерка **Л[енина]**, я бы не осмелился столь категорически ручаться за подлинность рукописи (сказал бы «по-видимому» и т.п.). Но я тотчас вызвал представительницу Вашу и мы оба сверили почерк и установили, что почерк **Л[енина]** почти не менялся с 1890-го по 1900 (день написания ст[атьи] «Как чуть было не потухла «Искра»»), что рукопись **подлинная**. А я добавлю — и абсолютно до сих пор неизвестная и **очень** важная.

С приветом

Архив Гуверовского Института. Коллекция **Б.И.Николаевского**. 415-16. Автограф. Черновик.

Опись предлагаемых **С.Г.Сватиковым** документов

Париж. Май 1935

Опись документов старой эмиграции (до 1917 г.), главным образом с.-д.

А. Рукопись Ленина.

1) Проект программы сборников, которые должны были издаваться за границей «кружком действующих в России народовольцев» (с Лениным во главе), но под редакцией «швейцарского кружка с.-д.» (**исправл[ено]** Лениным: «группы **«Осв[обождение]** Труда» — Засулич, Плеханова и Аксельрода). Без заглавия, начинается словами: **«Совр[еменное]** состояние русс[кой] **рев[олюционной]** молодежи... 12 стр. почтов[ой] бумаги. Водяные знаки без года, марка «Khe-dive» с видом восходящего солнца над гладью моря.

8 стр. текста, писанного самым мелким, наиболее убогистым почерком молодого Ленина, приблизительно 1890—1893 (не позже) года. Первоначальный текст — 5 стр. Их Ленин слегка поправил сам (**чернилом** же). Засим документ подвергся обсуждению, да и сам автор пожелал (видимо) подчеркнуть **революционный** характер заявлений и вписал карандашом между строк поправки в этом смысле, а также добавил новую страницу карандашом (в конце) — о **разгра-**

ничении прав редакторов в Швейцарии и «Издательской группы» (в России). Засим товарищ по группе (почерк его мне знаком, но я не вспомню, чей это) дал на 1/2 стр. свой вариант стр. 2-й (критика идейной анархии 80-х годов), а Ленин внес свои поправки и добавил (карандашом) от себя. Но этот вариант (с **вопросит[ельным]** знаком сверху) был отвергнут Лениным, который а) зачеркнул 3/4 страницы 2-й, б) поставил X на рукописи, перед тем, как зачеркнуть, а (затем на особом листке поставил тот же знак X и написал новый (карандашом) текст (на целой страничке) этого окончательного варианта.

Итого 1 1/2 стр. рукою Ленина и 1/2 стр. рукою его товарища по кружку народовольцев.

Считаю содержание документа **чрезвычайно важным** для политической биографии Ленина. Зиновьев в казенной биографии **Л[енина]** утверждает, что **Л[енин]** никогда не был народовольцем. А **Л[енин]** собственноручно пишет дважды: «мы, русский кружок народовольцев» и «мы, кружок русских народовольцев», исправляя последнюю квалификацию (вместо **«русских»**): «мы кружок действующих в России народовольцев».

В этом кружке (1890-й г.??) Ленин один из главных, если не самый главный. Он по своей инициативе или по поручению кружка пишет программу для проектируемого им ряда сборников, в коих должны печататься статьи революционеров всех направлений.

Л[енин] резко критикует «полную анархию мысли ... русс[кой] **рев[олюционной]** молодежи», смешение **рев[олюционной]** и культурной работы. Необходима «рев[олюционная] борьба», а не культурничество.

Среди революционной молодежи распространяются программы, «изданные на гектографе». «Ни одна из них не смогла объединить революционные силы России в значительном количестве».

Другой симптом «практический разлад революционных групп», «бесплодные словесные прения» вместо «дружной борьбы с общим врагом на началах федеративного союза» (!!). Различия мнимы и несущественны, а «народники» не знают «народовольцев», последние же — с.-д.

Необходима «революционная литература», «литературные разъяснения (sic !), в которых приняли бы деятельное участие наиболее видные представители **совр[еменной]** русс[кой] революционной мысли».

«Мы, кружок народовольцев», решили предпринять издание сборника, в к[оторо]м нашли бы место писатели различных революционных **направлений**... Он (**сб[орник]**) «помог бы нам, русс[кой] молодежи, разобраться в существующих течениях революционной мысли и перейти от **взаимных** раздоров к дружной борьбе с общим врагом».

Кружок «решил обратиться к группе «Осв[обождени]е Труда» — В.И.Засулич, Г.В.Плеханову и П.Б.Аксельроду — с предложением взять на себя редактирование нашего сборника.

Ленину казалось, что «совместная работа издателей, сочувствующих н[ародо]в[ольческой] программе, и редакторов с.-д. обеспечит нашему сборнику... **беспристрастность**»... «Мы вступили с **вышеупом[янутой] ред[акционной] группой в соглашение**»(!!!).

Л[енин] просил «уважаемых руководителей дорогого нам» (вставлено: «общего революционного») «дела» воспользоваться возможностью «пропагандировать их воззрения» и «помочь русс[кой] молодежи в том числе и нам выработать программу нашей деятельности».

Б. Рукописи, находившиеся в обладании Ленина, в которых отметки сделаны им (штрихи)

общ[ий] порядк[овый] №

2) Письмо «К Редакции» с предложением издать рукопись перевода с польского о рабочем дне; без подписи, 4 стр. почт[ового] формата. Штрихи Ленина на 1, 2 и 3-й странице. На 4-й стр. чьей-то рукою — не Л[енина] и не автора — проект заглавия брошюры: «La joutne (sic) de travail» — РАБОЧИЙ ДЕНЬ — перделка с польского — ціна 50 сант[имов]. Женева. 1894. — Издание с.-д. союза». Это определяет дату письма.

В это письмо, конечно случайно, была вложена рукопись № 1 списка.

3) Письмо «Многоуважаемая редакция «Искры»... за подп[исью]: Geneve (Suisse). Poste restante. Meur Ter-Aroutunian» — о посылке статьи, о № 1-м армян[ской] газеты «Пролетариат», с.-д., «искровского толка», о том, что «Пр[олетариат]» дал для заграницы адрес «Искры» и с характеристикой нового органа. 2 с[траницы] форм[ата] сорге, т.е. ученич[еской] тетради. Штрихи Ленина.

4) Рукопись статьи Тер-Арутюняна (без подп[иси]) — загл[авие]: «Пролетариат» — орган Союза Армянских с.-д. в РСДРП».

Эта статья была заменена Лениным своей собственной (неподписанной) заметкой о Союзе армян[ских] с.-д. (см. с. 7—8, «Искра» № 33), каковая должна быть теперь включена в Собр. соч., как одно из мнений Ленина по нац[иональному] вопросу. Этим важна статья Тер-Арутюняна. 6 стр. сорге.

Есть отметки Ленина, показывающие, как сложилась его собственная заметка об Арм[янском] Союзе с.-д.

5) «Доклад Союза горнозаводских рабочих (Изд[ание] Загр[аничной] Лиги Русс[кой] Рев[олюционной] С.-Д.)».

Март 1904.» Мимеогр[аф]. 41 стр. с штрихами Ленина. Экз[емпляр] из его библиотеки [...]¹.

Там же. Автограф. Черновик.

Копия обращения от имени группы народовольцев, снятая С.Г.Сватиковым с текста, написанного В.И.Лениным

Первое политическое выступление Ленина²
(Программа сборников, издаваемых «кружком действующих в России народовольцев» и редактируемых группой «Освобождение Труда»)

Современное состояние русской революционной молодежи характеризуется одним резко бросающимся в глаза признаком — полною анархией мысли. Ежегодно появляются довольно многочисленные программы, имеющие одну и ту же цель — объединение сил русских революционеров, группировку их около данной программы. Уже самое появление большого числа этих программ показывает, что ни одна из них не удовлетворяет предъявляемым к ним требованиям. Происходит ли это оттого, что ни одна из этих программ вполне действительно положению вещей не соответствует или оттого, что ни одна из них не получила широкого распространения в среде лиц, сочувствующих делу русской революции, — во всяком случае ни одна программа до сих пор не смогла объединить революционные силы России в значительном количестве, и анархия продолжает царить в нашей среде.

(Дальше 3 варианта: а) черновик, перечеркнутый сплошь (чернила) Лениным; в) карандашный (Ленина); с) вариант чужой рукой с добавлением (карандашным) Ленина).

(Продолжение рукописи чернилом, после вставленного X)

X

Прежде всего эта анархия дает себя знать в распространении скептического отношения к революционной деятельности. В период 80-х годов в русском обществе распространилась идея, что падение абсолютизма зависит от культурного развития страны, что наиболее верный путь к его низвержению — это развитие культурных сил страны. Оппозиционные элементы пошли по пути культурной деятельности. Одним из симптомов культурного течения является отрица-

¹ Нами опущено описание пяти документов, не имеющих отношения к деятельности В.И.Ленина.

² Заглавие дано С.Г.Сватиковым.

ние рациональности революционной деятельности. И в нелегальной русской литературе, распространяемой преимущественно с помощью гектографов, замечается крайняя шаткость мысли по этому вопросу, замечается отсутствие идей, обособляющих революционную деятельность от деятельности культурной, показывающих рациональность революционной борьбы.

(Засим 2 варианта а) «?» — чужой рукой, которую мы передаем печатными буквами¹ и поправки Ленина карандашом, передаваемые обычным шрифтом², «Х», окончательный ленинский вариант, карандашом. Передаем их оба en regard, рядом).

? *Последствием такой шаткости революционной мысли является ослабление революционной деятельности. Начиная со второй половины восьмидесятых годов многие люди, вполне искренно преданные интересам народа, не редко не шли дальше так называемой культурной работы, совершенно позабыв о том, что важнейшей культурной задачей нашего времени является революционная борьба с существующим порядком вещей.*

Х

Последствием этой шаткости революционной мысли является распространение скептического отношения к революционной деятельности. Исчезновение новой революционной идеи в период 80-х годов в русском обществе вызвало распространение убеждения, что падение абсолютизма зависит от культурного развития страны, что наиболее верный путь к его низвержению — это развитие культурных сил страны. Опозиционный элемент пошел по пути культурной деятельности. Шаткость политической мысли в нелегальной русской литературе, распространяемой преимущественно с помощью гектографов, привела к отсутствию в среде нашей молодежи идей, обособляющих революционную деятельность от деятельности культурной, показывающих необходимость революционной борьбы. С такой незрелостью политической мысли нам приходится, к сожалению, считаться до сих пор.

Другим резко бьющим в глаза проявлением этой анархии революционной мысли в среде русских молодых революционеров является практический разлад революционных групп, причисляющих себя к различным направлениям. Разлад этот, выражающийся в бесплодных словесных прениях этих групп между собою, вместо совместной борьбы с общим врагом на началах федерального союза основывается, насколько мы могли заметить, на вещах, не имеющих существенного значения и на совершенно мнимых различиях. В

¹ Воспроизводятся нами курсивом.

² Воспроизводятся жирным шрифтом.

среде русской молодежи наблюдается крайне печальное незнание с воззрениями революционеров других направлений: молодые народники плохо знают воззрения народо-вольцев, молодые народо-вольцы мало знакомы с программой социал-демократии.

Такое положение молодых революционеров прямо указывает на необходимость развития революционной литературы. Лишь путем революционных разъяснений, в которых приняли бы деятельное участие наиболее видные представители современной русской революционной мысли, может быть устранена эта идейная анархия. При современном положении было крайне необходимо развитие революционной литературы всех направлений. Полицейские условия таковы, что в местности, в которой получается литература народо-вольческая — часто нет литературы социал-демократической и наоборот, что очевидно сильно тормозит дело выяснения этих направлений молодым революционерам. Поэтому мы, русский кружок народо-вольцев, решили предпринять издание сборника, в котором нашли бы место писатели различных революционных направлений. Мы убеждены, что лишь такой сборник помог бы нам, русской молодежи, разобраться в существующих течениях революционной мысли и перейти от взаимных раздоров к дружной борьбе с общим врагом. Но для этого, понятно, и необходимо крайне беспристрастное отношение к остальным революционным направлениям, которые пожелают воспользоваться страницами нашего сборника в целях пропаганды и развития своих идей.

С этой целью мы, кружок действующих в России народо-вольцев, решили обратиться к группе «Освобождение Труда», В.И.Засулич, Г.В.Плеханову и П.Б.Аксельроду с предложением взять на себя редактирование нашего сборника. Мы надеемся, что совместная работа издателей, сочувствующих народо-вольческой программе, и редакторов социал-демократов обеспечит нашему сборнику необходимую беспристрастность.

Мы вступили с вышеупомянутой редакционной группой в соглашение. «Статьям ее членов на страницах предполагаемых сборников будет предоставлено определенное место, не стесняющее другие направления революционной мысли...»

Ко всем представителям русской революционной мысли мы обращаемся с просьбой — принять возможно более горячее участие в нашем сборнике. Мы предоставляем уважаемым руководителям дорогого нам дела возможность пропагандировать их воззрения в среде русской молодежи, — и просим их помочь этой молодежи, в том числе и нам, выработать программу нашей деятельности. Мы твердо уверены в том, что поставили себе полезную, скажем больше, необходимую цель; пусть же не откажут нам в содействии для ее достижения.

Признанным литературным руководителям литературных направлений обеспечивается возможно более скорое помещение их статей без всяких поправок и примечаний со стороны редакции. Статьи, присылаемые из России через посредство издательской группы, помещаются на таких же ос-

нованиях.

Редакция помещает статьи, с которыми она не согласна без возражений с своей стороны, оставляя за собой право высказаться по тому же предмету с своей точки зрения. За редакцией оставляется право отвечать на статьи, направленные прямо против ее воззрений

Там же. Копия, рукой С.Г.Сватикова.

Список условных сокращений

ГА РФ	— Государственный архив Российской Федерации.
ОР РГБ	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории.
АГИ	— Архив Гуверовского института войны, революции и мира, Стэнфордский университет , Калифорния, США (Hoover Institution Archives, Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford University, California, U.S.A.). При ссылках на материалы Гуверовского архива первая цифра обозначает номер коробки, вторая — папки.

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

- Ф. 629 (А.В.Тырковой). Оп. 1. Ед. хр. 16.
Ф. 1129 (П.А.Кропоткина). Оп. 1. Ед. хр. 46.
Ф. 1129 (П.А.Кропоткина). Оп. 2. Ед. хр. 41.
Ф. 1721 (А.Л.Теплова). Оп. 1. Ед. хр. 7.
Ф. 5802 (В.Л.Бурцева). Оп. 2. Ед. хр. 1.
Ф. 5802 (В.Л.Бурцева). Оп. 2. Ед. хр. 9.
Ф. 5802 (В.Л.Бурцева). Оп. 2. Ед. хр. 93.
Ф. 5802 (В.Л.Бурцева). Оп. 2. Ед. хр. 646.
Ф. 5802 (В.Л.Бурцева). Оп. 2. Ед. хр. 666.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

- Ф. 124. (Собрание П.Л.Вакселя). Ед. хр. 718.
Ф. 358 (Н.А.Рубакина). Карт. 375. Ед. хр. 15.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

- Ф. 274 (ЦК партии социалистов-революционеров). Оп. 1. Ед. хр. 39.

Архив Гуверовского института войны, революции и мира, Стэнфордский университет, Стэнфорд, Калифорния, США (АГИ)

Коллекция М.В.Вишняка

Коробка 4-а. Собственноручная запись М.В.Вишняка разговора с А.Ф.Керенским. 17.02.1967.

Коллекция Ф.В.Волховского

Коробка 4. Переписка Ф.В.Волховского с Б.В.Савинковым.

Коллекция Д.Н.Любимова

Любимов Д.Н. Русская смута начала девятисотых годов. 1902—1906: по воспоминаниям, личным записям и документам.

Коллекция Б.И.Николаевского

Коробка 11. Папка 8. Постников С.П. В годы мировой войны.

Коробка 12. Папка 2. Чернов В.М. Первые шаги.

Коробка 12. Папка 18. Переписка В.М.Зензинова с М.М.Шнееровым.

Коробка 12. Папка 18. Зензинов В.М. — Гершуни глава Боевой организации.

Коробка 12. Папка 9. Письмо М.А.Натансона в Судебно-следственную комиссию по делу Азефа. 1.04.1911.

Коробка 57. Папка 1. Переписка Ю.О.Мартова с А.Н.Потресовым.

Коробка 81. Папка 6. Письма П.А.Кропоткина «хлебо-вольцам».

Коробка 81. Папка 9. Письма П.А.Кропоткина «хлебо-вольцам».

Коробка 146. Папка 27. Прокламация «Товарищи рабочие!» 5.10.1905.

Коробка 146. Папка 27. Прокламация «Массовый террор». 8.10.1905.

Коробка 183. Папка 7. Письма Н.В.Чайковского.

Коробка 183. Папка 9. Письмо Н.В.Чайковского в ЦК РСДРП и ПСР от 11.03.1905.

Коробка 183. Папка 25. Письмо Л.Э.Шишко к Н.В.Чайковскому [1897].

Коробка 194. Папка 3. Проект соглашения между РСДРП и ПСР от 11.03.1905.

Коробка 194. Папка 4. Г.В.Плеханов — М.А.Натансону. 15.03.1905.

Коробка 206. Папка 6. Переписка Б.И.Николаевского с В.М.Черновым.

Коробка 302. Папка 3. Алексинский Г. А. Воспоминания. Конец 1905 года и 1906—1910 годы.

Коробка 392. Папка 5. Ответы В.М.Зензинова на вопросы проф. О.Радки о московской с.-р. организации.

Коробка 415. Папка 16. Письмо С.Г.Сватикова в ИМЭЛ от 20.05.1935. Копия документа, озаглавленная Сватиковым «Первое политическое заявление Ленина».

Коробка 496. Папка 49. Переписка Б.И.Николаевского с С.П.Постниковым.

Коробка 633. Папка 32. Парижская группа социалистов-революционеров: Резолюция Группы от 6-го февраля 1909 г.

Коллекция М.М.Шнеерова

Коробка 1. Шнееров М.М. Воспоминания.

Бахметевский архив, Колумбийский университет, Нью-Йорк, США.

Собрание С.Г.Сватикова. Коробки 1—101. Материалы по истории России XIX—XX вв., переписка.

Периодическая печать

Анархист. Париж, 1907—1909. № 1—4.

Бунтарь. Листок русских анархистов-коммунистов. Париж, 1906-1909. № 1-4.

Буревестник. Женева, 1906—1910. № 1—19.

Былое. Лондон—Париж. 1900—1912. № 1—14.

Вестник «Народной воли». Революционное социально-политическое обозрение. Женева, 1883—1886. № 1—5.

Вестник русской революции. Женева, 1901—1905. № 1—4.

Заря. Stuttgart, 1901-1902. № 1-4.

Земля и воля. Социально-революционное обозрение.

[СПб.], 1878-1879. № 1-5.

Знамя труда. СПб.—Париж, 1907—1914. № 1—53.

Искра. Лейпциг—Мюнхен—Лондон—Женева, 1900—1905. № 1-112.

Летучий листок группы «Борьба». Женева, 1902. № 1.

Летучие листки, издаваемые Фондом вольной русской прессы в Лондоне. Лондон, 1893—1899. № 1—46.

Летучий листок «Группы народовольцев». [СПб.], 1892—1895. № 1-4.

Листки «Хлеб и воля». Лондон, 1906—1907. № 1—18.

Листок группы «Безначалие». Париж, 1905. № 1—4.

Листок «Земли и воли». Революционная хроника. [СПб.], 1879. № 1-6.

Листок «Рабочего дела». Женева, 1900—1901. № 1—8.

Набат. Орган русских революционеров. Женева, 1875—1879, 1881. № 1—20.

Накануне. Социально-революционное обозрение. Лондон, 1899-1902. № 1-37.

Народная воля. Социально-революционное обозрение. СПб., 1879-1885. № 1-12.

Народная расправа. [Женева], 1869—1870. № 1—2.

Народоволец. Социально-политическое обозрение. London, Geneve, 1897, 1903. № 1-4.

Подпольное слово. [Женева], 1866. № 1—2.

Почин. Париж, 1912. № 1.

Революционная мысль. Париж, 1908—1909. № 1—6.

Революционная Россия. Куоккала—Томск—Париж—Женева, 1901—1905. № 1-77.

Русский рабочий. Лондон, 1894—1899. № 1—11.

С родины и на родину. [Париж], 1893—1896. № 1—7.

Самоуправление. Орган социалистов-революционеров. [Женева], 1887—1889. № 1-4.

Свобода. Женева, 1901—1902. № 1-2.

Свободная Россия. Geneve, 1889. № 1—3.

Социалист. Политическое социально-революционное обозрение. Женева, 1889. № 1.

Социал-демократ. Трехмесячное литературно-политическое обозрение. Женева, 1890—1892. Кн. 1—4.

Хлеб и воля. Женева, 1903-1905. № 1-24.

Черное знамя. Женева, 1905. № 1.

Книги и статьи

- Агафонов В.К. (Сиверский). Memento mori! // Революционная мысль. 1909. № 5. Июль. С. 2—4.
- Аксельрод П.Б. К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов. Женева, 1898. 34 с.
- Аксельрод П.Б. Объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение труда». Женева, 1900. 8 с.
- Аксельрод П.Б. Предисловие // Мартов Л. Красное знамя в России: Очерк истории русского рабочего движения. Женева, 1900. С. I-XII.
- Аксельрод П.Б. Рабочий класс и революционное движение в России. СПб., 1907. 125 с.
- Алексеев Н.А. В.И. Ленин в Лондоне (1902-1903): Отрывки из воспоминаний // Пролетарская революция. 1924. № 3 (26). С. 148-154.
- Алисов П. Письмо в редакцию // Народоволец. 1897. № 3. С. 116-117.
- Алисов П. Террор (Письмо к товарищу). Geneve, [1893]. 15 с.
- А. Н. Этика террора // Буревестник. 1906. № 2. 20 авг. С. 8-Ю.
- Аргунов А. Из прошлого партии социалистов-революционеров // Былое. 1907. № 10. С. 94-112.
- Аросев А. Из прошлого революции. Очерк I. Казань, 1907—1909 // Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 260—269.
- Арсеньев К.К. Призыв к покаянию // Вестник Европы. 1909. № 3. С. 299-309.
- Архив А.М. Горького: Художественные произведения. Статьи. Заметки. М., 1969. Т. XII. 434 с.
- Бах А. Памяти С.Н. Слетова // Памяти Степана Николаевича Слетова. Париж, 1916. С. 20—32.
- Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. 608 с.
- Богораз В.Г. (Н.Тан). Повести прошлой жизни // Русское богатство. 1907. № 9. С. 107-131; № 10. С. 150-164.
- Боевая группа при ЦК РСДРП(б) (1905-1907): Статьи и воспоминания. М.; Л., 1927. VIII, 284 с.
- Боевой момент // Революционная Россия. 1905. № 59. 10 февр. С. 1—2.
- Борисов С. Революция и революционное хулиганство (Письмо с Северного Кавказа) // Знамя труда. 1908. № 9. Янв. С. 11-12.
- Брешковская Е. Письма старого друга. Письмо шестое // Революционная Россия. 1905. № 69. 15 июня. С. 5—7.
- Булгаков С. Автобиографические заметки. Paris, 1991. 171 с.

- Бурцев В. В погоне за провокаторами. М.; Л., 1928. VII. 258 с. Репринтное изд. М., 1989. 271 с.
- Бурцев В. Долой царя! London, [1901]. I пагинация. 56 с.; II пагинация. 56 с.
- Бурцев В. Из моих воспоминаний // Свободная Россия. 1889. № 1. Февр. С. 48-56.
- Бурцев В. Л. За террор // Народоволец. 1897. № 3. С. 102-109.
- Бурцев В.Л. К оружию! London, 1903. 22 с.
- Бурцев В.Л. От редакции // Былое. 1901. № 2. С. 84—89.
- Бурцев В.Л. Памяти Гриневицкого // Былое. 1900. № 1. С. 6-17.
- Бурцев В.Л. Правда ли, что террор делают, но о терроре не говорят? // Народоволец. 1897. № 2. С. 44—54.
- Бурцев В. Социалисты-революционеры и народовольцы // Народоволец. 1903. № 4. С. 14—22.
- Былое: Журнал, издававшийся за границей под ред. В.Л. Бурцева. Ростов н/Д, 1906. Вып. 1 (1900-1902). 183 с.; Вып. 2 (1903-1904). 170 с.
- В Думе: Запросы об убийстве Столыпина // Будущее (L'Avenir). (Paris). 1911. № 3. 5 нояб. С. 1-2.
- Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. 556 с.; Т. 2. 640 с.; Т. 3. 724 с.
- Вишняк М.В. Трагедия террора // Новое русское слово. [Нью-Йорк]. 1957. 24 марта.
- Вопрос о терроре на V Совете Партии: Май 1909 года // Социалист-революционер. 1911. № 2. С. 1—52.
- Второй проект программы русских социал-демократов (1887 г.) // Плеханов Г.В. Избр. философские произведения М., 1956. Т. 1. С. 377-381.
- Генкин И. Анархисты: Из воспоминаний политического каторжанина // Былое. 1918. № 3. С. 163—183.
- Генкин И.И. Среди преемников Бакунина // Красная летопись. 1927. № 1 (22). С. 170-205.
- Герасимов АВ. На лезвии с террористами. М., 1995. 208 с.
- Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем: В 22 т. / Под ред. М.К. Лемке. Пг.; Л.; М., 1920. Т. XVIII. Комментарии. С. 216-218.
- Герцен А.И. Журналисты и террористы // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. XVI. С. 220-226.
- Герцен А.И. Иркутск и Петербург // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1960. Т. XIX. С. 58-65.
- Герцен А.И. Молодая и старая Россия // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. XVI. С. 199-205.
- Гольдсмит М.И. (М. Корн). П.А. Кропоткин и русское революционное движение // Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине смерти П.А. Кропоткина. Чикаго, 1931. С. 176-214.

Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка: (Литературное наследство. Т. 95). М., 1988. 1080 с.

Гоц М.Р. (А.Левицкий). 1881—1901: (Заметка) // Вестник русской революции. 1901. № 1. С. 114—127.

Гредескул Н.А. Террор и охрана. СПб., 1912. 35 с.

Григорович Е.Ю. Зарницы: наброски из революционно-го движения 1905—1907 гг. Л., 1925. 112 с.

Гроссман-Рошин И. Думы о былом: (Из истории белостоцкого анархического «чернознаменского» движения) // Былое. 1924. № 27-28. С. 172-182.

Группа «Освобождение труда»: Из архивов Г.В.Плеханова, В.И.Засулич и Л.Г.Дейча / Под ред. Л.Г.Дейча. М.; Л., 1928. Вып. 6. 341 с.

Да здравствует «Народная воля!»: Исторический сборник. Paris, 1907. 96 с.

Дальний В. Террор и дело Азефа // Известия областного заграничного комитета. 1909. № 9. Февр. С. 12—14.

Дело Ф.Фрумкиной // Революционная Россия. 1904. № 39. 1 янв. С. 4-7.

Деникер И.Е. Воспоминания // Каторга и ссылка. 1924. № 4(31). С. 20-43.

Ефимов Э. Наболевший вопрос // Буревестник. 1906. № 1. 20 июля. С. 3—5.

Еще о критиках террористической тактики // По вопросам программы и тактики. Женева, 1903. С. 130—142.

Еще о современном моменте и о тактике партии // Знамя труда. 1908. № 13. Нояб. С. 11—13.

Жизнь как факел: История героической борьбы и трагической гибели Александра Ульянова, рассказанная его современниками / Сост. А.И.Иванский. М., 1966. 520 с.

Житловский Х.О. (С.Григорович). Социализм и борьба за политическую свободу. Лондон, 1898. 120 с.

Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа. Б.м., 1911. 108 с.

За сто лет (1800—1896): Сборник по истории политических и общественных движений в России / Сост. Вл. Бурцев. London, 1897. Ч. 1: Материалы по истории политических и общественных движений в России: 1825—1896. XII. 267 с.; Ч. 2: Хроника и библиография по истории политических и общественных движений в России: 1801—1896. [4]. 164 с.

Засулич В. По поводу современных событий // Искра: Полн. текст под ред. и с предисл. П.Н.Лепешинского и Н.К.Крупской: В 7 вып. Л., 1925. Вып. I. С. 63-66.

Засулич В.И. Революционеры из буржуазной среды // Социал-демократ. 1890. № 1. Февр. С. 50—87.

Засулич В.И. [Рецензия] // Засулич В.И. Избранные произведения. М., 1983. С. 355—362. Рец. на кн.: Возрождение революционизма в России: Издание революционно-со-

циалистической группы «Свобода». «Свобода»: Журнал для рабочих. Издание той же группы.

Засулич В.И. [Рецензия] // Засулич В. Избр. произв. М., 1983. С. 343—355. Рец. на статью С.М.Кравчинского (Степняка). «Терроризм в России и Европе».

Зензинов В. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. 416 с.

Зиновьев Г.Е. Воспоминания // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 184-209.

Ивич М. Статистика террористических актов, совершенных партией социалистов-революционеров // Памятная книжка социалиста-революционера. Париж, 1911. Вып. 1. С. 8-20.

Из воспоминаний Н.К.Михайловского. I. Вера Фигнер // Революционная Россия. 1904. № 54. 30 окт. С. 10—15.

Из истории партии с.-р. «Показания» В.М.Чернова // Новый журнал. (Нью-Йорк). Кн. 100. С. 280—305.

Извещение Парижской группы партии социалистов-революционеров. Листок № 1. О провокаторе Азефе. (Париж, 1909). 2 с.

Изгоев А.С. «Правые террористы» // Русская мысль. 1909. № 10. С. 172-181.

«Искра» за два года: Сборник статей из «Искры». СПб., 1906. Ч. 1. 688 с.; Ч. 2. 244 с.

История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / Сост. О.В.Будницкий. Ростов н/Д, 1996. 576 с.

К вопросу о силе и насилии в революционной борьбе // Революционная Россия. 1904. № 48. 15 июня. С. 1—4.

К вопросу о терроризме. Лондон, 1903. 53 с.

К 25-летию 1881—1906 гг. Дело 1 марта 1881 г. Процесс Желябова, Перовской и др.: Правительственный отчет. СПб., 1906. 428 с.

К истории партии «Народной воли». «Показания» М.Н.Полонской // Былое. 1907. № 6. С. 1—10.

К пережитому моменту // Знамя труда. 1907. № 8. Век. С. 1-6.

К характеристике нашей тактики. П. Террор // Хлеб и воля. 1903. № 5. Дек. С. 1—4.

Карпович П.В. Письмо Петра Владимировича Карповича // Былое. 1901. № 2. С. 140-141.

Катехизис революционера / Публ. А.А.Шилова // Борьба классов. 1924. № 1-2. С. 262—271.

Кашинцев И.Н. (Сибиряк). К вопросу о причинах падения «Народной воли» // Народоволец. 1897. № 3. С. 85—93.

Книжник И. Воспоминания о П.А.Кропоткине и об одной эмигрантской группе // Красная летопись. 1992. № 4. С. 28-51.

Колосов Е.Е. Как нам относиться к Государственной Думе: (Из области партийной этики). Париж, 1911. 30 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. М., 1983. Т. 1. 638 с.

Кравчинский С.М. Смерть за смерть (Убийство Мезенцева). Пг., 1920. 24 с.

«Кровь по совести»: Терроризм в России: Документы и биографии. / Сост., предисл., примеч. **О.В.Будницкого**. Ростов н/Д, 1994. 256 с.

Кропоткин П.А. Бунтовской дух // Кропоткин П.А. Речи бунтовщика. Пг.; М., 1921. С. 275—294.

Кропоткин П.А. Воспоминания о С.М.Степняке-Кравчинском // **Степняк-Кравчинский С.М.** Собр. соч. СПб., 1907. Ч. 1. С. XI—XXXI.

Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966. 504 с.

Кропоткин П.А. К молодому поколению. Б. м., 1919. 30 с.

Кропоткин П.А. Наши задачи // Хлеб и воля. 1909. № 2. Июль. С. 4—5.

Кропоткин П.А. Письма Н.В.Чайковскому // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1. С. 301—317.

Кропоткин П.А. Письма **В.Н.Черкезову** // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 7—28.

Кропоткин П.А. Этика анархизма (нравственные начала анархизма). Б. м., б. г. 158 с.

Крупская Н.К. Из воспоминаний о Ленине // Воспоминания о В.И.Ленине: В 5 т. М., 1984. Т. 1. С. 207—575.

Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 115—130; № 3. С. 121—139; № 4. С. 107—126.

Куклин Г.А. Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862—1902 гг.). Женева, 1903. 688 с.

Кускова Е. Давно минувшее // Новый журнал. 1958. Кн. 54. С. 117—147.

Лавров П.Л. Воспоминания о Софье Михайловне Гинсбург // Голос минувшего. 1917. № 7—8. С. 225—256.

Левит Е.Г. (Старый народоволец). Открытое письмо к народовольцам издателям «Летучего листка» // Материалы для истории русского социально-революционного движения. [Париж], 1896. № 6—7. С. 475—489.

Ленин В.И. В Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 336—338.

Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 1—104.

Ленин В.И. Задачи отрядов революционной армии // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 339—343.

Ленин В.И. Задачи русских социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 433—470.

Ленин В.И. К событиям дня // Полн. собр. соч. Т. 13. С. 365—367.

Ленин В.И. Начало демонстраций // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 72—75.

Ленин В.И. Новые события и старые вопросы // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 58—64.

Ленин В.И. О боевом соглашении для восстания // Полн. собр. соч. Т. 9. С. 274—282.

Ленин В.И. Основной тезис против эсеров // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 58—64.

Ленин В.И. Партизанская война // Полн. собр. соч. Т. 14. С. 1—12.

Ленин В.И. Письмо **Ф.Коричонеру**. 25 октября 1916 // Полн. собр. соч. Т. 49. С. 311—314.

Ленин В.И. Письмо **Г.В.Плеханову**. 2 июля 1902 // Полн. собр. соч. Т. 46. С. 191—192.

Ленин В.И. Попытное направление в русской социал-демократии // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 240—273.

Ленин В.И. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 372—376.

Ленин В.И. Протест российских социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 163—176.

Ленин В.И. Революционный авантюризм // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 377—398.

Ленин В.И. Резолюции летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 45—61.

Ленин В.И. Речь на съезде швейцарской социал-демократической партии 4 ноября 1916 г. // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 180—183.

Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 1—192.

Ленин В.И. Уроки революции // Полн. собр. соч. Т. 19. С. 416—424.

Литература партии «Народная воля». М., 1930. 336 с.

Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. М.; Пг., 1923. VIII. 98 с.

М.А. Летопись войны // Знамя труда. 1907. № 2. 12 июля. С. 5—7.

Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума: (Воспоминания современника). Париж, б. г. 246 с.

Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. 410 с.
Маркс К. Письмо **Женни Лонге**. 11 апреля 1881 // **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 145—149.

Мартов Л. Вопросы дня. Кое-что о терроре. Как иногда люди «поворачивают» // Искра: Полн. текст под ред. и с предисл. **П.Н.Лепешинского** и **Н.К.Крупской**: В 7 вып. Л., 1925. Вып. 1. С. 76—83.

Мартов Л. Красное знамя в России: Очерк истории русского рабочего движения. Женева, 1900. XII. 64 с.

Мартов Л. [Рецензия] // Заря. Stuttgart, 1901. № 2—3. Декабрь. С. 343—346. Рец. на кн.: Былое: Историко-революционный сборник. Лондон. № 2.

Мартов Л. (Л.М-ов). Социал-демократия 1905—1907 г. // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1914. Т. III. Кн. 5. С. 537—643.

Мартов Л. Террор и массовое движение // «Искра» за два года: Сб. статей из «Искры». СПб., 1906. Ч. 1. С. 124—130.

Memento! // Революционная Россия. 1905. № 72. 1 авг. С. 1—2.

Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. 446 с.

Михайловский Н.К. Утопия Ренана и теория автономии личности Дюринга // Михайловский Н.К. Соч. СПб.: Изд. ред. журнала «Русское богатство». 1897. Т. 3. С. 207—253.

Морозов Н. Террористическая борьба. Лондон (на самом деле Женева), 1880. 14 с.

Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. 262 с.

Народная революция // Революционная Россия. 1905. № 69. 15 июня. С. 1—2.

Наша программа // Вестник русской революции. 1901. № 1. С. 1—15.

Некоторые факты о Степане Валериановиче Балмашеве // Искра. 1903. № 34. 15 февр. С. 3—4.

Неотложная задача // Революционная Россия. 1902. № 3. Янв. С. 6—7.

Николадзе Н.Я. Освобождение Н.Г.Чернышевского // Былое. 1906. № 9. С. 242—281.

Николадзе Н.Я. (Никифор Г...). Правительство и молодое поколение. По поводу выстрела 4 апреля 1866 г. Женева, 1866. IV. 42 с.

Новые казни террористов и наша легальная пресса // Знамя труда. 1908. № 10—11. Февр.— март. С. 5—9.

Новый процесс боевой организации // Революционная Россия. 1904. № 57. 25 дек. С. 6—11.

Ногин В.П. Письма к С.В.Андропову // Пролетарская революция. 1924. № 8—9. С. 325—360; № 11. С. 217—238.

Об актах личного и коллективного протеста // Листок «Хлеба и воли». 1906. № 1. 30 окт. С. 7—8.

Опричники у дела // Летучий листок группы «Борьба». 1902. № 1. Июнь. С. 3.

Осоргин М. Личное мнение // De visu. 1994. № 3/4 (15). С. 5—7.

От редакции // Почин. 1912. № 1. С. 1—2.

Письма М.А.Бакунина к А.И.Герцену и Н.П.Огареву. СПб., 1906. 456 с.

Письмо тов. Рутенберга // Знамя труда. 1909. № 15. Февр. С. 19—20.

Плеханов Г.В. Библиографические заметки из «Социал-демократа» // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. IV. С. 261—319.

Плеханов Г.В. Врозь идти, вместе бить! // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII. С. 188—197.

Плеханов Г.В. Довольно ли? // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII. С. 151—156.

Плеханов Г.В. Еще о двойной бухгалтерии // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII. С. 157—158.

Плеханов Г.В. Значение ростовской стачки // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII. С. 270—277.

Плеханов Г.В. Наши разногласия // Плеханов Г.В. Соч. Пг., 1920. Т. 1. С. 159—381.

Плеханов Г.В. Новый поход против русской социал-демократии // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. IX. С. 293—337.

Плеханов Г.В. О демонстрациях // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII. С. 188—192.

Плеханов Г.В. О социальной демократии в России // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. IX. С. 5—29.

Плеханов Г.В. Предисловие к русскому изданию книги А.Туна «История революционных движений в России» // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1927. Т. XXIV. С. 81—124.

Плеханов Г.В. Проект программы Российской с.-д. рабочей партии // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII. С. 523—531.

Плеханов Г.В. Русский рабочий класс и полицейские розги // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII. С. 240—245.

Плеханов Г.В. Смерть Сипягина и наши агитационные задачи // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII. С. 199—204.

Плеханов Г.В. Социал-демократия и терроризм // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII. С. 141—146.

Плеханов Г.В. Торжество социалистов-революционеров // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. XIII. С. 147—150.

Плеханов Г.В. Что же дальше? // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. XII. С. 137—179.

Плеханов Г.В., Аксельрод П.Б. Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода: В 2 т. М., 1925. Т. 1. 275 с.; Т. 2. 304 с.

По вопросам программы и тактики: Сборник статей из «Революционной России». [Женева], 1903. 254 с.

Покушение Каракозова 4 апреля 1866. / С предисл. А.А.Шилова // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 91—137.

Потресов А.Н. (Старовер). О двуликости демократии // Искра: Полн. текст под ред. и с предисл. П.Н.Лепешинского и Н.К.Крупской: В 7 вып. Л., 1925—1929. С. 99—102.

Потресов А.Н. (Старовер). По поводу одного процесса // «Искра» за два года: Сб. статей из «Искры». СПб., 1906. Ч. 1. С. 477—485.

Пресмыкающаяся пресса о гибели Плеве // Революционная Россия. 1904. № 51. 25 авг. С. 11—15.

Программа Молодой партии «Народной воли» / Публ. О.А.Сайкина // Советские архивы. 1969. № 3. С. 63—66.

Программа социал-демократической группы «Освобождение труда» (Осень 1883 г.) // Плеханов Г.В. Избр. философские произв. М., 1956. Т. 1. С. 371—376.

П-ский. О терроре // Буревестник. 1906. № 2. 20 авг. С. 10—12.

15 февраля 1909 г. // Знамя труда. 1909. № 15. Февр. С. 1—2.

Ракитникова И.И. (Ритина Ин.). Террор в «Заключении Судебно-следственной комиссии по делу Азефа» // Знамя труда. 1912. № 40. Февр. С. 8—16.

Ралли-Арборе 3. Сергей Геннадьевич Нечаев: (Из моих воспоминаний) // Былое. 1906. № 7. С. 136—146.

Революционная журналистика семидесятых годов: Второе приложение к сборникам «Государственные преступления в России», издающимся под ред. Б.Базилевского (В.Богучарского). Ростов-на-Дону, б/г.: Репринтное изд.: Дюссельдорф, 1970. 312 с.

Революционное народничество 70-х годов XIX века: Сборник документов и материалов: В 2 т. М.; Л., 1965. Т. II. 472 с.

Революционный радикализм в России: Век девятнадцатый / Документальная публикация под ред. Е.Л.Рудницкой; Сост. Е.Л.Рудницкая, О.В.Будницкий. М., 1997. 576 с.

Резолюция о тактике современного момента и о бойкоте Государственной Думы 3-го собрания Совета Партии // Знамя труда. 1907. № 2. 12 июля. С. 18—19.

Речь Гершуни на суде // Революционная Россия. 1904. № 46. 5 мая. С. 3—7.

Речь Г.А.Гершуни, произнесенная на экстренном съезде партии социалистов-революционеров. Б. м., 1907. 16 с.

Речь Каляева // Революционная Россия. 1905. № 66. 5 мая. С. 1—2.

Речь Эмиля Анри перед судом. Женева, 1898. 19 с.

Рогов А. На революционной работе в Баку // Каторга и ссылка. 1927. № 6. С. 98—104.

Романенко Г.Г. (Тарновский В.). Терроризм и рутинизм (По поводу полемики г. Драгоманова с «Голосом»). Лондон (на самом деле Женева), [1880]. 24 с.

Русанов Н.С. (К.Тарасов). На рубеже двух царствований (Александр III — Николай II) // Материалы для истории русского социально-революционного движения. [Париж], 1895. № 5. С. 326—369.

Рутенберг П.М. Дело Гапона // Былое. [Париж], 1909. № 11—12. С. 29—115.

Рязанов Д. Предисловие редактора // Плеханов Г.В. Соч. М., б. г. Т. IX. С. 1—2.

Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Л., 1990. 447 с.

Б.В.Савинков и Боевая организация ПСР в 1909—1911 / Публ. К.Н.Морозова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 18. С. 243—314.

Семенюта П.П. Из воспоминаний об А.И.Желябове // Былое. 1906. № 4. С. 216—225.

Слетов С. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг., 1917. 112 с.

Социал-демократическое движение в России: Материалы. М.; Л., 1928. Т. 1. 410 с.

Стеклов Ю.М. Памяти «Народной воли» // Стеклов Ю.М. Борцы за социализм: В 2 ч. М.; Л., 1924. Ч. 2. С. 74—82.

Степанов Е.Д. Из заграничных воспоминаний старого народовольца // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 123—144.

Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995. 651 с.

Струве П.Б. Преступление и жертва. I. Преступление // Русская мысль. 1911. Кн. X. С. 135—138.

S-sky. К теории террора // Бунтарь. 1909. № 4. Янв. С. 5—7.

Таратута А. П.А.Кропоткин // Сборник статей, посвященных памяти П.А.Кропоткина. Пг.; М., 1922. С. 164—167.

Террор и дело Богрова // Знамя труда. 1908. № 38. Окт. С. 5—6.

Террористическая тактика перед судом социалистической прессы // Революционная Россия. 1904. № 52. 15 сент. С. 6—11.

Террористический элемент в нашей программе // Революционная Россия. 1902. № 7. Июнь. С. 2—5.

Тихомиров Л.А. Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. 516 с.

Тихомиров Л.А. Конституционалисты в эпоху 1881 года. М., 1895. 101 с.

Тихомиров Л.А. Начала и концы: «Либералы» и террористы. М., 1890. 123 с.

Тихомиров Л.А. Неизданные записки // Красный архив. 1928. Т. 4(29). С. 139—174.

Троцкий Л.Д. Благородство вместо программы и нервность вместо тактики // Искра: Полн. текст под ред. и с предисл. П.Н.Лепешинского и Н.К.Крупской: В 7 вып. Л., 1928. Вып. V. С. 48—51.

Троцкий Л.Д. Крах террора и его партии: (К делу Азефа) // Троцкий Л.Д. Соч. М.; Л., 1926. Т. IV. С. 346—357.

Троцкий Л.Д. Революционная романтика и Азеф // Троцкий Л.Д. Соч. М.; Л., 1926. Т. IV. С. 364—367.

Троцкий Л.Д. Таракан во шах // Троцкий Л.Д. Соч. М.; Л., 1926. Т. IV. С. 344—345.

Троцкий Л.Д. Терроризм // Троцкий Л.Д. Соч. М.; Л., 1926. Т. IV. С. 368—369.

Троцкий Л.Д. Терроризм, провокация и революция // Троцкий Л.Д. Соч. М.; Л., 1926. Т. IV. С. 358—363.

Трубецкой Е.Н. Красный террор и анархия // Московский еженедельник. 1906. № 22. 19 августа. С. 3—11.

Трубецкой Е.Н. Политические казни и убийства // Московский еженедельник. 1906. № 4. 31 марта. С. 107—109.

Турский Г. Борьба с царизмом // Набат. 1881. № 4. 15 сент. С. 1—2.

Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. 431 с.

Революционные события 1905 г. в г. Уфе и Уральских водах. Уфа, 1925. III, 245 с.

Ульянова-Елизарова А.И. Воспоминания об Ильиче // Воспоминания о В.И.Ленине: В 5 т. М., 1984. Т. I. С. 13—65. Утопический социализм в России: Хрестоматия. М., 1985. 590 с.

Федор Ильич Дан. Письма: Отобрал, снабдил прим. и очерком политической биографии Дана Борис Сапир. Amsterdam, 1985. LVIII. 678 с.

Фигнер В. Запечатленный труд. М., 1933. Т. 3. 420 с.

Фигнер В.Н. Запечатленный труд. М., 1964. Т. 1. 439 с.

Франк С.Л. Письма С.Л.Франка к Н.А. и П.Б.Струве // Публ. М.А.Колерова // Путь: Международный философский журнал. 1992. № 1. С. 263—311.

Фрейфельд Л. Из жизни народовольческих организаций конца 80-х годов // Народовольцы 80-х и 90-х годов. М., 1929. С. 143—156.

Хилков Д. Террор и массовая борьба // Вестник русской революции. 1905. № 4. С. 225—261.

Центральный комитет «Союза 17 октября» в 1905—1907 годах. Документы и материалы // Отечественная история. 1992. № 2. С. 147—175.

Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. Берлин; Пг.; М., 1922. 339 с.

Чернов В. Мало загадочная метаморфоза // Воля России. [Прага]. 1924. № 12—13. С. 118—130.

Чернов В. От «Революционной России» к «Сыну Отечества» // Летопись революции. Берлин; Пг.; М., 1923. Кн. I. С. 66—98.

Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993. 408 с.

Чернов В.М. Террор и массовое движение // По вопросам программы и тактики. Женева, 1903. С. 121—130.

«Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880—1881 гг. М.; Пг., 1923. 355 с. (Памятники агитационной литературы. Т. 1).

Что же теперь? // Знамя труда. 1907. № 1. 1 июля. С. 6—9.

Шишко Л.Э. Террор без террористов // Летучие листки Фонда вольной русской прессы. 1897. № 40. 28 июля. С. 1—2.

Штернберг Л.Я. Политический террор в России 1884 // Лавров: Годы эмиграции. Dordrecht; Boston, (1974). Vol. II. С. 572—594.

Юделевский Я.Л. (А.И.Комов). Вопросы мирозерцания и тактики русских революционеров. Лондон, 1903. 70 с.

Юделевский Я.Л. (А.Галин). Легенда и действительность // Накануне. 1901. № 25. С. 293—294; № 26—27. С. 311—314; № 28. С. 332—333; № 29. С. 350—353; № 30. С. 372—374; № 31—32. С. 388—392; № 33. С. 402—403.

Юделевский Я.Л. (А.Галин). Признаки времени: Письмо в редакцию // Накануне. 1900. № 23. С. 271—274.

Юделевский Я.Л. (А.Липин). Суд над азефщиною. Paris, 1911. 122 с.

Якобсон Л. Новые данные о Карповиче // Каторга и ссылка. 1927. № 6. С. 219—227.

Яновский С. Кропоткин, каким я его знал // Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине смерти П.А.Кропоткина. Чикаго, 1931. С. 216—221.

Miljoukov P. Russia and Its Crisis: Crane Lectures for 1903. Chicago; L., 1905. XIII, 589 p.

Rodichev F. Vospominaniia i Oчерki o Russkom Liberalizme. Ed., annotated and introduced by Kermit E.McKenzie. Newtonville, Ma., 1983. 254 p.

The Terrorism Reader: A Historical Anthology / Ed. by Walter Laqueur. London, 1979. 288 p.

Исследования

Алафаев А.А. Реформа или революция? (Русский либерализм и народничество на рубеже 1870—1880-х гг.). М., 1998. 166 с.

Базанов В.И. И.А.Худяков и покушение Каракозова // Русская литература. 1962. № 4. С. 146—163.

Бельчиков Н.Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. 294 с.

Богучарский В.Я. «Земский союз» или «Священная дружина»? // Русская мысль. 1912. Кн. IX. С. 74—120.

Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века: Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. IV. 482 с.

Будницкий О.В. Англо-русские отношения и «дело Бурцева» // Научные чтения по всеобщей истории, посвященные памяти акад. С.Д.Сказкина. Ростов н/Д, 1992. С. 106—109.

Будницкий О.В. Бурцев Владимир Львович // Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 52—53.

Будницкий О.В. Группа старых народовольцев // Отечественная история: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 647.

Будницкий О.В. Женщины-террористки: политика, психология, патология // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д, 1996. С. 3—28.

Будницкий О. В. Житловский Х. О. // Отечественная история: Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 191.

Будницкий О. В. Истоки терроризма: 1860-е // За строкой учебника истории. Ростов н/Д, 1995. С. 198—209.

Будницкий О. В. История «Народной воли» в идейной борьбе первой российской революции // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 271—292.

Будницкий О. В. «Кровь по совести»: терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 203—209.

Будницкий О. В. П. А. Кропоткин и проблема революционного терроризма // Известия высших учебных заведений: Северо-Кавказский регион: Общественные науки. 1994. № 3-4. С. 47-54.

Будницкий О. В. Последние народовольцы: дела и судьбы // Известия высших учебных заведений: Северо-Кавказский регион: Общественные науки. 1993. № 4. С. 60—71.

Будницкий О. В. Последние народовольцы: к истории южно-русской организации // За строкой учебника истории. Ростов н/Д, 1995. С. 221—232.

Будницкий О. В. Проблема террора в русской эмигрантской публицистике конца XIX — начала XX века // Россия в XIX — начале XX века. Ростов н/Д, 1992. С. 21—24.

Будницкий О. В. [Рецензия] // Отечественная история. 1995. № 5. С. 185—189. Рец. на кн.: Geifman Anna. Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894—1917. Princeton, 1993.

Будницкий О. В. «Теоретическое» убийство // За строкой учебника истории. Ростов н/Д, 1995. С. 210—220.

Ваганян В. (Румий). Плеханов и террор // Под знаменем марксизма. 1923. № 6—7. С. 19—37.

Валк С. Г. Г. Романенко (Из истории «Народной воли») // Каторга и ссылка. 1928. № 11(48). С. 36—59.

Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 416—494.

Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 495—546.

Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е гг. XIX в.). М., 1965. 488 с.

Виленская Э. С. Худяков. М., 1969. 176 с.

Витюк В. В., Эфиоров С. А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. 318 с.

Волк С. С. «Народная воля»: 1879-1882. М.; Л., 1966. 491 с.

Волк С. С. Программные документы «Народной воли» (1879—1882 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 375—473.

Галеви Д. Анархизм и социализм. М., 1906. 24 с.

Гогель Д. Шарлотта Бюлье (Страничка из заграничного русского политического сыска) // На волю! Падение самодержавия: Освобождение из царских тюрем и каторги. Л., 1927. С. 209-217.

Горев Б. И. Аполитические и антипарламентские группы // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1914. Т. 3. Кн. 5. С. 473-534.

Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901—1911 гг. М., 1998. 240 с.

Городницкий Р. А. Б. В. Савинков и судебно-следственная комиссия по делу Азефа // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 18. С. 198-242.

Городницкий Р. А. Егор Созонов: мировоззрение и психология эсера-террориста // Отечественная история. 1995. № 5. С. 168-174.

Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. 383 с.

Гусев К. В. Рыцари террора. М., 1992. 144 с.

Драбкина Е. Раздумья в Горках // Новый мир. 1987. № 11. С. 5-45.

Ермаков В. Д. Портрет российского анархиста начала века // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 97—99.

Исаев А. К., Олейников Д. И. Бакунизм нуждается в более серьезном изучении // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 118—126.

Итенберг Б. С. П. Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988. 304 с.

Итенберг Б. С., Черняк А. Я. Жизнь Александра Ульянова. М., 1966. 160 с.

Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. 415 с.

Кан Г. С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997. 196 с.

Карпачев М. Д. Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы. М., 1979. 212 с.

Келли А. Самоцензура и русская интеллигенция // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 57—61.

Козьмин Б. П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929. 192 с.

Козьмин Б. П. П. Г. Зайчневский и «Молодая Россия» // Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 127-345.

Козьмин Б. П. С. Г. Нечаев и его противники в 1868—1869 гг. // Революционное движение 1860-х годов. М., 1932. С. 168-226.

Козьмин Б. П. П. Н. Ткачев // Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 346—403.

Комин В. В. Анархизм в России. Калинин, 1969. 244 с.

Кривенький В. В. Анархисты — «подносчики снарядов»? // Полис. 1993. № 2. С. 150-156.

Куделли П.Ф. Народовольцы на перепутьи: Дело Лахтинской типографии. Л., 1925.

Лаврычев В.Я. Отношение членов группы «Освобождение труда» к буржуазному либерализму // Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М., 1984. С. 168-190.

Лебедев Н.К. П.А. Кропоткин и народовольцы // 1 марта 1881 года. М., 1933. С. 121-129.

Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли: Вторая половина XIX — начало XX в. Л., 1974. 442 с.

Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. 512 с.

Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX в.) // Индивидуальный политический террор в России. XIX — начало XX в. М., 1996. С. 33-42.

Леонов М.И. Эсеры в революции 1905—1907 гг. Самара, 1992. 192 с.

Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. Казань, 1995. 328 с.

Лурье Ф.М. Индивидуальный политический террор что это? // Индивидуальный политический террор в России: XIX - начало XX в. М., 1996. С. 125-130.

Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999. 208 с.

Морозов К.Н. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1909—1911 гг. и загадки «дела Петрова» // Индивидуальный политический террор в России: XIX — начало XX века. М., 1996. С. 76-86.

Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. М., 1998. 624 с.

Морозов К.Н. Б.В.Савинков и Боевая организация партии эсеров (1909—1911) // Россия и реформы. М., 1993. Вып. 2. С. 94—113.

Москина Н.В. Народовольцы 90-х годов XIX века: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1988. 23 с.

Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984. 566 с.

Николаевский Б.И. Большевицкий центр // Родина: Российский историко-публицистический журнал. 1992. № 3. С. 13—14, 32-37; № 5. С. 25—31.

Николаевский Б.И. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. М., 1991. 368 с.

Одесский М.Д., Фельдман Д. Поэтика террора и новая административная ментальность: Очерки истории формирования. М., 1997. 204 с.

Павлов Д.Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905—1907 гг. // Не-

пролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 144-151.

Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. 240 с.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. 422 с.

Пирумова Н.М. Бакунин. М., 1970. 400 с.

Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972. 224 с.

Политические партии России: Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. 800 с.

Пресняков А. Революционное народничество // Московский еженедельник. 1906. № 27. С. 37—47.

Пушкарева И.М. Опаленные идеей революции // Савинков Б. Воспоминания. М., 1990. С. 3—24.

Пушкарева И.М. Российское общество начала XX в. и индивидуальный политический террор // Индивидуальный политический террор в России: XIX — начало XX в. М., 1996. С. 43—51.

Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880 гг. М., 1983. 558 с.

Рудницкая Е.Л. Русская революционная мысль: Демократическая печать: 1864—1873. М., 1984. 330 с.

Рудницкая Е. Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992. 269 с.

Сайкин О.А. Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983. 173 с.

Седов М.Г. Героический период революционного народничества: Из истории политической борьбы. М., 1966. 364 с.

Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники: 1886—1916. 2-е изд. Пг., 1918. IX. 623 с.

Степанов С.А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992. 330 с.

Степанов Ю.В. Проблема политического террора в марксизме (Историко-философский анализ): Автореф. дис... канд. филос. наук. М., 1991. 23 с.

Сундиева А.А. П.Л.Лавров и «Народная воля»: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1984. 24 с.

Твардовская В.А. Н.А.Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. 190 с.

Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969. 240 с.

Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. М., 1978. 335 с.

Троицкий Н.А. «Народная воля» и ее «красный террор» // Индивидуальный политический террор в России: XIX - начало XX в. М., 1996. С. 17—23.

Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983. 424 с.

Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды). Саратов, 1991. 312 с.

Тютюкин С.В. Вокруг современных дискуссий об Азефе // Отечественная история. 1992. № 5. С. 179—183.

Тютюкин С.В. Первая российская революция и Г.В.Плеханов. М., 1981. 334 с.

Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Первая российская революция 1905—1907 гг. (Предпосылки, задачи, расстановка политических сил) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 50—66.

Ферро М. Терроризм // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 313—317.

Шилов А.А. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. Пг., 1919. 56 с.

Широкова В.В. Газета «Самоуправление» // Вопросы истории. 1982. № 11. С. 180—184.

Широкова В.В. Партия «Народного права». Саратов, 1972. 206 с.

Чаликова В. Терроризм // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 309—313.

Террор // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1907. Т. II. Дополнительный. С. 753.

Aronson M. Troubled Waters: The Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia. Pittsburg, 1990. 287 p.

Ascher A. The Revolution of 1905. Stanford, 1988—1992. Vol. 1. Russia in disarray. XII. 412 p.; Vol. 2. Authority restored. XII. 443 p.

Avrich P. The Russian Anarchists. Princeton, 1967. VIII. 303 p.
Baron S. Plekhanov: the father of Russian Marxism. Stanford, Cal., 1963. XIV. 400 p.

Bergman J. Vera Zasulich: A Biography. Stanford, 1983. XIII. 261 p.

Bergman J. Vera Zasulich, The Shooting of Trepov and the Growth of Political Terrorism in Russia, 1878—1881 // Terrorism: An International Journal. New York, 1980. Vol. 4. № 1. P. 25—51.

Borke A. von. Violence and Terror in Russian Revolutionary Populism: the *Narodnaya Volya*: 1879—83 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-century Europe / Ed. by W.Mommsen, G.Hirschfeld. N.Y., 1982. P. 48—62.

Fleming M. Propaganda by the Deed: Terrorism and Anarchist Theory in Late Nineteenth-Century Europe // Terrorism: An International Journal. (N.Y.) 1980. Vol. 4. № 1. P. 1—24.

Ford F. Political Murder: from Tyrannicide to Terrorism. Cambridge, Mass., 1985. XII. 440 p.

Frankel J. Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism and the Russian Jews: 1862—1917. Cambridge, Eng., 1981. XXII. 686 p.

Friedlander R. The Origins of International Terrorism // Terrorism: Interdisciplinary Perspectives. N.Y., 1977. P. 30—45.

Gauscher R. The Terrorists: from Tsarist Russia to the O. A. S. London, 1968. 282 p.

Geifman A. Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894—1917. Princeton, New Jersey, 1993. 376 p.

Gross F. Violence in Politics: Terror and Political Assassination in Eastern Europe and Russia. The Hague: Mouton, 1972. 139 p.

Haimson L. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge, Mass., 1955. 246 p.

Hardman J.B.S. Terrorism: A Summing Up in the 1930s // The Terrorism Reader: A Historical Anthology / Ed. by W.Laquer. London, 1979. P. 223—230.

Hardy D. Land and Freedom: The Origin of Russian Terrorism: 1876—1879. Westport, Conn., 1987. XIII, 212 p.

Hildermeier M. Der Sozialrevolutionare Partei Russlands. Coln; Wien, 1978. XVIII, 458 p.

Hildermeier M. The Terrorist Strategies of the Socialist-Revolutionary Party in Russia: 1900—1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-century Europe / Ed. by W.Mommsen, G.Hirschfeld. N.Y., 1982. P. 63—87.

Iviansky Z. Individual Terror: Concept and Typology // Journal of Contemporary History. 1977. January. Vol. 12. № 1. P. 43—63.

Keep J. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963. X, 334 p.

Kimball A. The Harassment of Russian Revolutionary Abroad // Oxford Slavonic Papers. 1973. Vol. 6. P. 48—65.

Knight A. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party // Russian Review. 1979. April. № 38 (2). P. 139—159.

Laquer W. Interpretations of Terrorism Fact, Fiction and Political Science // Journal of Contemporary History. 1977. January. Vol. 12. № 1. P. 1—42.

Laquer W. Terrorism. Boston; Toronto, 1977. 277 p.

Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism and Political Violence. 1990. Summer. Vol. 2. № 2. P. 171—192.

Naimark N. Terrorists and Social-Democrats: The Russian Revolutionary Movement Under Alexander III. Cambridge, Mass.; London, Eng., 1983. 311 p.

Newell D. The Russian Marxists Response to Terrorism. Ph. D. Dissertation. Stanford University, 1981. 509 c.

Parry A. Terrorism from Robespierre to Arafat. N.Y., 1976. XIV. 624 p.

Perrie M. Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-century Europe. P. 63—79.

Pipes R. The Origins of Bolshevism: The Intellectual Evolution of Young Lenin // Pipes R. Russia Observed: Collected Es-

says on Russian and Soviet History. Boulder; San Francisco; London, 1989. P. 123-149.

Pipes R. **Struve**: Liberal on the Left: 1870—1905. Cambridge, Mass., 1970. XVI, 415 p.

Radkey O.H. The Agrarian Foes of Bolshevism. N.Y., 1958. XVI. 521 p.

Saunders D. Vladimir **Burtsev** and the Russian Revolutionary Emigration // European Studies Review. 1983. Vol. 13. № 1. P. 39-61.

Senese D. «**Le Vil Melville**»: Evidence from the **Okhrana** File on the Trial // Oxford Slavonic Papers. 1981. Vol. 14. P. 150—153.

Schmid A. P. Terrorism and the Media: The Ethics of Publicity // Terrorism and Political Violence. 1989. Vol. 1. № 4. October. P. 539-565.

Stafford D. From Anarchism to Reformism: A Study of the Political Activities of Paul **Brousse**: 1870—90. London; Toronto, 1971. XIV. 367 p.

Terrorism: Interdisciplinary Perspectives / Ed. by J.Alexander and S.Maxwell. N.Y., 1977. XIV. 377 p.

Terrorism in the United States and Europe: 1800—1959: An Annotated Bibliography / Corp. M.Newton, J.Newton. N.Y.; London, 1988. 280 p.

Terrorism: Theory and Practice. Ed. by Y.Alexander, **D.Carlton** and P.Wilkinson. Boulder, 1979. XIII. 280 p.

Tobias H.J. The Jewish Bund in Russia: From Its Origin to 1905. Stanford, 1972. 409 p.

Ulam A. In the Name of the People: Prophets and Conspirators in **Prerevolutionary** Russia. N.Y., 1977. XIII. 418 p.

Указатель имен

- Авксентьев Н.Д. — 187, 203, 207, 212
Аврич П. — 21, 221
Агафонов В.К. — 186, 217
Адлер Ф. — 334, 335
Азеф Е.Ф. — 21, 137, 160, 161, 167, 172, 178, 180, 187-190, 193, 201, 203-207, 209, 214, 217, 241, 332, 333, 343, 356
Аксельрод П.Б. — 73, 269, 272-274, 300, 314, 318, 360, 362, 364, 367
Алафав А.А. — 348
Александр И. — 7, 10
Александр II — 5, 17, 18, 23, 33, 34, 35, 38, 58, 77, 90, 107, 237, 266, 269, 294, 337, 339
Александр III — 24, 82, 84, 95, 104, 105, 107, 114, 227, 338, 347
Алексеев В. — 331
Алексеев Н.А. — 349
Алексинский Г.А. — 322, 323, 329, 330
Алиса П.Ф. — 92, 93, 94, 105-107
Алиханов (Алиханов-Аварский) А.М. — 323
Алларж — 288
Амфитеатров А.В. — 216, 350
Андреев Л. — 20
Андропов С.В. — 281, 282
Анри Э. — 221, 222
Апостол (псевд.), представитель Бакинского комитета РСДРП(б) — 322
Аптекман О.В. — 59
Арборе-Ралли З.К. — 38, 39
Аргунов А.А. — 127, 129, 203, 204
Аросев А.Я. — 194
Арсеньев К.К. — 11, 26, 177, 347
Асонов — 342
Ашер А. — 21, 153
Бабеф Г. — 32
Базанов В. — 34
Бакунин М.А. — 19, 223, 224, 249, 250, 256, 258
Балмашев С.В. — 134, 135, 147, 157, 158, 282, 284, 287, 289-291, 293, 298, 302, 343, 345
Бах А.Н. — 203, 204, 206, 207, 214
Бebelь А. — 291, 292
Белевский А.С. — 85, 100
Белобородов А.Г. — 322
Бельчиков Н.Ф. — 336
Белый А. — 20
Беляев Н. — 96
Березовский А.И. — 38
Берия Л.П. — 216
Беркман А. — 230
Бернштейн Э. — 151, 361
Бертге де Совиньи — 230
Бехтерев В.М. — 190, 191
Бидбей (Битбеев) см. Романов С.М.
Билит Б.Г. — 193
Блеклов С.М. — 203, 206
Бобохов С.Н. — 52
Богданович А.В. — 166
Богданович Н.М. — 140, 141, 144, 148
Боголепов Н.П. — 130, 282, 354
Боголюбов (Емельянов АС.) — 300
Богораз В.Г. — 80, 182
Богров Д.Г. — 26, 199-201
Богучарский В.Я. — 114, 313
Бонч-Бруевич В.Д. — 361
Борисов С. — 183, 184, 194, 195
Борк А. фон — 22
Брандтнер Л.К. — 53
Брешко-Брешковская Е.К. — 37, 131, 168, 327
Бриллиант Д.В. — 159, 164
Брокгауз Ф.А. — И
Бруснев М.И. — 98
Брусе П. — 13, 220, 240
Будницкий О.В. — 43, 45, 46, 49, 68, 83, 98, 101, 111, 112, 122, 125, 126, 136, 145, 150, 160, 164, 165, 167, 174, 179, 189, 213, 228, 238, 265, 267, 281, 282, 295, 309, 322, 324, 326, 335, 344, 360
Булгаков С.Н. — 349, 352
Булдыгин А.Г. — 346
Бурцев В.Л. — 27, 39, 61, 80, 85, 89-92, 97, 105-111,

116, 121-125, 147-149, 241, 338, 354
Бушкой — 184
Бэрн С. — 266
Бюлье Ш. — 338
Ваганян В.В. (Румий) — 299, 310, 316, 318, 335
Вайян О. — 221, 222
Валк С. — 79
Валуев П.А. — 43
Валь В.В. фон — 286, 290, 295
Васильев — 165
Вебер М. — 28, 29
Виленская Э.С. — 19, 34
Витте С.Ю. — 91, 345-347, 355, 356
Виттенберг С.Я. — 52
Витюк В.В. — 6, 7, 220
Вишняк М.В. — 28, 343, 354
Водозов В.В. — 11
Волк С.С. — 19, 53, 59
Волховский Ф.В. — 28, 208, 209, 342
Галеви Д. — 223
Гапон Г.А. — 189, 216, 320
Гарфилд Дж.А. — 180, 222
Гедель М. — 65
Гейнцен К. — 14
Гейфман А. — 24-27, 162-164, 170, 188, 218, 219
Генкин И.И. — 246, 249, 250, 255, 256, 258-260
Герасимов А.В. — 349, 350
Герцен А.И. — 32, 33, 35-37, 44, 223, 224
Гершуни Г.А. — 130, 132, 134, 148, 156, 157, 172-175, 306, 333, 343
Гинсбург С.М. — 94, 95, 109
Гито Ш. — 180
Гогелия Г.И. — 222, 243, 244
Гогель Д. — 338
Гольденберг Г.Д. — 52, 75
Гольдсмит М.И. (Корн М.) — 225, 226, 232, 238, 260
Горев Б.И. — 44, 245, 261
Городницкий Р.А. — 20, 21, 198, 206, 207, 343
Горький А.М. — 132, 161, 216
Горяинов С.Г. — 351
Гоц М.Р. — 126, 127
Гош Р. — 22
Градовский А.Д. — 43
Гредескул Н.А. — 48
Григорович Е.Ю. — 179

Грин Дж.Ф. — 111
Гриневицкий И.И. — 18, 122
Гроссман-Рошин И.С. — 250, 251, 256, 257
Гулевич М.С. — 37
Гурвич И.А. — 286
Гуревич Э.Л. (Даневич В.) — 288, 289
Гусев К.В. — 20, 128, 177
Гучков А.И. — 3, 4
Дайнов М.Э. — 222
Дальний В. — 190
Дан Ф.И. — 314
Даниелсон Е. — 29
Дебагорий-Мокриевич В.К. — 85, 89
Дейч Л.Г. — 113, 266, 281, 318, 360
Дембский А. — 97
Деникер И.Е. — 38
Джапаридзе П.А. (Алеша) — 322
Дивногорский Н.В. (Ростовцев, Толстой) — 245, 246, 256, 258, 259
Добровольский И.И. — 85, 89
Достоевский Ф.М. — 47, 336
Драбкина Е.И. — 275
Драгоманов М.П. — 79, 85, 89, 92
Дубровин В.Д. — 52
Дулелов Е. — 140
Дурново П.Н. — 166, 345
Дэникер Г. — 7
Дюринг Е. — 55-57
Егунов М. — 98
Елизавета I, австрийская императрица — 222
Елин А. (Гелинкер) — 257
Елпатьевский С.Я. — 159
Енишерлов Г.П. — 38
Ермаков В.Д. — 257, 260, 261
Ерофеев Н.Д. — 186
Ефимов Э. — 252, 253
Ефрон И.А. — 11
Желябов А.И. — 45, 69, 75, 123, 273, 289, 338, 340
Житловский Х.О. — 85, 112, 113-120, 341
Жорес Ж. — 176
Жук В.П. — 105
Жученко З.Ф. — 356
Зайчневский П. — 30, 31, 33
Занд К. — 12

Заслуци В.И. — 17, 44, 46-48, 50, 113, 142, 227, 228, 240, 264, 266, 269-272, 277, 281, 283-285, 294, 295, 300, 355, 362, 364, 367
Захлыстов, участник революционного движения 1890-х гг. — 100
Зеленский Е.О. (Надеждин Л.) — 283, 285
Зензинов В.М. — 28, 130, 158, 165-167, 172, 173, 175, 204, 215-217
Зиновьев Г.Е. — 125, 363
Зубарь Ф. — 261
Иван IV Васильевич Грозный — 200
Иванов И.И. — 43, 46
Иванов С.А. — 203, 206, 277
Иванский А.И. — 84
Ивиански З. — 10-13, 219
Ивич М. — 177, 215
Игнатъев А.П. — 192
Изгоев А.С. — 356
Исаев А.К. — 223
Истомин В. — 96
Истомина Н. — 96
Итенберг Б.С. — 19, 62-64, 101, 275
Иштуин Н.А. — 33, 34, 339
Кабаков Г.И. — 182
Кавелин К.Д. — 348
Казерио — 222
Каляев И.П. — 159, 161, 162, 207, 343, 354
Каменев Л.Б. — 125
Камю А. — 344, 358
Кан Г.С. — 29, 58, 59
Кановас дель Кастильо А. — 222
Каракозов Д.В. — 4, 14, 33, 35-37, 39, 49, 64, 77, 223, 339, 341, 347
Карно С. — 222
Карпачев М.Д. — 59
Карпов С.Г. — 201
Карлович П.В. — 124, 130, 206, 207, 208, 282, 283, 288, 298, 341, 342, 349
Катков М.Н. — 43, 348
Каховский П.Г. — 6
Качаровский (Кочаровский) К.Р. — 96, 97
Качура Ф.К. — 343
Кашинский П. 98

Кашинцев И.Н. — 97, 105, 108, 109
Квятковский А.А. — 61
Келли А. — 216
Кельсиев В.И. — 33
Кеннан Д. — 108
Керенский А.Ф. — 343
Кибальчич Н.И. — 69, 122
Кип Дж. — 298
Киров С.М. — 278
Клейгельс — 154
Клеменц Д.А. — 51
Клюшников В.П. — 216
Книжник Ив. — 231, 232
Кобеко Д.Ф. — 193
Ковалик С.Ф. — 131
Ковальский И.М. — 49, 52
Козьмин Б.П. — 19, 33, 37, 38, 43, 44
Коленкина М.А. — 52
Колосов А. (Соколов) — 259
Колосов Е.Е. — 211, 212
Комин В.В. — 218, 245, 249, 250, 252, 255, 257, 260
Кони А.Ф. — 47, 48
Конопляникова З.В. — 163, 172, 326
Копельзон Т.М. (Гришин) — 112, 281
Коричонер Ф. — 334, 335
Корнилов А.А. — 45
Кравченко — 184
Кравчинский (Степняк) С.М. — 17, 48-51, 54, 56, 63, 77, 85, 89, 228, 229, 236, 271
Краевский А.А. — 43
Красин Л.Б. — 323, 330
Краснов — 193, 194
Крестовский В.В. — 216
Кривенький В.В. — 20, 21, 218, 222, 244, 260
Кричевский Б.Н. — 282, 285
Крозье Б. — 6
Кропоткин П.А. — 19, 27, 220, 223-232, 234-244, 260
Крупская Н.К. — 265, 275, 284
Крыжановский С.Е. — 150, 346, 357
Куделли П.Ф. — 99-101
Куклин Г.А. — 128, 129
Куропаткин А.Н. — 346
Кускова Е.Д. — 279, 350
Лаверьчев В.Я. — 88
Лавров П.Л. — 19, 62-64, 81, 85, 94, 95, 107, 112, 133, 241, 272, 337, 341

Лаговской В.Ф. — 124, 130, 282, 283, 288
Лазарев Е.Е. — 119
Лакер У. — 5, 6, 8, 10, 22, 218, 225
Ламздорф В.Н. — 91
Ландезен-Геккельман (Миллер) А.М. — 97, 108
Лапидус В. — 256
Лауниц В.Ф. фон дер — 192
Лебедев Б.Н. (Воронов) — 194, 212
Лебедев Н.К. — 226, 227
Левин Ш.М. — 19
Левит Е.Г. — 102, 103, 104, 130, 269, 342
Леккерт Г. — 286, 290, 294-296, 300
Лемке М.К. — 37
Ленин В.И. — 125, 151, 180, 186, 212, 275-280, 295, 296, 300-303, 307, 308, 319—332, 334-336, 344, 348, 349, 360-366
Леонов М.И. — 16, 20, 177, 178, 182, 349
Леонтьева Т.А. — 164
Лепешинский П.Н. — 265, 284
Лесков Н.С. — 216
Липранди И.П. — 32
Литвин А.Л. — 286
Литвинов — 192
Логовенко И.И. — 52
Лозинский Е.И. — 178
Лопатин Г.А. — 80
Лопухин А.А. — 346, 361
Лорис-Меликов М.Т. — 76, 90, 106, 345, 347
Луженковский Г. — 164, 176
Лункевич В.В. — 203
Лурье Р. — 164
Лурье Ф.М. — 17
Любатович О.С. — 78
Любимов Д.Н. — 345, 346
Мазурин В.В. — 178
Майер Э. — 29
Мак-Кинли У. — 222
Маклаков В.А. — 340, 351
Максимовский А.М. — 163
Маленков Г.М. — 216
Маркс К. — 263-266, 276, 360
Мартов Ю.О. — 119, 123, 265, 273-275, 285, 286, 295, 310, 316, 318, 323, 333, 360
Мезенцев Н.В. — 43, 49, 50, 51, 228
Мелансон М. — 22
Мелвилл У. — 111
Метус — 165
Мец М. — 221
Милорадович М.А. — 6
Милюков П.Н. — 202, 349
Милютин Д.А. — 348
Мин Г.А. — 163, 172, 176, 180, 326
Минцлов С.Р. — 150, 354, 355
Михайлов А.Д. — 122, 123, 340
Михайловский Н.К. — 43, 44, 55-57, 85, 112, 133, 159, 337
Милюков П.Н. — 133
Могильнер М. — 21, 46, 216
Моисеенко Б.Н. — 204
Монкасси, испанский террорист — 65
Морозов К.Н. — 20, 186, 198, 201, 207, 212
Морозов Н.А. — 19, 52-56, 63, 68, 70-79, 83, 84, ПО, 116, 175, 225, 266, 287, 292, 340
Мосолов А.А. — 347
Мост И. — 14
Моськина Н.В. — 101
Муравьев Н.В. — 36
Муромцев С.А. — 361
Найт Э. — 21, 162
Назаров Ф.А. — 160
Натансон В.А. — 317
Натансон М.А. — 27, 203, 206-208, 317-319
Неймарк Н. — 8, 10, 23, 24
Нечаев С.Г. — 22, 38-45, 53, 65, 223-225, 335
Николадзе Н.Я. — 36, 114
Николаев П.Ф. — 85
Николаевский Б.И. — 25, 27—28, 107, 149, 167-169, 172-174, 180, 188, 190, 208, 213, 214, 216, 217, 228, 238, 240, 242, 243, 246, 247, 276, 277, 292, 316-319, 323, 330, 331, 333, 342, 360, 362
Николай II — 18, 91, 104-106, ПО, 111, 342, 346, 351, 354
Николай Николаевич, вел. кн. — 346
Нобилинг К. — 65
Новицкий В.Д. — 155, 165
Ногин В.П. — 281, 282

Ньюэлл Д. — 272, 286, 287, 299

Оболенский И.М. — 148, 343
Огарев Н.П. — 37, 224
Одесский М. — 5, 7, 21
Олейников Д.И. — 223
Оленин, участник революционного движения 1890-х гг. — 100
Оржих Б.Д. — 80
Орсини Ф. — 12
Осинский В.А. — 52, 53
Осоргин М.А. — 212
Ошанина М.Н. (Полонская) — 75, 76

Павел I — 5
Павлов В.П. — 192
Павлов Д.Б. — 20, 177-180
Пайлс Р. — 24, 47, 151, 276, 278

Парвус (Гельфанд А.Л.) — 151, 152, 314
Пассананте, итальянский террорист — 65
Перовская С.В. — 75, 163, 235, 236, 338

Перри М. — 22, 166
Петр I — 18
Петров А.А. (Воскресенский) — 201, 202, 216, 356
Пешехонов А.В. — 130
Пилсудский Ю. — 13

Пирумова Н.М. — 19, 224, 225, 226
Плве В.К. — 76, 137, 148-154, 157, 166, 182, 194, 200, 201, 229, 286, 307, 309, 310, 343, 345, 346, 350, 354, 357

Плеханов Г.В. — 57, 88, 93, 102, 104, 106, ПО, 112, 113, 141, 265, 266, 267, 268-270, 272, 274, 277, 281, 291-295, 299, 300, 303, 304, 307-319, 321, 324, 335, 341, 344, 360-362, 364, 367

Победоносцев К.П. — 106, 130, 282

Погодин М.П. — 43
Попов М.Р. — 287
Постников С.П. — 214, 317
Потресов А.Н. — 27, 305-307, 310, 311, 316, 333

Прейсс Е.А. — 99, 100
Пресняков А.Е. — 45
Пушкарёва И.М. — 16, 349

Равашоль Л.Л. — 221, 230
Радки О. — 21, 167
Ракитников Н.И. — 203, 204
Ракитникова И.И. (Рипина Ин.) — 178

Ранский Б. — 259
Раппопорт Х.Л. — 112
Рачковский П.И. — 26, 111
Рейнбот А.А. — 165
Ренан Э. — 55, 56
Рогов А. — 322

Рогозинникова Е.П. — 163, 164
Родионова-Клячко Л.М. — 131
Родичев Ф.И. — 150, 339, 355
Романенко Г.Г. (Шарновский В.) — 78, 79, 225, 292
Романо Ник. — см. Романов С.М.

Романов С.М. — 245, 256, 258, 259

Романовы — 288, 338
Ропшин В. — см. Савинков Б.В.
Россини Д. — 51

Рубакин Н.А. — 27
Рубанович И.А. (Береславцев) — 194, 195
Руднева Л.И. — 164

Рудницкая Е.Л. — 19, 35, 36, 38, 44, 64, 65

Русанов Н.С. — 75, 85, 104, 105, 126

Рутенберг П.М. — 189, 216
Рязанов Д.Б. — 102

Савинков Б.В. — 13, 20, 21, 28, 133, 149, 150, 159-163, 172, 189, 204, 206-109, 215, 216, 343, 349

Сайкин О.А. — 79
Салтыков-Щедрин М.Е. — 356

Сальтер — 159

Сандомирский Г.Б. — 299
Сапир Б.М. — 314

Сватиков С.Г. — 28, 276-278, 360, 362, 365, 368

Свириденко В.А. — 53
Святополк-Мирский П.Д. — 76, 153, 166, 345

Северский — 191, 193, 198, 199
Седов М.Г. — 19, 53, 59

Семенов Е.П. (Коган) — 361
Сергей Александрович, вел. кн. — 149, 161, 200, 320, 342, 343, 346, 350, 354.

Серебряков Э.А. — 89, 119

Серно-Соловьевич А.А. — 37, 337

Серов А.Н. — 51
Сипягин Д.С. — 134, 136, 137, 147, 148, 154, 158, 166, 192, 282, 286, 288, 289, 293, 294, 343, 345, 346, 349, 354
Сказкин С.Д. — 111
Сквайерс Р. — 29
Слепцов — 355
Слетов С.Н. — 91, 203, 204, 212, 214
Созонов Е.С. — 21, 149, 150, 157, 159, 181, 343, 361
Соколов М.И. — 178, 179
Соколов-Кречетов С.А. — 350
Соловьев А.К. — 52, 58, 77, 226, 347
Соловьев Вл.С. — 338
Соловьев — 194
Солсбери Р. — 111
Спиридович А.И. — 88, 95—98, 101, 127, 128, 131, 132, 165
Спиридонова М.А. — 164, 176, 181
Стааль Е.Е. — 111
Стеклов-Нахамкес Ю.М. (Невзоров Ю.) — 289-291
Степанов Е.Д. — 97
Степанов С.А. — 356
Степанов Ю.В. — 263, 264
Степун Ф.А. — 162, 163
Стефанович Я.В. — 266
Столыпин П.А. — 4, 23, 26, 157, 166, 178-180, 199-201, 213, 322, 323, 326, 351, 357
Страда В. — 44, 46, 224
Стрига — см. Лапидус В.
Струве Н.А. — 351
Струве П.Б. — 45, 151, 199, 200, 324, 344, 348, 350, 351
Судейкин Г.П. — 120
Сулимов С.Н. — 323
Сундиева А.А. — 63, 64
Суханов Н.Е. — 122
Таратута А. — 231
Таратута О. — 258
Татаров Н.Ю. — 160
Твардовская В.А. — 19, 51—53, 55, 59, 60, 71, 73, 75, 76, 78
Теплов А.Л. — 27, 97, 109, 110, 112
Тер-Арутюнян — см. Шаумян С.Г.
Тихомиров Л.А. — 48, 50, 51, 57, 60, 268, 345
Ткачев П.Н. — 19, 64, 65, 66, 67, 68, 69
Тобиас Х. — 297
Трепов Ф.Ф. — 339, 355
Троицкий Н.А. — 17, 18, 19, 45, 59
Троцкий Л.Д. — 125, 202, 203, 300, 304, 332
Трубешкой Е.Н. — 352, 353
Туманов, мемуарист — 322
Тун А. — 57
Турский Г.М. — 64—67
Тыркова (Вильяме) А.В. — 27, 149, 349, 351-354
Тютчев Н.С. — 204
Тютюкин С.В. — 20, 188, 312
Улам А. — 21
Ульянов А.И. — 80, 83, 84, 275, 341
Ульянова М.И. — 276
Умберто I — 222
Ушеров — 249
Федоров — 233
Федулов А.А. — 99—101
Фельдман Д. — 5, 7, 21
Ферро М. — 10
Фигнер В.И. — 58, 60, 159—161, 187, 188, 317
Филатов Н.В. — 38
Фихте И.Г. — 165
Флоровская-Фигнер О.Н. — 85
Фойницкий С. — 96
Фондаминский И.И. (Бунаков) — 212, 317
Форд Ф. — 22
Франк С.Л. — 350, 351
Фредландер Р. — 10
Фрейфельд Л.В. — 97
Фроленко М.Ф. — 287
Фрумкина Ф.М. — 155, 165, 297
Фулон (Фуллон) Ж.-Ф. — 230
Хаймсон Л. — 265
Халтурин С.Н. — 18
Харди Д. — 21
Хардман Д. — 9, 21
Хилдермейер М. — 21, 22, 157-158
Хилков Д.А. — 304, 305
Хилков М.И. — 345
Хренкова С.Г. — 164
Худяков И.А. — 19, 33, 34

Чайковский Н.В. — 107, 119, 174, 236 240, 241, 342
Чаликова В. — 10
Черкезов В.Н. — 238, 239, 241, 243
Чернов В.М. — 27, 28, 85, 90, 91, 112, 118, 119, 132-138, 140-143, 145, 148, 149, 154, 155, 158, 163, 164, 167-169, 171, 172, 188, 191-193, 195-199, 203, 204, 208, 272, 299, 316, 319, 335, 341, 361
Чернышевский Н.Г. — 36, 114, 337
Черняк А.Я. — 275
Чичерин Б.Н. — 47, 48
Чхеидзе Н.С. — 333
Шаумян С.Г. — 278, 361, 364
Шаховской Д.И. — 149, 354
Швейцер М.И. — 159, 343
Шевырев П.Я. — 80, 83
Шелохаев В.В. — 20
Шерешевская Б. — 258
Шиллер И.Ф. — 32
Шилов А.А. — 33, 35, 37, 41
Широкова В.В. — 85, 89
Ширяев С.Г. — 61
Шишко Л.Э. — 107, 176, 177, 203
Шмид А. — 219
Шнееров М.М. — 28, 215, 216
Штернберг Л.Я. — 80-83, 341
Штюргк К. — 334
Эзау — 234
Эллидин М.К. — 36
Энгельгардт М.М. — 179
Энгельс Ф. — 263-266, 276, 360
Эрделевский Н.М. — 256
Эфиоров С.А. — 6, 7, 220
Юделевский Я.Л. — 119—121, 145-147, 186, 209-211
Юрасов Д.А. — 34
Юркевич, доктор — 345
Якобсон Л. — 130
Якубович А.И. — 6
Якубович П.Ф. — 79
Яновский С. — 230, 231

Alexander J. — 10
Aronson M. — 67, 68
Ascher A. — 21, 153
Avrich P. — 21, 221, 245, 246
Baron S. — 266
Bergman J. — 47, 48
Borke A. — 22
Fleming M. — 220
Ford F. — 22
Frankel J. — 67
Friedlander R. — 10
Gausser R. — 22
Geifman A. — 22, 24, 162, 164, 170, 180, 194, 218, 219, 321
Gross F. — 78
Haimson L. — 265
Hardman J.B.S. — 9
Hardy D. — 21
Hildermeier M. — 21, 22, 158
Iviansky Z. — 11, 12, 13, 219
Keep J. — 298
Kimball A. — 111
Knight A. — 21, 162
Laqueur W. — 6, 8, 9, 22, 78, 219
Maxwell S. — 10
Miljoukov P. — 349
Naimark N. — 8, 23, 24
Newell D. — 266, 272, 287, 288, 292, 300
Parry A. — 300
Perric M. — 22, 166, 342
Pipes R. — 151, 276
Radkey O.H. — 21
Rodichev F. — 339, 340, 355
Saunders D. — 125
Senese D. — 111
Stafford D. — 220
Tobias H.J. — 296, 297
Ylam A. — 21
Zasulich V. — 47, 48

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Идеология терроризма: 1860—1880-е	
1. Истоки: 1860-е	30
2. Эпоха «Земли и воли» и «Народной воли»	44
Глава II. От «Народной воли» к партии социалистов-революционеров	
1. Эпигоны: 1887-1897	85
2. Предтечи: 1898-1901	112
Глава III. Эсеровский террор	
1. Идейные основы эсеровского терроризма	134
2. Бомба и нравственность	154
3. Деградация террора	177
Глава IV. Анархизм и терроризм	
1. Происхождение анархистского терроризма	218
2. П.А.Кропоткин и проблема революционного терроризма	225
3. Идеология и психология анархистского терроризма (начало XX века)	243
Глава V. Социал-демократия и терроризм	
1. Проблема терроризма в марксистской литературе 1880—1890-х годов	263
2. 1901—1904: возрождение терроризма и русская социал-демократия	281
3. «Вместе бить!» / Революция 1905—1907 годов, терроризм и русская социал-демократия	311
Вместо заключения:	
Терроризм, власть и общество	336
Приложение:	
Письмо Совета РСДРП к руководству ПСР с предложением вступить в переговоры о взаимной поддержке в сфере технической подготовки восстания и боевых действий для его проведения	359
Письмо С.Г.Сватикова в ИМЭЛ от 20 мая 1935	360
Опись предлагаемых С.Г.Сватиковым документов	362
Копия обращения от имени группы народовольцев, снятая С.Г.Сватиковым с текста, написанного В.И.Лениным	365
Источники и литература	369
Указатель имен	391
Список условных сокращений	398

CONTENTS

Introduction	3
Chapter I. Ideology of Terrorism: 1860s—1880s	
1. The Roots: 1860s	30
2. Epoch of "Land and Freedom" and "People's Will"	44
Chapter II. From "People's Will" to the Socialist-Revolutionary Party	
1. The Epigoni: 1887-1897	85
2. The Precursors: 1898-1901	112
Chapter III. The SR Terror	
1. Ideological Foundations of the SR Terrorism	134
2. The Bomb and Morality	154
3. The Degradation of Terror	177
Chapter IV. Anarchism and Terrorism	
1. The Origins of Anarchist Terrorism	218
2. P.A.Kropotkin and the Problem of Revolutionary Terrorism	225
3. Ideology and Psychology of Anarchist Terrorism (The Beginning of the Twentieth Century)	243
Chapter V. Social Democracy and Terrorism	
1. The Problem of Terrorism in Marxist Literature of 1880s-1890s	263
2. 1901—1904: The Revival of Terrorism and the Russian Social Democracy	281
3. «Fight together!» / The Revolution of 1905—1907, Terrorism and Russian Social Democracy	311
Instead of an Afterword:	
Terrorism, Power and Society	336
Appendices	
A letter of the Council of RSDRP to the SR Party leadership	359
Letter of S.G.Svatikov to the Institute of Marx, Engels, Lenin of May 20, 1935	360
List of the documents offered by him	362
Copy of an appeal from the name of a "People's Will" group, made by Svatikov from a text written by V.I.Lenin	365
Sources and Bibliography	369
Index	391
Abbreviations	398